

МАНДЕВИЛЬ

БАСНЯ О ПЧЕЛАХ

ФИЛОСОФСКОЕ **Н**АСЛЕДИЕ

БЕРНАРД МАНДЕВИЛЬ

**БАСНЯ
О ПЧЕЛАХ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ

ЛИТЕРАТУРЫ

« МЫСЛЬ »

МОСКВА - 1974

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ И ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
Б. В. МЕЕРОВСКОГО

ПЕРЕВОД
Е. С. ЛАГУТИНА

Мандевиль Б.

М23 Басня о пчелах. Общ. ред. и вступит. статья
Б. В. Мееровского. Пер. Е. С. Лагутина. М.,
«Мысль», 1974.

376 с. (АН СССР. Ин-т философии. Философ. на-
следие).

В настоящий том входит основное произведение англий-
ского философа XVII—XVIII вв. Б. Мандевилля, в котором
он сатирически изобразил под видом пчелиного улья поряд-
ки и нравы современного ему буржуазного общества.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интере-
сующихся историей философии и культуры.

1Ф

М $\frac{10501-073}{004(01)-74}$ 38-74

БЕРНАРД МАНДЕВИЛЬ И ЕГО «БАСНЯ О ПЧЕЛАХ»

В 1705 г. на улицах Лондона появилась анонимно изданная брошюра, озаглавленная «Возроптавший улей, или Мошенники, ставшие честными» (The Grumbling Hive, or Knaves turn'd Honest). Брошюра привлекла внимание читающей публики своим оригинальным содержанием — написанной стихами басней, где под видом пчелиного улья сатирически изображалась жизнь общества, изобилующая всевозможными пороками.

Перепечатанная вскоре в виде листовки и продававшаяся по полпенсу за штуку, басня распространилась по городу в большом количестве экземпляров. Через некоторое время стал известен и ее автор. Им оказался лондонский врач и литератор Бернард Мандевиль, происходивший из семьи французских протестантов, переселившейся в начале XVII в. в Голландию из-за преследований, которым подвергались тогда гугеноты.

Будущий философ родился в 1670 г. в Дордрехте, детство и школьные годы провел в Роттердаме, затем поступил в Лейденский университет, где изучал медицину. Закончив образование, Мандевиль стал практикующим врачом. В 1700 г. он переехал на постоянное жительство в Лондон, натурализовался и занялся усиленным изучением английского языка. Он продолжал также, и, видимо, успешно, врачебную практику, а несколько лет спустя позже приступил к научной и литературной деятельности.

Перу Мандевилля принадлежат медицинский трактат об ипохондрических и истерических заболеваниях, ряд сочинений по вопросам морали и религии, написанные на злобу дня публицистические статьи. Однако главным произведением Мандевилля, принесшим ему широкую извест-

ность, является «Басня о пчелах», снабженная многозначительным подзаголовком: «Пороки частных лиц — блага для общества» (The Fable of the Bees: or, Private Vices, Publick Benefits).

Основу этого многопланового сочинения составил упомянутый выше стихотворный памфлет о возроптавшем пчелином улье. Переизданный в 1714 г. он был дополнен Мандевилем пространными комментариями (Remarks) и трактатом «Исследование о происхождении моральной добродетели» (An Inquiry into the Origin of Moral Virtue). В 1723 г. увидело свет новое издание «Басни». В него были включены еще два сочинения Мандевила: «Опыт о благотворительности и благотворительных школах» (An Essay on Charity, and Charity-Schools) и «Исследование о природе общества» (A Search into the Nature of Society).

С этого времени произведение Мандевила становится предметом бурной полемики, которая продолжалась еще долгие годы после смерти писателя (1733 г.). Интерес к «Басне о пчелах» был огромен. Одно за другим выходили все новые издания книги. В 1729 г. появился второй том «Басни», содержащий шесть диалогов, посвященных проблематике первого тома. С 1734 г. оба тома стали издаваться совместно. В общей сложности «Басня о пчелах» переиздавалась в Англии свыше десяти раз на протяжении всего XVIII в. Впоследствии она была переведена на французский и немецкий языки, получила известность за океаном.

Если широкие читательские массы зачитывались произведением Мандевила, то отношение к нему со стороны английских властей, как светских, так и духовных, было резко отрицательным. В 1723 г. «Басня» была осуждена большим жюри Мидлсекса по обвинению в безнравственности и атеизме. На книгу писались многочисленные опровержения. Ее критиковали и представители религиозно-идеалистической этики, и теоретики нравственности, которые отстаивали идею природного происхождения морали. Достаточно сказать, что в числе критиков Мандевила были такие различные мыслители, как Д. Беркли, Ф. Хатчесон, А. Смит. Понятно, что больше всего на «Басню о пчелах» нападали защитники религиозной морали, непримиримые противники материализма и свободомыслия. Пальма первенства принадлежит в этом отношении епископу Клойнскому Джорджу Беркли. В 1732 г. он выступил с работой, направленной против Мандевила и Шефтсбери. «Алсиф-

ром, или Мелкий философ. Апология христианской религии против так называемых свободомыслящих» — таково полное название этой работы, говорящее само за себя.

Чем же объясняется столь повышенный интерес к книге Мандевиля? Почему «Басня о пчелах» привлекала к себе внимание читателей в течение нескольких десятилетий? Почему, наконец, смысл идейной борьбы, развернувшейся вокруг этого произведения?

Ответ на эти вопросы требует предварительного, хотя бы краткого, анализа обстоятельств, в которых формировались взгляды Мандевиля на природу и сущность морали.

* *
*

Этическая мысль Британии в конце XVII — начале XVIII в. развивалась под влиянием идей Гоббса и Локка. Значительную роль в английской этике играл также современник Мандевиля Шефтсбери. Помимо названных мыслителей, которые при всем своем различии принадлежали к передовым идейным течениям рассматриваемой эпохи, существовали и открытые апологеты христианской этики типа Беркли, и философы, отстаивавшие религиозно-идеалистические концепции нравственности (С. Кларк, Р. Камберленд, Р. Кедворт и др.).

Этика Томаса Гоббса (1588—1679) являлась, как известно, составной частью его учения о человеке и обществе. Гоббс отверг теологические представления о морали, которые исходили из того, что основанием и высшим критерием нравственности служит божественный закон, сообщенный людям путем откровения. Из этого постулата вытекали положения о неизменности моральных предписаний, их абсолютном характере и значимости¹, а также их противоположности «греховным» устремлениям людей, практическим потребностям и интересам.

В противоположность такому пониманию морали Гоббс выводил ее из «природы человека», из жизненных влечений и интересов людей, из их «естественных» побуждений. Но какова человеческая природа? Каковы те влечения и побуждения, которые определяют поведение людей? Ответ

---

¹ В этом отношении весьма показательным сочинением главного представителя так называемых кембриджских платоников Р. Кедворта (1617—1688) «Трактат о вечной и неизменной морали» (*A Treatise Concerning Eternal and Immutable Morality*).

Гоббса гласил: «Люди от природы подвержены жадности, страху, гневу и остальным животным страстям»², они ищут «почета и выгод»³, действуют «ради пользы или славы, т. е. ради любви к себе, а не к другим»⁴. Эгоизм был объявлен, таким образом, главным стимулом человеческой деятельности.

Другим важным положением этики Гоббса являлось утверждение о том, что все люди от природы равны друг другу, имеют более или менее одинаковые физические и умственные способности. Это положение носило, безусловно, демократический характер и коренным образом отличалось от господствующих в условиях феодализма и освященных религией представлений об изначальном неравенстве людей.

Эгоистическая природа человека и равенство способностей людей приводят к тому, что между ними возникают отношения вражды и соперничества. В «естественном состоянии» каждому человеку позволено «делать все, что ему угодно»⁵. Поэтому естественное состояние — это состояние войны всех против всех. Не удивительно, что люди жаждут выйти из этого состояния и создать гражданское общество, государство, которое гарантировало бы им жизнь и безопасность. Такой гарантией являются, по Гоббсу, естественные законы, обязательные для всех граждан и опирающиеся на авторитет и силу государственной власти.

Первым и основным естественным законом Гоббс считал требование мира и согласия между людьми. Из этого закона он выводил другие, содержащие различные морально-правовые предписания⁶. При этом Гоббс фактически устранял различие между нравственностью и правом. Естественные законы, будучи установлениями государства, превращали моральные нормы в юридические, гражданские акты. Но мораль получала при этом светское обоснование.

Правда, естественные законы, которые служат, по Гоббсу, одновременно и принципами морали, объявлялись им

---

² Т. Гоббс. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1964, стр. 292.

³ Там же, стр. 300.

⁴ Там же, стр. 301.

⁵ Там же, стр. 306.

⁶ См. об этом в сочинениях Гоббса «О гражданстве» (гл. II, III) и «Левифан» (ч. 1, гл. XIV, XV).

также вечными и неизменными: «То, что они запрещают, никогда не может стать дозволенным; то, что они предписывают, никогда не станет недозволенным»⁷. Подобная абсолютизация морально-правовых норм свидетельствовала о метафизической ограниченности воззрений Гоббса. Не трудно обнаружить в его этическом учении и влияние религиозной идеологии. «...Естественный и моральный закон называют божественным»⁸, — утверждал Гоббс и доказывал это ссылками на Священное писание.

Но, отмечая ограниченность и недостатки этики Гоббса, следует помнить о коренном отличии его взглядов от концепции морали, которую отстаивали представители религиозно-идеалистической философии. Согласно Гоббсу, естественные моральные законы суть предписания разума, они исходят из самой человеческой природы и являются божественными лишь в том смысле, что разум «дан каждому человеку богом как мерило его действий»⁹. Провозглашая же вечность и неизменность естественных законов, Гоббс ссылался при этом на то, что «разум остается все тем же: не изменяются ни его цели, которыми остаются *мир* и *самозащита*, ни предписываемые им средства...»¹⁰.

Вместе с тем в этике Гоббса содержались положения, свидетельствующие о том, что английский мыслитель подходил к выявлению относительности моральных норм, их изменчивости. Люди различаются между собой в понимании добра и зла, указывал Гоббс, поскольку «каждый человек отличается от другого по складу характера и вкусам»¹¹. Он обращал внимание на то, что представления о добре и зле могут меняться даже у одного и того же человека: «В одно время он хвалит, т. е. называет добром, то, что в другое время он хулит и называет злом»¹². Наконец, Гоббс заявлял, что «не существует абсолютного добра, лишённого всякого отношения к чему-либо или к кому-либо»¹³. Это было прямым вызовом религиозной морали, объявившей всеблагость бога синонимом абсолютного добра. Такова была в общих чертах этика Гоббса.

---

⁷ Т. Гоббс. Избранные произведения в двух томах, т. 1, стр. 337.

⁸ Там же, стр. 341.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 338.

¹¹ Там же, стр. 470.

¹² Т. Гоббс. Избранные произведения в двух томах, т. 2, стр. 185.

¹³ Т. Гоббс. Избранные произведения в двух томах, т. 1, стр. 470.

Обратимся теперь к этике другого крупнейшего представителя английской буржуазной философии нового времени — Джона Локка (1632—1704).

Исходным пунктом философского учения Локка явилось известное положение об опытном происхождении всего нашего знания, ставшее в свою очередь основой для критики Локком теории врожденных идей. Применительно к этике данная критика вела к отрицанию врожденного характера моральных принципов, что знаменовало новый шаг по пути материалистического истолкования нравственности. Ведь врожденность исходящих от бога моральных заповедей была альфой и омегой религиозно-идеалистической этики. Согласно же Локку, нет ни одного нравственного правила, которое было бы запечатлено в человеческом разуме от природы.

Отвергая врожденность нравственных принципов, Локк убедительно показал, что моральные нормы относительны и изменчивы, что они зависят, как правило, от среды, воспитания, обычаев. В этом отношении Локк пошел значительно дальше Гоббса. В отличие от Гоббса Локк не подчеркивал столь резко эгоистическую природу человека, обращая внимание на то, что у людей имеются «стремления к добру»¹⁴, что они по большей части одобряют не порок, а добродетель. Правда, Локк тут же указывал, что добродетели следуют потому, что она полезна. Эта мысль Локка впоследствии легла в основу этики утилитаризма.

Не трудно обнаружить у Локка и элементы эвдемонистического и гедонистического истолкования морали. «Я признаю,— писал он,— что природа вложила в человека стремление к счастью и отвращение к несчастью»¹⁵. По Локку, это стремление есть постоянно действующая естественная склонность, которая и определяет в конечном счете всю нашу деятельность. Она же служит критерием добра и зла. Однако Локк не ограничился таким пониманием морали. Согласно его учению, существуют также «нравственные добро и зло», т. е. согласие или несогласие наших сознательных действий с определенными нравственными правилами, по которым судят о нашем поведении, одобряя или порицая его. При этом Локк различал три рода нравственных правил, или законов: божествен-

---

¹⁴ Д. Локк. Избранные философские произведения в двух томах, т. 1. М., 1960, стр. 94.

¹⁵ Там же.

ные (по которым судят о том, являются ли поступки людей греховными или благочестивыми), гражданские (которые служат мерилем преступления или законности) и законы общественного мнения (которые выступают мерилем добродетели и порока) ¹⁶.

Гоббс, как уже говорилось, объявлял естественные (моральные) законы одновременно и гражданскими, а государственную власть превращал в единственный гарант соблюдения этих законов. Для Локка же мораль и право не совпадают полностью по своему содержанию. Не гражданские законы, а законы общественного мнения являются, по нему, подлинным критерием нравственности. Они не имеют юридической силы, а устанавливаются «по скрытому и молчаливому согласию» ¹⁷ людей.

Что касается Шефтсбери ¹⁸ (1671—1713), то он был не только прямым предшественником Мандевиля, но и его антиподом в трактовке морали. Впрочем, Шефтсбери расходился во взглядах на нравственность не только с автором «Басни о пчелах», но и со своим учителем и воспитателем Локком. Если Локк отрицал существование врожденных моральных принципов, то, согласно Шефтсбери, «представления о прекрасном, справедливом и честном» ¹⁹ являются природными свойствами человеческой души, составляют основу так называемого «морального чувства» (moral sense), которое присуще от рождения всем людям. В противовес Локку Шефтсбери настаивал на самодовлеющем характере нравственности, ее полной автономности и независимости от всяких посторонних побуждений и расчетов.

Понятно, что Шефтсбери отвергал и тезис Гоббса об эгоистической природе человека, которая приводит к состоянию войны всех против всех. Шефтсбери называл такое состояние не естественным, как считал Гоббс, а противоестественным, поскольку оно не соответствует истинной природе человека, влекущей его к добру и отвращающей

---

¹⁶ См. *Д. Локк. Избранные философские произведения в двух томах*, т. 1, стр. 354—355.

¹⁷ Там же, стр. 356.

¹⁸ Антони Эшли Купер, впоследствии граф Шефтсбери, принадлежал к числу наиболее известных английских философов-моралистов начала XVIII в. Его главное произведение «Характеристики людей, нравов, мнений, времен» (1711) оказало значительное влияние на этику и эстетику западноевропейского Просвещения.

¹⁹ *A. Shaftesbury. Characteristics of Men, Manners, Opinions*, Times, vol. II. London, 1900, p. 135.

от зла. Правда, Шефтсбери не отрицал наличия таких аффектов, как злоба, мстительность, жестокость и пр., но подчеркивал их петнищность и асоциальный характер.

При всем различии взглядов Шефтсбери, с одной стороны, и взглядов Гоббса и Локка, с другой, имелся один немаловажный пункт, сближавший их этические воззрения. Речь идет об отношении морали к религии. В этом пункте Шефтсбери проявил себя как решительный сторонник секуляризации морали, ее полного освобождения от религиозного влияния и опеки. Религия не только не способствует нравственному прогрессу, указывал Шефтсбери, но, наоборот, оказывает пагубное воздействие на мораль, разжигает фанатизм, потворствует лицемерию и эгоизму.

Следует, однако, иметь в виду, что свободомыслие Шефтсбери не выходило за рамки деизма. Бог выступал в учении Шефтсбери как безличный высший разум, создавший «великий шедевр природы». Он являлся в то же время источником «социальной гармонии», преобладающей в общественной жизни, источником добродетели и красоты, наиболее полно выражающихся, по мнению философа, внутреннюю гармонию человеческой души. Необходимо помнить, наконец, и об эзотерическом характере эτικο-эстетической концепции Шефтсбери, предназначенной в первую очередь для привилегированных кругов английской аристократии, для своеобразной духовной элиты.

Такова была идейная обстановка, в условиях которой происходило формирование философских, и в особенности этических, воззрений Мандевиля. Перейдем к анализу его «Басни о пчелах», рассмотрению и характеристике основной проблематики этого произведения.

* *

*

Характеризуя Мандевиля как одного из ранних английских учеников Локка, К. Маркс писал: «Он доказывает, что в *современном* обществе пороки *необходимы и полезны*. Это отнюдь не было апологией современного общества»²⁰. Маркс имел в виду, разумеется, современное автору «Басни» буржуазное общество, и прежде всего ту его разновидность, которая утвердилась в конце XVII — начале XVIII в. на британской почве.

---

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 146.

Буржуазная революция 1688—1689 гг. поставила у власти в Англии «наживал из землевладельцев и капиталистов»²¹. Заключив взаимовыгодный компромисс, господствующие классы получили дополнительные возможности для обогащения, укрепления своих экономических и политических позиций. «Политические трофеи — доходные и теплые местечки — оставлялись в руках знатных дворян-землевладельцев при условии, что они в достаточной мере будут соблюдать экономические интересы финансового, промышленного и торгового среднего класса»²². И хотя английская буржуазия не могла рассчитывать на ведущую роль в политической жизни страны, она вполне была удовлетворена своим положением. Земельная аристократия со своей стороны прекрасно понимала, «что ее собственное экономическое процветание неразрывно связано с процветанием промышленного и торгового среднего класса»²³.

Но каким путем обеспечивалось это процветание? Для буржуазии существовал только один путь: усиление эксплуатации трудящихся. Купец или фабрикант, писал Ф. Энгельс, был движим лишь одной заботой по отношению к своим рабочим: «ему нужно было выжимать из них возможно большее количество труда возможно лучшего качества»²⁴. Однако английский буржуа хотел оставаться при этом вполне добропорядочным. К тому же он был религиозен, а религия требовала от него не только благочестия, но и «любви к ближнему», милосердия к тем самым «низшим сословиям», которые им безжалостно угнетались.

В этом кроется источник поразительного ханжества буржуазии Англии, составлявшего отличительную черту британской «респектабельности». Как известно, именно на эту черту английской буржуазии неоднократно обращали внимание основоположники марксизма²⁵. И МанDEVиль был одним из первых, кто решился сорвать маску с буржуазной респектабельности, разоблачить лицемерие и ханжество правящих классов, выявить подлинные, тщательно скрываемые мотивы поведения преуспевающих буржуа, которые, участвуя в эксплуатации и подавлении «огромной

---

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 735.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 310.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ См., например, «Введение к английскому изданию» «Развития социализма от утопии к науке» Ф. Энгельса.

производящей народной массы»²⁶, изображали себя образцом нравственности и набожности.

Но «Басня о пчелах» — произведение, которое не ограничивается критикой мнимых добродетелей британского буржуа. Мандевиль создал острую сатиру на всю систему общественных отношений, порожденную господством частной собственности, погоней за прибылью, убедительно показал, какие взаимоотношения между людьми с неизбежностью вытекают из стремления к наживе, из жадности обогащения.

Уже в стихотворном памфлете, которым открывается «Басня», Мандевиль рисует картину общества, где роскошь соседствует с нищетой, праздность и расточительность — с тяжким изнурительным трудом и бедностью. В описанном им пчелином улье пышным цветом расцвели алчность и скудость, тщеславие и честолюбие, зависть и высокомерие. Обитатели улья не брезгают ничем, чтобы разбогатеть и жить в полном довольстве. «Все профессии и должности не обходились без обмана, — констатирует Мандевиль. — И не было ни одного занятия, где бы не плутовали». Даже служители правосудия отличались лихоимством, а многочисленные священники под маской благочестия «скрывали свою лень, сластолюбие, алчность и гордыню» (53—54)²⁷. Словом, «каждая часть улья была исполнена пороков», но именно это и давало ему возможность процветать, поскольку пороки частных лиц являлись основой и источником общественного благосостояния. Когда же пчелы вдруг стали честными и пороки уступили место добродетелям, в улье произошли разительные перемены. Богатство и роскошь бесследно исчезли из жизни пчел, улей оскудел, зачах и распался.

В соответствии с законами жанра басня о «Возроптавшем улье» заканчивалась моралью. В ней высмеивалось прекраснодушие глушцов, желавших пользоваться всеми благами жизни и оставаться в то же время честными и добродетельными. «Обман, роскошь и тщеславие должны существовать, — заявлял автор, — ибо мы получаем от них выгоды». Одна лишь добродетель не может обеспечить обществу процветание. «Кто хотел бы возродить золотой век, должны быть готовы не только стать честными, но и питаться желудями» (63).

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 310.

²⁷ Здесь и далее «Басня о пчелах» цитируется по настоящему изданию, цифра в скобках обозначает страницу.

С еще большей силой мысль о необходимости и польности пороков в обществе, где властвует чистоган, выражена Мандевилем в «Комментариях» к басне о пчелах. Их содержание удивительно многообразно. Мандевиля интересуют мораль и религия, экономика и политика, педагогика и медицина. Психологические наблюдения перемежаются здесь с рассуждениями по вопросам внешней и внутренней торговли, сатирическое изображение нравов господствующих классов сочетается с высказываниями по проблемам этики и эстетики, замечания на злободневную тему соседствуют с экскурсом в область древней истории. Не все равноценно в мандевильских комментариях. Наряду с глубокими размышлениями и остроумными полемическими репликами встречаются в них и общие места. Иногда Мандевиль повторяется, иногда он многословен и недостаточно выразителен. Некоторые комментарии читаются уже без особого интереса. Но в целом это содержательное и яркое произведение, образец философской публицистики начала XVIII столетия.

В центре внимания Мандевиля находятся, естественно, проблемы морали. Отталкиваясь от идей Гоббса, он наделяет человека сугубо эгоистическими чертами, «непомерным себялюбием», которое и служит источником всех других отрицательных нравственных качеств, присущих людям. Но в отличие от Гоббса Мандевиль не считал эти качества препятствием или помехой для создания и функционирования гражданского общества. Напротив, он был убежден в том, что «самыми необходимыми качествами, делающими человека приспособленным к жизни в самых больших и, по мнению всего света, самых счастливых, самых процветающих обществах, являются его наиболее низменные и отвратительные свойства» (45).

Эта мысль, высказанная Мандевилем на первой странице его книги, проходит красной нитью через всю «Басню о пчелах». В комментариях же она получает конкретное воплощение, подкрепляется разнообразными примерами и аргументами. Перед читателем «Басни» предстает целая галерея лиц, пороки которых являются, по Мандевилю, основой не только их собственного благополучия, но и всеобщего процветания. Обманщики-купцы и плуты-лавочники, лицемеры-святоши и честолюбцы-политики, стяжатели и транжиры, игроки и шулера, пьяницы и проститутки, карманные воры и разбойники с большой дороги — вот далеко не полный перечень «героев» Мандевиля. Но

было бы упрощением видеть в нем лишь писателя, стремившегося шокировать общественное мнение своими парадоксальными рассуждениями о пользе пороков. Еще меньше оснований приписывать Мандевилю (как это делали его многочисленные противники) роль хулителя добродетели и защитника безнравственных поступков. «Я далек от того, — писал он, — чтобы поощрять порок, и думаю, что если бы можно было полностью изгнать из государства грех нравственной нечистоплотности, то это было бы для него невыразимым счастьем; но я боюсь, что это невозможно» (109).

«Апология пороков» служила в действительности Мандевилю средством выявления внутренней противоречивости социальных устоев современного ему общества, средством доказательства того, что зло и пороки неотделимы от жизненной основы этого общества, что они составляют его неотъемлемый элемент, являясь одновременно и залогом его преуспевания.

Мысль о неизбежности и необходимости пороков, сформулированная и развитая Мандевилем, явилась прямой антитезой взглядам Шефтсбери. Этическому абсолютизму Шефтсбери, который трактовал понятия добра и зла чисто метафизически, рассматривая их как неизменные и несовместимые друг с другом моральные категории, Мандевилль противопоставлял свою теорию нравственности. Добро и зло в его понимании перестают быть непреодолимыми противоположностями: «...добро возникает и прорастает из зла так же естественно, как цыплята из яиц» (105). Порок и зло, если взглянуть на них сквозь «перспективу взаимосвязанных событий», оказываются сплосью и рядом источником блага, обеспечивают богатство и величие могущественных государств.

Особый интерес представляют в этой связи комментарии *Е*, *Ж* и *З*. В них Мандевилль наглядно показывает, насколько тесно «добродетель подружилась с пороком». Так, виноторговля «способствует развитию мореплавания, росту таможенных сборов и во многих отношениях приносит прибыль обществу» (100). В то же время она поощряет расточительность и пьянство. Воры и взломщики, несомненно, «наносит большой вред человеческому обществу», но они же предоставляют работу целой армии кузнецов, которые снабжают дома запорами и замками, а их обитателей — оружием для защиты от грабителей. Алкоголь, который служит причиной болезней, нужды и бедствий

«столь многих тысяч несчастных», обогащает государственную казну и является помимо всего «универсальным утешением» для обездоленных, часто заменяя «самым бедным еду, питье, одежду и жилища» (106).

Не следует переоценивать критику Мандевилем таких изв эксплуататорского общества, как алкоголизм, преступность, проституция. Ему не удалось, разумеется, в полной мере выявить социальные корни этих явлений и тем более поставить вопрос о необходимости и путях их искоренения. Однако «Басня о пчелах» — одно из первых (если не самое первое) произведений философской литературы начала XVIII в., в котором столь открыто демонстрировались теневые стороны буржуазного процветания.

Проницательность Мандевила проявилась и в том, что ему удалось показать те черты «наживал», которые стали доминировать лишь впоследствии, когда завершился процесс первоначального накопления капитала. Речь идет о паразитическом характере буржуазии, ее расточительности и стремлении к роскоши. Правда, Мандевилль не проходит и мимо жадности, скарденности богатых людей, но справедливо замечает, что предельная скупость нередко сочетается у них с величайшей расточительностью.

Однако автор «Басни» не осуждает ни расточительности, ни роскоши. Напротив (см. комментарии *К* и *Л*), он подчеркивает, что щедрый мот является «благословенным для общества», поскольку возвращает обществу то, что было отнято у него грабежом и вымогательством. Что касается роскоши, то она дает «работу миллиону бедняков» и наряду с гордостью, завистью и тщеславием (см. комментарии *М* и *Н*) способствует развитию ремесел и торговли, увеличивает богатство страны. Умеренность же, бережливость и скромность, хотя и списали всеобщее одобрение, отмечает Мандевилль, приводят к противоположным результатам (см. комментарии *Р* и *Т*). Он не отрицает того, что «благоразумная бережливость» может помочь отдельным лицам приобрести или увеличить свое состояние. Но было бы ошибкой, указывает писатель, предполагать, что таким же путем преумножается национальное богатство, и Мандевилль высказывает в этой связи интересные мысли относительно того, «что необходимо для возвеличивания и обогащения страны» (175).

Автор «Басни» отдает предпочтение активному торговому балансу, подчеркивая при этом, что экономическая политика должна быть направлена не на привлечение в

страну возможно большего количества денег (золота и серебра), а на развитие внешней торговли путем всемерного поощрения экспорта. Такая политика, пишет Мандевиль, потребует, естественно, увеличения производства товаров внутри страны, развития сельского хозяйства и рыболовства, что в свою очередь вызовет подъем искусства и науки. Подобная экономическая политика с помощью «хорошего управления» поможет сделать государство «могучим, славным и процветающим» (177). Мелочная же регламентация образа жизни людей, направленная на ограничение расточительности и роскоши, повсеместное преобладание бережливости и честности приведет лишь к тому, что люди вернуться в состояние «их первобытной простоты». Уделом людей в таком состоянии будут бедность и невежество, ленивый покой и глупая невинность. Словом, подчеркивает Мандевиль, если вы хотите получить «бережливое и честное общество», то знайте, что оно не обеспечит своим гражданам «даже сносной одежды или горшка каши» (176).

Не трудно увидеть в экономических воззрениях Мандевила отражение прогрессивных для того времени идей меркантилизма. Но эти идеи получают в «Басне» своеобразное преломление и истолкование. Мандевиль не только пропагандирует теорию и практику меркантилизма, но и умело использует их для обоснования своей главной мысли о несовместимости добродетели с наслаждениями жизненными благами и удобствами.

Вслед за Гоббсом и Локком Мандевиль выступал сторонником гедонизма. Истинное наслаждение людей он усматривал в том, что «доставляет им наибольшее удовольствие». Как и другие приверженцы гедонизма, Мандевиль подчеркивал, что стремление к наслаждению заложено в человеке самой природой и определяет поэтому в конечном счете все его действия и поступки.

Известно, что гедонистическое истолкование морали было исторически прогрессивным в условиях нового времени, так как представляло собой попытку материалистического объяснения нравственности и являлось своеобразной формой критики религиозной морали с ее проповедью аскетизма и отрешения от всех земных радостей. Мандевилевский гедонизм также выполнял эту функцию. Немало страниц «Басни» посвящено критике религиозно-идеалистической этики. Правда, автор «Басни» не решился выступить прямо против христианской морали и даже вы-

нужден был сделать оговорку, что его концепция нравственности не распространяется на «благочестивых христиан». Однако полемика Мандевила с этической доктриной стоицизма, воспринятой впоследствии христианством, не оставляет сомнения в том, что он был идейным противником всевозможных теорий морального абсолютизма, отрывавших мораль от естественных жизненных склонностей людей.

Наибольший интерес представляет в этой связи комментарий *О*. Здесь содержится развернутая критика стоической морали, которая, как известно, требовала отрешения от чувственных влечений и земных тревожений, а высшей жизненной целью считала нравственное совершенствование личности. Мандевильевская критика идей стоицизма, оказавших, между прочим, заметное влияние на этику Шефтсбери, шла по нескольким направлениям.

Во-первых, в «Басне» опровергался основной пункт морали стоиков, гласивший, что высшим благом является не удовольствие, а добродетель, это «основное начало всех благ»²⁸. Во-вторых, доказывалась несбыточность, утопичность нравственного идеала стоицизма — достижения «гармонии духа» и наслаждения добродетелью. В-третьих, и это, пожалуй, самое характерное для Мандевила, моральные принципы и идеалы стоицизма объявлялись им «высокомерным притворством, полным надменности и лицемерия» (151). Один лишь панегирик добродетели еще ни о чем не говорит, отмечает автор «Басни», ибо можно признавать ее на словах, в теории, но не следовать ей в жизни, на практике. «Я мог бы хвастать силой духа и презрением к богатству так же, как сам Сенека, и написал бы в защиту бедности вдвое больше, чем он, если бы у меня была десятая часть его состояния» (152), — иронически заключает Мандевиль.

В лицемерии и ханжестве усматривал Мандевиль и отличительные черты религиозной морали. Не только с иронией, но и с сарказмом писал он о священниках и монахах, благочестие которых носило чисто внешний характер, а призывы к самоотречению совершенно не соответствовали их постоянному стремлению к мирским удовольствиям. Мандевиль настойчиво проводил мысль о том, что «духовенству внутренняя добродетель свойственна не в

---

²⁸ *Сенека. О блаженной жизни*. Цит. по: «Антология мировой философии», т. 1, ч. 1. М., 1969, стр. 512.

большей степени, чем представителям любой другой профессии» (159).

Насквозь проникнуто лицемерием и поведением власть имущих, подчеркивал философ. Утоная в роскоши и предаваясь утонченным наслаждениям, сильные мира сего изображают себя образцом нравственности, заявляют о своем равнодушии к богатству и славе. В действительности же добродетели великих людей, язвительно писал Мандевиль, можно сравнить с большими китайскими кувшинами: «Они прекрасно смотрятся и украшены до самого верха; имея в виду их вместимость и ту ценность, которую им приписывают, можно было бы подумать, что они могут быть очень полезны, но посмотрите внутрь хотя бы тысячи кувшинов, и вы не найдете в них ничего, кроме пыли и паутины» (164).

Обличению лицемерия посвящали себя многие философы-моралисты. Высеивался и бичевался этот порок и во многих произведениях мировой литературы. Не углубляясь в историю, назовем лишь двух выдающихся предшественников Мандевилля в этой области — Ларошфуко (1613—1680) и Мольера (1622—1673). Первый в своих знаменитых «Максимах» (весьма близких по духу «Басне о пчелах»), критикуя нравы дворянско-буржуазного общества, разоблачал также и лицемерие²⁹. Второй увековечил в образе Тартюфа лицемера и ханжу в сутане.

Заслуга Мандевилля состояла не только в том, что он перенес критику нравственных пороков господствующих классов на английскую почву. Автор «Басни» смог с большой силой и глубиной показать, что эти пороки порождаются определенными социальными условиями, что в этих условиях лицемерие, ханжество и фарисейство перестают быть отрицательными моральными свойствами отдельных лиц, а становятся атрибутами господствующей морали.

Итак, согласно Мандевиллю, лицемерие — это средство, с помощью которого люди скрывают от окружающих свои пороки и выдают себя за добродетельных. Означает ли это, что добродетели, как таковой, вообще нет, что положительные нравственные качества у людей полностью отсутствуют? Мандевиль не мог пройти мимо этого важного вопроса, и в «Басне» дается на него вполне определенный ответ.

²⁹ «Лицемерие — это дань, которую порок платит добродетели» (Ф. Ларошфуко. Максимумы и моральные размышления (№ 218). М. — Л., 1959).

Так, например, честь (см. комментарий С) — не более как «ложная и несуществующая химера, изобретение моралистов и политиков». Мандевиль проицирует по поводу лодячих представлений о чести как принадлежности только одних знатных семей, где честь передается по наследству подобно подагре, тогда как простые люди объявляются лишенными этого понятия. Остроумно высмеивает он и пресловутые «правила чести», которыми руководствуются аристократы. Автор «Басни» тонко подметил, что в классовом обществе честь не только приобретает сословный, элитарный характер, но и вырождается, как правило, в высокомерие и чванство. К тому же, справедливо замечает Мандевиль, «человек чести» имеет весьма своеобразное понимание добродетели и долга: он не должен обманывать или лгать, обязан пунктуально соблюдать правила светского этикета, «но он может пить, ругаться и брать в долг у всех ремесленников и торговцев города, не обращая внимания на их настойчивые требования заплатить долги». «Человек чести» должен быть джентльменом, он обязан охранять честь жены, дочери или сестры, но «он может быть таким распутным, каким пожелает» (206).

Понятие чести анализируется Мандевилем одновременно с понятием доблести, ибо «человек чести» должен, по общему мнению, обладать мужеством, чтобы защитить, если понадобится, с оружием в руках свою честь или, невзирая на опасность, выполнить свой долг. Отвергнув господствующие представления о чести, Мандевиль выступил, естественно, и против той точки зрения, согласно которой мужество является «реальным свойством натуры храбрых людей» (188). Согласно Мандевилю, «желание и стремление сохранить самого себя» — это закон природы, и поэтому нет ничего сильнее этого чувства. Непреодолимо, по Мандевилю, и чувство страха, которое испытывают люди, когда их жизни угрожает опасность. Страх может быть побежден только другим аффектом, а именно гневом, как бы ослепляющим человека и заставляющим его действовать, пренебрегая всякой опасностью. Когда этот аффект берет верх, пишет Мандевиль, тогда человек и может стать храбрым и мужественным, и он будет сражаться «так же смело, как лев или тигр, но только тогда» (194).

Когда же человек не испытывает гнева, то его храбрость является, по Мандевилю, поддельной. Она представляет собой результат умелого и тонкого воспитания, цель

которого — внушить людям мысль о том, что у них есть «определенное начало доблести», заставляющее презирать опасность и бесстрашно встречать лицом к лицу самое смерть. Мандевиль подчеркивает, что правители и законодатели, кровно заинтересованные в наличии большого количества храбрых солдат и офицеров на случай войны, старались всемерно поощрять проявление мужества и отваги. Утверждая, что людям присуще особое начало доблести, они доказывали одновременно, «что те, кто имеет этого начала больше, чем другие, являются самыми ценными представителями своего рода» (196). Тех же, кто не проявлял достаточной храбрости, они позорили и стыдили. Так, раздувая гордость одних и пугая позором других, моралисты и политики добились своей цели — вынудили людей признать доблестное начало внутри себя, внушили понятия о чести и позоре. А как только эти понятия «восприняты обществом, заставить людей сражаться нетрудно». Верный своей концепции происхождения доблести, Мандевиль старался развенчать все проявления этого, с его точки зрения, мнимого, притворного, нравственного качества. С этой целью он подвергает острой критике войны и военщину, доказывая, что все те «чудеса храбрости», которые совершаются на «поле чести», объясняются не доблестью сражающихся, а их желанием прославиться. «Опьяненный дурманом тщеславия» и высокопарными фразами о доблести и презрении к смерти, воин будет «пренебрегать своей жизнью и даже звать смерть и жаждать ее, если он только воображает, что она увеличит ту славу, которую он ранее приобрел» (200), — пишет Мандевиль. Гордость и тщеславие, отмечает он, сознательно возвращаются всем укладом солдатской жизни: яркостью и пестротой мундиров, галунами и позументами, барабанами и знаменами, наградами и отличиями. Если бы не это, если бы солдат не наряжали в разноцветные мундиры и не называли бы джентльменами, заключает Мандевиль, то «никакая хитрость, дисциплина или деньги не могли бы их сделать такими храбрыми, какими являются тысячи из них» (202).

Понятно, что автор «Басни» имел в виду наемные армии европейских государств, сражавшиеся за чуждые народу интересы правящих классов. Но он нигде не оговаривает этого и поэтому заслуживает упрека в том, что даже не попытался вникнуть в природу не «поддельного», а настоящего мужества, питаемого чувством любви к ро-

дине, к своему народу. Этот упрек тем более справедлив, что Мандевилью были известны, разумеется, исторические примеры доблести и отваги, проявленных в борьбе с захватчиками, в освободительных войнах. Он сам в одном из комментариев ссылается на борьбу народа Голландии против испанского владычества и с сочувствием пишет о свободолюбивых голландских патриотах, которые «предпочли скорее умереть с оружием в руках, чем погибнуть от руки жестоких палачей» (178).

Ограниченность мандевилевского истолкования доблести, самоотверженности выразилась также и в том, что он по существу поставил знак равенства между проявлениями этих моральных качеств у христианских мучеников, которые «страдали во имя истинной религии», и у таких подвижников науки, как Д. Бруно и Л. Ванини. При этом Мандевиль допускал даже неуважительные высказывания в адрес выдающихся итальянских атеистов, ставших жертвами инквизиции. Впрочем, нужно помнить, что автор «Басни» мог поступить так и по тактическим соображениям, чтобы не дать церковникам лишний повод для обвинения в сочувствии атеизму.

Содержание комментария, посвященного критическому анализу понятий чести и доблести, прямо перекликается с трактатом «Исследование о происхождении моральной добродетели». Как явствует из самого названия, Мандевиль поставил перед собой задачу показать возникновение не тех или иных проявлений нравственности, а морали в целом или, точнее, тех положительных моральных качеств, которые в обобщенном виде выражает понятие добродетели.

Развитой Мандевилем теории происхождения и сущности морали присуща несомненная оригинальность. В отличие от Гоббса автор «Басни» не отождествляет мораль и право, не превращает гражданские законы в главное средство приобщения людей к общественной жизни. Как бы ни покорялся человек превосходящей его силе, подчеркивает Мандевиль, «одним принуждением его нельзя... сделать послушным и добиться тех усовершенствований, на которые он способен» (65). Не государство, не право, а мораль цивилизовала людей, вывела их из «естественного состояния».

Но как же возникла «моральная добродетель», откуда она взялась? Понятно, что Мандевиль, как последователь Локка, отвергал существование врожденных моральных

качеств или какого-то особого «морального чувства», присущего, как считал Шефтсбери, всем людям от природы. Согласно Мандевилю, мораль — не естественное свойство человека, а продукт общественного развития. Создатели морали — это политики, законодатели, мудрецы, «трудившиеся над установлением общества». Поставив перед собой задачу сделать человека социальным существом, они стремились внушить людям, что для каждого из них выгоднее сдерживать свои эгоистические наклонности, чем следовать им.

Мандевиль отмечает, что для решения этой «весьма трудной задачи» были испробованы все ухищрения ума и красноречия философов, пока не было найдено наконец самое верное и действенное средство для внедрения в сознание людей «моральной добродетели». Таким средством стала лесть, умело использованная моралистами и политиками в своих целях. Создатели нравственности, указывает Мандевиль, исходили из того, что ни один человек не может устоять перед лестью из-за свойственного всем людям (в той или иной степени) тщеславия, гордыни. Искусно играя на этих чувствах, моралисты возбуждали в людях желание прослыть во что бы то ни стало добродетельными и заслужить тем самым почет и уважение. С другой стороны, людям внушалось, что те из них, которые не могут подавить свои измененные желания и думают только о своей личной выгоде, «являются отбросами человеческого рода». Вкрадись подобным путем в сердца людей, пишет Мандевиль, моралисты научили их понятиям стыда и чести, «представляя одно из них как самое худшее из всех зол, а другое — как наивысшее благо, до которого могут возвыситься смертные» (66).

Таким же образом были внушены людям понятия добродетели и порока. Первое стало обозначать всякое совершенство, при помощи которого «человек, вопреки природной склонности, стремится к благу других или к обузданию своих собственных аффектов...» (70). Вторым назвали «все то, что делает человек для удовлетворения любого из своих желаний, игнорируя общественные интересы» (там же). Как мы видим вновь, речь шла у Мандевиля не о «природной добродетели», а о благоприобретенной, воспринятой людьми под влиянием извне. При этом автор «Басни» обращал внимание на тесную связь морали и политики. Мандевиль неоднократно подчеркивал, что мораль была создана по инициативе и в интересах полити-

ков. С помощью изобретенной ими нравственности властолюбивые правители, писал он, не только могли «извлекать для себя большие выгоды», но и стали управлять «огромным количеством людей с большей легкостью и безопасностью» (69).

С другой стороны, Мандевилль давал понять читателям «Васни», что утверждение морали было выгодно и самим людям, так как способствовало укреплению и развитию социальных связей, позволило «сделать людей полезными друг другу». Однако через все рассуждения Мандевиля проходит мысль о том, что приобщение людей к «моральной добродетели» отнюдь не изменило их эгоистической природы, что люди стали избегать порока только из соображений выгоды или же страха перед позором и что их стремление к добру точно так же обусловлено прежде всего собственными интересами, а также желанием удовлетворить свою гордость и тщеславие.

Итак, даже восприняв мораль, человек остается тем же эгоистическим существом, каким он был раньше, находясь в естественном состоянии. Человеческая природа, подчеркивает Мандевилль, постоянна и неизменна. Она продолжает быть такой, какой была в течение многих тысячелетий, и «у нас нет сколько-нибудь серьезных оснований ожидать, что она в будущем изменится, пока стоит мир» (212). Как видно, при всей противоположности этических воззрений Мандевиля и Шефтсбери их объединяло представление о вечности и неизменности природы человека, понимаемой ими как совокупность раз навсегда заданных психологических свойств личности, а также определенных (и опять-таки неизменных) моральных качеств.

Свои взгляды на происхождение и сущность морали Мандевилль противопоставлял не только этике Шефтсбери, но и апологетам религии, которые усматривали основу нравственности в божественном законе, сообщенном людям путем откровения свыше. «Исследование о происхождении моральной добродетели» представляет в этой связи значительный интерес. В трактате с большой убедительностью показано, что нравственность не зависит от религии, что нет и не было никаких моральных принципов, внушенных людям богом. Правда, Мандевилль делает оговорку, что имеет в виду лишь язычество, а не религии откровения, но эта оговорка воспринимается как вынужденная уступка философа идеологам государственной церкви Англии.

На примере языческих религий автор «Басни» показывает отрицательное влияние «идолопоклоннических суеверий» на нравственность. Древние приобщились к морали, отмечает Мандевиль, не благодаря своим верованиям, а вопреки им. «...Религия не только не учила людей обуздывать свои аффекты и находить путь к добродетели, но, кажется, была задумана скорее для оправдания их вождельней и поощрения пороков» (71). Чем же можно объяснить в таком случае, спрашивает Мандевиль, что древние греки и римляне дали немало образцов моральной добродетели разного рода? И, отвечая на этот вопрос, он вновь подчеркивает роль и значение лести, рассчитанной на людскую гордость, тщеславие и честолюбие. Автор «Басни» приводит многочисленные примеры того, как с помощью средств, которые могли польстить человеческой гордости, греки и римляне воспитывали в своих гражданах «огромную силу духа, мужество и великодушие». Этой цели, отмечает Мандевиль, служили триумфы, устраиваемые в честь победителей, статуи, венки и прочие почести, оказываемые героям, трофеи и награды, которые получали отличившиеся воины.

Любопытно, что в рассматриваемом трактате Мандевиль пытается распространить свою концепцию формирования нравственности на область педагогики. По его мнению, воспитание детей, приобщение их к так называемым хорошим манерам основано также на использовании лести. Родители или воспитатели намеренно расхваливают ребенка, когда он поступает так, как от него требуют взрослые, и, «подстрекаемый силой похвалы», ребенок старается угодить им, постепенно привыкая к соблюдению тех или иных правил поведения.

В заключение Мандевиль высказывает свое отношение к тем проявлениям добродетели, которые отмечены печатью полного бескорыстия и в которых «гордость не принимает никакого участия в том, чтобы побудить человека подняться на самый высокий уровень самоотречения» (74). Мандевиль по существу опровергает возможность проявления «бескорыстной добродетели», отмечая, что признаки гордости можно обнаружить даже у самых благородных и возвышенных натур и что «самый смиренный на земле человек» так или иначе испытывает несомненное удовольствие от добродетельного действия, совершенного им без видимой пользы или выгоды для самого себя.

К тому же, добавляет Мандевиль, многие добродетельные поступки, которые носят бескорыстный характер, бывают продиктованы чувством жалости, сострадания. Однако не следует ставить знак равенства между жалостью и добродетелью, указывает он, ибо жалость является слабостью нашей натуры «в такой же мере, как и гнев, гордость или страх» (75). Поэтому действие, совершенное под влиянием чувства жалости, не может быть названо добродетельным. Более того, оно может повлечь за собой не только добро, но и зло. Но независимо от того, каковы последствия поступка, продиктованного жалостью, совершая его, человек фактически «потворствует своему аффекту», поскольку отказ от данного поступка причинил бы ему неудовольствие, тогда как «эгоизм вынуждает нас его предотвращать» (там же).

Как видим, Мандевиль весьма последователен в проведении своего главного тезиса об эгоистической природе человека, исключаяющей какие бы то ни было добродетельные действия или поступки, совершаемые без всякого расчета, корысти, а «только из любви к доброте».

Под этим углом зрения рассматривается в «Басне» и проблема благотворительности, которой Мандевиль посвятил свой «Опыт о благотворительности и благотворительных школах».

Это сочинение, написанное для второго издания «Басни», представляет значительный интерес. В нем Мандевиль развивает свои мысли о милосердии, человеколюбии, сострадании и аналогичных проявлениях человеческой природы, которых он почти не касался в комментариях и о которых в «Исследовании о происхождении моральной добродетели» было сказано всего несколько фраз.

Поставив перед собой задачу выявить подлинные побудительные причины благотворительности, получившей довольно широкое распространение в буржуазном обществе, Мандевиль исследует те конкретные проявления благотворительной деятельности господствующих классов, которые были наиболее типичны для его времени. К числу таких проявлений он относит прежде всего милостыню, т. е. подавание нищему. Надо прямо сказать, что нищенство как социальная проблема, как продукт эксплуататорского строя не анализируется Мандевилем. Его больше интересуют психологические и этические мотивы, которыми руководствуется человек, подающий милостыню. Этими

мотивами являются, по Мандевиллю, во-первых, жалость, сострадание и, во-вторых, гордость, тщеславие.

Подавая из жалости милостыню, человек заботится не столько о нищем, сколько о самом себе: «Тысячи [людей] дают деньги нищим по той же причине, по какой платят своему мозолисту, — чтобы легче было ходить» (235). С другой стороны, дающий милостыню проникается самодовольством, испытывает чувство гордости за свою доброту и щедрость.

Еще большую роль играет человеческая гордость в тех случаях, когда богатый благотворитель жертвует или завещает деньги на нужды какой-нибудь больницы или университета: «Гордость и тщеславие построили больше больниц, чем все добродетели, вместе взятые» (236). Особенно возмущают Мандевилья те «богатые скряги», которые при жизни отказывались помогать своим ближайшим родственникам, а после смерти лишают их наследства, завещая все свое состояние на благотворительные цели. Это самый лучший способ, иронизирует автор «Басни», приобрести бессмертие при самых скромных личных качествах. И чем щедрее дар, тем выше уровень похвал и славословий, которые адресуются благотворителю. Таким образом, каждый богатый и тщеславный человек обладает «безошибочным средством обеспечения постоянного уважения к самому себе и поклонения своему мертвому духу» (241).

Но Мандевиль озабочен не только тем, чтобы развенчать мнимые добродетели состоятельных благотворителей, желающих «получать проценты на свой капитал даже после своей смерти». Он осуждает благотворительную деятельность как таковую, поскольку она «способствует развитию праздности и лени». Правда, философ делает оговорку, что в государстве должно быть определенное количество больниц, приютов и богаделен, но предостерегает от чрезмерного увлечения этими благотворительными учреждениями. «Всех, кто хоть как-то в состоянии трудиться, пужно засадить за работу» (242), — категорически предлагает Мандевиль. Понятно, что речь идет не о богатых бездельниках, а о бедняках. «Я бы не поощрял попрошайничество или праздность у бедных», — заявляет он.

Особенно волнует Мандевилья проблема приютов — благотворительных учреждений для сирот и детей бедняков. Он развертывает целую цепь аргументов, призванных опровергнуть преобладающую точку зрения относительно благотворительных школ.

Смысл этой аргументации состоит в доказательстве того, что в основе благотворительной деятельности, направленной на создание школ для бедных детей, лежат отнюдь не «какие-либо принципы добродетели или религии» (258), а все те же человеческие слабости: лицемерие и тщеславие, ханжество и властолюбие, лесть и зависть. Поскольку же организацией детских приютов занимались в те времена церковные приходы, то Мандевиль с особой силой ополчается на разного рода святош, которые, грея руки на благотворительных школах, выдавали себя за бескорыстных радетелей «невинных малюток». Достается от писателя и тем прихожанам, которые, принимая участие в благотворительности, надеются заслужить тем самым искупление своих грехов и приобрести вечное блаженство. Мандевиль дает понять «лицемерным грешникам», что их заинтересованность в учреждении благотворительных школ не имеет ничего общего «с любовью к богу и истинным христианским духом» (255), что ими движет забота не о бедных детях, а о спасении собственной души и что они не прочь откупиться от сатаны, «понеся небольшие расходы».

Но, как уже отмечалось, Мандевиль стремился не только к тому, чтобы раскрыть подлинные мотивы благотворительности. Он хотел доказать своим читателям, что благотворительная деятельность приносит вред существующему общественному строю, что она несовместима с его истинными целями. Разве нашему обществу не требуется «огромное число трудолюбивых бедняков»? — спрашивает Мандевиль. Разве мы не заинтересованы в том, чтобы они с детства приучались к тяжкому труду, довольствуясь при этом самым необходимым — грубой пищей и одеждой? Тогда для чего мы стараемся дать образование будущим пастухам, пахарям и поденщикам? «Чтение, письмо и арифметика совершенно необходимы тем, чье дело требует таких знаний, но... они пагубны для бедных, которые должны добывать свой хлеб насущный каждодневным трудом» (260). Если все дети бедняков получают образование, то кто будет тогда выполнять изнурительную физическую работу, кто захочет «мириться с тяжелой жизнью»? В ответ же на упреки своих критиков, что лишать детей бедняков возможности приобрести знания и проявить свои природные задатки является жестокостью, Мандевиль заявляет: «Я не думаю, что это более жестоко, чем то, что

у них нет денег, хотя они обладают такой же способностью их тратить, как и другие» (279).

Как видно, автор «Басни» открыто и прямо писал о том, что в современном ему обществе благосостояние и счастье одних покупаются ценой каторжного труда, нужды и лишений других, что образованность высших классов предполагает темноту и невежество трудового народа. «...Если это правда, почему ее нужно скрывать, — восклицает МанDEVИЛЬ, — и почему наша забота о религии должна вечно служить лирикой, скрывающей наши подлинные стремления и заботы о земном?» (278). Ему ненавистно лицемерие во всех проявлениях, но особенно — прикрываемое благочестием, ханжескими разглагольствованиями о христианском милосердии и любви к ближнему. Именно эти качества МанDEVИЛЯ и позволили Марксу сказать, что он был «честный человек и ясная голова»³⁰.

Но, отдавая должное трезвому реализму автора «Басни», нельзя оставить без внимания историческую и классовую ограниченность его воззрений. МанDEVИЛЬ не идет дальше констатации антагонизмов буржуазного общества; он принимает это общество со всеми его пороками и злом, совершенно не помышляя об их устранении, даже не ставя вопроса о возможности и необходимости ликвидации раскрытых им социальных недугов — гнета, бедности, невежества. Он не одобряет подобные явления общественной жизни, он даже считает утвердившиеся порядки несправедливыми и жестокими, но не может не только предложить ничего другого взамен, но и представить себе какой-то иной общественный строй. В этом отношении МанDEVИЛЬ значительно уступает утопистам XVI—XVII вв., особенно тем из них, которые выдвигали идею уничтожения частной собственности и объявления имущественного равенства³¹.

Выступая против благотворительных школ и настаивая на необходимости «определенной доли невежества в хорошо организованном обществе» (289), МанDEVИЛЬ не был, однако, противником образования вообще. Напротив, в «Опыте о благотворительности и благотворительных школах» имеется несколько страниц, посвященных развитию школьного и университетского образования в Англии.

---

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 629.

³¹ Такую идею выдвинул, например, еще Т. Мор в своей «Утопии» (1516).

Мандевиль считает необходимым, чтобы в каждом графстве была одна или несколько больших школ, «построенных за счет общества», где бы изучались латинский и греческий языки. Знание последних требуется, по его мнению, будущим адвокатам и врачам. Такая средняя классическая школа должна иметь не менее шести классов, в каждом из которых нужен отдельный учитель. В то же время Мандевиль предлагает упразднить мелкие церковноприходские и частные школы, которые не могут обеспечить высокий уровень образования. Возражает он и против повсеместного изучения латыни: «Где латынь ежедневно не требуется, она бесполезна, а изучение ее — явная бессмысленная трата того времени и денег, которые для этой цели выделяются» (268).

В завуалированной форме Мандевиль настаивает на отделении школы от церкви, считая, что необходимые «для спасения души» знания относительно религии могут быть получены детьми во время посещения церкви. И чтобы не прослыть атеистом, философ явно в тактических целях требует обязательного посещения церкви, но крайней мере по воскресным дням. Требование это адресовано в первую очередь беднякам и их детям, которых, по словам Мандевилля, «нужно заставлять ходить в церковь», а преднамеренное пренебрежение к воскресной проповеди «считать скандальным».

Что касается университетского образования, то Мандевиль предлагает ряд мер по его улучшению и совершенствованию. Особенно заботит его положение, сложившееся на юридическом и медицинском факультетах, где студенты не получают нужных знаний. Наряду с публичными лекциями Мандевиль рекомендует «частные наставления» для студентов, а также практические занятия. Двери университетов должны быть открыты для людей «со всех концов земли». Наиболее способных студентов следует оставлять в университетах для продолжения образования и привлечения к научной и педагогической деятельности, не обращая внимания на то, к какой религиозной партии принадлежит тот или иной студент, и даже на то, «из какой он страны или народа, белый он или черный» (265).

Нет необходимости подчеркивать прогрессивность этих высказываний. В Англии, где сословный характер и антидемократизм университетского образования проявлялись с особой силой, рекомендации и предложения Мандевилля

выходили за рамки обычных реформ и практически означали требование коренного изменения всей системы высшего образования.

«Исследование о природе общества», завершающее книгу Мандевиля, снова возвращает нас к проблемам нравственности. В этом сочинении предпринята попытка выявить социальную обусловленность морали. Вместе с тем Мандевиль ставит здесь, как следует из названия его работы, вопрос о природе общественной жизни вообще и высказывает в этой связи ряд идей, в которых можно обнаружить зачатки материалистического понимания истории.

Уже Локк обратил внимание на зависимость морали от среды и воспитания, что порождает, по его словам, «большое разнообразие во взглядах на нравственные правила»³². Мандевиль воспринял и развил эти идеи своего предшественника. В «Исследовании о природе общества» он доказывает изменчивость человеческих представлений не только о добре и зле, но и о прекрасном. Таким образом, в этом трактате Мандевиль выступает и как моралист, и как эстетик. Особенностью названного сочинения является также его острый полемический характер. Автор «Басни» открыто противопоставляет свои взгляды взглядам Шефтсбери. Последний, как отмечалось, исходил из полной автономности нравственности. Аналогичную оценку давал он и представлениям о красоте. «Прекрасное и честное» — нравственно-эстетический идеал Шефтсбери — мыслилось им как нечто постоянное, неизменное, абсолютное.

Мандевиль решительно отверг такую трактовку морали и искусства. На целом ряде примеров он показывает, как различны мнения людей относительно произведений живописи, как изменчивы вкусы и моды, обычаи и правила общежития. «...То, что считается прекрасным в одной стране, не является таковым в другой» (293). То, что представляется нравственным европейцу, покажется безнравственным жителю Востока, и наоборот. Даже религиозные взгляды резко отличаются в зависимости от того, где проживают люди. «Какая религия самая лучшая?» Задайте этот вопрос, пишет Мандевиль, в Пекине, Константинополе и Риме, «и вы получите три четких ответа, абсолютно отличающихся друг от друга...» (296). Словом,

---

³² Д. Локк. Избранные философские произведения в двух томах, т. 1, стр. 96.

заключает он, охота за «прекрасным и честным» не многим лучше, чем погоня за призраками. Нравственно-эстетический идеал Шефтсбери несбыточен и нереален.

Недостаток этической концепции Шефтсбери Мандевиль видит также в ее оторванности от практической жизни и деятельности. «Добродетель заключается в действии...», — подчеркивает он. Тот, кто считает себя добродетельным человеком, не должен сидеть сложа руки. Он обязан действовать в интересах общества, быть полезным другим людям; он должен «сделать все, что может, на благо своих сограждан» (297). Проповедовать же любовь к добродетели и ограничиваться лишь ее восхвалением совершенно недостаточно. Таким путем можно воспитать не человека, пригодного «к труду и усердию», а краснобаю и сибарита.

Надо признать, что Мандевиль был во многом прав в своей критике Шефтсбери. И в комментариях к «Басне», и в «Исследовании о происхождении моральной добродетели», как отмечалось выше, Мандевиллю удалось выявить и показать существенные недостатки идеалистической системы этического абсолютизма автора «Характеристик». Ряд справедливых критических замечаний в адрес этико-эстетического учения Шефтсбери содержит, как мы убедились, и «Исследование о природе общества».

Но означает ли это, что этика самого Мандевилья свободна от пробелов и ошибок? Ни в коей мере. Нельзя, конечно, отрицать, что «Басня о пчелах» отличается несравненно большим реализмом в понимании частнособственнических отношений, что Мандевиль был ближе к истине, чем Шефтсбери, и в трактовке морали, и в оценке других явлений общественной жизни. Однако в целом этическая концепция Мандевилья не вышла за рамки исторического идеализма, поскольку выводила нравственность из сознательной деятельности правителей и моралцстов.

Считая лень главным средством пробуждения морального сознания, Мандевиль отодвигал на второй план и политические, и в особенности экономические предпосылки формирования и развития нравственности.

Правда, Мандевиль смог подойти к идее о том, что мораль есть явление историческое, что она подвержена изменениям, что моральные нормы не абсолютны, а относительны. Но классового характера морали в классовом обществе Мандевиль совершенно не замечал. Не видел он

и того, что наряду с господствующей моралью имущих классов, которую он остро критиковал, существует мораль трудящихся масс, осуждающая те нравственные пороки, которые, как убедительно показал Мандевиль, возвращает господство частной собственности.

Нельзя не отметить односторонность и ограниченность понимания Мандевилем «природы человека». Правильно подметив, что современные ему общественные отношения формируют определенный тип личности, что они способствуют развитию эгоизма и индивидуализма, Мандевиль объявил эти отрицательные моральные качества неискоренимыми свойствами человека вообще.

Положение о месте и роли порока в общественной жизни выдвигалось и обосновывалось Мандевилем во многих местах «Басни». Но это было не только повторением главной мысли, но и ее дальнейшим развитием. В конечном итоге (в «Исследовании о природе общества») Мандевиль смог подняться до выявления роли зла в условиях современного ему общества: «То, что мы называем в этом мире злом, как моральным, так и физическим, является тем великим принципом, который делает нас социальными существами, является прочной основой, животворящей силой и опорой всех профессий и занятий без исключения; здесь должны мы искать истинный источник всех искусств и наук; и в тот самый момент, когда зло перестало бы существовать, общество должно было бы прийти в упадок, если не разрушиться совсем» (329).

Думается, что К. Маркс не случайно обратил внимание на только что приведенное место из произведения Мандевиля и процитировал его в своих «Теориях прибавочной стоимости»³³. Не пороки «частных лиц» названы здесь Мандевилем в качестве основы существующих общественных отношений, а зло, причем не только моральное, но и физическое (*natural*). Философ как бы предвосхищает мысль о том, что «зло есть форма, в которой проявляется движущая сила исторического развития»³⁴, мысль, сознательно выраженную, по словам Ф. Энгельса, у Гегеля.

Впрочем, не следует преувеличивать степень приближения Мандевиля к философии истории Гегеля. Гораздо ближе стоит английский писатель к французским мыслителям XVIII в. Но об этом несколько позже.

---

³³ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 394—395.

³⁴ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 296.

Оставаясь в целом в рамках идеалистического понимания истории, Мандевилль высказал немало соображений, в которых обнаруживаются попытки понять и осмыслить роль материальных условий жизни людей. Так, в комментариях он пишет, что пища и одежда являются «двумя главными предметами, на которые распространяются все наши мирские заботы...» (130). Обращает он внимание и на то, что в удовлетворении жизненных потребностей человека наблюдается несомненный прогресс. В начале своего существования человек был лишен почти всех материальных благ, он «питался плодами земли, никак их предварительно не обрабатывая, и спал голым...» (165). От пещер и лачуг, отмечает Мандевилль, люди перешли к прочным и теплым домам, от шкур диких животных — к одежде из холста и шерсти. «Какая глубина мысли и изобретательности должна была быть проявлена, какой труд и усилия приложены, сколько времени должно было пройти, прежде чем человек научился... изготавливать такой полезный продукт, как холст» (там же).

Аналогичные мысли о роли практических потребностей в становлении и развитии общественной жизни высказывает Мандевилль и в «Исследовании о природе общества». В названном трактате он, пожалуй, с наибольшей силой подчеркивает материалистическое в своей основе положение о том, что «все общества должны были иметь источником своего происхождения потребности человека» (309). Развивая эту мысль, автор «Басни» писал: «Голод, жажда и нагота — первые тираны, которые заставляют нас действовать; за ними следуют наши великие патроны, покровительствующие развитию всех искусств и наук, ремесел, профессий и занятий, — гордость, лень, чувственность и непостоянство; в то время как великие надсмотрщики — нужда, скупость, зависть и честолюбие — каждый в той сфере, которая ему принадлежит, принуждают членов общества трудиться...» (327).

В этой фразе — весь Мандевилль с его сильными и слабыми сторонами. Ставя на первое место материальные, жизненные потребности людей, он одновременно психологизирует общественную жизнь; отмечая роль практической деятельности, труда, он вместе с тем усматривает их основу в эгоистических наклонностях и отрицательных моральных качествах человека.

Такое же впечатление оставляют и другие высказывания Мандевилля в «Исследовании о природе общества».

Критический реализм и догадки о ведущей роли производства материальных благ и торговли, о значении экономических отношений в жизни людей чередуются в этом сочинении с традиционным для Мандевиля развенчанием «моральной добродетели», с настойчивым подчеркиванием того, что «потребности, пороки и несовершенства человека... содержат в себе семена всех искусств, трудолюбия и труда» (327).

* *

*

Какова же дальнейшая судьба идей Мандевиля? Какое влияние оказал он на развитие этики и духовной культуры вообще?

Если говорить о влиянии Мандевиля на этику английского Просвещения, то надо назвать в первую очередь имена Ф. Хатчесона, Д. Юма и А. Смита.

Хатчесон был видным теоретиком искусства и морали. С 1730 по 1746 г. он возглавлял кафедру нравственной философии университета Глазго в Шотландии. В своем главном произведении — «Исследовании о происхождении наших идей красоты и добродетели» (1725) — Хатчесон отстаивал и развивал этическую и эстетическую концепцию Шефтсбери. При этом он открыто полемизировал с Мандевилем, критиковал его теорию происхождения и сущности морали. Хатчесон отрицал эгоистическую природу человека и доказывал, что люди наделены «инстинктом великодушия», обладают природной благожелательностью и добротой. Он заявлял, что человеческая натура «устроена для всеобщей любви и взаимных услуг»³⁵. Возражая Мандевилю, который всячески развенчивал «моральную добродетель», Хатчесон утверждал, что добродетель есть высшая ценность, что она «признается выше всех удовольствий»³⁶ и составляет «главное счастье, по мнению всех людей»³⁷.

Таким образом, Хатчесон, как и Шефтсбери, был прямым антагонистом Мандевиля, сторонником теории прирожденного «морального чувства», которая отрывала нравственность от социальных условий жизни людей, игно-

---

³⁵ F. Hutcheson. An Inquiry into the Original of our Ideas of Beauty and Virtue. The Second Edition. London, 1726, p. 218.

³⁶ Ibid., p. 246.

³⁷ Ibid., p. 249.

рировала наличие пороков и зла внутри существующих общественных отношений.

Иной характер имели этические воззрения Юма. Бри-танский философ попытался синтезировать идеи Шефтс-бери и Хатчесона с отдельными положениями этики Ман-девиля. Вслед за теоретиками нравственного чувства Юм считал, что «правила морали не являются заключениями нашего ума»³⁸, что «мы скорее чувствуем нравственность, чем судим о ней...»³⁹. Но, принимая тезис Шефтсбери и Хатчесона о том, что моральное чувство является источни-ком и основой нравственности, Юм не сводил это чувство к одной лишь «всеобщей благожелательности», хотя и не отрицал наличия особой «симпатии», которая якобы свой-ственна всем людям по отношению друг к другу. Согласно Юму, «люди по природе эгоистичны»⁴⁰ и поэтому альт-руизм не может быть единственным мотивом человеческой деятельности. Однако чувство симпатии обычно берет верх над эгоистическими устремлениями индивидов. К тому же в обществе осуществляется «взаимный обмен добрыми услугами»⁴¹, что еще более скрепляет социальные связи между людьми.

В 1759 г. вышла в свет «Теория нравственных чувств» А. Смита, где принцип «симпатии» в еще большей сте-пени, чем у Юма, фигурирует в качестве всеобщего осно-вания морали. Смит с одобрением писал о своих предше-ственниках — Шефтсбери и Хатчесоне и критиковал Ман-девиля, упрекая автора «Басни» в том, что он разработал «безнравственную систему» морали. Однако не следует думать, что Смит безоговорочно осуждал мандевилевского человека с его эгоизмом и своекорыстием. Многие идеи Мандевиля весьма импозировали будущему классику ан-глийской политической экономии. В особенности это отно-силось к экономическим воззрениям Мандевиля, а также к тем местам «Басни», в которых подчеркивалось значение материальных интересов в жизни людей, их постоянное стремление к благополучию, обогащению. Смит не только не считал такое стремление аморальным, но вслед за Ман-девилем указывал, что именно оно «побуждает воздělы-

---

³⁸ Д. Юм. Сочинения в двух томах, т. 1. М., 1965, стр. 604.

³⁹ Там же, стр. 619.

⁴⁰ Там же, стр. 675.

⁴¹ Там же, стр. 676.

вать на тысячу ладов землю, заменять лачуги домами, сооружать огромные города, создавать науки и искусства, которые облагораживают и услаждают наше существование»⁴².

В еще большей мере обнаруживает себя влияние Мандевиля на Смита в его главном труде — «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776). Принцип симпатии уступает место в этом сочинении принципу эгоизма, всеобщая благожелательность — заботе о собственных интересах и выгодах. Человек скорее достигнет своей цели, пишет Смит, если обратится не к гуманности других людей, а к их эгоизму, если он будет говорить не о своих нуждах, а об их выгодах. «Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что необходимо тебе... Именно таким путем мы получаем друг от друга преимущественную часть услуг, в которых мы нуждаемся»⁴³.

Влияние Мандевиля испытали не только философы и экономисты. Воздействие идей Мандевиля, в особенности его полемики с Шефтсбери, прослеживается и в английской художественной литературе XVIII в. В первую очередь это относится к романам Филдинга и Смолетта. В них содержится реалистическое изображение правов буржуазного общества, обличаются его пороки⁴⁴.

Много общего со взглядами Мандевиля у французских просветителей. Особенно близок к автору «Басни» Гельвеций. Основу всей морали составляют, по нему, «чувственные впечатления, себялюбие, наслаждение и правильно понятый личный интерес...»⁴⁵. Однако Гельвеций, как и другие французские материалисты, пошел дальше Мандевиля, разработав теорию «разумного эгоизма», получившую, как известно, широкое распространение в этике Просвещения. Сущность этой теории заключалась в сочетании личного интереса с общественным путем разумного ограничения себялюбия, обуздания страстей и аффектов.

При этом французские просветители, развивая идеи Локка, подчеркивали роль воспитания и внешних обстоя-

---

⁴² А. Смит. Теория нравственных чувств. СПб., 1895, стр. 239.

⁴³ А. Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962, стр. 28.

⁴⁴ См. об этом подробнее в книгах: «История английской литературы», т. 1, вып. 2. М. — Л., 1945; А. А. Елистратова. Английский роман эпохи Просвещения. М., 1966.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 144.

тельств в формировании нравственных качеств личности, в совершенствовании человеческой природы. В этом отношении они также превосходили Мандевилля, который весьма пессимистически оценивал возможности переделки эгоистической природы людей.

Бряд ли можно говорить о какой-либо близости между этическими воззрениями Мандевилля и Руссо. Ведь французский мыслитель считал, что человек по своей природе добр, а не зол, что людям присуще сострадание, которое смягчает их натуру, ограничивает и сдерживает их эгоистические наклонности. Но, с другой стороны, именно Руссо смог развить и углубить мысли, вернее, догадки Мандевилля об антагонистическом характере общественного прогресса. Достаточно вспомнить в этой связи содержание трактата Руссо «Рассуждение о науках и искусствах», где выдвигался и доказывался тезис о том, что «науки и искусства обязаны своим происхождением нашим порокам...»⁴⁶.

Следует, наконец, обратить внимание и на совпадение некоторых идей Фурье с высказываниями Мандевилля. Французский социалист-утопист подверг уничтожающей критике порядки и нравы буржуазного общества, которое, по его словам, извращает заложенные в человеке положительные моральные качества, приводит к господству эгоизма, лжи, обмана и зависти. «Строй цивилизации», т. е. буржуазный строй, утверждал Фурье, «питается преступлениями так же, как ворон питается загнившим мясом»⁴⁷. Особенно интересно, что Фурье почти в тех же выражениях, что и Мандевиль, разоблачал тот «торжествующий обман», который царит в мире торговли, раскрывал ту вражду и соперничество, которые порождаются властью денег.

Было бы ошибочным полагать, что Мандевиль оказывал во всех случаях прямое и непосредственное влияние на мыслителей XVIII и тем более XIX в. Правильнее будет считать, что английский моралист раньше других смог почувствовать и выразить те идеи, которые затем развивали самостоятельно и независимо от него философы последующих поколений. Но и в этом случае заслуга автора «Басни» перед историей общественной мысли неоспорима:

---

⁴⁶ Ж.-Ж. Руссо. Избранные сочинения, т. 1. М., 1961, стр. 53.

⁴⁷ Ш. Фурье. Избранные сочинения, т. II. М. — Л., 1951, стр. 67.

«...Мандевиль был, разумеется, бесконечно смелее и честнее проникнутых филистерским духом апологетов буржуазного общества»⁴⁸.

* *
*

«Басня о пчелах» принадлежит XVIII веку. Однако интерес к философскому наследию Мандевилля не был утрачен ни в XIX, ни в XX столетии. Из историко-философских работ прошлого века следует назвать «Историю английской мысли в XVIII веке» Л. Стивена. Это содержательное исследование, впервые опубликованное в 1876 г. и затем неоднократно переиздававшееся в Англии и США, интересно тем, что взгляды Мандевилля сопоставляются автором с этической системой Шефтсбери. Стивен отдавал при этом предпочтение Мандевиллю. «С чисто научной точки зрения, — писал он, — Мандевиль стоит выше Шефтсбери, поскольку готов взглянуть фактам в лицо, вместо того чтобы отделяться пустой риторикой»⁴⁹.

Не обошли своим вниманием Мандевилля и немецкие историки философии XIX в. В. Виндельбанд, Ф. Иодль, Р. Фалькенберг и др. В русском переводе их труды получили известность в нашей стране до 1917 г.⁵⁰

Из отечественных дореволюционных работ по истории философии нового времени необходимо назвать книгу Н. Д. Виноградова «Философия Давида Юма» (М., 1905—1911). Во второй части книги, озаглавленной «Этика Давида Юма в связи с важнейшими направлениями британской морали XVII—XVIII вв.», содержался обстоятельный разбор этических взглядов Мандевилля. Там же был опубликован перевод (в прозе) стихотворного памфлета «Возроптавший улей», которым открывалась «Басня о пчелах».

В первые годы Советской власти с произведением Мандевилля познакомила читателей «Книга для чтения по истории философии» (т. 1. М., 1924), составленная А. М. Де-

---

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. 1, стр. 395.

⁴⁹ L. Stephen. History of English Thought in the 18 th Century, vol. II. London, 1927, p. 40.

⁵⁰ В. Виндельбанд. История новой философии, т. 1. СПб., 1908; Ф. Иодль. История этики в новой философии, т. 1. М., 1896; Р. Фалькенберг. История новой философии. СПб., 1898.

бориным. В книге имелся небольшой отрывок из трактата Мандевила «Исследование о природе общества».

Однако в дальнейшем в советской философской литературе не появилось ни одной работы, посвященной специально Мандевилю и его главному произведению. Небольшие по объему материалы об английском моралисте публиковались лишь в книгах по истории философии и справочных изданиях⁵¹.

Из зарубежных изданий «Басни о пчелах» пужно упомянуть последнее английское⁵² и недавно появившееся в ГДР немецкое, снабженное содержательной вступительной статьей Е. Утитца⁵³. Несомненный интерес представляет монография М. Оссовской, посвященная этике английского Просвещения, в которой большое внимание уделено и Шефтсбери, и Мандевилю⁵⁴.

Что касается современной буржуазной историко-философской литературы, то она в трактовке Мандевила недалеко ушла от тех канонов прошлого, согласно которым автор «Басни» изображался циником и обвинялся в грубом и злонамеренном искажении «человеческой природы». Особенно не по душе Мандевилем тем буржуазным исследователям, которые примыкают к религиозной философии. Так, не скрывает своего отрицательного отношения к «Басне» современный английский историк философии иезуит Ф. Копплстон⁵⁵. С еще большей неприязнью пишет о Мандевиле западногерманский исследователь П. Мюнстерман. В своей диссертации он характеризует Мандевила как «приверженца и проповедника натурализма, мировоззрения, которое дает простор разрушительным силам...»⁵⁶. Автор «Басни» обвиняется в том, что он «признает лишь область материальных интересов», отрицает «высшую, духовную природу человека», «низводит человеческую личность до уровня животного»⁵⁷. Ссылаясь на переиздание

---

⁵¹ «История философии», т. II. М., 1941; Философская энциклопедия, т. 3. М., 1964; Словарь по этике. М., 1970.

⁵² *B. Mandeville. The Fable of the Bees. Ed. F. B. Kaye. Oxford, 1924.*

⁵³ «Die Bienenfabel». Berlin, 1957. Einleitung von E. Utitz.

⁵⁴ *M. Ossowska. Mysl moralna oswiecenia angielskiego. Warszawa, 1966.*

⁵⁵ *F. Copleston. A History of Philosophy. Vol. V. Hobbes to Hume. London, 1959.*

⁵⁶ *P. Münstermann. Mandevilles Bienenfabel. Inaug. Dissert. Köln, 1960, S. 1.*

⁵⁷ *Ibid., S. 97.*

«Басни о пчелах» в ГДР, Мюнстерман делает прозрачные намеки на то, что марксистская философия является преемницей мандевилевского «натурализма».

Настоящее издание «Басни о пчелах», безусловно, привлечет внимание советского читателя. Оно позволит нашим ученым продолжить исследование как этики Мандевилля, так и всего его философского наследия. С интересом прочтут «Басню» и те, кто изучает историю духовной культуры, кто стремится приобщиться ко всем тем богатствам, которые выработала философская и социальная мысль прошлого, критически усвоить их.

Б. В. Мееровский

**«БАСНЯ О ПЧЕЛАХ,
ИЛИ
ПОРОКИ ЧАСТНЫХ ЛИЦ —
БЛАГА ДЛЯ ОБЩЕСТВА»
С ПРИЛОЖЕНИЕМ
«ОПЫТА О БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ
И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ШКОЛАХ»
И
«ИССЛЕДОВАНИЯ О ПРИРОДЕ ОБЩЕСТВА»,
К КОТОРЫМ ПРИЛОЖЕНА
«ЗАЩИТА КНИГИ ОТ КЛЕВЕТЫ,
СОДЕРЖАЩЕЙСЯ В ЗАЯВЛЕНИИ
БОЛЬШОГО ЖЮРИ МИДЛСЕКСа
И БРАННОМ ПИСЬМЕ ЛОРДУ С.»**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Законы и правительство имеют для политических организаций цивилизованных обществ то же значение, что жизненные соки (spirits) и сама жизнь — для данных природою одушевленных существ. И подобно тому как те, кто изучает анатомию на трунах, могут видеть, что главными органами и самыми чувствительными пружинами (springs), более непосредственно, чем другие, необходимы для поддержания движения нашего организма, являются не твердые кости, не сильные мускулы, не нервы и не гладкая белая кожа, которая так красиво их покрывает, а тонкие незаметные пленки и маленькие трубочки, которых невооруженный глаз либо не воспринимает, либо же считает не имеющими значения; так и те, кто исследует природу человека, отвлекаясь от того, что приобретено искусством и образованием, могут заметить: то, что делает человека общественным животным, заключается не в его общительности, не в добродушии, жалостливости, приветливости, не в других приятных и привлекательных свойствах; самыми необходимыми качествами, делающими человека приспособленным к жизни в самых больших и, по мнению всего света, самых счастливых, самых процветающих обществах, являются его наиболее низменные и отвратительные свойства.

Следующая ниже басня, в которой только что сказанное мною излагается более подробно, была напечатана примерно восемь лет назад в брошюре, называвшейся «Возроптавший улей, или Мошенники, ставшие честными» и стоившей шесть пенсов; а вскоре она появилась в пиратских изданиях и продавалась по полпенса за штуку.

После первого издания «Басни» мне случалось встречаться с несколькими людьми, которые либо преднамеренно, либо по незнанию неправильно истолковали замысел автора, утверждая, что вся она представляет собой сатиру на добродетель и нравственность и написана с целью поощрения порока. Это заставило меня принять решение сообщить тем или иным способом читателю о том подлинном намерении, с которым была написана эта маленькая поэма, если ее будут когда-либо перепечатывать. Я достаиваю эти немногие, кое-как связанные между собой строчки названием «поэма» не для того, чтобы читатель ожидал найти в них какую-либо поэзию, а просто потому, что они зарифмованы и я даже, признаться, захожусь в затруднении относительно того, как их назвать. Ибо они не представляют собой ни героической поэмы, ни пасторали, ни сатиры, ни бурлеска, ни прокомической поэмы; чтобы назвать их повестью, в них должно быть какое-то правдоподобие, и в целом произведение довольно-таки длинновато для басни. Я могу сказать о них только, что эти неумелые стихи представляют собой историю, которую, не имея ни малейшего стремления претендовать на остроумие, я попытался изложить столь простым и доступным языком, на который я только способен. Читателю предоставляется полное право назвать их так, как ему заблагорассудится. О Монтене¹ говорили, что он довольно хорошо разбирается в человеческих недостатках, но не знаком с превосходными свойствами человеческой природы. Если обо мне скажут не хуже, я буду думать, что принес пользу.

Какую страну мира следует понимать под пчелным ульем, представленным здесь? Из того, что говорится о ее законах и устройстве, о славе, богатстве, могуществе и трудолюбии ее обитателей, ясно, что это должна быть большая, богатая и воинственная нация, счастливо управляемая ограниченной монархией. Поэтому та сатира на людей различных профессий и занятий, почти всех состояний и положений в обществе, которая встретится в следующих ниже строчках, предназначается не для того, чтобы указать на каких-то конкретных лиц и нанести им обиду, а лишь для того, чтобы продемонстрировать низменные свойства отдельных частей, составляющих вместе ту благотворную смесь, каковой является хорошо организованное общество; цель всего этого — превознести чудесную силу политической мудрости, с помощью кото-

рой из самых презренных частей создан такой великолепный механизм. Ибо главная цель «Басни» (как это кратко объяснено в морали) заключается в том, чтобы показать невозможность наслаждаться всеми самыми изысканными жизненными удобствами, которыми располагает трудолюбивая, богатая и могущественная нация, и одновременно обладать всеми благословенными добродетелями и невинностью, которых можно пожелать разве что в золотом веке; и далее разоблачить неразумность и безрассудство тех людей, которые стремятся быть богатыми и процветающими и на удивление жадны до всех благ, которые в качестве таковых они могут получить, и в то же время всегда ворчат и громогласно порицают те пороки и неудобства, которые с начала мира и по сей день неотделимы от королевств и государств, когда-либо прославившихся своей силой, богатствами и цивилизованностью (politeness).

Чтобы осуществить задуманное, я сначала слегка касаюсь некоторых недостатков и порочных склонностей, в которых обычно обвиняются люди определенных профессий и занятий. После этого я показываю, что эти самые пороки каждого отдельного лица при помощи умелого управления подчиняются величю и всеобщему счастью целого. И наконец, излагая то, что в силу необходимости должно быть следствием всеобщей честности и добродетельности, а также умеренности, невинности и довольства всего народа, я показываю, что если бы людей можно было вылечить от тех слабостей, в которых они от природы виновны, то они были бы лишены сил и возможности возвыситься и образовать такие обширные, могучие и цивилизованные общества, которые были ими созданы в различных республиках и монархиях, процветавших со времени сотворения мира.

Если вы спросите меня: почему я все это сделал? *Sui bono?*² И что хорошего принесут эти взгляды? Искренне отвечу: за исключением того, что развлекут читателя, я полагаю, абсолютно ничего. Но если бы меня спросили, что естественно следовало бы ожидать от обнародования их, я бы ответил, что, во-первых, прочтя их, люди, которые постоянно придираются к другим, научатся смотреть на самих себя и, изучая свою собственную совесть, постыдятся бранить то, в чем они сами более или менее виноваты; и, во-вторых, те, кто так любит покой и удобства и пользуется всеми благами, являющимися следствием

существования великого и процветающего государства, научатся более терпеливо переносить неудобства, которые не может устранить ни одно правительство на земле, когда поймут невозможность наслаждаться сколько-нибудь значительной долей первых, не испытывая в равной мере последних.

Этого, как я уже сказал, следовало бы естественно ожидать от опубликования изложенных мною взглядов, если бы людей можно было сделать лучше при помощи того, что им говорят. Но поскольку люди в течение уже столь многих столетий не менялись, несмотря на многочисленные поучительные и изощренные писания, при помощи которых предпринимались попытки их исправить, то я не настолько самонадеян, чтобы полагать, что мой столь незначительный пустячок может добиться больших успехов.

Признав, что этот маленький каприз, вероятно, принесет мало пользы, я считаю себя обязанным показать, что он не может никому принести вреда, ибо, если то, что печатается, не приносит никакой пользы, оно по крайней мере не должно приносить никакого вреда. Для этой цели я написал объяснительные заметки, к которым я и отсылаю читателя в тех местах «Басни», которые вероятнее всего могут показаться исключениями из этого правила.

Склонные к осуждению люди, вообще не видевшие моей басни «Возроптавший улей», скажут: что бы вы ни говорили о ней, она была затеяна только для того, чтобы представить «Комментарии», поскольку сама басня занимает всего одну десятую часть книги; вместо того чтобы пояснить сомнительные или темные места, вы только якобы наудачу выбрали такие, о которых вам хотелось больше сказать; и вы не только не стремились исправить ошибки, сделанные раньше, но допустили еще худшие и в бессвязных отступлениях показали себя еще более бесстыдным защитником порока, чем в самой басне.

Я не буду тратить понапрасну время, отвечая на эти обвинения: если люди предубеждены, на них не действуют и самые сильные аргументы; и я знаю, что те, кто считает преступным предполагать необходимость порока в каком бы то ни было случае, никогда не примирятся ни с одной частью этого произведения; но если его внимательно изучить, то все оскорбление, которое оно может нанести, должно вытекать из неправильных заключений, которые, возможно, могут быть выделены из

него и которые я никому не пожелаю сделать. Когда я утверждаю, что пороки неотделимы от великих и могущественных обществ и что богатство и величие последних не могут существовать без них, я не говорю, что те отдельные члены обществ, которые виновны в каких-либо пороках, не должны постоянно подвергаться порицанию или нести наказание за них, когда они перерастают в преступления.

Я полагаю, что пока те люди, которые вынуждены постоянно ходить пешком по Лондону, не принимают во внимание ничего, кроме своей одежды и своего личного удобства, среди них найдется мало таких, кто не пожелал бы, чтобы улицы его были гораздо чище, чем они обычно бывают; но если они однажды задумаются над тем, что то, что доставляет им неудобство, является результатом изобилия, большого уличного движения и богатства этого могущественного города, то, если они хоть немного заботятся о его процветании, они вряд ли когда-либо захотят, чтобы его улицы были менее грязны. Ибо если мы примем во внимание самые разнообразные материалы, которыми необходимо снабдить столь бесконечное число профессий и ремесел, которое постоянно растет; огромное количество провизии, напитков и топлива, которое ежедневно потребляется им, мусор и отходы, которые неизбежно от них остаются; огромное количество лошадей и других животных, которые постоянно заполняют улицы; повозки, экипажи и более тяжелые кареты, которые непрерывно изнашивают и ломают мостовые улиц, и больше всего бесчисленные толпы людей, которые постоянно бродят и топчутся всюду, во всех его уголках; если, говорю я, мы примем во внимание все это, то обнаружим, что каждый миг должна образовываться новая и новая грязь; а если учесть, насколько большие улицы удалены от реки, сколько денег и труда надо вложить, чтобы убирать мусор и грязь так же быстро, как они образуются, то Лондон просто невозможно сделать более чистым прежде, чем он станет менее процветающим. А теперь я могу спросить: разве не может добропорядочный житель города, рассмотрев все, что было сказано, утверждать, что грязные улицы являются необходимым злом, неотделимым от благосостояния Лондона? И в то же время они ни в коей мере не являются препятствием для чистки обуви, подметания улиц и, следовательно, не

наносят вреда ни чистильщикам сапог, ни уборщикам мусора.

Но если бы был задан вопрос безотносительно выгоды или благосостояния города: в каком месте, по моему мнению, приятнее всего прогуливаться? — никто не может сомневаться в том, что зловонным улицам Лондона я бы предпочел полный свежих ароматов сад или тенистую рощу в сельской местности. Подобным же образом, если бы меня спросили, где, по моему мнению, вероятнее всего люди могут наслаждаться подлинным счастьем, отложив в сторону все мирское величие и тщеславие, я бы предпочел небольшое мирное общество, в котором люди, не испытывая ни зависти, ни почитания со стороны соседей, довольствовались бы для жизни теми естественными продуктами, которые производит то место, где они живут; я предпочел бы его огромному скоплению людей, купающихся в богатстве и власти, постоянно покоряющих других силой оружия за рубежом и развращающих себя внутри страны роскошью, завезенной извне.

Вот все, что я сообщил читателю в первом издании, ничего не добавив в качестве предисловия во втором. Но после этого поднялась буря протестов против книги, и тем самым полностью оправдались всегда имевшиеся у меня опасения в отношении справедливости, мудрости, милосердия и честности тех, на чью добрую волю я хотел надеяться. Против нее было вынесено обвинительное заключение большим жюри³, ее осудили тысячи людей, вообще не видевших ни одного слова, в ней напечатанного. В присутствии лорд-мэра прочитали проповедь, направленную против нее; полное опровержение ее ежедневно ожидается от одного преподобного духовного лица, которое в своих высказываниях всячески поносит меня и угрожает вот уже в течение пяти месяцев кряду дать мне ответ через два месяца. То, что я сам могу сказать о себе, читатель увидит в моей «Защите», напечатанной в конце книги, где он также найдет обвинительное заключение большого жюри и письмо достопочтенному лорду С., которое настолько наполнено пустой риторикой, что в нем нельзя обнаружить ни аргументов, ни внутренней связности. Автор его демонстрирует прекрасные способности к произнесению ругательств и большую проницаемость в отыскании атеизма там, где другие его вообще не могут обнаружить. Он рьяно выступает против безнравственных книг, прямо указывает на «Басню о пче-

лах» и очень сердит на ее автора; он приводит четыре очень резких эпитета, характеризующих чудовищность его вины, и при помощи нескольких косвенных намеков, обращенных к толпе (например, на опасность того, что подобных авторов терпят на земле, или на небесные кары, которым подвергнется весь народ), весьма милосердно препоручает меня ее заботам.

Учитывая то, что это послание весьма длинно и направлено в целом не только против меня, я вначале намеревался привести из него только некоторые отрывки, имеющие непосредственное отношение ко мне, но, обнаружив при более близком рассмотрении, что то, что касается меня, настолько связано и переплетено с тем, что ко мне не относится, был вынужден обеспокоить читателя, приведя все послание целиком, питая тайную надежду, что, несмотря на его многословие, цельность его доставит удовольствие тем, кто изучит тот трактат, который оно осуждает с таким ужасом.

ВОЗРОПТАВШИЙ УЛЕЙ, ИЛИ МОШЕННИКИ, СТАВШИЕ ЧЕСТНЫМИ ¹

Просторный улей, наполненный до отказа пчелами,
Жившими в роскоши и довольстве,
Славившийся своими законами и силой оружия,
Как и обильными ранними роями,
Считался великим рассадником наук и промышленности.
Ни у кого не было лучше правительства,
И никто не проявлял большего непостоянства
И неудовлетворенности, чем эти пчелы.

Они не были рабами тирании,
Но и управлялись не буйной демократией,
А королями, которые не могли им быть в тягость,
Потому что их власть была ограничена законами.

Эти насекомые были во всем подобны людям
И все наши действия осуществляли в миниатюре:
Они делали все то, что производится в городах
И что необходимо как в дни мира, так и во время войны,
Хотя искусные плоды проворного и ловкого труда
Их крохотных членов нельзя увидеть человеческим
глазом.

У нас нет таких машин, работников, кораблей,
Крепостей, оружия и ремесленников,
Нет искусства, науки, мастерской или инструмента,
Для которых у них не было бы эквивалента.

И поскольку их язык нам неизвестен,
Мы должны называть все эти вещи так,
Как они называются у нас.

Можно, правда, допустить, что они кое-чего не знали,
Например игральных костей; но ведь у них были короли,
Которые имели охрану, откуда мы можем с уверенностью
заклЮчить,

Что у них были какие-то игры,
Разве что найдется такой полк солдат,
В котором ни во что не играют.

Огромное число пчел заполняло плодОВИТЫЙ улей,
Но именно это и давало им возможность процветать;
Миллионы стремились к удовлетворению своих
непАсытНЫХ желаний
И были озабочены тем, чтобы польстить тщеславию друг
друга,
В то время как миллионы других работали не покладая
рук
И видели, как тут же поглощаются плоды их труда.
Они обеспечивали полмира, а жили как самые последние
батраки.

Одни, владея несметными богатствами и ничем
не утруждая себя,
Занимались делами, приносящими колоссальные прибыли;
Другие же, работая косоЙ или заступом,
Были обречены на тяжкий, изнурительный труд,
Должны были ежедневно проливать свой пот,
Истощать свои силы и надрываться,
Чтобы заработать на хлеб и прокормиться.

(А) Иные же занимались в это время темными делами,
Обучать которым молодых людей рискуют немногие
[родители].

Для занятий этого рода не требуется ничего, кроме
бесстыдства,

И начинать их можно не перекрестившись.
Плуты, тунеядцы, сутенеры, шулера,
Карманники, фальшивомонетчики, шарлатаны, гадалки —
Вот тот люд, который, находясь во вражде с честным
трудом,

Обманом и хитростью обращал себе на пользу
Усердие своего добродушного и беспечного соседа.

(Б) ЭтИх называли мошенниками, но если говорить
без обиняков,

То и уважаемые, степенные люди были такими же:
Все профессии и должности не обходились без обмана.
И не было ни одного занятия, где бы не плутовали.

Адвокаты, основой искусства которых
Было разжигание споров и умножение тяжб,
Избегали всяких записей, чтобы таким путем
Увеличить число судебных дел.

Считалось как бы незаконным вступить во владение
имуществом
Без обращения в суд, где преднамеренно откладывали
слушание,

Чтобы брать все новые и новые взятки.

Судейские же, чтобы защитить заведомо неправое дело,

Изучали и исследовали законы так же,

Как взломщики изучают лавки и дома,

Чтобы узнать, как им лучше туда проникнуть.

Врачи ценили славу и богатство

Больше здоровья занемогшего пациента

И несколько не заботились о совершенствовании своего
искусства.

Вместо этого они, как правило, напускали на себя
важный вид

И старались прослыть скромными и серьезными людьми,

Чтобы заслужить благосклонность аптекаря,

Похвалу акушеров, священников и всех тех,

Кто служит при родах или на похоронах.

Они учились терпеливо сносить любую болтовню

И выслушивать советы тетюшек,

С деланной улыбкой и приветливым «как поживаете?»

Угождать всем чадам и домочадцам

И — что было самым тяжким — терпеть наглость
сиделок.

Среди многочисленных служителей Юпитера,

Наятых для того, чтобы испрашивать благословение

свыше,

Было несколько ученых и красноречивых,

Но тысячи других являлись болтливыми невеждами.

Под маской благочестия они скрывали

Свою лень, сластолюбие, алчность и гордыню,

Которыми славились так же, как портные

Утаивавшем остатков, а матросы пьянством.

Одни из них, унылого вида и скромно одетые,

Возносили молитвы о хлебе насущном,

Подразумевая при этом полные амбары,

Но не решаясь открыто просить о большем.

А пока эти святые труженики истощали себя,

Бездельники, которым они служили,

Наслаждались покоем, и их лица
Сияли здоровьем и благополучием.
(В) Солдаты, вынужденные воевать,
Получали почести, если оставались в живых.
Тем же, кто уклонялся от кровавой бойни,
Отрубали конечности, при помощи которых они бежали.
Одни доблестные генералы сражались с врагом,
Другие же брали взятки и давали ему уйти;
Одни всегда стремились туда, где было жарко,
Теряли кто руку, кто ногу, пока не становились
полными инвалидами
И не увольнялись со службы, получив половинное
жалованье;
Другие же никогда не участвовали в боях,
А сидели по домам, получая, однако, двойной оклад.

Их короли имели многочисленную свиту,
Но собственные министры надували их и обкрадывали.
Многие [чиновники], усердно трудившиеся на службе,
Грабили ту самую корону, которой они служили:
Жалованье было небольшим, а жили они в роскоши, —
И тем не менее хвастались своей честностью.
Когда же они прибегали к злоупотреблениям,
То называли жульничество «побочным доходом»;
Когда же людям стал понятен их жаргон,
Они начали толковать о «вознаграждении»,
Не желая говорить прямо и открыто
О том, что касалось их выгоды.
(Г) В улье не было такой пчелы,
Которая не получала бы больше,
Я не скажу, чем она заслужила,
Но чем она осмеливалась сообщать тем, кто ей платил.
(Д) Так поступают и ваши игроки,
Которые, если даже играют честно, никогда
не признаются
В присутствии проигравших, сколько они выиграли.

Да разве можно перечислить все их плутни?
Даже навоз, который продавался на улицах
для удобрения почвы,
Часто оказывался подделкой, как обнаруживали
покупатели,
На четвертую часть состоящей из них на что негодных
камней и извести;

Впрочем, мало было оснований ворчать тем,
Кто сам норовил обмануть других,
Продавая патоку вместо масла.

Само правосудие, известное своей справедливостью,
Не оставалось безучастным, хотя и носило повязку
на глазах.

Его левая рука, державшая весы,
Часто опускала их, подкупленная золотом;
И хотя оно хотело выглядеть беспристрастным,
Особенно в тех случаях, когда речь шла об убийствах
И других тяжких преступлениях,
Хотя оно делало вид, что поступает всегда так,
Как велит ему долг (правда, некоторых поставленных
Вначале к позорному столбу вешали потом на той же
Веревке, которую они сами свили),
Однако было для всех очевидным,
Что меч правосудия карал лишь несчастных и бедных,
Нарушавших закон только из-за своей крайней нужды;
Их подвергали пыткам и казням за преступления,
Которые не заслуживали таких наказаний,
Только для того, чтобы обезопасить богатых и знатных.

Таким образом, каждая часть улья была исполнена
пороков,

Но в целом он являлся раем;
[Его обитателям] льстили в дни мира и боялись
во время войны,

Иноземцы прониклись к ним уважением,
А сами они щедро расточали свои богатства и силы
В противовес всем остальным ульям.

Таковы были блага этого государства,
Даже преступления содействовали его величю.

(Е) И добродетель, научившись у политики

Тысяче хитроумных уловок,

С их помощью подружилась с пороком.

С тех пор (Ж) даже самый худший из всей массы

[пчел]

Всегда предпринимал что-нибудь для общего блага.

Посредством искусного управления в улье сохранялось
единство;

Хотя каждая из его частей и выражала недовольство,

Он, как музыкальная гармония, звучал согласно.

(З) Прямо противоположные стороны

Помогали друг другу как бы против своей воли,
И воздержание вместе с трезвостью
Служили пьянству и обжорству.

(И) Корень зла — алчность,
Этот отвратительный и гибельный порок,
Была рабом расточительности,
(К) Этого благородного греха;
(Л) Роскошь давала работу миллиону бедняков,
(М) А непомерная гордость — еще миллиону.
(Н) Зависть и тщеславие были слугами трудолюбия;
Самый любимый каприз [обитателей улья] —
Непостоянство в еде, мебели и одежде,
Этот странный, нелепый обычай,
Превратился в двигатель торговли.
Их законы и моды в равной мере были подвержены
изменениям,

Ибо то, что когда-то считалось хорошим,
Через полгода становилось дурным,
И, когда они таким образом изменяли свои порядки,
Находя и исправляя ошибки,
То своим непостоянством они в то же время
Устраняли недостатки, которые не могло предвидеть само
благоразумие.

Так порок воспитывал изобретательность,
Которая в сочетании с трудолюбием с течением времени
Подняла жизненные удобства,
(О) Истинные наслаждения, комфорт, покой
(П) На такую высоту, что даже бедняки
Зажили лучше, чем иные богачи,
И этим сказано все.

Но как непрочно счастье смертных!
Если бы они знали, что блаженство имеет границы
И что даже боги не могут даровать нам совершенства,
Возроптавшие твари остались бы довольны
правительством и министрами.

Но при каждой неудаче они,
Как безнадежно падшие существа,
Проклинали политиков, армию, флот.
Каждый кричал: «Будьте прокляты, обманщики!» —
И, хотя знал о собственных плутнях,
Был до отвращения нетерпим к плутням других.

Один, наживший огромное состояние тем,
Что обманывал всех и каждого,
Осмелился громко кричать: «Земля должна погнбнуть
Из-за всех этих обманов!»
И кого, вы думаете, бранил этот читающий мораль
негодяй?
Перчаточника, который продал ему овчину вместо замши.

Ничто не делалось [в улье] бесполезно
Или так, чтобы повредить общественным делам,
Однако все мошенники бесстыдно кричали:
«Милосердные боги, если бы мы были честными!»
Меркурий улыбнулся на эту наглость,
А другие [боги] сочли безрассудством,
Что обитатели улья бранили то, что раньше любили.
Но Юпитер, движимый негодованием, в гневе поклялся,
Что избавит рассерженный улей от мошенничества,
И сдержал свое слово.
В тот самый миг, когда обман стал исчезать
И честность заполнила сердца [пчел],
Им отчетливо представились все их прегрешения,
Которые вызывают у них теперь стыд
И в которых они молча теперь признаются,
Краснея, как дети, скрывающие свои поступки,
Но выдающие свои мысли, меняясь в лице,
Ибо они воображают, что те, кто на них смотрит,
Видят то, что они натворили.

Но, о боги! Какой ужас!

Сколь огромна и разительна происшедшая перемена!
Через каких-нибудь полчаса по всей стране
Мясо подешевело на пенс за фунт.
Маска лицемерия сброшена со всех,
От государственного деятеля до шута.
Тех же, кого прекрасно знали в заимствованном ими
обличье,

В их собственном — приняли за незнакомцев.
Адвокаты с того дня умолкли,
Ибо должники охотно платили теперь
Даже те долги, о которых кредиторы забыли,
А тех, кто не сделал этого, кредиторы простили.
Кто были не правы, отказались явиться в суд
И прекратили дела, состряпанные для того,
Чтобы нанести ущерб ответчику.

И поскольку честный улей стал неподходящим местом
Для процветания судейских чинов,
То все они, за исключением тех, кто уже достаточно
нажился,
Вскоре удалились, держа свои чернильницы у пояса.
Правосудие одних преступников повесило, других
освободило.

И после того, как тюрьмы опустели
И его присутствие больше не требовалось,
Оно удалилось со всей своей пышной свитой.
Первыми шли кузнецы с замками и решетками,
Кандалами и окованными железом дверьми;
Затем тюремщики, надзиратели и их помощники;
Впереди богини [правосудия], на некоторой дистанции,
Главный и преданный исполнитель ее воли,
Великий вершитель законов — палач
Нес не воображаемый меч,
А свои собственные орудия — топор и веревку.
Затем следовала сама богиня с завязанными глазами,
Олицетворяя правосудие.
Вокруг ее колесницы и позади нее
Шли различные судебные приставы, шерифы и прочие
чины,
Которые выжимали себе средства на жизнь из слез
других.
Хотя медицина и продолжала существовать, ибо были
больные,
Никто не осмеливался врачевать, кроме искусных
лекарей,
Которые так расселились по всему улью,
Что никому из них не требовалось более выезда.
Врачи прекратили бесплодные споры и стремились
Освободить пациентов от их страданий;
Отказавшись от бесполезных лекарств, ввозимых
из-за границы,
Они стали употреблять лишь спадобья своей страны,
Зная, что боги не посылают болезней,
Не давая одновременно средств для их исцеления.
Священники, стряхнув лень, перестали перекладывать
Свои обязанности на дьячков
И, свободные от пороков, сами служили богам
Молитвами и жертвоприношениями.
А те, кто не подходил для этого или знал,
Что их служба не нужна, удалились,

Да и дела не было для столь многих
(Если честным [людям] они вообще нужны).

Лишь несколько священников осталось с верховным
жрецом,

Которому они во всем повиновались.

Сам же он занимался только святыми делами,

А государственные дела оставил другим.

Он не отгонял от своей двери ни одного нищего

И не отнимал заработка у бедняков,

Кормил в своем доме голодных

И давал вдоволь хлеба батраку,

А нуждающемуся путнику предоставлял еду и ночлег.

Среди главных министров короля

И всех остальных чиновников

Перемена была разительна,

(Р) Ибо они скромно жили теперь на свое жалованье;

И если бедная пчела десять раз кряду должна была

приходить

Просить то, что ей положено — незначительную сумму,

И если какой-нибудь хорошо зарабатывающий клерк

Заставлял ее дать кропу, намекая на то,

Что в противном случае она ничего не получит,

То это называлось теперь грубым вымогательством,

Хотя раньше считалось приработком.

Все [доходные] места, которые раньше замещались

тремя

Наблюдавшими друг за другом [чиновниками],

Чтобы никто из них не мошенничал,

Но часто на основе круговой поруки

Помогавшими друг другу воровать,

Теперь полностью обеспечиваются одним,

Благодаря чему освободилось несколько тысяч рук.

(С) Честь не позволит отныне никому жить в долг.

Роскошные наряды висят в лавках старьевщиков,

Экипажи отдают за бесценок,

А великолепные лошади продаются целыми упряжками,

Так же как и загородные дома, для уплаты долгов.

От ненужных трат бегут, как от обмана,

Войск за границей не держат

И посмеиваются над уважаемым иностранцем

И пустой славой, которую приносят войны.

Они сражаются, но только за свою страну,
Когда поставлены на карту их права или свободы.

А теперь взгляните на славный улей и судите сами,
Насколько согласуются между собой честность
и торговля.

Пышность исчезла, и улей быстро хиреет,
Приобретая совершенно иной облик,
Ибо ушли не только те, кто ежегодно тратил огромные
суммы,

Но и множество пчел, которые работали на них.
Тщетно пытались они найти себе занятие,
Поскольку и другие ремесла стали излишни.
Цены на землю и дома упали;
Чудесные дворцы, чьи стены,
Подобно стенам Фив, возведены самим искусством,
Сдаются в наем. И некогда беззаботным домашним
богам

Было бы легче погибнуть в пламени, чем видеть
Столь печальную картину.

Строительное дело совершенно зачахло,
Искусные строители остались без работы.
(Т) Ни один живописец не славится более своим
искусством,

Резчики по камню и дереву забыты.
Те, кто остался в улье, стали умеренными.
Они стремятся не к тому, чтобы тратить,
А к тому, чтобы как-нибудь прожить,
И, оплатив свой счет в таверне,
Больше никуда не заходят.
Во всем улье ни одна кокетка
Не могла теперь носить золотое платье и процветать,
А богачи — тратить огромные суммы
На бургундское и дорогую дичь.
Исчез и придворный, который со своей возлюбленной
Ужинал дома на рождество свежим зеленым горошком,
Тратя за пару часов столько же,
Сколько хватило бы на целый день эскадрону кавалерии.

Высокомерная Хлоя, (У) желая жить в роскоши,
Заставляла своего мужа обворовывать государство.
А теперь она распродает мебель,

Из-за которой грабили Вест-Индию,
Сокращает дорогое меню и носит круглый год
Один и тот же строгий костюм.
Легкий и переменчивый век окончился,
Одежда, как и моды, держится ныне долго.
Ткачи, украшавшие богатые шелка золотом и серебром,
И все другие мастера, связанные с ними, исчезли.
Однако [в улье] царит мир и изобилие
И все стало дешево, хотя и просто.
Милостивая природа, освободившись от насилия

садовников,

Позволяет своим плодам появляться в положенные ею
сроки,

Но редкостей заполучить теперь уже нельзя,
Так как усилия, затраченные на их выращивание,
Не оправдывают себя более.
По мере того как гордость и роскошь сходят на нет,
Постепенно сокращается мореплавание;
Уже не отдельные купцы, а целые компании
Закрывают свои мануфактуры.
Все искусства и ремесла пребывают в небрежении;
(Ф) Довольство, это проклятье трудолюбия,
Заставляет [обитателей улья] восхищаться простым

жизнем

И не искать и не желать ничего большего.

Так мало пчел осталось в некогда обширном улье,
Что они не могут защитить и сотой его части
От нападений многочисленных врагов,
Против которых они, однако, храбро сражаются;
Найдя какое-нибудь хорошо укрепленное убежище,
Они стоят насмерть, но не сдают своих позиций.
В их армии нет наемников, но они смело бьются
За свои владения. Их мужество и честность
Наконец увенчаны победой. Они торжествуют,
Но победа досталась им дорогой ценой:
Несметное количество пчел погибло.
Закаленные в трудах и бою,
Они и покой считают пороком
И настолько прониклись духом умеренности,
Что, стремясь избежать излишеств,
Вылетели в пустое дупло дерева,
Счастливые своим довольством и честностью.

МОРАЛЬ

Итак, оставьте жалобы: только глупцы стремятся

(X) Сделать великий улей честным.

(Ц) Наслаждаться мирскими удовольствиями,

Прославиться в войнах и вместе с этим пребывать

в покое,

Не имея больших пороков, — это пустая утопия,

Возможная только в воображении.

Обман, роскошь и тщеславие должны существовать,

Ибо мы получаем от них выгоды.

Голод, без сомнения, ужасное зло,

Но кто может без него переваривать пищу или расти?

Разве мы не обязаны получением вина

Высохшей, жалкой, искривленной лозе?

Пока ее побегами пренебрегали,

Она глушила другие растения и шла в растопку,

Но, как только ее подвязали и подрезали,

Благословила нас своими благородными плодами.

Так и порок становится выгодным,

Когда он укрощен и связан правосудием.

Более того, если какой-либо народ хочет быть великим,

Порок так же необходим ему, как голод,

Чтобы заставить людей питаться.

Одна добродетель не может сделать народы

процветающими;

Кто хотел бы возродить золотой век,

Должны быть готовы не только стать честными,

Но и питаться желудами.

ИССЛЕДОВАНИЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ МОРАЛЬНОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ

ВВЕДЕНИЕ

Одна из самых главных причин того, почему столь мало людей понимают себя, заключается в том, что большинство авторов всегда учат их, какими они должны быть, и едва ли вообще дают себе труд задуматься над тем, чтобы сказать людям, какими они являются в действительности. Что касается меня, то, ни в коей мере не высказывая похвал ни вежливому читателю, ни самому себе, я полагаю, что человек (не считая кожи, плоти, костей и т. п., что видно простым глазом) является соединением различных аффектов, что все они, когда возбуждены и овладевают человеком, поочередно управляют им, хочет он того или нет. Показать, что эти качества — а мы все притворяемся, что стыдимся их, — служат надежной опорой любого процветающего общества, является темой моего стихотворения. Но поскольку в нем имеются места, кажущиеся парадоксальными, я в предисловии обещаю дать к нему некоторые пояснительные комментарии; для большей же пользы я счел целесообразным исследовать, как человека, не обладающего исключительными способностями, можно тем не менее, используя его собственные несовершенства, обучить тому, как отличать добродетель от порока. И здесь я должен пожелать читателю раз и навсегда усвоить, что, когда я говорю «человек», я не имею в виду ни пудеев, ни христиан, а просто человека в естественном состоянии, не познавшего истинного бога ¹.

ИССЛЕДОВАНИЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ МОРАЛЬНОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ

Все находящиеся в естественном состоянии живые существа заботятся лишь о том, чтобы доставить себе удовольствие, и непосредственно следуют влечению своих наклонностей, не обращая внимания на то, принесет ли полученное ими удовольствие добро или зло другим. В этом кроется причина того, что в естественном состоянии более всего приспособлены к мирной совместной жизни те создания, которые обнаруживают наименьший разум и имеют менее всего желаний, которые должны быть ими удовлетворены. Отсюда следует, что ни один вид животных не является менее способным к тому, чтобы жить в согласии в течение длительного времени, находясь в большом скоплении, чем человек, если отсутствуют ограничения, полагаемые на него системой правления; и все же качества человека таковы — я не берусь судить, хорошие они или плохие, — что ни одно создание, кроме него, вообще нельзя было сделать общественным [существом]. Но поскольку человек является исключительно эгоистическим и упрямым, а также хитрым созданием, то, как бы он ни покорялся превосходящей его силе, одним принуждением его нельзя было сделать послушным и добиться тех усовершенствований, на которые он способен.

Поэтому главное, что предприняли законодатели и другие мудрецы, трудившиеся над установлением общества, состояло в том, чтобы заставить людей, которыми они должны были управлять, поверить в то, что для каждого из них более выгодно сдерживать свои желания, чем следовать им, и гораздо лучше принимать во внимание не личные, а общественные интересы. Поскольку же это

было весьма трудной задачей, то для ее выполнения были испробованы все ухищрения ума и красноречия; и моралисты и философы всех времен употребляли все свое искусство, чтобы доказать истинность столь полезного утверждения. Но вряд ли поверили бы этому люди (маловероятно, чтобы кто-либо мог их убедить не одобрять свои естественные наклонности или предпочитать благо других своему собственному), если бы одновременно им не предложили взамен нечто равноценное, которым можно было бы наслаждаться как вознаграждением за то насилье, которое они в этом случае по необходимости должны были совершить в отношении самих себя. Те, кто предпринял попытку цивилизовать людей, знали об этом; но, будучи не в состоянии предоставить столь большое количество реальных вознаграждений, чтобы удовлетворить всех за каждое отдельное действие, они были вынуждены изобрести воображаемое вознаграждение, которое выступало бы в качестве общей компенсации за муки самоотречения и было бы пригодно во всех случаях, ничего не стоя при этом ни им самим, ни тем, кому оно предназначалось, и все же было бы наиболее приемлемой платой для ее получателя.

Они [моралисты] тщательно изучили все сильные и слабые стороны нашей природы и, обнаружив, что ни один из людей не был ни настолько черств, чтобы не поддаваться очарованию похвалы, ни настолько испорчен, чтобы терпеливо сносить презрение окружающих, совершенно справедливо заключили, что самым могущественным аргументом, который может быть использован в отношении человеческих существ, является лесть. Используя это колдовское средство, они восхваляли превосходство нашей природы перед другими живыми существами; превознося до небес и всячески расхваливая проницательность нашего ума и обширность познаний, они произносили тысячи панегириков величию нашей души, благодаря которой мы обладаем способностью совершать самые благородные деяния. Незаметно вкравшись этим искусным способом — лостью — в сердца людей, они начали учить их понятиям стыда и чести, представляя одно из них как самое худшее из всех зол, а другое — как наивысшее благо, до которого могут возвыситься смертные. Когда это было достигнуто, они стали говорить людям, насколько не соответствует достоинству столь возвышенных созданий забота об удовлетворении тех же-

лений, которые являются у них общими с дикими животными, и игнорирование в то же время тех высоких качеств, которые обеспечили им превосходство перед всеми другими живыми существами. Они вынуждены даже были признать, что зов природы очень настойчив, что сопротивляться ему трудно, а полностью подавить — тем более. Но они использовали этот [аргумент] только в качестве довода, чтобы показать, насколько достойно похвалы обуздание вождлений и насколько позорно, с другой стороны, не пытаться подавлять их.

Для того чтобы вызвать дух соперничества у людей, они разделили весь [человеческий] род на два класса, резко отличающихся друг от друга. Один [класс] состоял из недостойных, презренных людей, которые постоянно гнались за наслаждениями, были совершенно неспособны к самоотречению и, не заботясь о благе других, не имели никакой более высокой цели, кроме своей личной выгоды; став рабами сластолюбия, такие люди безо всякого сопротивления уступали любому низменному желанию и употребляли способности своего разума лишь на то, чтобы умножать чувственные удовольствия. Эти низкие, подлые твари, говорили [моралисты], являются отбросами человеческого рода и, имея лишь облик человека, ничем не отличаются от диких зверей, кроме своей внешности.

Другой же класс состоял из возвышенных, одухотворенных натур, которые, будучи свободны от низменного эгоизма, считали совершенствование духа своим самым прекрасным приобретением и, установив себе истинную цену, находили наслаждение лишь в украшении той части своей природы, в которой заключалось их превосходство; презирая все то, что у них было общего с неразумными существами, они с помощью разума боролись со своими наиболее скверными наклонностями и, ведя постоянную войну с самими собой, чтобы способствовать спокойствию других, ставили своей целью содействие общественному благу и обуздание их собственных страстей.

*Fortior est qui se quam qui fortissima Vincit
Moenia...²*

Этих [моралисты] называли подлинными представителями своего возвышенного рода, превосходящими по ценности другой класс, причем их превосходство на несколько

степеней выше превосходства всего человечества над дикими зверями.

У всех животных, которые не настолько несовершенны, чтобы не проявлять чувства гордости, мы обнаруживаем, что самые благородные, а также самые красивые и ценные представители своего рода обычно обладают этим чувством в наибольшей степени; так и в человеке, самом совершенном из животных, гордость настолько неотделима от самой его сущности (как бы хитроумно ни научились некоторые прятать или маскировать ее), что без нее тот сложный состав, из которого он сделан, был бы лишен одного из главнейших ингредиентов. И если мы примем это во внимание, то вряд ли можно сомневаться в том, что поучения и увещания (подобные упомянутым выше), столь искусно приспособленные к высокому мнению, которое человек имеет в отношении самого себя, должны, если их распространить в массе людей, не только получить согласие большинства из них в отношении своей умозрительной части, но и равным образом побудить некоторых, особенно самых неистовых, самых решительных и лучших среди них, переносить тысячи неудобств и терпеть столько же лишений, чтобы получить удовольствие считаться людьми, относящимися к [привилегированному] классу, и, следовательно, присвоить себе все те превосходные качества людей этого класса, о которых они слышали.

Из того, что было сказано, нам следует ожидать, во-первых, что герои, предпринявшие такие чрезвычайные усилия, чтобы обуздать некоторые свои природные склонности и отдавшие предпочтение благу других в ущерб своему собственному интересу, не отступят ни на дюйм от тех прекрасных понятий относительно достоинства разумных существ, которые они восприняли, и, имея всегда на своей стороне авторитет власти, со всей возможной энергией будут отстаивать как то уважение, которое следует оказывать представителям этого класса людей, так и их превосходство над остальными людьми. Во-вторых, те, которым не хватило бы достаточного запаса гордости или решимости, чтобы поддержать себя в подавлении того, что было для них самым желанным, следовали бы чувственным велениям [своей] природы, однако им было бы стыдно признаться, что они являются теми презренными несчастными созданиями, которые принадлежат к низшему классу и вообще считаются недалеко ушедшими от диких

зверей; и поэтому, оправдывая самих себя, они говорили бы то же, что и все другие, и, скрывая, как умея, свои собственные несовершенства, восхваляли бы самоотречение и заботу об общем благе так же, как и остальные люди. Ибо в высшей степени вероятно, что некоторые из них, убежденные реальными доказательствами силы духа и самоотречения, которые они наблюдали, будут восхищаться в других тем, чего не хватает им самим; другие же будут бояться решимости и доблести представителей высшего класса, и все они будут испытывать благоговейный трепет перед властью своих правителей, вследствие чего разумно полагать, что ни один из них (что бы они ни думали про себя) не осмелится открыто опровергать то, в чем, по мнению всех, даже сомневаться считалось преступным.

Таким образом был (или по крайней мере мог быть) сломлен дикарь в человеке; отсюда очевидно, что первые начатки морали, введенные искусными политиками для того, чтобы сделать людей полезными друг другу, а также послушными, были изобретены главным образом с той целью, чтобы честолюбцы могли извлекать для себя большие выгоды и управлять огромным количеством людей с большей легкостью и безопасностью. Когда это основание политики было заложено, человек не мог уже долго оставаться нецивилизованным. Ибо даже те, кто стремился только к удовлетворению своих желаний и постоянно сталкивался с интересами других людей такого же сорта, не могли не заметить, что когда они обуздывали свои наклонности или же следовали им с большей осмотрительностью, то избегали массы неприятностей и часто спасались от многих бедствий, которыми обычно сопровождалась слишком нетерпеливая погоня за удовольствиями.

Во-первых, они, как и другие, получали выгоду от тех действий, которые предпринимались на благо всего общества, и, следовательно, не могли воздержаться от благожелательного отношения к тем представителям высшего класса, которые их совершили. Во-вторых, чем более настойчиво стремились они к своей собственной выгоде, не обращая внимания на других, тем более они ежечасно убеждались, что никто так не стоял на их пути, как те, кто больше всего на них походил.

Тогда, поскольку в интересах даже самых худших из них (больше, чем кого-либо другого) было восхвалять заботу об общественном благе, с тем чтобы пожинать

плоды трудов и самоотречения других и одновременно с меньшим беспокойством удовлетворять свои собственные желания, они пришли к согласию — вместе с остальными — называть все то, что делает человек для удовлетворения любого из своих желаний, игнорируя общественные интересы, ПОРОКОМ, если в его действии можно обнаружить хоть малейший намек на то, что оно может нанести вред любому члену общества либо даже сделать его самого менее способным оказывать услуги другим [людям]; и дать название ДОБРОДЕТЕЛИ всякому совершению, при помощи которого человек вопреки природной склонности стремится к благу других или к обузданию своих собственных аффектов, исходя из разумного желания быть добрым.

Может быть высказано такое возражение: ни одно общество не было ни в малейшей мере цивилизовано до тех пор, пока бóльшая часть его не пришла к согласию относительно того или иного поклонения какой-либо высшей силе, и, следовательно, понятия добра и зла и различие между *добродетелью* и *пороком* вовсе не были изобретением политиков, а были прямым результатом религии. Прежде чем ответить на это возражение, я должен повторить, что уже было сказано, а именно что в данном «Исследовании о происхождении моральной добродетели» я не говорю ни о иудеях, ни о христианах, а о человеке в его естественном состоянии, не знающем истинного бога; а далее я утверждаю, что идолопоклоннические суеверия всех других народов и жалкие понятия о высшем существе, которые они имели, были не способны побудить человека к добродетели и годились разве лишь на то, чтобы держать в благоговейном страхе и занимать грубую и невежественную толпу. Из истории ясно видно, что во всех крупных обществах, какими бы глупыми или нелепыми ни были воспринятые людьми понятия о божествах, которым они поклонялись, человеческая природа всегда полностью проявлялась во всем своем богатом разнообразии, и что нет такой земной мудрости или моральной добродетели, которой бы не обладали в совершенстве люди в тот или иной период времени во всех монархиях и республиках, каким-либо образом прославившихся своим богатством и силой.

Египтяне, не довольствуясь обожествлением всех тех уродливых чудовищ, которых только можно было вообразить, были настолько глупы, что поклонялись даже луко-

вицам, которые они сами сажали; и в то же время их страна была самым знаменитым в мире питомником искусств и наук и сами они выделялись как более искусные в познании глубочайших тайн природы по сравнению с любым другим народом, жившим после них.

Ни одно государство или царство на земле не дало больше или более великих образцов моральных добродетелей всякого рода, чем Греческая и Римская империи, в особенности последняя; а насколько сумбурными, нелепыми и смехотворными были взгляды греков и римлян относительно священных дел? Ибо если даже не говорить о чрезмерном числе их богов, а ограничиться лишь тем, что принять во внимание позорные истории, которые они приписывали [своим богам], то нельзя будет отрицать, что их религия не только не учила людей обуздывать свои аффекты и находить путь к добродетели, но, кажется, была задумана скорее для оправдания их вожделений и поощрения пороков. А если мы захотим узнать, что заставляло их проявлять такую огромную силу духа, мужество и великодушие, то должны будем обратить свой взор на помпезность их триумфов, на великолесие их монументов и триумфальных арок, на их трофеи, статуи и надписи, на обилие венков, которыми они награждали военных, на почести, оказываемые ими мертвым, на публичные паперики живым и на другие идеальные (*imaginary*) вознаграждения, которыми они наделяли заслуженных людей; и мы обнаружим, что многих из них привело на высший уровень самоотречения не что иное, как политика использования самых действенных средств, которые могут польстить человеческой гордости.

Отсюда видно, что не какая-либо языческая религия или другое идолопоклонническое суеверие впервые поставили человека на путь обуздания своих страстей и подавления самых желанных наклонностей, а искусные действия осторожных политиков и, чем глубже мы исследуем человеческую природу, тем больше убеждаемся в том, что моральные добродетели суть плоды политики, которые лезть породила из гордости.

Нет такого человека, каковы бы ни были его ум и прощательность, который был бы полностью защищен от колдовства лести, если она искусно применена и приспособлена к его личным качествам. Дети и глупцы примут на веру прямую похвалу в их адрес, но с теми, кто более хитер, надо обращаться с большей осмотрительностью; и,

чем более косвенный характер носит лесть, тем менее она подозревается теми, на кого нацелена. То, что говорится в похвалу всему городу, с удовольствием воспринимается его обитателями. Похвалите ученость вообще, и каждый ученый человек будет думать, что он вам обязан чем-то особенно. Можно совершенно спокойно хвалить занятия человека или страну, где он родился, потому что вы даете ему возможность прикрыть ту радость, которую он лично при этом чувствует, тем уважением, которое он якобы испытывает по отношению к другим.

В тех же случаях, когда хитроумные люди, понимающие, какую власть имеет лесть над гордостью, опасаются, что их могут обмануть, они обычно распространяются, хотя и чаще всего против своей совести, о примерном поведении, порядочности и чести семьи, страны, а иногда и профессии того, кого они подозревают [в обмане], потому что знают, что люди часто меняют свои намерения и поступают вопреки своей склонности, чтобы иметь удовольствие по-прежнему казаться во мнении некоторых тем, чем они на самом деле не являются, как им самим это хорошо известно. Так, прозорливые моралисты изображают людей ангелами в надежде, что гордость заставит по крайней мере некоторых из них подражать тем прекрасным образцам, с которыми их сравнивают.

Когда несравненный сэр Ричард Стил³ (Steel) с обычной для него легкостью и элегантностью рассыпает похвалы своему возвышенному роду и со всеми украшениями риторики утверждает превосходные качества человеческой природы, нельзя не поддаться очарованию удачных поворотов его мысли и изящности его выражений. Но хотя меня часто трогала сила его красноречия и я был готов с удовольствием поглощать его изобретательную софистику, все же я никак не мог серьезно воспринимать его хитроумные панегирики и, размышляя о них, думал о тех приемах, к которым прибегают женщины, обучающие детей хорошим манерам. Когда нескладная девчушка еще до того, как научиться говорить или ходить, начинает после многих просьб предпринимать первые неуклюжие попытки сделать реверанс, ее няня впадает в экстаз, хваля ее: «Вот это изящный реверанс! О прелестное дитя! Вот настоящая леди! Мама! Она может сделать реверанс лучше, чем ее сестра Молли!» То же самое повторяют, как эхо, горничные, в то время как мать буквально душил дитя в своих объятиях; и только Молли, которая, будучи

четырьмя годами старше, знает, как делать очень изящный реверанс, удивляется ошибочности их суждений и, едва сдерживая негодование, готова заплакать из-за этой несправедливости в отношении себя, пока ей не шепнут на ушко, что все это говорится только для того, чтобы доставить удовольствие ребенку, а она сама уже взрослая; и она гордится тем, что ей тоже доверили эту тайну, и, радуясь превосходству своего ума, повторяет то, что было сказано другими, и еще много добавляет от себя и издевается над слабостью своей сестры, которую она все это время одну считает обманщицей среди них. Эти преувеличенные похвалы любой человек, чей разум стоит выше разума ребенка, назвал бы грубой лестью и, если позволите, отвратительной ложью; однако опыт учит нас тому, что с помощью таких примитивных средств молодых девушек научат делать изящные реверансы и вести себя как подобает женщине гораздо скорее и с меньшими хлопотами, чем без [этих средств]. Так же поступают и с мальчиками, которых пытаются убедить, что все настоящие джентльмены поступают так, как им говорят, и только уличные мальчишки грубят и пачкают свою одежду; более того, как только этот необузданный пострел своей неумелой рукой начинает неловко держать свою шляпу, его мать, чтобы заставить его снимать ее, говорит ему, когда ему еще нет и двух лет, что он мужчина; а когда он по ее желанию повторит это действие, то тут же становится капитаном, лорд-мэром, королем или кем-либо еще более важным, если она может что-либо придумать, пока, подстрекаемый силой похвалы, маленький пострел не будет стремиться подражать мужчине, насколько это в его силах, и станет напрягать все свои способности, чтобы казаться тем, чем, как воображает его пустая головка, его считают другие.

Самый ничтожный человек считает себя величайшей драгоценностью, которой нет цены, а самое большое желание честолюбивого человека состоит в том, чтобы весь мир разделял его мнение относительно его собственной ценности, так что самая неутолимая жажда славы, которой всегда вдохновлялся герой, представляла собой лишь ничем не сдерживаемое тщеславие, стремление полностью завладеть уважением и восхищением других как в будущие века, так и в его время, и ничего больше; но то ожидаемое великое вознаграждение, ради которого самые возвышенные умы с таким рвением жертвовали своим покоем,

здоровьем, чувственными удовольствиями и самими собой без остатка, оказывалось не чем иным, как призрачным счастьем, мыльным пузырем, исчезнувшим без следа (каким горьким разочарованием может явиться эта истина для нового Александра Македонского или Цезаря, который, возможно, изменит теперь свои планы). Кто может удержаться от смеха, когда думает о всех великих людях, которые так серьезно говорили об этом сумасшедшем македонце, о его огромной душе, о том могучем сердце, в одном уголке которого, как утверждал Лоренцо Великолепный⁴, легко вместился весь мир, так что в целом сердце было место еще для шести миров? Я повторяю, кто может удержаться от смеха, когда сравнивает те возвышенные слова, которые говорились об Александре Македонском, с тем итогом, который он вывел для себя из своих великих подвигов, что доказывается его собственными словами, когда предпринятые им для переправы через Гидасп⁵ огромные усилия заставили его воскликнуть: «О вы, афиняне, могли бы вы поверить, каким опасностям я себя подверг, чтобы вы меня хвалили!» Итак, если попытаться определить вознаграждение славы в самом общем виде, то о нем в лучшем случае можно лишь сказать, что оно состоит в величайшем блаженстве, которым человек, знающий, что он совершил благородное дело, наслаждается из себялюбия, думая о похвале, которую он ждет от других.

Но здесь мне скажут, что кроме громких звуков войны и шумной возни честолюбцев есть благородные и великодушные поступки, которые совершаются в молчании; что поскольку добродетель сама себе является вознаграждением, то тот, кто действительно добр, получает удовлетворение от сознания обладания [добротой], что и составляет для него всю ту награду, которую он ожидает от большей части своих достойных свершений; что среди язычников были люди, которые, когда они делали добро другим, не только не стремились заслужить благодарность и рукоплескания, но и принимали все мыслимые предосторожности с тем, чтобы навсегда остаться скрытыми от тех, на кого они распространили свою благосклонность, и что, следовательно, гордость не принимает никакого участия в том, чтобы побудить человека подняться на самый высокий уровень самоотречения.

В ответ на это я скажу, что нельзя судить о действии человека, если мы не знаем точно тот принцип и тот

побудительный мотив, исходя из которых он это действие совершил. Хотя жалость представляет собой самый нежный и наименее злобный из всех наших аффектов, все же и она является слабостью нашей природы в такой же мере, как и гнев, гордость или страх. Самые слабые духом обычно более всего к ней расположены, по этой причине нет более сострадательных существ, чем женщины и дети. Необходимо признать, что из всех наших слабостей она [жалость] является самой приятной и более всего походит на добродетель; более того, без значительной примеси жалости общество вряд ли могло бы существовать. Но поскольку она представляет собой побуждение природы (*impulse of nature*), которое не считается ни с общественным интересом, ни с нашим собственным разумом, она может принести зло в такой же мере, как и добро. Она помогает лишать девственниц чести и свращает судей, и тот, кто действует исходя из нее как из принципа, какое бы благо ни приносил он обществу, ничем не может похвастаться, кроме того, что потворствует своему аффекту, который оказался полезным обществу. В спасении невинного ребенка, чуть не упавшего в огонь, нет никакой заслуги. Само действие не является ни хорошим, ни плохим, и, какую бы выгоду ни получил ребенок, мы только оказали услугу самим себе, ибо увидеть, как он падает, и не попытаться помешать этому значило бы причинить себе неудовольствие, а эгоизм вынуждает нас его предотвращать. Богатый мот, у которого обнаружилась склонность к состраданию и который любит удовлетворять свои желания, тоже не может похвастаться большой добродетелью, когда он облегчает участь объекта сострадания при помощи того, что для него является пустяком.

Но такие люди, которые, не уступая ни одной своей слабости, могут расстаться с тем, что они сами ценят, и только из любви к доброте, не имея никакого иного побуждения, молча совершают достойное дело, такие люди, я признаю, приобрели более утонченные понятия о добродетели, чем те, о которых я до сих пор упоминал; и все же даже у них (а их не так уж много в мире) мы можем обнаружить явные признаки гордости, и самый смиренный на земле человек должен сознаться, что вознаграждение добродетельного действия, которым является удовлетворение, наступающее после него, состоит в определенном удовольствии, которое он предоставляет себе,

размышляя о своей собственной ценности. Это удовольствие вместе с внешней причиной, его вызвавшей, является точным симптомом гордости, так же как бледность лица и трепет при виде близкой опасности являются признаками страха.

Если слишком щепетильный читатель при первом взгляде осудит эти мнения относительно происхождения моральной добродетели и подумает, что они, возможно, оскорбительны для христианства, я надеюсь, что он воздержится от своих порицаний, когда примет во внимание, что ничто не может выявить непостижимую глубину божественной мудрости более четко, чем то, что человек, которого провидение создало для общества, должен не только своими слабостями и несовершенствами быть поставлен на путь к мирскому счастью, но и в равной мере воспринять из видимой необходимости естественных причин начатки того познания, в котором он позднее должен сделаться совершенным благодаря истинной религии к своему вечному блаженству.

КОММЕНТАРИИ

(А) Иные же занимались в это время темными делами,
Обучать которым молодых людей рпскуют немногие
[родители]

Отдавая молодежь в ученье, с тем чтобы при достижении зрелости она могла обеспечивать себе средства к жизни, большинство людей подыскивают для нее те или иные законные занятия, вокруг которых в каждом большом обществе объединяются целые компании или товарищества. Тем самым все науки и искусства, а также профессии и ремесла сохраняются в обществе до тех пор, пока они приносят пользу, поскольку молодежь, которая ежедневно обучается им, постоянно восполняет потери, образующиеся в результате смерти стариков. Но поскольку из-за той большой разницы в расходах, которые требуется понести для того, чтобы обосноваться в каждом из этих занятий, одни из них пользуются большим почетом, чем другие, все предусмотрительные родители при выборе их принимают во внимание главным образом свои возможности и свое материальное положение. Человека, который дает три или четыре сотни фунтов крупному купцу для обучения своего сына, но не имеет возможности выделить последнему две или три тысячи фунтов для обзаведения собственным делом, когда кончится срок его обучения, должно серьезно порицать за то, что он не обучал своего сына чему-либо такому, что потребовало бы впоследствии меньше денег.

Есть множество людей благородного воспитания, которые имеют очень небольшие доходы, но вынуждены в силу своих пользующихся почетом занятий изображать из себя более крупную фигуру, чем простые люди, имеющие вдвое больший доход. Если у них есть дети, то часто случается, что бедность делает невозможным их обучение почетным занятиям, а гордость не позволяет отдавать их в ученье к представителям каких-либо недостойных

тяжелых профессий, и тогда в надежде либо на перемену фортуны, либо на помощь друзей, либо на благоприятный случай они раз за разом откладывают определение их судьбы, пока незаметно дети не становятся взрослыми и в конечном итоге не умеют ничего. Я не берусь определять, является ли это пренебрежение более жестоким по отношению к детям или более вредным для общества. В Афинах всех детей заставляли помогать своим родителям, если они впадали в нужду. Но Солон¹ издал закон, по которому сын не был обязан помогать своему отцу, если тот не обучил его никакому занятию.

Некоторые родители обучают своих сыновей хорошим профессиям, весьма соответствующим их материальным возможностям в момент начала обучения, но случается, умирают или терпят неудачу в делах до того, как их дети закончат курс обучения или приобретут достаточно умения, чтобы самостоятельно заняться своим делом. С другой стороны, очень многие молодые люди хорошо обеспечены и самостоятельно устроены и все же (одни из-за отсутствия трудолюбия или же недостатка знаний в избранном ими занятии, другие из-за чрезмерного пристрастия к удовольствиям, а третьи — таких немного — из-за несчастий) впадают в бедность и совершенно неспособны содержать себя за счет того дела, которому они обучены. Небрежное отношение к занятиям, плохое ведение дел или же несчастья, о которых я говорил, безусловно, очень часто наблюдаются в густо населенных местах, и, следовательно, ежедневно большое число людей оказывается выброшенным в широкий мир без средств к существованию, каким бы богатым и могущественным ни было государство и какие бы меры ни принимало правительство, чтобы помешать этому. Каким же образом необходимо устроить этих людей? Я знаю, что флот и армия, без которых редко обходится мир, заберут некоторых в свои ряды. Честные работники, расположенные трудиться, станут подмастерьями в том цеху, к которому они принадлежат, или поступят на какую-либо иную службу. Те из них, которые учились и посещали университет, могут стать школьными учителями, преподавателями, а немногие — получить то или иное место в каком-либо присутствии. Но что же станет с лентяями, которые вообще не хотят нигде работать, и с непосадами, которые вообще не в состоянии иметь никакой постоянной привязанности?

Кто постоянно восторгались пьесами и героическими романами и обладают хоть намеком на благородные манеры, по всей вероятности, обратят свой взор на сцену; и если они хорошо владеют ораторским искусством и обладают голосом достаточной силы, то становятся актерами; кто любят свой желудок больше всего на свете и к тому же обладают хорошим вкусом и некоторым умением разбираться встряпне, будут стремиться подружиться с обжорами и эпикурейцами², научатся раболепствовать и сносить всякого рода унижения и тем самым превратятся в тунейдцев, всегда лыстящих хозяину и приносящих вред остальным членам семьи. Другие, кто на основе своей собственной и компаньона непристойности судят о невоздержанности людей, естественно, займутся любовными делами и попытаются жить сводничеством за счет тех, у кого не хватает либо досуга, либо находчивости, чтобы позаботиться о самих себе. Те, у кого вообще отсутствуют какие-либо принципы и кто при этом еще хитер и ловок, становятся шулерами, карманниками или фальшивомонетчиками, если им позволяют их умение и изобретательность. Другие же, заметив доверчивость простых женщин и вообще глупых людей, обладая к тому же наглостью и немного хитростью, либо выдают себя за докторов, либо же становятся предсказателями судьбы; и каждый обращающий пороки и слабости других себе на пользу стремится обеспечить себе на жизнь самым легким и самым коротким путем, какой позволяют ему талант и способность.

Конечно, такие люди являются отбросами цивилизованного общества; но глупцы те, кто, не учитывая того, что было здесь сказано, брашат недостаточную суровость закона, позволяющего таким людям жить, в то время как мудрые люди удовлетворяются тем, что принимают все возможные меры предосторожности, чтобы не быть ими обманутыми, но не ругают того, чего не в силах предотвратить само благоразумие человека.

**(Б) Этих называли мошенниками, но если говорить
без обиняков,
То и уважаемые, степенные люди были такими же**

Должен признать, что это очень неважный комплимент для всей той части людей, которая заята торговлей. Но если слово «мошенник» понимать во всей его

широте, т. е. включать в это понятие всякого, кто неискренен и нечестен и кто делает другим то, что он не хотел бы допустить в отношении самого себя, тогда я не сомневаюсь, что докажу это обвинение. Не будем говорить о бесчисленных хитростях, с помощью которых оптовые продавцы и покупатели обманывают друг друга и которые ежедневно допускаются и практикуются даже самыми честными из торговцев; покажите мне торговца, который всегда раскрывает недостатки своих товаров тем, кто хочет купить их за более низкую цену; больше того, где вы найдете такого, который хоть иногда тщательно не скрывал бы эти недостатки в ущерб покупателю? Где тот купец, который никогда против своей совести не восхваляет своих товаров, namного преувеличивая их достоинства, чтобы они лучше продавались?

Деццо, очень влиятельный человек, у которого имелись большие заказы на поставку сахара в различные заморские страны, вел переговоры о значительной партии этого товара с видным вест-индским купцом Алькандером; оба хорошо знали рынок, но не могли прийти к соглашению: Деццо был человек состоятельный и полагал, что никто не должен покупать дешевле, чем он; Алькандер тоже был состоятельный человек и, не нуждаясь в деньгах, стоял за свою цену. В то время как они заключали свою сделку в таверне около биржи, человек Алькандера принес своему хозяину письмо из Вест-Индии³, в котором ему сообщали о значительно большем количестве сахара, прибывающем в Англию, чем ожидалось. Теперь уже Алькандер не желал ничего более, как продать по цене, даваемой Деццо, прежде чем эта новость станет всем известна; но, будучи хитрой лисой, не желая показать, что он стремится как можно скорее заключить сделку, но и не желая потерять своего покупателя, он прекратил тот разговор, который они вели, и, придав себе беззаботный вид, хвалил приятную погоду, а затем, заговорив о том восторге, который он испытывает при виде своего сада, пригласил Деццо поехать с ним в загородный дом, расположенный не более чем в двенадцати милях от Лондона. Стоял месяц май, и так как это было днем в субботу, а Деццо, будучи одиноким, до вторника не имел никаких дел в городе, то он принял приглашение, и они уехали в экипаже Алькандера. Деццо великолепно принимали в тот вечер и на следующий день; в понедельник утром, чтобы нагулять себе аппетит, он пошел поды-

шать воздухом во владениях Алькандера и, возвращаясь обратно, встретил знакомого джентльмена, который рассказал ему новость, пришедшую накануне вечером, о том, что флот, пливший с Барбадоса⁴, уничтожен бурей, и добавил, что до его отъезда из Лондона это было подтверждено в кофейне Ллойда, где полагали, что к открытию биржи сахар подымется на 25 процентов. Децио возвратился к своему другу и немедленно возобновил тот разговор, который они прервали в таверне. Алькандер, который, полагая, что его дело наверняка выгорит, намеревался двигать его дальше только после обеда, был очень рад, увидев, что его так удачно опередили, но, как бы страстно ни желал он продать, другой еще более нетерпеливо хотел купить; и все же оба они, боясь друг друга, значительное время разыгрывали, насколько было в их силах, полнейшее равнодушие, пока наконец Децио, подогретый тем, что он слышал, подумал, что дальнейшие отсрочки могут оказаться опасными, и, бросив гинею на стол, заключил сделку по цене, предложенной Алькандером. На следующий день они поехали в Лондон; известие оказалось правильным, и Децио заработал пятьсот фунтов на своем сахаре. Алькандер, хотя и он стремился перехитрить другого, сам получил той же монетой, и тем не менее все это называется честной игрой; но я уверен, что ни тот ни другой не хотели бы, чтобы их обманули так, как они обманывали друг друга.

**(В) Солдаты, вынужденные воевать,
Получали почести, если оставались в живых...**

Желание людей, чтобы о них хорошо думали, настолько необъяснимо, что, хотя их втягивают в войну против их воли, а некоторых — за совершенные ими преступления и вынуждены они воевать из-под палки, перенося угрозы и часто побои, все же они пользуются почетом за то, чего они бы избегали, будь это в их власти; в то время как, если бы разум пользовался у человека таким же влиянием, как гордость, он никак не мог бы получать удовольствие от похвал, которые, как он понимает, им не заслужены.

Честь в точном и подлинном значении этого слова, как мы его понимаем и здесь употребляем, есть не что иное, как хорошее мнение о нас других людей, которое считается более или менее значительным в зависимости

от того, больше или меньше шумихи и суматохи производится при его выражении; а когда мы говорим, что монарх является источником чести, это означает, что он обладает властью при помощи званий или церемоний или обоих вместе отличать того, кого он хочет, и это отличие имеет такую же ценность, как и его ходовая монета, и обеспечивает его владельцу хорошее мнение каждого, за-служивает он того или нет.

Противоположностью чести является бесчестье, или позор, который заключается в плохом мнении и презрении других; и так же, как первое считается вознаграждением за хорошие поступки, второе считается наказанием за плохие; и в зависимости от того, насколько открыто и грубо проявляется это презрение других, в такой же степени лицо, ему подверженное, терпит унижение. Этот позор называют также стыдом по тому последствию, которое он вызывает; ибо, хотя добро и зло чести и бесчестья мнимы, в стыде заключена определенная реальность, поскольку он обозначает аффект, у которого имеются соответствующие симптомы; он берет верх над нашим разумом, и, чтобы его подчинить, требуется столько же труда и самоотречения, сколько и для всех остальных аффектов; а поскольку самые важные поступки в жизни часто совершаются в зависимости от того влияния, которое этот аффект оказывает на нас, то полное понимание его должно помочь выявлению тех понятий о чести и бесчестье, которые существуют в мире. Поэтому я опишу его подробно.

Прежде всего дадим определение этому аффекту — стыду; я полагаю, что стыдом можно назвать печальное размышление о нашей собственной недостойности, вытекающее из опасения, что другие либо заслуженно презирают нас, либо могли бы презирать, если бы все знали. Единственное весомое возражение, которое может быть выдвинуто против этого определения, состоит в том, что невинные девственницы часто испытывают стыд и краснеют, когда они не виновны ни в каком преступлении, и не могут дать никакого разумного объяснения этой слабости и что люди часто испытывают стыд за других, с которыми их не связывает дружба или родство, и, следовательно, можно привести тысячи примеров проявления стыда, к которым неприменимо данное определение. В ответ на это я прежде всего прошу принять во внимание, что скромность женщин является результатом

обычая и воспитания, благодаря чему всякое обнажение тела, не продиктованное модой, и все грязные выражения представляются им ужасными и отвратительными, и, несмотря на это, в воображении самой добродетельной молодой женщины, какая только живет на земле, часто будут вопреки ей самой возникать мысли и путанные представления, в которых она ни за что на свете никому не признается. Затем я утверждаю, что, когда в присутствии неопытной девственницы произносятся непристойные слова, она боится, что кто-либо может подумать, что она знает, что означают эти слова, и что, следовательно, она понимает и это, и то, и другое, и разные вещи, а она желала бы, чтобы считали, что она их просто не знает. Размышление об этом и о том, что о ней подумают плохо, вызывает в ней тот аффект, который мы называем стыдом; и если что-либо, пусть ни в коей мере даже отдаленно не связанное с непристойностью, наведет ее на тот образ мыслей, о котором я говорил и который она считает преступным, то эффект будет тот же самый, особенно в присутствии мужчин, пока у нее есть скромность.

Чтобы испытать справедливость этого положения, пусть в комнате, соседней с той, в которой находится та же самая добродетельная молодая женщина (причем она должна быть уверена, что о ее присутствии там никто не знает), говорят так непристойно, как заблагорассудится; и она будет слушать это, если не вслушиваться, вовсе не краснея, потому что в этом случае она считает, что это все ее не касается; и если все же разговор заставит ее щеки покраснеть, то, что бы ни воображала ее певинность, можно определенно сказать, что краску вызвал аффект и в половину менее унижительный, чем стыд. Но если в том же самом месте она слышит что-то сказанное о самой себе, что должно ее опозорить, или называют что-то такое, в чем она тайно виновна, тогда десять против одного, что она будет испытывать стыд и покраснеет, хотя ее никто не видит, потому что у нее есть основание бояться, что о ней думают или могли бы думать презрительно, если бы все было известно.

Мы часто испытываем стыд и краснеем за других (что составляет вторую часть возражения) только потому, что иногда принимаем слишком близко к сердцу дела других; так люди вскрикивают, когда видят других в опасности. Когда мы размышляем слишком серьезно о том влиянии, которое оказал бы на нас такой заслу-

живающий порицания поступок, если бы мы его совершили, то жизненные соки и, следовательно, кровь незаметно возбуждаются, так же как если бы этот поступок был действительно совершен нами, и, таким образом, должны появиться те же самые симптомы.

Стыд, который как будто бы безо всякой причины испытывают темные, невежественные и невоспитанные люди в присутствии тех, кто их превосходит в соответствующих качествах, всегда сопровождается сознанием своих слабостей и недостатков и вытекает из него; и самый скромный человек, каким бы добродетельным, знающим и воспитанным он ни был, также испытывал стыд из-за какой-нибудь вины или неуверенности. Тех, кто по простоте или из-за недостатка воспитания чрезмерно подвержен этому аффекту и постоянно находится в его власти, мы называем застенчивыми; а тех, кто из неуважения к другим и ложного мнения о своих собственных способностях научился не поддаваться ему тогда, когда следовало бы, называют наглými или бесстыдными. Из каких странных противоречий соткан человек! Противоположностью стыда является гордость (см. Комментарий, *M*), однако никто не может испытать первого [чувства], если никогда не испытывал второго, ибо наша столь необыкновенная озабоченность тем, что другие подумают о нас, может вытекать только из того огромного самолюбия, которое мы питаем по отношению к самим себе, и не из чего больше.

Что эти два аффекта, в которых содержится в зародыше большинство добродетелей, являются реальными, а не воображаемыми качествами нашей природы, доказывается их очевидными и разными последствиями, которые независимо от нашего разума сказываются на нас, как только мы подвергаемся тому или иному аффекту.

Когда человека одолевает стыд, он наблюдает, что падает духом; сердце кажется холодным и сжатым, и кровь бежит от него на периферию тела; лицо горит, шея и часть груди тоже пылают; он тяжел, как свинец; голова опущена вниз, а глаза сквозь туман смущения смотрят только в землю; никакие обиды не могут его тронуть; он устал от самого своего существования и страстно желает сделаться невидимым. Но когда, удовлетворив свое тщеславие, он торжествует в гордости, то обнаруживает прямо противоположные симптомы: дух его играет и гонит кровь по артериям; теплота, бóльшая, чем обычно,

укрепляет и расширяет сердце; конечности спокойны; он ощущает легкость во всем теле и воображает, что мог бы ступать по воздуху; он высоко держит голову, а глаза его смотрят вокруг весело; он радуется своему существованию, склонен к гневу и был бы рад, если бы весь мир мог заметить его.

Трудно поверить, насколько необходим стыд для того, чтобы сделать нас общительными; стыд составляет слабость нашей природы; все люди, когда он их поражает, подчиняются ему с сожалением и предотвратили бы его, если б могли; и все же именно от него зависит счастье общения, и ни одно общество не могло бы быть цивилизованным, если бы большая часть людей не была ему подвержена. Поскольку чувство стыда причиняет беспокойство и все создания постоянно прилагают усилия для защиты от него, то возможно, что человек, стремящийся избежать этого беспокойства, в значительной мере поборол бы свой стыд к тому времени, когда повзрослел; но это наносило бы ущерб обществу, и поэтому начиная с раннего детства и в течение всего периода воспитания и обучения мы стремимся усилить, а не уменьшить или совсем уничтожить это чувство стыда; и единственным лекарством, предписанным в этом случае, является строгое соблюдение определенных правил для того, чтобы избегать тех вещей, которые могли бы вызвать в человеке это беспокойное чувство стыда. Но политик скорее лишит его жизни, чем избавит или совсем вылечит его от этого чувства.

Правила, о которых я говорю, состоят в умелом управлении самими собой, подавлении наших [эгоистических] желаний и сокрытии подлинных устремлений наших сердец в присутствии других людей. Те, кто не обучен этим правилам задолго до того, как достигает зрелого возраста, впоследствии редко добиваются в них какого-либо успеха. В том, чтобы приобрести и довести до совершенства те хорошие манеры, о которых я упоминал, самую большую помощь оказывают гордость и здравый смысл. То страстное желание, с которым мы стремимся получить уважение других, и тот восторг, который мы испытываем при мысли о том, что нравимся другим или, возможно, нами восхищаются, являются ценностями, с лихвой оплачивающими подавление самых сильных аффектов, и, следовательно, держат нас на почтительном расстоянии от всех таких слов или поступков, которые могут навлечь

на нас позор. Аффектами, которые мы должны главным образом скрывать, поскольку они приносят ущерб счастью и процветанию общества, являются вожделение, тщеславие и эгоизм; поэтому слово «скромность» имеет три различных принятых значения, которые меняются в зависимости от того аффекта, который оно скрывает.

Что касается первого значения, то я имею в виду ту разновидность скромности, которая вообще претендует на целомудрие в отношении своего предмета; она заключается в искреннем и мучительном стремлении с применением всех наших способностей задуть и спрятать от других людей ту склонность, которой нас снабдила природа для продолжения человеческого рода. Уроки такой скромности, так же как и грамматики, преподаются нам задолго до того, как у нас появляется случай их применить или понять их пользу; по этой причине дети часто испытывают стыд и краснеют из скромности раньше, чем то природное влечение, о котором я упоминал, производит на них какое-либо впечатление. Девочка, получившая воспитание в скромности, может, хотя ей еще не миновало двух лет, начать замечать, как тщательно женщины, с которыми она общается, укрывают свое тело в присутствии мужчин; и поскольку та же самая предосторожность усваивается ею как благодаря наставлениям, так и благодаря примеру, то весьма вероятно, что в шесть лет она будет стыдиться показывать ножку, даже не зная, почему такой поступок достоин осуждения или каков его смысл.

Чтобы быть скромными, мы должны прежде всего избегать всякого обнажения тела, не разрешаемого модой. Женщину не следует осуждать за то, что она ходит с обнаженной шеей, если обычаи той страны разрешают это; а когда мода предписывает, чтобы платье имело очень глубокий вырез, то цветущая дева может, не опасаясь обоснованной критики, показать всему миру,

Как крепки и велики ее высокие перся,
белые как снег,
И как широка грудь, из которой они растут.

Однако позволять, чтобы у нее была видна щиколотка, в то время как мода предписывает женщинам не показывать даже ступню, значит нарушать скромность; а та женщина, которая в стране, где приличие требует от нее закрывать лицо вуалью, показывает половину лица,

проявляет бесстыдство. Во-вторых, наш язык должен быть целомудрен и не только свободен от непристойностей, но и не должен допускать никакого намека на них, т. е. все то, что относится к размножению нашего рода, не должно упоминаться и каждое слово или выражение, которое имеет хоть малейшее, пусть самое отдаленное отношение к этому акту, никогда не должно срываться с наших уст. В-третьих, следует избегать с большой предосторожностью всех поз и движений, которые в какой-то мере могут вызвать грязные мысли, т. е. направить наш ум на то, что я назвал непристойностями.

Более того, молодая женщина, которая хотела бы, чтобы ее считали хорошо воспитанной, должна быть осмотрительной во всем своем поведении в присутствии мужчин и никогда не показывать, что она пользуется их благосклонностью и еще менее — что она одаряет их своей благосклонностью, если только почтенный возраст мужчины, близкое родство или огромная незаурядность той или иной стороны не послужат ей оправданием. Молодая леди, получившая утонченное воспитание, строго следит за своей внешностью и своими поступками, и в ее глазах мы можем прочесть сознание того, что у нее есть сокровище, она опасается его потерять и все же полна решимости не расставаться с ним ни на каких условиях. Тысячи сатир были написаны на жеманных притворщиц и столько же панегириков для восхваления беззаботных ласк и беспечного вида добродетельной красоты. Но более мудрая часть человеческого рода хорошо знает, что свободное и открытое выражение лица улыбающейся феи более привлекательно и обещает больше надежд соблазнителю, чем постоянно настороженный взгляд суровых глаз.

Эту строгую сдержанность должны соблюдать все молодые женщины, особенно девственницы, если они ценят уважение цивилизованного и образованного мира; мужчины же могут пользоваться большей свободой, потому что у них желание более бурно и менее управляемо. Если бы равная строгость поведения была навязана обоим полам, ни один из них не делал бы первого шага, и тогда среди всех воспитанных людей продолжение рода должно бы было остановиться; а поскольку это далеко от той цели, которую ставит перед собой политик, то было вполне разумно облегчить положение того пола, который больше страдал бы от строгости, и сделать ему

послабление, заставив правила смягчить свою суровость в отношении тех, у кого аффект был самым сильным, а бремя строгого ограничения — наиболее нестерпимым.

По этой причине мужчине разрешено открыто проявлять благоговение и большое уважение, которое он испытывает по отношению к женщине, и показывать больше удовлетворения, больше радости и веселья в их присутствии, чем обычно, когда их нет. Он не только может быть услужливым и угождать им во всех случаях, но его долгом считается защищать их и покровительствовать им. Он может восхвалять те хорошие качества, которыми они обладают, и превозносить их достоинства, употребляя такие преувеличения, какие только позволят его воображение, лишь бы они соответствовали здравому смыслу. Он может говорить о любви, он может вздыхать и жаловаться на строгость прекрасного пола, а то, что не должен произносить его язык, он может выразить при помощи глаз — такова его привилегия — и на этом языке сказать все, что ему заблагорассудится. Но это нужно делать с соблюдением приличий и короткими непродолжительными взглядами, ибо считается очень невежливым слишком настойчиво преследовать женщину и не спускать с нее глаз; причина этого проста — это ее беспоконт и, если она недостаточно защищена умением и притворством, часто приводит ее в видимое расстройство. Поскольку глаза являются окнами души, это наглое разглядывание в упор повергает иную неопытную женщину в панический страх, ей кажется, что ее видно насквозь и что мужчина может открыть или уже раскрыл, что происходит внутри нее; это причиняет ей невероятные муки, что заставляет ее обнаружить свои тайные желания и, кажется, имеет целью вырвать у нее ту великую истину, которую скромность предписывает ей всеми силами отращать.

Люди вообще склонны недооценивать чрезмерную силу воспитания и при выявлении различия в скромности между мужчинами и женщинами приписывают природе то, что целиком и полностью возникает благодаря раннему воспитанию. Девочке едва ли три года, но ей каждый день велят прикрывать ноги и совершенно серьезно бранят, если она показывает их, в то время как маленькому мальчику того же возраста приказывают поднимать рубашку и писать, как мужчине. Именно стыд и воспитание содержат зачатки всей благовоспитанности, и

тот, у кого отсутствует и то и другое, кто готов откровенно высказывать то, что у него на сердце и что он чувствует внутри себя, считается самым презренным созданием на земле, хотя он не совершил никакого преступления. Если мужчина вдруг скажет женщине, что не может найти никакой другой, кроме нее, с кем бы он хотел продолжить свой род, и что в этот момент он испытывает неистовое желание приступить к этому безотлагательно, и соответственно изъявит готовность овладеть ею для этой цели, то в результате его назовут животным, женщина сбежит, а его самого никогда больше не допустят ни в одно цивилизованное общество. Тот, у кого есть хоть какое-то чувство стыда, скорее переборет самую сильную страсть, чем допустит такой поворот дела. Но мужчине не нужно преодолевать свои аффекты, достаточно скрывать их. Добродетель приказывает нам подавлять наши желания, но хорошее воспитание требует только, чтобы мы их прятали. Воспитанный джентльмен может испытывать такое же неистовое желание обладать какой-либо женщиной, как и тот мужлан; но ведет он себя в этом случае совершенно по-иному. Прежде всего он обращается к отцу женщины и показывает свои возможности блестяще содержать его дочь. После этого он допускается в ее общество, где лестью, угодливостью, подарками и ухаживанием стремится добиться того, чтобы ей понравиться; и, если он сумеет этого достичь, тогда спустя немного времени женщина отдает ему себя в присутствии свидетелей весьма торжественным образом; вечером они ложатся в постель вместе, и самая суровая девственница очень покорно позволяет ему делать то, что ему нравится, и в результате он получает то, что хотел, даже вообще не прося этого.

На следующий день они принимают визиты, и никто не смеется над ними и не говорит ни слова о том, что они делали ночью. Что касается самих молодоженов, то они обращают внимания друг на друга не больше (я говорю о хорошо воспитанных людях), чем накануне; они едят и пьют, развлекаются, как обычно, и, поскольку не сделали ничего такого, чего можно было бы стыдиться, считаются самыми скромными людьми на земле (каковыми, может быть, они в действительности и являются). На этом примере я хочу показать, что если мы хорошо воспитаны, то не страдаем ни от какого ограничения в наших чувственных удовольствиях, а только трудимся во имя нашего

общего счастья и помогаем друг другу наиболее полно наслаждаться всеми мирскими радостями. Тому воспитанному джентльмену, о котором я говорил, не нужно подвергать себя большому самоотречению, чем дикарю, который поступал более в соответствии с законами природы и искренности, чем названный джентльмен. Человек, удовлетворяющий свои желания в соответствии с обычаями страны, может не бояться никакого осуждения. Если он похотлив больше, чем козлы и быки в период случки, то, как только [брачная] церемония закончена, пусть он пресыщается и изнуряет себя любовными утехами, возбуждает и удовлетворяет свои желания так чрезмерно, как ему позволяет его сила и мужские способности; он может безнаказанно смеяться над мудрецами, которые могут порицать его: все женщины и более девяти десятых мужчин на его стороне; он даже может позволить себе гордиться неистовством своей необузданной натуры, и, чем больше он купается в вожделии и напрягает все свои способности, чтобы быть до распутства чувственным, тем скорее он завоеует доброжелательность и приобретет привязанность женщин, не только молодых, тщеславных и сладострастных, но и благоразумных, степенных и весьма трезвых матрон.

Из того, что бесстыдство — порок, вовсе не следует, что скромность — добродетель; она основывается на стыде, аффекте нашей натуры, и может быть хорошей или плохой в зависимости от поступков, совершаемых под влиянием этого побудительного мотива. Стыд может мешать женщине легкого поведения уступить мужчине в присутствии общества, и тот же стыд может заставить скромное, добродушное существо, столкнувшееся с вероломством, убить своего ребенка. Аффекты могут случайно делать добро, но заслугой может быть только их преодоление.

Если бы в скромности была добродетель, то она с равной силой проявлялась бы как в темноте, так и на свету, чего в действительности нет. Это очень хорошо знают любители удовольствий, которые никогда не отягощают свой ум мыслями о добродетельности женщины, с тем чтобы лишь вернее побороть ее скромность; поэтому соблазнитель не предпринимает своих атак в полдень, а роют свои подкопы ночью.

*Illa verecundis lux est prebenda puellis,
Qua timidus latebras sperat habere pudor*⁵.

Люди состоятельные могут грешить, не опасаясь того, что разоблачат их тайные утехы, но служанки и женщины победнее редко имеют возможность скрыть большой живот или по крайней мере его последствия. Случается, что несчастная дочь благородных родителей может оказаться в пужде и не знать другого способа зарабатывать на жизнь, как стать гувернанткой или горничной. Она может быть прилежной, верной и услужливой, невероятно скромной и, если хотите, религиозной. Она может сопротивляться искушениям и сохранять свое целомудрие в течение многих лет и все же в конце концов встретить тот несчастный момент, когда она отдаст свою честь обманщику, обладающему большой привлекательностью, который затем бросит ее. Если она оказывается беременной, скорбь ее невыразима, и она не может примириться с несчастьем своего положения; боязнь позора охватывает ее так сильно, что кажда мысль о нем сводит ее с ума. Все члены семьи, в которой она живет, очень высокого мнения о ее добродетели, а ее последняя госпожа считала ее святой. Как же возрадуются ее враги, завидовавшие ее репутации! Как будут презирать ее родственники! Чем более скромна она сейчас и чем более неистово охватывает ее страх предстоящего позора, тем более злы и жестоки будут решения, принимаемые ею либо в отношении самой себя, либо в отношении того, что она носит под сердцем.

Обычно воображают, что та, которая может уничтожить свое дитя, свою собственную плоть и кровь, должна обладать неизмеримой жестокостью и быть диким чудовищем, отличным от других женщин; но это тоже ошибка, которую мы совершаем из-за недостаточного понимания природы и силы аффектов. Та же самая женщина, которая самым отвратительным образом убивает своего незаконнорожденного ребенка, впоследствии, если выходит замуж, может заботиться о своем ребенке, любовно растить его и испытывать к нему всю ту нежность, на которую только способна самая любящая мать. Все матери, естественно, любят своих детей; но так как это всего лишь аффект, а все аффекты имеют конечной целью удовлетворение себялюбия, то он может быть подавлен любым более сильным аффектом, чтобы удовлетворить то же самое себялюбие, которое, если бы ничто не вмешалось, заставило бы ее ласкать своего отпрыска. Обычные проститутки, известные всем как таковые, едва ли унич-

тожают своих детей; более того, даже те, кто участвует в грабежах и убийствах, редко виновны в этом преступлении; не потому, что они менее жестоки или более добродетельны, а потому, что они в значительной степени утратили свою скромность и страх перед позором едва ли оказывает на них какое-либо влияние.

Наша любовь к тому, что никогда не было в пределах досягаемости наших чувств, ничтожна и слаба, поэтому женщины не испытывают естественной любви к тому, что они носят в себе; их привязанность начинается после рождения ребенка; то, что они испытывают до этого, является результатом рассуждения, воспитания и мыслей о долге. Даже когда ребенок уже родился, любовь матери в первый момент слаба, а увеличивается вместе с проявлением ребенком своих чувств (*senses*) и вырастает до невероятной высоты, когда при помощи знаков он начинает выражать свои печали и радости, дает знать о своих нуждах и обнаруживает свою любовь к новизне и разнообразию своих желаний. Какие только труды и опасности не переносили женщины, чтобы сохранить и спасти своих детей, какую силу и крепость духа, намного превосходящие те, которыми обычно обладает их пол, проявили они ради своих детей! Но самые плохие женщины в этом отношении проявили себя так же ценстоно, как и самые лучшие. Всех их вынуждает к этому естественное стремление и природная склонность, они не думают о том вреде или той пользе, которую получает от этого общество. В том, чтобы доставлять себе удовольствие, нет никакой заслуги, и сам ребенок бывает часто непоправимо испорчен чрезмерной родительской любовью: ибо, хотя для детей двух или трех лет от роду эта всепрощающая материнская забота и может быть полезна, все же впоследствии, если ее не умерить, она может совершенно их испортить, а многих она привела на виселицу.

Если читатель полагает, что я слишком утомил его многословием по поводу той разновидности скромности, при помощи которой мы стремимся казаться целомудренными, то я постараюсь поправить дело с помощью той краткости, с которой я намереваюсь говорить об оставшихся разновидностях, благодаря которым мы заставляем других верить, что уважение, которое мы испытываем к ним, превышает ту ценность, которую мы приписываем самим себе, и что свою собственную выгоду мы игнорируем в гораздо большей степени, чем выгоду дру-

гих. Это похвальное качество обычно известно под названиями «благовоспитанность» и «хорошие манеры», и состоит оно в светской привычке, приобретаемой при помощи наставлений и примеров, льстить гордости и egoизму других и скрывать предусмотрительно и ловко свою собственную гордость и egoизм. Необходимо понимать, что это относится только к нашему общению с равными нам и стоящими выше нас и пока мы находимся в мире и дружбе с ними, ибо наша вежливость никогда не должна противоречить правилам чести или препятствовать изъявлению того уважения, которое следует нам от слуг и других лиц, от нас зависимых.

Я полагаю, что с этой оговоркой данному мною определению [скромности] будет соответствовать все, что может быть приведено как проявление или пример либо благовоспитанности, либо плохих манер, и будет очень трудно отыскать среди всех разнообразных случаев из жизни и общения людей во всех странах и во все времена такой пример скромности или бесстыдства, который не охвачен или не пояснен здесь. Человек, который, не подумав, просит значительных услуг от того, кто ему не знаком, называется бесстыдным, потому что он открыто показывает свой egoизм, не имея никакого уважения к egoизму другого человека. В этом мы в равной мере можем увидеть причину того, почему мужчина должен как можно меньше говорить о своей жене и детях и обо всем, что ему дорого, особенно в похвалу им, и вряд ли вообще должен говорить о себе. Хорошо воспитанный человек может желать, и даже страстно желать, похвал и уважения от других, но хвала, высказанная ему прямо в лицо, оскорбляет его скромность. Причина этого следующая: все человеческие существа, до того как они становятся воспитанными, испытывают чрезвычайное удовольствие, когда слышат похвалу в свой адрес; мы все это хорошо знаем, и поэтому, когда мы видим человека, открыто радующегося и наслаждающегося этим восторгом, в котором на нашу долю ничего не выпадает, это возбуждает наш egoизм, и мы сразу же начинаем завидовать ему и ненавидеть его. По этой причине хорошо воспитанный человек прячет свою радость, упорно отрицает, что он ее испытывает, и тем самым, приняв в соображение и успокоив наш egoизм, избегает той зависти и ненависти, которой он в противном случае имел все основания опасаться. Когда мы с самого детства наблюдаем, как издеваются над теми,

кто спокойно выслушивает похвалу в свой адрес, то, возможно, можем настолько усердно стремиться к тому, чтобы избежать такого удовольствия, что с течением времени испытываем беспокойство при его приближении; но это мы делаем, не следуя побуждениям природы, а извращая ее воспитанием и обычаем; ибо, если люди вообще не испытывали бы восторга от похвалы, тогда не было бы скромности в том, чтобы отказываться ее выслушивать.

Воспитанный человек не выбирает самое лучшее, а скорее берет самое худшее из предложенного блюда и всегда получает самую малую долю всего, если только его не заставляют насильно брать больше. Благодаря этой вежливости лучшее остается другим, а, поскольку это комплимент всем присутствующим, все этим довольны. Чем больше они любят себя, тем больше они вынуждены одобрять его поведение, и поскольку на сцену выходит чувство благодарности, то они обязаны почти независимо от своей воли благоприятно думать о нем. Именно таким образом благовоспитанный человек внушает уважение к себе во всяком обществе, куда он вхож, и, даже если он ничего больше не получает от этого, все же то удовольствие, которое он получает, думая об одобрении, которое, как он знает, тайно ему выражается, является для гордого человека более чем достаточным возмещением ранее проявленного им самоотречения и возвращает его себялюбию с процентами те потери, которые оно понесло, угождая другим.

Если у шести людей, соблюдающих правила хорошего тона и почти равных друг другу по своему положению, есть семь или восемь яблок или персиков, то тот, кого убедят выбирать первым, возьмет такой плод, который, если есть между ними сколько-нибудь значительная разница, и ребенок определил бы как самый плохой; он делает это для того, чтобы показать, что он считает тех, с кем он находится, обладающими более высокими заслугами и что нет никого другого, к кому бы он относился хуже, чем к самому себе. Именно обычай и общепринятость делают этот модный обман привычным для нас, и даже его абсурдность не шокирует нас; ибо, если бы люди были приучены говорить искренне, от души, и поступать в соответствии с естественными чувствами (*sentiments*), которые они ощущают внутри себя до того, как им исполнилось двадцать три или двадцать четыре года, им было

бы невозможно участвовать в этой комедии манер без громкого смеха или негодования; и в то же время не подлежит сомнению, что такое поведение делает нас более терпимыми друг к другу, чем мы могли бы быть в иных условиях.

Чтобы нам познать самих себя, очень полезно уметь проводить четкое различие между хорошими качествами и добродетелями. Узы общества требуют от каждого его члена определенного уважения к другим, от которого даже в империи не освобождается и самый высший в присутствии самого ничтожного; но когда мы одни и настолько удалены от общества, что находимся вне досягаемости их чувств, то слова «скромность» и «бесстыдство» теряют свой смысл; человек может быть безнравственным, но он не может быть нескромным, когда он один, и ни одна мысль, если она так и не сообщена другому, не может быть бесстыдной. Человек, обладающий преувеличенным чувством гордости, может так его прятать, что никто не сможет открыть, что у него вообще оно есть, и все же он может получать больше удовлетворения от этого аффекта, чем другой, который позволяет себе удовольствие заявлять о нем перед всем миром. Хорошие манеры не имеют никакого отношения к добродетели или религии; они не гасят, а скорее разжигают аффекты. Человек разумный и воспитанный никогда не упиивается своей гордостью больше, чем когда прячет ее с величайшей ловкостью; и, наслаждаясь тем одобрением, которым, он уверен, все справедливые судьи вознаградят его поведение, испытывает удовольствие, совершенно неизвестное тому близорукому грубому олддермену, который открыто показывает свое высокомерие на лице, ни перед кем не снимает шляпы и едва ли снисходит до разговора с человеком, стоящим ниже себя.

Человек может тщательно избегать всего, что в глазах света считается результатом гордости, не унижая себя или лишь в незначительной степени подавляя свой аффект. Возможно, он жертвует только незначительной внешней частью своей гордости, которой восторгаются одни только глупые невежественные люди, ради той ее части, которую все мы ощущаем внутри себя и которой с таким восторгом, но молча питаются люди самого высокого духа и самого возвышенного гения. Гордость великих и воспитанных людей нигде так не бросается в глаза, как во время споров о церемониях и старшинстве, где

они имеют возможность придать своим порокам вид добродетелей и могут заставить мир поверить, что то, что является результатом их собственной личной гордости и тщеславия, якобы является их заботой, их тревогой о достоинстве своей должности или о чести их хозяев. Это наиболее ярко проявляется во всех переговорах послов и полномочных представителей и должно быть известно всем, кто наблюдает за тем, как вершатся дела при публичном заключении договоров; и всегда будет справедливым, что люди, обладающие наилучшим вкусом, не ощущают никакой прелести в своей гордости, когда любой смертный может узнать, что они ее испытывают.

(Г) В улье не было такой пчелы,
Которая не получала бы больше,
Я не скажу, чем она заслужила,
Но чем...

То огромное уважение, которое мы испытываем по отношению к самим себе, и та малая ценность, которую мы приписываем другим, делают всех нас очень несправедливыми судьями в наших собственных делах. Очень немногих людей можно убедить в том, что они получают слишком много за счет тех, кому продают, какими бы чрезмерными ни были их доходы; в то же время им жаль прибыли, какой бы незначительной она ни была, если ее получают те, у кого они сами покупают; по этой причине, поскольку ничтожность выгоды продавца является самым убедительным мотивом для покупателя, торговцы обычно вынуждены лгать для своего оправдания и изобретать тысячи невероятных историй, но ни за что не открывают, что они действительно выручают от продажи своих товаров. Правда, есть старые держатели лавок, претендующие на большую честность (или, что более правдоподобно, на большую гордость), чем их соседи; они обычно обмениваются лишь несколькими словами со своими покупателями и отказываются продавать по цене ниже той, которую они просили вначале. Но они обычно хитры, как лисы, очень опытные в мирских делах и знают, что те, у кого есть деньги, часто получают при помощи грубости больше, чем другие, разговаривающие вежливо. Неопытные люди воображают, что могут найти больше искренности в строгой внешности степенного старика, чем в смиренном виде и привлекательном благодушии молодого новичка. Но это — огромная ошибка; и, если это

торговцы мануфактурой, шелком и бархатом или какие-либо иные, имеющие много сортов одного и того же товара, вы можете быстро сами в этом убедиться: посмотрите на их товары, и вы обнаружите на каждом из них их личные торговые марки, что является верным признаком того, что и те и другие в равной мере тщательно скрывают себестоимость того, что они продают.

**(Д) Так поступают и ваши игроки,
Которые, если даже играют честно, никогда
не признаются
В присутствии проигравших, сколько они выиграли**

Поскольку это общераспространенное явление, о котором не может не знать ни один человек, хоть когда-либо наблюдавший какую-нибудь игру, то должно быть что-то такое в устройстве человека, что является причиной (occasion) этого. Но поскольку рассмотрение данного вопроса покажется многим совсем пустяковым запятием, я хочу, чтобы читатель пропустил этот комментарий, если только он не находится в прекрасном настроении и ему совершенно нечего делать.

Что игроки обычно стремятся скрыть свой выигрыш от проигравших, обусловлено, мне кажется, возникновением смешанного чувства благодарности, жалости и самосохранения. Все люди естественно испытывают благодарность, получая какую-либо выгоду, и то, что они говорят или делают в тот период, когда это чувство влияет на них и согревает их, является подлинным и идет от сердца; но, когда это проходит, мы обычно предпринимаем ответные действия, исходя из добродетели, хороших манер, разума и мыслей о долге, но не из благодарности, которая является одним из побудительных мотивов рассматриваемой нами склонности. Если мы примем во внимание, насколько тиранически та неумеренная любовь, которую мы питаем в отношении самих себя, заставляет нас уважать каждого, кто намеренно или случайно действует нам на пользу, и как часто мы распространяем свою привязанность на предметы неодушевленные, когда мы воображаем, что они содействуют нашей данной выгоде; если, повторяю, мы примем это во внимание, то нетрудно будет обнаружить, почему нашей расположенностью к тем, чьи деньги мы выигрываем, мы обязаны принципу благодарности. Следующий побудительный мотив — наша жалость,

которая вытекает из сознания нами той неприятности, которая заключается в проигрыше, а так как мы любим, чтобы нас все уважали, то опасаемся лишиться уважения проигрывающих, став причиной их потери. Наконец, мы боимся их зависти, и поэтому самосохранение заставляет нас стремиться уменьшить сначала наше чувство обязанности по отношению к ним, а затем причину, почему нам следует их жалеть, в надежде, что они меньше будут нам завидовать и проявлять недоброжелательства. Когда аффекты проявляются в полную силу, они узнаются всеми. Когда человек, находящийся у власти, дает высокую должность тому, кто оказал ему небольшую добрую услугу в молодости, мы называем это благодарностью. Когда женщина стонет и заламывает руки, потеряв своего ребенка, она во власти аффекта, называемого горем. А то беспокойство, которое мы испытываем при виде больших несчастий, например когда человек сломал ногу или разбил голову, повсюду называется жалостью. Но слабые проявления, легкие прикосновения аффектов обычно не замечаются или неправильно истолковываются.

Для доказательства моего утверждения нам нужно лишь понаблюдать, что обычно происходит между выигрывающим и проигрывающим. Первый всегда услужлив и, если второй только хотя бы сдерживает свой темперамент, больше обычного вежлив; он всегда готов принаравливаться к проигрывающему, охотно, с предупредительностью и наилучшими манерами исправляет свои ошибки. Проигрывающий беспокоен, придирчив, угрюм и, возможно, ругается и бушует; и все же, пока он не говорит и не делает ничего намеренно оскорбительного, выигрывающий все воспринимает без обиды, не оскорбляя и не задевая его и не противореча ему. Как говорит пословица, проигрывающие должны иметь позволение браниться. Все это показывает, что проигрывающий, считается, вправе жаловаться и именно по этой самой причине достоин жалости. Что мы боимся недоброжелательства проигрывающего, очевидно из того, что мы сознаем, что нам не нравятся те, кому мы проигрываем, и мы всегда опасаемся зависти, когда считаем себя более удачливыми, чем другие. Отсюда следует, что, когда выигрывающий стремится скрыть свой выигрыш, его цель состоит в том, чтобы избежать тех неприятностей, которых он опасается, а это и есть самосохранение; его заботы продолжают

влиять на нас все время, пока существуют те побудительные мотивы, которые их вначале вызвали.

Но спустя месяц, неделю или, возможно, гораздо более короткий промежуток времени, когда мысли об обязанности перед проигравшим и, следовательно, благодарности выигравшего постепенно угасают; когда проигравший успокаивается, смеется над своим проигрышем и основание для жалости у выигравшего исчезает; когда боязнь навлечь на себя недоброжелательство и зависть проигравшего улетучивается, т. е. как только все аффекты прекращаются и забота о самосохранении уже не занимает больше мыслей выигравшего, он не только не постесняется признаться в том, что он выиграл, но и, если вмешается его тщеславие, будет также с удовольствием хвастаться своим выигрышем, если не преувеличивать его.

Возможно, когда играют люди, враждующие между собой и, вероятно, ищущие предлог для ссоры, или же когда играют по маленькой, оспаривая прежде всего превосходство в искусстве игры, стремясь главным образом добыть славу победителя, не происходит ничего такого, о чем я говорил. Разные аффекты заставляют нас принимать разные меры; то, что я сказал, по моему разумению, относится к обычной игре на деньги, когда стремятся получить и рискуют потерять то, что ценится. И даже в этом случае, я знаю, многие возразят, что хотя они виновны в сокрытии своего выигрыша, но никогда не замечали тех аффектов, которые я называю как причины этой слабости; что не удивительно, потому что очень немногие люди найдут досуг, а еще меньше применяют правильный метод для изучения самих себя так, как это следует делать. С аффектами у человека дело обстоит так же, как с колерами в ткани: легко распознать красный, зеленый, голубой, желтый, черный и т. п. цвета, когда они встречаются в отдельности, каждый на особом месте; но нужно быть художником, чтобы уметь распознать все различные цвета и их соотношения, которые составляют сложный цвет однородной ткани, в которой тщательно смешаны все краски, составляющие цвет. Тем же самым образом каждый может обнаружить аффекты, когда они проявляются отчетливо и один отдельный аффект охватывает всего человека; но очень трудно проследить каждый побудительный мотив тех поступков, которые являются результатом смешения ряда аффектов.

(Е) И добродетель, научившись у политики
Тысяче хитроумных уловок,
С их помощью подружилась с пороком

Можно сказать, что добродетель подружилась с пороком, если трудолюбивые порядочные люди, которые содержат семью и достойно воспитывают детей, платят налоги и являются во многих отношениях полезными членами общества, обеспечивают себе на жизнь каким-либо занятием, зависящим главным образом от пороков других людей или находящимся под сильным влиянием этих пороков; причем сами они не подвержены им и не соучастники в них, за исключением того, что они связаны с ними через свое занятие, как аптекарь может быть соучастником отравления, а оружейник — кровопролития.

Так, купец, отправляющий хлеб или мануфактуру в зарубежные страны с тем, чтобы купить там вина и коньяки, поощряет рост и производство своей собственной страны; он способствует развитию мореплавания, росту таможенных сборов и во многих отношениях приносит прибыль обществу; однако нельзя отрицать, что он больше всего зависит от расточительности и пьянства. Ибо если бы никто не пил вина, кроме тех, кому оно действительно необходимо, и если бы никто не пил больше, чем требует здоровье, то огромное число торговцев вином оптом и в розницу, бочаров и т. п., которые являют собой столь внушительное зрелище в этом процветающем городе [Лондоне], находились бы в плачевном состоянии. То же самое можно сказать не только в отношении тех, кто делает карты и кости, ибо они являются непосредственными слугами легнона пороков, но и в отношении торговцев шелком и бархатом, обойщиков, портных и многих других, которые через полгода умерли бы с голоду, если бы гордость и роскошь были сразу изгнаны из страны.

(Ж) ...Даже самый худший из всей массы [пчел]
Всегда предпринимал что-нибудь для общего блага

Я знаю, что многим это покажется странным парадоксом, и меня спросят, какую выгоду получает общество от воров и взломщиков. Я признаю, что они наносят большой вред человеческому обществу и каждое правительство должно принять все возможные меры для того, чтобы искоренить и уничтожить их; все же если бы все

люди были абсолютно честны и никто бы не вмешивался и не совал свой нос в чужие дела, ограничиваясь своими собственными, то половина кузнецов в стране оказалась бы без работы; сейчас же повсюду, и в городе и в деревне, мы наблюдаем обилие плодов их труда (которые служат как для украшения, так и для защиты), о которых бы даже и не думали, если бы они не имели целью защитить нас от вторжения воров и грабителей.

Если считают, что сказанное мною слишком притянуто за уши и мое утверждение по-прежнему кажется парадоксом, я просил бы читателя взглянуть на потребление вещей, и он обнаружит, что самые ленивые и самые бездеятельные, распутные и самые злонамеренные вынуждены делать что-нибудь для общего блага, и пока рта у них просят нищи и они продолжают изнашивать или каким-либо иным способом уничтожать то, что трудолюбивые люди ежедневно изготовляют, добывают и выращивают, то вопреки своему желанию они помогают содержать бедных и пестить общественные издержки. Труд миллионов людей вскоре прекратился бы, если бы не существовало миллионов других, которые, как я говорю в «Васне»,

Работали не покладая рук

И видели, как тут же поглощаются плоды их труда.

Людей следует судить не на основании тех последствий, к которым могут привести их поступки, а на основании самих фактов и побудительных мотивов, исходя из которых, как это обнаружится, они действовали. Если злобного скрягу, который имеет почти сто тысяч фунтов, а тратит в год всего лишь пятьдесят, хотя у него нет родственников, которые наследовали бы его богатство, ограбят на пятьсот или тысячу гиней, то, очевидно, как только эти деньги поступят в обращение, в результате этого грабежа страна обогатится и получит такую же реальную выгоду, как если бы какой-нибудь архиепископ завещал эту сумму обществу; и все же правосудие и спокойствие общества требуют, чтобы тот или те, кто ограбил скрягу, были повешены, хотя бы в этом деле их было замешано полдюжины.

Воры и карманники крадут, чтобы обеспечить себе на жизнь, так как либо то, что они могут получить честным путем, недостаточно для их содержания, либо они испытывают отвращение к постоянному труду. Они хотят удовлетворять свои желания, иметь еду, крепкие напитки,

распутных женщин и ничем не заниматься, когда им благо рассудится. Содержатель таверны, который принимает их и берет у них деньги, зная, каким путем они их добывают, сам почти такой же негодяй, как и его клиенты. Но если он дерет с них втридорога, не вмешивается в их дела, помалкивает и достаточно осторожен, то может получать деньги и быть точным в расчетах с теми, с кем он имеет дело. Надежный поставщик, главная цель которого — получить прибыль для хозяина, снабжает его всем необходимым и принимает все меры, чтобы не потерять клиентуру; он считает, что раз человек платит хорошие деньги, то не его дело интересоваться, от кого он их получает. Тем временем богатый владелец пивоваренного завода, доверивший все управление им своим служащим, ничего не знает об этом, а содержит выезд, угощает друзей и со спокойной совестью, в довольствии и покое наслаждается всеми радостями жизни, приобретает имение, строит дома, воспитывает своих детей в роскоши, даже не думая о тех усилиях, которые прилагают несчастные, о тех уловках, на которые идут глупцы, и тех обманах, к которым прибегают мошенники, чтобы приобрести тот товар, благодаря широкой продаже которого он накапливает свои огромные богатства.

Разбойник с большой дороги, захватив богатую добычу, дает обыкновенной бедной проститутке, которой он симпатизирует, десять фунтов, чтобы она с головы до ног оделась во все новое; найдется ли такой добропорядочный торговец модным товаром, который откажется продать ей атласную ткань, хотя знает, кто она такая? Ей нужны туфли и чулки, перчатки, корсет, а портной, швея, торговец бельем — все должны что-то получить от нее; и сотня разных ремесленников, зависимых от тех, кому она выложила свои деньги, могут еще до окончания месяца заполучить какую-то их часть. Тем временем тот щедрый джентльмен, истратив почти все свои деньги, снова вышел на большую дорогу, но на второй день после ограбления у Хайгета⁶ был схвачен вместе с одним из своих сообщников; на очередном заседании суда оба были осуждены и получили наказание по закону. Деньги, оставшиеся после их осуждения, достались трем сельским жителям, и лучшего применения им нельзя было найти. Один был честный фермер, трезвый старательный человек, но его преследовали несчастья: прошлым летом из-за надежа скота он потерял шесть коров из десяти,

и теперь его хозяин, которому он задолжал тридцать фунтов, отнял у него все стадо. Вторым был поденщик, отчаянно борющийся с нуждой, у него была больная жена и несколько малолетних детей, которых он должен был кормить. Третий был садовником у одного джентльмена, он содержал находящегося в тюрьме отца, заключенного туда вместо соседа (отец провел там почти полтора года из-за двенадцати фунтов); это проявление сыновнего долга тем более похвально, что уже в течение некоторого времени он был помолвлен с молодой женщиной, родители которой жили в достатке, но не давали своего согласия до тех пор, пока наш садовник не будет иметь пятьдесят гиней наличными. Они получили более восьмидесяти фунтов каждый, что избавило их от тех трудностей, которые они переживали, и сделало их, как они считали, самыми счастливыми людьми на свете.

Ничто не действует так разрушающе и на здоровье, и на бодрость, и на трудолюбие бедняков, как тот постыдно известный спиртной напиток, название которого, образованное от голландского названия можжевельника, теперь из-за частого употребления и стремления к лаконизму в английском языке из слова средней длины сократилось до односложного, — опьяняющий джин, который околдовывает бездеятельных, отчаявшихся и помешанных представителей обоих полов и заставляет голодного пьяницу смотреть на свои отрепья и наготу с глупой праздностью или же вяло подшучивать над ними с бессмысленным смехом и еще более безвкусными насмешками. Это — огненный поток, который воспламеняет мозг, зажигает внутренности и опалает каждую часть и каждый орган тела изнутри; и в то же время это — Лета, река забвения, в которой погрузившийся в нее несчастный топит свои самые тяжелые заботы и вместе с разумом все беспокойные мысли о детях, плачущих от голода, жестоких зимних морозах и страшном пустом доме.

Людей, обладающих горячим и желчным темпераментом, джин делает задристыми, превращает в скотов и дикарей, заставляет драться не из-за чего и часто бывает причиной убийств. Он надорвал и разрушил самые сильные организмы, довел их до чахотки и был роковой и непосредственной причиной апоплексических ударов, белой горячки и внезапной смерти. Поскольку эти последние бедствия случаются лишь изредка, их можно не

принимать во внимание и смотреть на них сквозь пальцы, но так пельзя поступать в отношении тех многочисленных болезней, которые связаны с этим напиком и которые вызываются им ежедневно и ежечасно, таких, как потеря аппетита, лихорадка, желтуха, судороги, каменная болезнь, мочево́й песок, водянка и послеродовое воспаление вен у женщин.

Некоторые наиболее страстные поклонники этой жидкой отравы, особенно люди самого низкого звания, из искренней привязанности к самому товару становятся его продавцами и наслаждаются тем, что помогают другим приобщаться к тому, что они сами любят, подобно тому как проститутки становятся содержательницами домов терпимости, чтобы прибыль от одной профессии содействовала удовольствиям другой. Но так как эти несчастные обычно пьют больше, чем позволяет их прибыль, они редко поправляют торговлей то скверное положение, в котором они находились, будучи только покупателями. На окраинах и задворках города и во всех местах, пользующихся самой дурной репутацией, спиртное продается в той или иной части почти каждого дома, часто в погребах, а иногда на чердаках. Мелкие торговцы этим адским утешительным зельем получают товар от других, закупающих несколько более высокое положение, так как те содержат настоящие винные магазины, но завидовать им пужно так же мало, как и первым; и среди людей среднего достатка я не знаю более достойного жалости способа добывать средства к существованию, чем их профессия; тот, кто захотел бы в ней процветать, должен быть прежде всего бдительным и настороженным, а также смелым и решительным, чтобы его не обманывали плуты и жулики и не запугивали бранью и проклятиями кучера и пешие солдаты; во-вторых, он должен быть мастером на грубые шутки и громкий смех, владеть всеми безошибочными способами завлечения клиентов и выманивания у них денег и хорошо знать низкопробные остроты и шутки, которые употребляет толпа, чтобы высмеивать благоразумие и бережливость. Он должен быть приветлив и подобострастен с самыми презренными людьми: всегда готов угодливо помочь носильщику снять с плеч его ношу, пожать руку корзиннице, снять шляпу перед торговкой устрицами и быть на короткой ноге с нищим; терпеливо и добродушно он должен сносить грязные дела и еще более отвратительный язык мерзких простит-

туток и самых непристойных развратников и, не нахмурив бровей и не показав ни малейшего признака отвращения, сносить все зловоние и грязь, крикливость и наглость, какие только могут появиться у самых бесстыдных и отчаянных представителей простонародья под воздействием крайней пужды, праздности и опьянения.

Большое число магазинов, о которых я говорю, в городе и его пригородах — удивительное свидетельство того, как много у нас соблазнительей, которые, занимаясь законным делом, являются соучастниками в том, что возникает и распространяются лень, пьянство, нужда и нищета, непосредственной причиной которых является злоупотребление крепкими напитками; цель этих соблазнительей — возвыситься над посредственностью, быть может, десяток людей, которые торгуют тем же товаром оптом, в то время как гораздо большее число розничных торговцев, хотя они таковы, как я говорил, разоряется и идет по миру из-за того, что они не могут воздержаться от чаши Цирцей⁷, которую протягивают другим; и даже более удачливые из них всю свою жизнь обязаны предпринимать чрезвычайные усилия, переносить трудности и мириться со всеми теми неблагоприятными и ужасными вещами, которые я упоминал, и все это ради того, чтобы обеспечить себе лишь жалкое существование, хлеб насущный, и ничего или совсем ничего больше.

Близорукое простонародье в цепи причин редко может видеть больше одного звена; но те, кто может увеличить свой обзор и обеспечить себе досуг, чтобы посмотреть на перспективу взаимосвязанных событий, могут в сотне мест увидеть, как добро возникает и прорастает из зла так же естественно, как цыплята из яиц. Деньги, получаемые как поплина на солод, составляют значительную часть национального дохода, и, если бы из солода не выгоняли спирт, общественная казна в огромной степени потерпела бы ущерб. Но если мы хотим представить в истинном свете те многие выгоды и длинный список постоянных благодеяний, которые вытекают из того зла, о котором я говорю, и им обусловлены, то мы должны учесть те ренты, которые выплачиваются, ту землю, которая обрабатывается, те орудия, которые изготавливаются, тот скот, который используется, и прежде всего ту массу бедняков, которая живет за счет разнообразного труда, необходимого в сельском хозяйстве, в солодовании, в перевозке и перегонке, прежде чем можно получить про-

дукт солодования, который называется первач и который является лишь основой, из которой впоследствии изготовляются различные спиртные напитки.

Кроме того, проникательный и добродушно настроенный человек может выбрать массу добра из того мусора, который я отбросил весь как зло. Он мог бы мне сказать, что, хотя злоупотребление спиртными напитками из солода приводит к праздности и пьянству, умеренное потребление их приносит неоценимую пользу беднякам, которые не в состоянии покупать взбадривающие напитки по более высоким ценам, что они служат универсальным утешением не только в холод и при усталости, но при большинстве бедствий, которые обычно переживают нуждающиеся люди, и часто заменяют самым бедным еду, питье, одежду и жилища. Что глупая праздность в самых несчастных обстоятельствах, вызываемая теми успокоительными средствами, на которые я жаловался, является благословением для тысяч людей, ибо, конечно, самыми счастливыми являются те, кто испытывает наименьшую боль. Что касается болезней, то он бы сказал, что хотя алкоголь и вызывает некоторые болезни, зато другие вылечивает и что если чрезмерное потребление этих напитков привело немногих к внезапной смерти, то привычка ежедневно потреблять их продлила жизнь многим, которым они, напротив, полезны; что за те потери, которые мы несем у себя в стране из-за ссор по пустякам, вызванных алкоголем, мы более чем вознаграждены тем преимуществом, которое получаем от него за рубежом, поддерживая мужество солдат и воодушевляя матросов на бой, и что за две последние войны ни одна значительная победа не была достигнута без его помощи.

На данное мною гнетущее описание жизни розничных торговцев спиртным и того, чему они должны подвергаться, он бы ответил, что в любой профессии мало кто приобретает большее, чем средних размеров, богатство и что тому, что я считал таким оскорбительным и нетерпимым в их занятии, те, кто привычен к этому, не придают почти никакого значения. То, что одним представляется утомительным и пагубным, для других является восхитительным и часто просто великолепным, поскольку люди отличаются друг от друга по положению и воспитанию. Он бы напомнил мне, что доход, получаемый от любого занятия, всегда уравнивает труды и тяготы, с ним связанные, и не забыл бы, что *Dulcis odor lucri e re quali-*

bet⁸; или сказал бы мне, что запах прибыл ароматен даже у золотарей.

Если бы я вдруг стал убеждать его, что появление того или иного крупного и видного винокура, очевидно, не уравновешивает необходимые для его возвышения порочные средства, явную нужду и постоянное бедствие столь многих тысяч несчастных, он бы мне ответил, что я не могу судить об этом, потому что не знаю, какую огромную пользу эти винокуры могут впоследствии принести государству. Он бы сказал, что возвысившийся таким образом человек, возможно, проявит себя в должности мирового судьи или на каком-либо ином поприще, бдительно и ревностно борясь с распутниками и недовольными, и, сохранив свой беспокойный характер, будет так же прилежно насаждать лояльность и исправлять нравы в каждой щели большого густонаселенного города, как некогда заполнял его спиртным, пока наконец не станет бичом для проституток, бродяг и нищих, ужасом для бунтовщиков и недовольного сброда и настоящей грозой не соблюдающих воскресенья мясников. Здесь мой добродушный оппонент возликовал бы и восторжествовал бы надо мною, особенно если бы смог привести мне хотя бы один пример такого блистательного деятеля. Какое необыкновенное счастье, воскликнул бы он, для страны иметь такого человека! Сколь блистательна и великолепна его добродетель!

Чтобы оправдать свое восклицание, он показал бы мне, что самым полным доказательством самоотречения благодарного ума служило бы то, что, как можно видеть, он, не считаясь со своим покоем и рискуя здоровьем и самой жизнью, постоянно изводит и даже за пустяки преследует тот самый класс людей, которому обязан своим богатством, не имея никакого другого побудительного мотива, кроме своего отвращения к праздности и огромной заботы о религии и об общем благе.

(3) Прямо противоположные стороны

Помогали друг другу как бы против своей воли

Ничто так не способствовало распространению Реформации⁹, как праздность и глупость католического духовенства; однако та же Реформация пробудила их от той лени и невежества, в которых они до нее пребывали, так что можно сказать, что последователи Лютера, Кальвина

и других подвергли реформации не только тех, кого они вовлекли в свои ряды, но и в равной мере тех, кто остался их самыми главными противниками. Духовенство Англии¹⁰, сурово обрушившись на схизматиков¹¹ и обвинив их в недостатке учености, нажило себе тем самым таких грозных врагов, которым нелегко было отвечать; и, далее, диссиденты¹², неотступно следя за частной жизнью и бдительно наблюдая за всеми действиями своих могущественных противников, заставляют сторонников государственной церкви быть более осторожными в своих поступках, чем, по всей вероятности, они были бы, если бы им не приходилось бояться злобных соглядатаев. В огромной степени именно благодаря тому, что во Франции постоянно имеется большое число гугенотов¹³, несмотря на попытки полностью истребить их, предпринимавшиеся в прошлом, это королевство может похвастаться менее беспутным и более ученым духовенством, чем любая другая католическая страна. Духовенство католической церкви нигде более не пользуется такой полнотой власти, как в Италии, и поэтому итальянское духовенство — самое развратное; и оно нигде не является более невежественным, чем в Испании, потому что там менее всего выступают против его учения.

Кто бы мог вообразить, что добродетельные женщины, сами того не зная, содействуют процветанию проституток? Или (что кажется еще большим парадоксом) что невоздержанность можно заставить служить сохранению целомудрия? И все же нет ничего более близкого к истине. У порочного молодого человека, пробывшего час или два в церкви, на балу или в каком-либо ином обществе, где есть много красивых женщин, одетых с наибольшей выгодой для себя, воображение воспалится больше, чем если бы он провел то же время, голосуя в ратуше или гуляя среди стада овец за городом. Вследствие этого он будет стремиться удовлетворить желание, которое возбуждено у него, а когда он обнаружит, что честные женщины упрямы и недоступны, то вполне естественно подумать, что он поспешит к другим, которые более уступчивы. Кто бы осмелился даже предположить, что это вина добродетельных женщин? Когда они тщательно одевались, бедняжки, то совсем не думали о мужчинах и стремились только появиться опрятными и прилично одетыми, каждая в соответствии со своими лучшими качествами.

Я далек от того, чтобы поощрять порок, и думаю, что если бы можно было полностью изгнать из государства грех нравственной нечистоплотности, то это было бы для него невыразимым счастьем; но я боюсь, что это невозможно. Аффекты некоторых людей слишком пенстовы, чтобы их можно было сдерживать законами или правоучениями; и все правительства поступают мудро, мирясь с меньшим злом, чтобы предотвратить большее. Если бы куртизанок и проституток преследовали с такой суровостью, как этого хотели бы некоторые неразумные люди, какие замки и решетки были бы в состоянии сохранить честь наших жен и дочерей? Ибо дело не только в том, что женщины вообще испытывали бы гораздо более сильные искушения, а попытки нарушить невинность девственниц казались бы тогда более простительными даже для здоровой части людей, чем они кажутся сейчас. Но некоторые мужчины пришли бы в неистовство, и изнасилование стало бы обычным преступлением. Как можно предполагать, что там, куда сразу прибывает шесть или семь тысяч матросов (как это часто случается в Амстердаме), которые много месяцев подряд видели только представителей одного своего пола, честные женщины могли бы ходить по улицам, не опасаясь приставаний, если бы не было проституток, которых можно нанять за умеренную плату? По этой причине мудрые правители этого города, содержащегося в хорошем порядке, всегда терпят существование неопределенного количества домов, в которых женщины нанимают так же открыто, как лошадей в платной конюшне; и, поскольку в этой терпимости можно увидеть много благоразумия и расчета, краткий рассказ об этом будет отступлением, неутомительным для читателя.

Прежде всего дома, о которых я говорю, разрешается располагать только в самой грязной и запущенной части города, которую посещают и где останавливаются главным образом матросы и никому не известные люди. Улица, на которой стоит большинство их, пользуется скандальной известностью, и эта позорная слава распространяется на всю округу. Во-вторых, в этих местах только встречаются и заключают сделки, назначают встречи, чтобы договориться о свиданиях, происходящих в большем секрете, и никогда в них не допускается никакая непристойность; этот порядок так строго соблюдается, что, если исключить дурные манеры и крикливость общества, кото-

рое их посещает, вы встретите там не больше неприличия и обычно меньше похотливости, чем можно увидеть у нас в каком-либо театре. В-третьих, торгующие собой женщины, которые приходят на эти вечерние биржи, всегда представляют собой отбросы общества, это обычно те, кто днем развозит на тачках фрукты и другие продукты. Правда, одежда, в которой они появляются вечером, сильно отличается от их обычной; однако, как правило, их одеяния настолько нелепо пестры, что больше похожи на римские платья бродячих актрис, чем на одежду благородных женщин. Если к этому вы добавите неуклюжесть, большие руки и грубые манеры девиц, которые их носят, то нет серьезных оснований опасаться, что ими могут соблазниться многие более порядочные люди.

Музыка в этих храмах Венеры исполняется на органах, не из уважения к божеству, которому поклоняются в них, но из-за бережливости владельцев, в задачу которых входит обеспечить как можно больше звуков за как можно меньшие деньги, и из-за политики правительства, которое стремится как можно меньше поощрять племя флейтистов и скрипачей. Все моряки, особенно голландские, похожи на ту стихию, с которой они связаны, — очень любят громко кричать и реветь, и шум, производимый полдюжиной их, когда они, по их собственному выражению, веселятся, достаточен, чтобы заглушить вдвое большее число флейт или скрипок, в то время как при помощи двух органов можно заставить звенеть весь дом и притом не нести никаких иных расходов, кроме содержания одного несчастного музыканта, который может обойтись очень дешево. И все же, несмотря на хорошие правила и строгую дисциплину, которые соблюдаются на этих рынках любви, пристав и его полицейские постоянно тревожат, держат в напряжении, штрафуют и при малейшей жалобе снимают их несчастных содержателей. Такая политика приносит большую пользу, и притом двойную: во-первых, это дает возможность большому числу полицейских, которых во многих случаях используют правители города и без которых они могут обойтись, выжимать себе на жизнь из чрезмерных доходов, получаемых за самое худшее из занятий, и в то же время наказывать тех распутников, содержательниц публичных домов и сводников, без которых нельзя обойтись и которых они хотя и ненавидят, но все же не желают совсем разорять.

Во-вторых, поскольку из-за целого ряда причин было бы опасно раскрыть толпе тайну того, что на эти дома п ту торговлю, которая в них совершается, смотрят сквозь пальцы, то, выходя безупречными при помощи этого средства, осторожные правители города сохраняют о себе доброе мнение людей более слабых, которые воображают, что правительство постоянно пытается, хотя и не в состоянии, подавить то, что оно на самом деле терпит. В то время как если бы решили их уничтожить, то власть правителей в совершении правосудия настолько полна и велика и они так хорошо знают, как ее осуществлять, что за одну неделю, а скорее за одну ночь могли бы всех их выслать.

В Италии терпимость в отношении проституток еще более откровенна, что очевидно из существования у них открытых притонов разврата. В Венеции и Неаполе непристойность является своего рода товаром и предметом торговли; куртизанки в Риме и проститутки в Испании составляют целую организацию в государстве и легально облагаются налогами и податями. Хорошо известно, что причиной, почему так много хороших политиков — а именно таковы политики в этих странах — терпят публичные дома, является не отсутствие у них религиозности, а желание предотвратить худшее зло, нечистоплотность более отвратительного вида и обеспечить безопасность честных женщин. Французский автор де Сейнт-Дидье говорит: «Около двухсот пятидесяти лет тому назад, когда в Венеции случилась пехватка куртизанок, республика была вынуждена приобрести большое число их в других государствах». Дольони (Doglioni), написавший о достопамятных делах Венеции, всячески превозносит мудрость республики в этом вопросе; это сохранило целомудрие честных женщин, ежегодно подвергавшихся опасности открытого насилия, поскольку церкви и освященные места не были достаточно надежным убежищем для их целомудрия.

Если в некоторых колледжах Англии не было ежегодного пособия *ad expurgandos Renes*¹⁴, тогда, значит, на наши университеты клеветают; и было время, когда в Германии монахам и священникам разрешалось иметь сожительницу после уплаты определенной ежегодной пошлины своему прелату. Господин Бейль¹⁵ (Bayle), у которого я замечивал этот последний параграф, говорит: «Обычно полагают, что причиной этой постыдной поблажки

была жадность; но более вероятно, что целью ее было предотвратить искушение священниками скромных женщин и успокоить тревогу мужей, негодования которых священники всячески стараются избежать». Из того, что было сказано, очевидно, что существует необходимость пожертвовать одной частью женского населения, чтобы сохранить другую и предотвратить развращенность более отвратительного характера. Отсюда, по моему мнению, я могу справедливо заключить (что и было тем кажущимся парадоксом, который я собирался доказать), что целомудрие может быть поддержано невоздержанностью и что самая высокая добродетель нуждается в помощи самого низкого порока.

**(И) Корень зла — алчность,
Этот отвратительный и гибельный порок,
Была рабом расточительности**

Я присоединил так много ругательных эпитетов к слову «алчность», следуя правилу людей, которые обычно употребляют больше ругательств по адресу этого порока, чем какого-либо иного; и действительно, нельзя сказать, чтобы незаслуженно, ибо едва ли можно назвать такое несчастье, которое в тот или иной период не вызывалось бы алчностью. Но истинная причина, почему все так много и яростно ругают ее, состоит в том, что почти каждый от нее страдает; ибо, чем больше денег накапливают одни, тем меньше их должно оставаться для других, и поэтому, когда люди очень сильно бранят скряг, обычно в основе этого лежит своекорыстие.

Поскольку без денег жить нельзя, то те, у кого их нет или нет того, кто мог бы им дать их, вынуждены оказывать те или иные услуги обществу, прежде чем получают их. Но поскольку каждый оценивает свой труд так же, как и самого себя, — а обычно скорее преувеличивают свою ценность, чем преуменьшают, — то большинство людей, которым деньги нужны лишь для того, чтобы тут же их снова истратить, воображают, что они делают за деньги больше, чем эти деньги стоят. Люди не могут не считать, что их жизненные потребности должны удовлетворяться независимо от того, работают они или нет, потому что обнаруживают, что природа, не спрашивая, есть ли у них съестное или нет, предписывает им питаться, когда они голодны. По этой причине каждый стремится полу-

читать то, что он хочет, приложить как можно меньше труда. И поэтому когда люди обнаруживают, что те хлопоты, которые выпадают на их долю для получения денег, либо больше, либо меньше в зависимости от того, являются ли те, от кого они получают деньги, более или менее прижизненными, то им вполне естественно сердиться на скупость вообще, ибо она заставляет их либо совсем обходиться без того, что им бы пригодилось, либо употребить для его получения больше усилий, чем они хотят.

Несмотря на то что скупость является причиной столь многих зол, она тем не менее совершенно необходима для общества, чтобы подбирать и накапливать то, что потерял и разбросал противоположный порок. Если бы не скупость, мотам вскоре печего было бы проматывать; а если бы никто не копил и не собирал быстрее, чем они тратят, то очень немногие могли бы тратить быстрее, чем получать. Что скупость является рабом расточительности, как я ее назвал, следует из того, что, как мы ежедневно наблюдаем, очень много скряг трудится и надрывается, собирает по крохам и голодает, чтобы обогатить расточительного наследника. Хотя эти два порока кажутся прямо противоположными, они тем не менее помогают друг другу. Флорио — расточительный молодой повеса с очень большой склонностью к мотовству; поскольку он единственный сын очень богатого отца, он хочет жить широко, содержать лошадей и собак и швыряться деньгами, как это делают у него на глазах некоторые его приятели; но старый скряга не расстается со своими деньгами и разрешает ему только самые необходимые траты. Флорио давно бы занял деньги под свое честное слово, но, поскольку все будет потеряно, если он умрет раньше своего отца, ни один благоразумный человек не даст ему займы. Наконец он встречает жадного Корнаро, который ссужает его деньгами под тридцать процентов, и теперь Флорио считает себя счастливым и тратит тысячу в год. Где бы еще мог Корнаро вообще получить такой невероятный процент, если бы не было такого глупца, как Флорио, который дает такую огромную цену за деньги, чтобы швырять ими? А как бы Флорио получил деньги для своих трат, если бы он случайно не наткнулся на такого алчного ростовщика, как Корнаро, чья чрезмерная жадность заставляет его игнорировать тот огромный риск, которому он подвергается, ставя такие огромные суммы на жизнь буйного развратника.

Скупость является обратной стороной щедрости лишь тогда, когда она обозначает ту низменную любовь к деньгам и узость души, которая не дает скряге расстаться с тем, что он имеет, и вынуждает его домогаться денег только для того, чтобы накапливать. Но существует алчность другого рода, которая состоит в жадном стремлении обладать богатствами для того, чтобы их тратить, и она часто встречается у одних и тех же лиц вместе с расточительностью, что видно на примере большинства придворных и высших чинов, как гражданских, так и военных. В их домах, мебелировке, экипировке и развлечениях их великолепно проявляется с величайшей расточительностью, в то время как те низменные поступки, до которых они опускаются ради барыша, и те многочисленные обманы и надувательства, в которых они виновны, говорят о предельной скупости. Это смешение противоположных пороков очень точно подходит для характеристики Катиллы¹⁶, о котором сказано, что он *appetens alieni et sui profusus*¹⁷, был жаден до чужого имущества и расточал свое.

(К) ...Этого благородного греха...

Я называю благородным грехом не ту расточительность, которая имеет своим спутником алчность и заставляет людей неразумно расточать на одних себя кое-что из того, что они несправедливо вымогают у других, а тот приятный добродушный порок, который заставляет трубы дымиться, а всех торговцев улыбаться; я имею в виду чистую щедрость беспечных и сластолюбивых людей, которые, будучи воспитаны в роскоши, питают отвращение к низким мыслям о барыше и щедро раздают только то, что другие постарались собрать по крупице; те, которые удовлетворяют свои наклонности за свой собственный счет, испытывают постоянное удовлетворение, меняя старое золото на новые удовольствия, и из-за чрезмерной широты обильной души обвиняются в том, что слишком презирают то, что большинство людей чрезмерно переоценивает.

Когда я с таким уважением говорю об этом пороке и отношусь к нему с такой мягкостью и сдержанностью, я делаю это по той же причине, которая заставляет меня награждать столь многими резкими эпитетами порок ему противоположный, *viz.*¹⁸, я пекусь об интересах общества. Ибо так же, как скряга не делает добра самому себе и

приносит вред всему остальному миру, исключая своего наследника, так и щедрый человек является благословением для всего общества и не причиняет вреда никому, кроме самого себя. Правда, большинство первых — мошенники, а последние — все глупцы; однако они являются теми лакомыми кусочками, которыми наслаждается общество, и с той же справедливостью, с какой французы называют монахов куропатками женщин, могут быть названы вальдшнепами общества. Если бы не было расточительности, ничто не смогло бы нам уравновесить грабеж и вымогательство скряг, находящихся у власти. Когда умирает алчный государственный деятель, который всю свою жизнь потратил на то, чтобы жиреть за счет богатства страны, и скупостью и грабежом накопил огромные сокровища, то каждый добропорядочный член общества должен радоваться, наблюдая чрезвычайное мотовство его сына. Это — возвращение обществу того, что было отнято у него. Требование вернуть полученные дары является варварским способом вымогательства, и вообще неблагородно разорять человека быстрее, чем он разоряется сам, когда он занимается этим так по-настоящему серьезно. Разве он не кормит бесчисленное множество собак всех пород и размеров, хотя вообще не охотится, не держит больше лошадей, чем любой дворянин в королевстве, хотя никогда на них не ездит, и не выплачивает некрасивой кокотке такого большого содержания, которое было бы достаточным для герцогини, хотя он с ней вообще не спит? Поэтому оставьте его в покое или восхваляйте его, назовите его лордом-патриотом, благородно щедрым и величественно великодушным, и через несколько лет он сам допустит, чтобы его обчистили так, как ему самому хочется. Поскольку страна получила свое обратно, нам не следует придирааться к тому, каким именно образом было возвращено награбленное.

Множество умеренных людей, которых я знаю как врагов крайностей, скажут мне, что место этих двух пороков, о которых я говорю, могло бы, ко всеобщему удовлетворению, быть занято умеренностью, что, если бы у людей не было столь многих расточительных способов тратить свое богатство, они не поддавались бы соблазну столь многих порочных способов его накопления, и, следовательно, то же самое число людей, в равной мере избегая обеих крайностей, могло бы сделать себя более счастливыми и быть менее порочными без этих пороков, чем

с ними. Тот, кто выдвигает подобное утверждение, тем самым показывает, что как человек он лучше, чем как политик. Умеренность подобна честности, это — тощая, голодная добродетель, которая годится только для маленьких обществ добрых, миролюбивых людей, которые довольствуются бедностью, чтобы жить в покое; но в большой кипучей стране она может скоро надоесть. Это — ленивая мечтательная добродетель, которая ничем не занимает рук и поэтому совершенно бесполезна в торгово-промышленной стране, где имеется огромное число людей, которых всех надо тем или иным способом побудить работать. Расточительность, чтобы не дать людям сидеть без дела, изобретает тысячу способов, о которых умеренность даже и не подумает; а так как на это надо потратить огромные богатства, то скупость опять-таки знает бесчисленные приемы для их сколачивания, от которых умеренность с презрением бы отвернулась.

Авторам всегда позволяется сравнивать малые вещи с великими, особенно если сначала они попросят разрешения. *Si licet exemplis etc.*¹⁹, но сравнивать великое с низким и тривиальным недопустимо, разве что только в бурлеске; в противном случае я сравнил бы общество (я признаю, что сравнение является очень низким) с чашей пунша. Скупость должна придавать ему кислый привкус, а расточительность — сладкий. Водой я бы назвал невежество, глупость и доверчивость изменчивой бесцветной толпы, в то время как мудрость, честь, сила духа и все остальные возвышенные качества людей, отделенные искусством от отбросов природы, вознесенные и очищенные огнем славы, который превратил их в духовную эссенцию, должны быть равнозначны коньяку. Я не сомневаюсь в том, что если бы вестфалец, лапландец или какой-нибудь иной тупой иностранец, незнакомый со смесью в целом, попробовал по отдельности ее составные части, то подумал бы, что из них нельзя составить сколько-нибудь сносного напитка. Лимоны будут слишком кислыми, сахар — слишком сладким, о коньяке он скажет, что он слишком крепок, чтобы его можно было выпить в сколько-нибудь значительном количестве, а воду он назовет безвкусной жидкостью, пригодной только для коров и лошадей. Однако опыт учит нас, что эти отдельные составные части, смешанные в правильной пропорции, составят отличный напиток, который нравится людям самого взыскательного вкуса, восхищающимся им.

Что касается конкретно рассматриваемых нами двух пороков, то я мог бы сравнить скудость, которая вызывает столько несчастий и на которую жалуются все, кто сам не скряга, с кислотой, которая вызывает спазмы в желудке, действует нам на нервы и неприятна для каждого человека, вкус которого не испорчен излишествами. Я мог бы сравнить яркую отделку платья и великолепие внешности расточительного щеголя со сверкающим блеском сахарной головы, ибо в такой же мере как один, нейтрализуя едкость, предотвращает тот вред, который разъедающая кислота могла бы нанести желудку, другой является приятным бальзамом, который залечивает и вознаграждает ту жгучую боль, которую люди всегда испытывают в тисках скряг, в то время как вещество их обоих тает одинаково и они расходуют себя, принося пользу тем составам, в которые они входят. Я мог бы и дальше продолжать это сравнение, рассказав о пропорциях и абсолютной точности, которую надо соблюдать в них, что ясно бы показало, что ни в той, ни в другой смеси практически нельзя обойтись без каждого ингредиента; но я не буду утомлять читателя, развивая слишком далеко пеленое сравнение, когда у меня есть для его развлечения другие вопросы, более важные. И чтобы подвести итог тому, что я сказал в этом и предыдущем комментарии, добавлю только, что смотрю на скудость и расточительность в обществе так же, как на два яда в медицине, действия которых прямо противоположны и в отношении которых определенно известно, что, так как губительные свойства благодаря взаимной вредности нейтрализуются в обоих, они могут помогать друг другу и часто вместе составляют хорошее лекарство.

(Л) Роскошь давала работу миллиону бедняков...

Если роскошью считать все то, что не является непосредственно необходимым для существования человека как живого существа (а если подходить со всею строгостью, то именно так и следует поступать), то в мире ничего иного и нельзя обнаружить. Даже у голых дикарей, среди которых, по всей вероятности, нет таких, кто к настоящему времени не внес никаких улучшений в свой прежний образ жизни и либо в приготовлении пищи, либо в оборудовании своих хижин, или еще в чем-либо не добавил чего-нибудь к тому, что некогда удовлетворяло их.

Каждый скажет, что это определение является слишком строгим; я придерживаюсь такого же мнения; но если мы отступим хотя бы на дюйм от этой суровости, то, я боюсь, мы не будем знать, где остановиться. Когда люди нам говорят, что они только хотят содержать себя в чистоте и опрятности, невозможно понять, что они имеют в виду; если они употребили эти слова в их подлинном прямом правильном значении, то они вскоре могли бы удовлетворить свое желание без особых затрат или усилий, если бы у них хватило воды. Но эти два маленьких слова настолько вместительны, особенно в разговоре некоторых женщин, что никто не может догадаться, насколько их можно растянуть. Жизненные удобства в равной мере настолько разнообразны и обширны, что никто не может сказать, что люди понимают под ними, исключая те случаи, когда известно, какой образ жизни они ведут. Ту же самую неясность я наблюдаю в словах «приличие» и «комфорт», и я их вообще не понимаю, если не знаком с положением тех людей, которые их употребляют. Люди могут вместе ходить в церковь и все быть настроены одинаково, насколько им это заблагорассудится, но я склонен полагать, что, когда они молятся о хлебе насущном, в эту мольбу епископ включает кое-какие вещи, о которых церковный сторож даже не помышляет.

Тем, что я до сих пор сказал, я хотел только показать, что если мы однажды отойдем от того, чтобы называть роскошью все, что не является абсолютно необходимым для поддержания жизни человека, то роскоши вообще не окажется; ибо, если потребности человека бесчисленны, тогда то, что должно удовлетворять их, не имеет границ; то, что называют излишним для одной категории людей, будет считаться необходимым для людей более высокого положения; и ни сама природа, ни искусство человека не могут произвести ничего столь курьезного или необычного, чего бы тот или иной милостивый монарх, если оно доставляет ему удовольствие или развлечение, не включил в число самых необходимых потребностей жизни, имея в виду не всякую жизнь, а жизнь своей священной особы.

Широко распространено мнение о том, что роскошь губительна для богатства всего государства в такой же мере, как и для каждого отдельного человека, ей предающегося, и что всеобщая умеренность обогащает страну таким же образом, как и та, которая носит менее общий характер и увеличивает владения отдельных семей. При-

знаюсь, что, хотя я обнаружил людей гораздо умнее меня, которые придерживаются этого мнения, я не могу не выразить свое несогласие с ними по этому вопросу. Они утверждают следующее: например, говорят они, мы посылает в Турцию ежегодно на миллион шерстяных тканей и другие изделия нашего производства; за это мы привозим обратно шелк, мехер²⁰, напитки и т. п. на сумму миллион двести тысяч фунтов, которые все потребляются внутри страны. От этого, заявляют они, мы ничего не получаем; но, если бы большинство из нас удвоилось изделиями нашего внутреннего производства и тем самым потребило бы лишь половину этих иностранных товаров, тогда те в Турции, кто все же хотел бы получить то же количество наших изделий, были бы вынуждены платить наличными за остальное, и тогда только благодаря такому балансу этой торговли страна получала бы шестьсот тысяч фунтов *per annum*²¹.

Чтобы рассмотреть справедливость этого утверждения, предположим (так же как делали они), что в Англии будет потребляться только половина того шелка и т. п., который потребляется сейчас; предположим также, что турки, хотя мы отказываемся покупать более половины их товаров, которые мы обычно покупали, либо не смогут, либо не захотят остаться без того же самого количества наших изделий, которое они покупали раньше, и что они выплатят разницу наличными, т. е., что они дадут нам столько серебра или золота, насколько стоимость того, что они покупают у нас, превышает стоимость того, что мы покупаем у них. Хотя то, что мы предположим, возможно, могло бы быть осуществлено однажды, но долго продолжаться так не может: торговля есть обмен и ни одна страна не может покупать товары других, если у нее нет своих собственных товаров, с помощью которых она может их оплатить. Испания и Португалия, которые ежегодно получают новое золото и серебро из своих рудников, могут постоянно покупать за наличные, пока продолжается ежегодное увеличение притока золота или серебра в их страны, но у них ведь деньги — их производство и товар страны. Мы знаем, что мы не могли бы в течение долгого времени покупать товары других стран, если бы они не брали в уплату за них наши изделия; а почему мы должны считать, что другие страны поступают по-иному? Тогда, если бы туркам не больше падало денег с неба, чем нам, давайте посмотрим, каковы бы были последствия на-

шего предположения? Оставшиеся у них на руках в первый год шелк, мохер и т. п. на шестьсот тысяч фунтов должны привести к значительному падению цен на эти товары; от этого голландцы и французы получают такую же прибыль, что и мы, и, если мы по-прежнему будем отказываться принимать их товары в уплату за наши изделия, они не смогут больше торговать с нами, а должны будут удовлетвориться покупкой того, что им нужно, у тех стран, которые готовы взять то, от чего мы отказываемся, хотя их товары гораздо хуже наших, и тем самым наша торговля с Турцией должна будет через несколько лет неминуемо прекратиться.

Но, возможно, они скажут, что для предотвращения того неблагоприятного последствия, о котором я говорил, мы будем брать турецкие товары, как раньше, но только будем настолько бережливы, что потребим сами лишь половину их, а остальное пошлем на продажу в другие страны. Давайте посмотрим, к чему это приведет и обогатит ли это страну на шестьсот тысяч фунтов, составляющих баланс нашей торговли. Во-первых, я допускаю, что, раз наши люди внутри страны употребят на столько-то больше наших собственных изделий, те, кто связан с шелком, мохером и т. п., заработают себе на жизнь на разных работах, связанных с обработкой шерстяных изделий. Но, во-вторых, я не могу согласиться с тем, что эти товары можно будет продавать, как раньше, ибо даже если предположить, что одна половина их, потребляемая внутри страны, может быть продана по прежней цене, то, конечно, другая половина, которая направляется за границу, получит значительно меньшую цену, ибо мы должны послать эти товары на рынки, уже заполненные, и, кроме того, необходимо вычесть фрахт, страховку, резерв и все другие накладные расходы, и купцы вообще должны на этой половине, которая пересылается в другие страны, потерять гораздо больше, чем выручили от той половины, которая потреблена внутри страны. Хотя шерстяные ткани являются нашим собственным продуктом, все же они содержат купца, который отправляет их в другие страны, так же, как лавочника внутри страны, который продает их в розницу; так что, если доходы от того, что он посылает за границу, не возместят ему расходов по приобретению этих товаров внутри страны, со всеми другими расходами, пока он не получит деньги и хороший процент за них наличными, купец должен будет за-

крывать свое дело; и результат будет тот, что купцы, вообще обнаружив, что они потеряли на турецких товарах, которые они отправили за границу, отправят в другие страны лишь столько наших изделий, сколько необходимо для уплаты за такое количество шелка, мохера и т. п., которое будет потреблено внутри страны. Другие страны вскоре найдут способы поставлять туркам товары, чтобы восполнить ту недостачу в наших товарах, которую мы сами создали, и тем или иным образом распорядиться теми товарами, от которых мы отказались. Так что все, что мы получили бы от этой бережливости, заключалось бы в том, что турки брали бы лишь половину того количества наших изделий, которое они берут сейчас, когда мы поощряем ввоз их тканей и носим их, без чего они не в состоянии покупать наши.

Поскольку я в течение нескольких лет испытывал горькое чувство обиды, встречаясь со множеством разумных людей, выстунавших против этого мнения и всегда считавших, что я ошибался в этих расчетах, то наконец я получил удовольствие, наблюдая, что мудрость страны начинает приходить к тому же самому выводу, как это видно из парламентского акта, принятого в 1721 году, в соответствии с которым этот законодательный орган не считается с могущественной и богатой компанией и пренебрегает очень серьезными неудобствами внутри страны, чтобы содействовать интересам торговли Турции, и не только поощряет потребление шелка и мохера, но и заставляет подданных под угрозой наказания использовать их, хотя они того или не хотят.

Кроме того, роскошь обвиняют еще и в том, что она увеличивает жадность и грабеж. А там, где царят эти пороки, продаются и покупаются должности, требующие величайшей честности; министры, которые должны служить людям, как великим, так и малым, подкуплены, а страны постоянно находятся под угрозой того, что их предадут и продадут тем, кто предложит более высокую цену. И наконец, что роскошь изнеживает и расслабляет людей, в результате чего страны становятся легкой добычей первых же захватчиков. Это, действительно, ужасные вещи; но то, что приписывают роскоши, относится к плохому управлению и ошибкам плохой политики. Каждое правительство должно в деталях знать интересы страны и настойчиво им следовать. Хорошие политики при помощи ловкого управления, облагая большими пошлинами

некоторые товары или полностью запрещая их и понижая таможенные сборы на другие, всегда могут повернуть и направить ход торговли так, как это им заблагорассудится; и поскольку они всегда предпочтут торговать, если объем торговли в равной степени значителен, с такими странами, которые могут платить как деньгами, так и товарами, чем с теми странами, которые могут оплачивать то, что они покупают, только товарами своего собственного производства, то они всегда будут тщательно избегать торговли с такими народами, которые отказываются брать товары других и не берут ничего, кроме денег, за свои товары. Но прежде всего они будут бдительно следить за общим балансом торговли и никогда не допустят, чтобы все иностранные товары, взятые вместе, ввозимые в течение одного года, превысили по стоимости те товары их собственного производства, которые в течение того же года вывезены в другие страны. Заметьте, что я сейчас говорю об интересах тех стран, у которых нет своего собственного золота или серебра, добытого внутри страны, в противном случае на этом утверждении нет необходимости так сильно настаивать.

Если бдительно следят за тем, к чему я призвал в конце предыдущего параграфа, и не допускают, чтобы ввоз когда-либо превышал вывоз, тогда ни одна страна не может обнищать из-за иноземной роскоши, и можно увеличивать завоз роскоши, насколько захочется, если в такой же пропорции можно увеличить фонд страны, предназначенный для ее оплаты.

Торговля — главное, но не единственное условие, необходимое для возвеличивания страны; кроме нее, есть и другие вещи, о которых надо позаботиться. *Meum* и *Tuum*²² должны быть обеспечены, преступления наказаны, и все другие законы, касающиеся отправления правосудия, мудро составлены и строго выполняться. Необходимо также благоразумно вершить иностранные дела, и правительство каждой страны должно иметь хорошую разведку за границей и быть осведомленным о внутренних делах всех тех стран, которые из-за их соседства, силы или интересов могут быть вредными или полезными для него, чтобы соответственно принимать меры, противодействуя одним и помогая другим, как диктуют это политика и соотношение сил. Народ необходимо держать в страхе, но нельзя насиловать умы людей и позволять духовенству принимать большее участие в государственных

делах, чем определил им наш спаситель в своем завете. Таковы правила, ведущие к мирскому величию; та суверенная власть, которая хорошо их применяет в управлении какой-либо значительной страной, будь то монархия, республика или смешение обеих, всегда сумеет сделать ее процветающей, несмотря на все другие государства на земле, и никакая роскошь и никакой другой порок никогда не смогут поколебать их строй. Но здесь я ожидаю громогласный вопль, направленный против меня: Как! Разве бог никогда не наказывал и не стирал с лица земли великие народы за их грехи? — Да, но не без помощи определенных средств: внушая безрассудство их правителям и допуская, чтобы они отошли либо от всех, либо от некоторых общих правил, которые я упоминал; и из всех знаменитых государств и империй, которыми до сих пор гордился мир, ни одно не разорилось без того, что своим разрушением оно было обязано главным образом плохой политике, упущениям или ошибкам правителей.

Нет сомнения в том, что у людей, живущих ныне, и их потомков следует ожидать больше здоровья и энергии от воздержанности и трезвости, чем от обжорства и пьянства; и все же признаюсь, что относительно изнеживания и ослабления народа из-за роскоши у меня теперь не такие уж страшные представления, какие были раньше. Когда мы слышим или читаем о вещах, для нас совершенно незнакомых, они обычно вызывают у нас в воображении такие представления о том, что мы действительно видели, которые (в соответствии с нашим восприятием) ближе всего к ним подходят. И я помню, что когда я читал о роскоши в Персии, Египте и других странах, в которых царствовал этот порок и которые им были изнежены и ослаблены, то иногда мне приходили на ум толкотня и пьянство обыкновенных ремесленников на городском празднике и то свинство, которым часто сопровождается их чрезмерное обжорство; а иногда это заставляло меня думать о развлечениях беспутных матросов, когда я видел их в компании полудюжины непристойных женщин, с ревом идущих по улице со скрипками впереди; и, если бы меня вдруг перенесло в один из больших городов Востока, я бы ожидал, что найду одну треть населения его людей в постели, страдающими от излишеств, вторую — большими подагрой или изувеченными какой-либо более постыдной болезнью, а остальные, которые могли ходить без поводыря, гуляли бы по улицам в юбках.

Наше счастье, что у нас есть страх перед хранителем, потому что наш разум не настолько силен, чтобы управлять нашими желаниями. И я думаю, что, когда я был школьником, тот великий страх, который я испытывал особенно перед словом «обессиливать», и некоторые мысли об этимологии этого слова, из этого страха вытекавшие, принесли мне огромную пользу. Но с того времени, когда я кое-что повидал в мире, последствия роскоши для страны представляются мне не такими уж ужасными, как раньше. Пока люди испытывают те же желания, останутся те же самые пороки. Во всех больших обществах одни будут любить разврат, а другие — пьянство. Те распутники, которые не могут заполучить красивых опрятных женщин, удовлетворятся грязным отребьем; а те, кто не в состоянии купить настоящей «Эрмитаж» или «Понтак», будут рады более обычному французскому кларету. Те, кому не по карману вино, примутся за более грубые напитки, и солдат или нищий могут надраться пивом или самогомом так же, как какой-нибудь лорд — бургундским, шампанским или токаем. Самый дешевый и самый грязный способ удовлетворения наших аффектов приносит столько же бедствий организму человека, сколько самый изящный и самый дорогой.

Излишества роскоши более всего проявляются в зданиях, мебели, выезде и одежде. Чистое льняное белье ослабляет человека не больше, чем фланелевое; gobелены, прекрасные картины или дубовые панели не более вредны, чем голые стены; а богатая кушетка или позолоченная карета расслабляет не больше, чем холодный пол или деревенская телега. Утопченные наслаждения разумных людей редко вредят их организму, и существует множество великих эпикурейцев, которые откажутся съесть и выпить больше, чем выдержат их головы или желудки. Чувственные люди могут заботиться о себе так же тщательно, как и все остальные; и ошибки людей, ведущих самый порочно-роскошный образ жизни, состоят не столько в частом повторении их непристойностей или в том, что они слишком много едят и пьют (эти вещи ослабили бы их более всего), сколько в многотрудных выдумках, в изобилии и тщательности, с которыми их обслуживают, и в огромных расходах, которыми они оплачивают свои застолья и любовные похождения.

Но давайте предположим, что покой и наслаждения, в которых живут великие мира сего и богачи каждой ве-

ликой страны, делают их неспособными переносить трудности жизни и тяготы войны. Я допускаю, что из большинства членов муниципального совета лондонского Сити получились бы очень скверные пехотинцы; и я искренне верю, что, если бы ваша кавалерийская часть была укомплектована олдерменами, и притом такими, какими является большинство их, небольшой батареей петард было бы достаточно, чтобы ее разгромить. Но какое отношение имеют олдермены, муниципальный совет и даже все сколько-нибудь состоятельные люди к войне, кроме уплаты налогов? Тяготы и лишения, которые приходится переносить лично человеку на войне, достаются тем, кто несет на себе основную тяжесть всего, — той самой низкой, бедной части народа, рабочим, трудящимся людям. Ибо насколько бы чрезмерными ни были изобилие и роскошь страны, кто-то должен выполнять работу, дома и корабли надо строить, товары перевозить, а землю обрабатывать. Такое разнообразие работ в каждой большой стране требует огромного населения, в котором всегда найдется достаточно распущенных, ленивых, сумасбродных парней для службы в армии, а те, кто достаточно крепок, чтобы строить изгородь и копать канаву, пахать и молотить, или же не слишком ослаблен, чтобы быть кузнецом, плотником, пильщиком, ткачом, носильщиком или возчиком, всегда будут достаточно сильны и выносливы, чтобы через одну-две кампании стать хорошими солдатами, на долю которых, если поддерживается правильный порядок, редко выпадает настолько много роскоши и излишеств, чтобы причинить им какой-либо вред.

Следовательно, вред, которого следует опасаться от роскоши среди военных, не может распространиться за пределы офицерского круга. Самые лучшие офицеры либо люди очень высокого рождения и великолепного образования, либо обладают чрезвычайными способностями и не меньшим опытом; и, кого бы ни выбрало мудрое правительство для командования армией *en chef*²³, он должен обладать совершенным знанием военных дел, неустрашимостью, чтобы сохранять спокойствие среди опасностей, и многими другими качествами, которые должны быть результатом воздействия времени и старания на людей быстрой проницательности, выдающегося духа и слова чести. Сильные мускулы и гибкие члены — пустяковые преимущества, которые не имеют значения для лиц, об-

ладающих такой властью и величием, как они, могущие разрушать города, находясь в постели, и разорять целые страны, сидя за обедом. Поскольку они большей частью люди преклонного возраста, было бы нелепо ожидать от них здоровой конституции тела или быстроты членов; если их головы активно работают и не пусты, то не имеет такого уж большого значения, что представляют собой остальные части тела. Если они не могут переносить утомление от езды верхом, то могут ездить в экипажах или же их можно переносить в носилках. Умение руководить и прозорливость нисколько не уменьшаются от того, что люди могут быть инвалидами, и самый лучший генерал, который есть сейчас у короля Франции, едва ли может передвигаться ползком. Те, кто непосредственно подчиняется главнокомандующим, должны обладать теми же самыми способностями и почти в такой же степени; обычно это люди, возвысившиеся до этих постов благодаря своим заслугам. Все другие офицеры, занимающие разные должности, должны выкладывать такую большую часть своего жалованья для оплаты великолепных мундиров, личного снаряжения и других вещей, которые роскошь данного времени называет необходимыми, что у них остается очень мало денег на излишества; ибо по мере того, как они получают повышение и их жалованье растет, они равным образом вынуждены и увеличивать свои расходы, и улучшать экипировку, которая, как и все остальное, должна быть все же пропорциональна их положению. Таким способом большая часть их все же как-то ограждается от тех излишеств, которые могут быть губительны для здоровья, в то время как их роскошь, тем самым направляемая в другую сторону, служит прежде всего для усиления их гордости и тщеславия — самых серьезных побудительных мотивов, которые заставляют их вести себя так, как они должны вести себя по представлениям других (см. Комментарии, С).

Ничто так не облагораживает человека, как любовь и честь. Эти два аффекта равносильны многим добродетелям, и поэтому самыми лучшими школами воспитания и хороших манер являются двор государя и армия, первый — чтобы делать совершенными женщин, вторая — чтобы наводить лоск на мужчин. Чем поражает большинство офицеров в цивилизованных странах, так это совершенным знанием света и правил чести; откровенным и

человеколюбивым выражением лица, присущим опытным военным; и таким сочетанием скромности и неустрашимости, которое может показать их как учтивыми, так и храбрыми. Где в моде здравый смысл и в почете вежливое поведение, там обжорство и пьянство не могут быть господствующими пороками. Выдающиеся офицеры стремятся главным образом к тому, чтобы вести не животный, а блестящий образ жизни, а желания самых великолепных офицеров, занимающих разной степени высокие посты, состоят в том, чтобы быть красиво одетыми и превосходить друг друга в изяществе экипировки, изысканности развлечений и доброй славе обладателя рассудительного ума в отношении всего, что их окружает.

Но если бы среди офицеров было больше беспутных негодяев, чем среди лиц других занятий (что неправильно), все же самые распутные из них могут быть очень полезными, если у них есть честь, о которой они проявляют большую заботу. Именно честь покрывает и возмещает множество недостатков у них, и ни один из них (как бы ни предавались они удовольствиям) не осмелится признаться в отсутствии ее. Но поскольку нет более убедительного довода, чем сам факт, давайте оглянемся на то, что так недавно произошло во время наших двух последних войн с Францией²⁴. Сколько мы имели в своих армиях тщедушных молодых людей нежного воспитания, изящных в одежде, изысканных в еде, которые отважно и бодро прошли через все испытания, налагаемые долгом?

Те, кто испытывает такие мрачные опасения относительно того, что роскошь расслабляет и изнеживает людей, могли бы увидеть во Фландрии и Испании²⁵, как расфранченные щеголи в тонких рубашках с кружевами и напудренных париках переносили такой же огонь и подходили к жерлу пушек с такой же беззаботностью, с какой самые вонючие неряхи могли бы причесывать свои волосы, хотя они и не видели гребня целый месяц; и могли бы встретиться с множеством буйных повес, которые действительно подорвали здоровье и ослабили организм чрезмерным пристрастием к вину и женщинам и, однако, вели себя достойно и храбро в борьбе с врагом. Крепость тела менее всего требуется офицеру, и, если иногда сила может пригодиться, твердая решимость духа, которую вселяют в них надежды на повышение, дух соревнования и лю-

бовь к славе при первом же усилении займут место физической силы.

Те, кто понимает свое дело и обладает в достаточной мере чувством чести, как только привыкнут к опасности, всегда будут способными офицерами. А их роскошь, если только они тратят свои собственные деньги, а не чьи-нибудь чужие, никогда не причинит вреда государству.

Полагаю, что всем этим я доказал, что хотел, в этом примечании о роскоши. Во-первых, что в одном смысле все можно назвать роскошью, а в другом — ее, как таковой, не существует. Во-вторых, при мудром управлении весь народ может купаться в такой иноземной роскоши, которую может оплатить его собственный продукт, и не обнищать от этого. И наконец, когда о военных делах заботятся так, как следует, когда солдатам хорошо платят и поддерживают у них строгую дисциплину, богатая страна может жить в таком покое и роскоши, какие можно только себе представить, и во многих частях своих показывать столько пышности и утонченности, сколько может изобрести человеческий ум, и в то же время быть грозой для своих соседей и походить на пчел в басне, характеризуя которых я сказал, что

[Им] льстили в дни мира и боялись во время войны,
Иноземцы прониклись к ним уважением,
А сами они щедро расточали свои богатства и силы
В противовес всем остальным ульям²⁶.

(См. что далее говорится о роскоши в комментариях М и Р.)

(М) А непомерная гордость — еще миллиону

Гордость есть данная природой способность, благодаря которой каждый смертный, обладающий хоть каким-нибудь разумом, ценит себя выше и думает о себе лучше, чем позволил бы любой беспристрастный судья, досконально знающий все его качества и условия жизни. У нас нет никакого другого качества, столь же полезного обществу и столь же необходимого, чтобы сделать его богатым и процветающим, как это, и все же именно его обычно более всех ненавидят. Для этой нашей способности наиболее характерно то, что те, кто обладает ею в большей степени, чем другие, менее всего готовы примириться с тем, что она есть и у других, в то время как отвратительность других пороков больше всего оправдывается теми,

кто сам в них виновен. Целомудренный человек ненавидит прелюбодеяние, а пьянство больше всего вызывает ужас у трезвенников; но никто так не оскорбляется гордостью своего соседа, как самые гордые из всех, и если кто-либо может простить ее, так это только самые смиренные. Отсюда, я думаю, мы можем справедливо заключить, что, раз она ненавистна всему миру, это является верным признаком того, что ею заражен весь мир. Все разумные люди готовы это признать, и никто не отрицает, что у него вообще есть гордость. Но если перейти к конкретным случаям, встретится мало людей, которые признаются, что какой-либо их поступок, который вы можете назвать, продиктован именно этим принципом. Есть также много людей, которые допускают, что в пораженных грехом странах всех времен гордость и роскошь более всего содействуют развитию ремесел, но отказываются признавать неизбежность того, что в более добродетельные времена (т. е. в такие, которые будут свободны от гордости) ремесло и торговля в огромной степени придут в упадок.

Они заявляют, что всемогущий паделил нас властью над всем, что производят или содержат земля и вода; в них нельзя найти ничего такого, что не было бы создано на пользу человеку; и его превосходство над другими животными в умении и трудолюбии было дано ему с тем, чтобы он сделал как их, так и все остальное в пределах досягаемости своих чувств, более полезными для себя. Исходя из этого соображения, они считают нечестивым полагать, что смирение, воздержание и другие добродетели преграждают людям дорогу к наслаждениям теми удобствами жизни, в которых не отказано самым безправственным народам, и поэтому делают вывод, что и при отсутствии гордости и роскоши можно есть, носить и потреблять те же самые вещи, занимать такое же число ремесленников и мастеровых, а страна может быть такой же во всех отношениях процветающей, как и те, где безраздельно господствуют эти пороки.

Что касается, в особенности, ношения платья, они вам скажут, что гордость, которая гораздо теснее прилегает к нам, чем одежда, поселяется только в сердце; и что лохмотья часто скрывают больше гордости, чем самое пышное одеяние; и что так же, как нельзя отрицать того, что всегда существовали добродетельные государи, которые со смирением в сердце носили свои великолепные

венцы и, лишенные честолюбия, царствовали на благо других, так и весьма вероятно, что золотую и серебряную парчу и самую богатую вышивку могут, даже не думая о гордости, носить многие, чье положение и богатства подходят для этого. Разве не может (говорят они) порядочный человек, обладающий огромными доходами, шить каждый год больше разнообразных одежд, чем он, возможно, износит за год, и все же не иметь иных целей, кроме того, чтобы дать беднякам работу, поощрить ремесло и, обеспечив занятия многим людям, содействовать благосостоянию своей страны? А, учитывая, что пища и одежда являются жизненными потребностями и двумя главными предметами, на которые распространяются все наши мирские заботы, почему все люди не могут выделить значительную часть своего дохода как на первое, так и на второе совершенно без всякого влияния гордости? Более того, разве не обязан каждый член общества в зависимости от своих возможностей каким-либо образом содействовать поддержанию того вида ремесла, от которого так сильно зависит целое? Кроме того, прилично одеваться — значит проявлять вежливость, а часто и выполнять долг в отношении тех, с кем мы общаемся, даже не принимая во внимание наших собственных желаний.

Таковы возражения, к которым обычно прибегают надменные моралисты, которые не могут примириться с тем, что ущемляется достоинство их рода; но если мы подробно рассмотрим эти возражения, то на них можно будет быстро ответить.

Если бы у нас не было пороков, то я не смог бы увидеть причину, почему какой-либо человек вообще должен шить больше костюмов, чем ему нужно, хотя бы он никогда так сильно не желал содействовать благу страны. Ибо, хотя, когда он носит плотный шелк, а не какую-либо легкую материю и предпочитает изысканное тонкое сукно грубому, он не имеет другой цели, кроме как дать работу большому числу людей и, следовательно, содействовать благосостоянию общества, он все же может относиться к одежде так же, как сейчас патриоты своей страны относятся к налогам: они могут с готовностью платить их, но никто не дает больше, чем с него следует, особенно если все обложено по справедливости, в соответствии с их возможностями, как и должно быть — а не иначе — в такой добродетельный век. Кроме того, в такое золотое время никто не будет одеваться лучше, чем требует его положе-

ние, никто не будет прижимать в расходах свою семью, обманывать или стремиться перехитрить соседа, чтобы купить пышный наряд, и, следовательно, не будет потребляться и половина того, что сейчас, и занята будет едва одна треть людей, ныне работающих. Но для того, чтобы сделать это более очевидным и показать, что в отношении поддержки ремесла ничто не может сравниться с гордостью, я рассмотрю точки зрения людей на их одежду и внешний вид и изложу то, чему может каждого научить повседневный опыт в отношении одежды.

Ношение одежды первоначально преследовало две цели: прикрыть наготу и защитить тело от непогоды и других внешних повреждений. К этим целям наша безграничная гордость добавила третью — украшение; ибо что еще, кроме чрезмерного глупого тщеславия, могло бы убедить наш разум считать украшением то, что должно постоянно напоминать нам о наших нуждах и нищете, которые больше, чем у всех других животных, уже одетых самой природой. Действительно, можно лишь восхищаться тем, как такое разумное создание, как человек, претендующий на то, что он имеет свои собственные столь многие великолепные качества, должно снисходить до того, чтобы оценивать себя тем, что награблено у такого невинного и беззащитного животного, как овца, или чем он обязан самой ничтожной твари на земле — умирающему червю; и, однако, гордясь такими мелкими хищениями, он имеет глупость смеяться над готтентотами, живущими на самом дальнем африканском мысу, которые украшают себя внутренностями мертвых врагов, не учитывая того, что они являются знаками их доблести, которыми эти варвары себя украшают, подлинными *Spolia opima*²⁷, и что если их гордость более жестока, чем наша, то она определенно менее нелепа, потому что они носят трофеи, добытые у более благородного животного.

Но какие бы замечания ни были высказаны по этому поводу, весь мир давно уже решил этот вопрос: красивая одежда — это главное; птица красива своими перьями [одежда красит человека], и незнакомым людям обычно оказывают почет в зависимости от их одежды и дополняющих ее деталей их внешнего вида; по ее богатству мы судим об их состоянии, а по тому, как они ее носят, мы догадываемся об их уме. Именно это поощряет всякого, кто сознает свои маленькие заслуги, на то, чтобы носить одежду, подобающую лицам, стоящим выше его по

положению, особенно в больших и густонаселенных городах, где ничем не прославившиеся люди могут ежечасно встретить пятьдесят неизвестных на одного знакомого и, следовательно, получают удовольствие от того, что огромное большинство людей будет считать их не тем, что они есть, а тем, чем они кажутся по внешнему виду; а это — сильное искушение, которому большинство людей не может не поддаться.

Тот, кто получает удовольствие, наблюдая различные картины жизни низших слоев населения, может па пасху, в троицын день или в какой-либо ипой большой праздник встретить десятки людей, особенно женщин, почти самого низкого звания, одетых в красивые и модные одежды. Если, завязав с ними разговор, вы будете обращаться с ними более вежливо и с большим уважением, чем, как они сознают, они заслуживают, то они обычно постыдятся признаться, кто они такие; и если вы проявите немного любопытства, то часто можете обнаружить у них самое настойчивое стремление скрыть свое занятие и место жительства. Причина проста: пока они принимают те любезности, к которым они не привыкли и которые, как они думают, следует говорить только людям более высокого положения, они с удовлетворением воображают, что кажутся такими, какими притворяются, что для слабых духом удовольствие почти такое же реальное, какое они получили бы от самого исполнения всех их желаний. Это — золотая мечта, которую они не хотят разрушить, и, будучи уверены, что ничтожность их положения, если она станет известна, должна унизить их в нашем мнении, они крепко держатся за свой маскарад и предпринимают все возможные предосторожности, чтобы из-за никому не нужного открытия не потерять вашего уважения к ним, которым, как они льстят себе, они обязаны своей хорошей одежде.

Хотя все признают, что в том, что касается одежды и образа жизни, мы должны вести себя в соответствии со своим материальным положением и следовать примеру самых разумных и предусмотрительных людей из равных нам по званию и состоянию, все же найдется очень мало таких, которые могут похвастаться этим благоразумием и которые не были бы либо ужасно скупыми, либо гордыми своей исключительностью. Все мы смотрим на тех, кто выше нас, и, насколько можно, быстро стремимся подражать тем, кто в чем-либо нас превосходит.

Жена самого бедного в приходе батрака не унижится до прочной, полезной одежды из грубого ворсистого сукна, которую она могла бы носить, будет голодать сама и заставит голодать мужа, чтобы купить подержанное платье и нижнюю юбку, которые служат ей вдвое хуже, поскольку, видите ли, это более благородно. Ткач, сапожник, портной, парикмахер и всякий простой рабочий человек, который может себя немного обеспечить, имеет наглость на первые полученные им деньги одеться, как состоятельный ремесленник. Простой лавочник, торгующий в розницу, одевая свою жену, берет за образец своего соседа, который торгует тем же товаром оптом, и в качестве причины выдвигает то, что двенадцать лет назад лавка у того была не больше, чем у него самого сейчас. Антекар, торговец мануфактурой, шелком и бархатом и другие достойные лавочники не могут пайти никакой разницы между собой и купцами и поэтому одеваются и живут, как они. Супруга купца, которая не может сносить наглости этих ремесленников, спасается от них бегством на другой конец города и с презрением отвергает всякую моду, кроме той, которую она там заимствовала. Такое высокомерие вызывает тревогу двора; знатные женщины пугаются, видя, что жены и дочери купцов одеваются, как они; эта наглость горожан, восклицают они, нетерпима, посылают за портными, и изобретение мод становится их главной заботой, с тем чтобы, как только эти нахальные горожанки начнут подражать уже существующим модам, у них всегда наготове были новые. Такое же соревнование продолжается между благородными женщинами всех рангов при невероятных расходах, пока наконец первым фаворитам государя и тем, кто имеет самый высокий ранг из всех, ничего не остается делать, чтобы превзойти некоторых людей, стоящих ниже себя, как выложить огромные состояния на пышные выезды, великолепную мебелировку, роскошные сады и величественные дворцы.

Именно этому соревнованию и постоянному стремлению превзойти друг друга мы обязаны тем, что после всех многочисленных разнообразных движений и изменений моды, при изобретении новой и обновлении старой всегда еще остается *plus ultra*²⁸ для изобретательных людей; и именно это, или по крайней мере его последствие, дает работу беднякам, прищипривает трудолюбие и поощряет искусного ремесленника искать дальнейших улучшений.

Могут возразить, что многие светские люди, привыкшие быть хорошо одетыми, по традиции носят богатые одежды и совершенно к ним безразличны, так что ту прибыль, которую получают от них ремесленники, никак нельзя приписать соревнованию или гордости. На это я отвечу, что те, кто так мало занимает свой ум заботой об одежде, никогда бы не носили такое богатое платье, если бы и материалы, и моды не были раньше изобретены для удовлетворения тщеславия других, которые находят в красивой одежде больше наслаждения, чем они. Кроме того, не всякий, кто делает вид, что не имеет гордости, действительно ее лишен; все признаки этого порока не легко раскрыть: они многочисленны и меняются в зависимости от возраста, характера, положения и часто здоровья людей.

Обладающий холерическим темпераментом капитан муниципальной гвардии, кажется, горит от нетерпения ринуться в бой и, выражая свой воинственный дух твердостью поступи, заставляет дрожать свою пику за отсутствием врагов от доблести своей руки. Когда он движется по улице, его пышный воинственный наряд внушает ему необычный подъем духа, благодаря которому он стремится забыть и свою лавку, и самого себя, и глядит вверх на балконы с яростью завоевателя-сарацина, в то время как флегматичный олдермен, ставший почтенным как из-за своего возраста, так и благодаря своей власти, удовлетворяется тем, что его считают важным человеком, и, не зная более легкого способа выразить свое тщеславие, важно восседает в своем экипаже и с угрюмым видом принимает выражения почета, который оказывают ему люди более низкого звания, узнающие его по поношенному наряду члена гильдии.

Безбородый прапорщик напускает на себя серьезность, несвойственную его годам, и с целепой самонадеянностью стремится подражать суровому выражению лица своего полковника, все это время льстя себе, что благодаря этой дерзкой силе вы будете судить о его удали. Молодая красавица, страшно озабоченная тем, как бы ею не пренебрегли, постоянным изменением позы выдает бурное желание, чтобы на нее смотрели, и, завладев, так сказать, всеобщим вниманием, вызывает любезным видом восхищение своих зрителей. Самодовольный хлыщ, напротив, напуская на себя занятый вид, целиком погружен в созерцание своих собственных совершенств и в общественных местах проявляет такое пренебрежение к другим людям, что непосвя-

ценные должны воображать, что, с его точки зрения, он находится в одиночестве.

Все эти и им подобные явления представляют собой ясные, хотя и разные признаки гордости, которые очевидны для всего мира; но не всегда так быстро можно обнаружить тщеславие людей. Когда мы замечаем человеколюбивое выражение лица и нам кажется, что люди не заняты самовосхищением и не совсем игнорируют других людей, мы склонны объявить их лишенными гордости, в то время как они, возможно, только устали от удовлетворения своего тщеславия и ослабели от пресыщения наслаждениями. Это внешнее выражение мира, царящего в душе, и безмятежного покоя, беспечной беззаботности, которое часто можно наблюдать у великого человека, небрежно развалившегося в своем простом экипаже, не всегда так свободно от притворства, как это может показаться. Ничто так не приводит в восторг гордых людей, как то, когда их считают счастливыми.

Хорошо воспитанный джентльмен более всего гордится умением ловко скрывать свою гордость, и некоторые настолько искусно прячут эту слабость, что, как раз когда они более всего виновны в ней, люди грубые считают, что они полностью ее лишены. Так, когда лицемерный придворный появляется во всем великолении, он принимает вид скромный и добродушный и, хотя готов лопнуть от тщеславия, притворяется, что совершенно не сознает своего величия, хорошо зная, что проявляемые им приятные качества должны возвысить его в мнении других и еще более усилить то величие, о котором и без его помощи не могут не провозглашать короны на экипаже и упряжи и на всех остальных окружающих его предметах.

И так же как в этих случаях гордость не замечают потому, что она добросовестно скрывается, в других она тоже отрицается, хотя и проявляется (или по крайней мере кажется, что проявляется) самым открытым образом. Богатый приходский священник, будучи, как и все остальные представители его профессии, лишен допуска к веселости мирян, считает необходимым найти великолепное и самое тонкое черное сукно, которое только можно купить за деньги, и выделяет себя богатством своего благородного и безукоризненного одеяния. Его парики настолько модны, насколько позволяет та форма, которой он вынужден подчиняться; но, поскольку ограничения касаются только формы парика, он заботится о том, чтобы в отношении

качества волос и цвета с ним могли сравняться лишь немногие вельможи. Тело его всегда чисто, так же как и одежда; его лоснящееся лицо всегда гладко выбрито, а красивые ногти тщательно подстрижены. Его гладкая белая рука и бриллиант чистой воды хорошо подходят друг к другу и взаимно усиливают свою красоту, достигая двойного эффекта. То белье, которое он позволяет видеть, представляет собой верх изысканности, и он никогда не допустит, чтобы его видели на улице в бобрах худших, чем те, которыми гордился бы богатый банкир в день свадьбы; ко всему этому изяществу в одежде он добавляет важную походку и внушительную величавость осанки. И все же, несмотря на свидетельство столь многих совпадающих признаков, обыкновенная вежливость не позволит нам подозревать, что какие-либо его действия являются следствием гордости; если учесть достоинство его положения, для него будет лишь приличием то, что у других было бы тщеславием; и, отнесясь со всей благовоспитанностью к его профессии, мы должны полагать, что достойный джентльмен, игнорируя свою преподобную персону, берет на себя все эти хлопоты и расходы единственно из уважения, которое следует оказывать тому божественному ордену, к которому он принадлежит, и религиозного рвения ограждать свое священное занятие от презрения безбожников. От всей души говорю: ничто из всего этого не будет названо гордостью; позвольте мне только заметить, что, если судить просто по-человечески, это очень на нее похоже.

Но если, наконец, я допущу, что есть люди, которые наслаждаются всей изысканностью экипировки, мебелировки и одежды и тем не менее не имеют в себе гордости, если все будет так, то соперничество, о котором я раньше говорил, очевидно, должно будет прекратиться, а следовательно, пострадает и ремесло всех видов, которое столь во многом от него зависит. Ибо сказать, что если бы все люди были истинно добродетельны, то они могли бы, вообще не обращая внимания на свои интересы, потреблять так же много из ревностного стремления служить своим соседям и содействовать общему благу, как они делают сейчас из себялюбия и соперничества,— значит прибегнуть к жалкой уловке и высказать необоснованное предположение. Поскольку во все времена были хорошие люди, то, несомненно, и наше время их не лишено; но давайте спросим парикмахеров и портных, у каких джентльменов, даже обладающих самыми большими богатствами и величайшей

знатностью, они могли когда-либо обнаружить такие патристические взгляды. Спросите торговцев кружевами, шелком, бархатом и бельем: когда самые богатые или, если хотите, самые добродетельные леди платят наличными или намерены заплатить через какой-то приемлемый срок, разве они не будут ездить из лавки в лавку, чтобы прощупать рынок, так же много торговаться с ними и упорно стоять на своем, чтобы сэкономить четыре или шесть пенсов на ярде, как самые нищие проститутки в городе? Могут настаивать, что если таких людей нет, то, возможно, они могут быть; на это я отвечаю: это так же возможно, как то, что кошки вместо того, чтобы ловить мышей и крыс, начнут их кормить и займутся выхаживанием и вскармливанием их детенышей в доме; или же как то, что коршун, как петух, созовет кур клевать зерно и будет сидеть, выхаживая их цыплят, вместо того чтобы пожирать их; но если бы они все вдруг сделали так, то перестали бы быть кошками и коршунами; это не соответствовало бы их природе, и те виды животных, которые мы имеем в виду, произнося слова «кошки» и «коршуны», вымерли бы, как только бы это произошло.

(H) Зависть и тщеславие были слугами трудолюбия

Завистью мы называем ту низость нашей природы, которая заставляет нас горевать и тосковать при восприятии того, что, по нашему мнению, составляет счастье других. Я не верю, что есть хоть одно нормальное человеческое существо, достигшее зрелости, которое в тот или иной момент не было бы по-настоящему охвачено этим аффектом; и тем не менее не встречал еще никого, кто осмелился бы признаться в этом, разве что в шутку. Что все мы обычно стыдимся этого порока, объясняется той сильной привычкой к лицемерию, благодаря которой мы научились с самой колыбели скрывать даже от самих себя свое непомерное себялюбие и все его разнообразные проявления. Человек не может желать другому лучшего, чем самому себе, за исключением лишь тех случаев, когда он полагает, что ему самому невозможно добиться исполнения этих желаний; и отсюда мы легко узнаём, каким образом возбуждается в нас зависть. Чтобы понять это, мы должны прежде всего учесть, что мы часто в равной мере несправедливо думаем о себе хорошо, а о своем соседе плохо; когда мы узнаём, что другие наслаждаются или будут наслаж-

даться тем, чего они, по нашему мнению, не заслуживают, это огорчает нас и заставляет сердиться на причину нашего огорчения. Во-вторых, каждый из нас в соответствии со своим разумением и склонностями всегда желает себе добра, и, когда нам что-нибудь нравится, но взять мы его не можем, так как им владеют другие, это сначала вызывает у нас печаль, поскольку мы не получаем того, что нам нравится. Эта печаль неизлечима до тех пор, пока у нас сохраняется желание владеть понравившейся нам вещью. Но наша самозащита уже приведена в действие и не позволяет нам успокоиться, пока не будут испробованы все до единого средства удалить от нас зло в такой мере и настолько, насколько сможем, а опыт нас учит, что в природе нет лучшего средства облегчить эту печаль, чем наш гнев в отношении тех, кто владеет тем, что мы ценим и желаем. Следовательно, мы заботливо растим и сохраняем этот последний аффект (гнев), чтобы спасти или избавить себя по крайней мере частично от того беспокойства, которое мы испытывали с самого начала.

Таким образом, зависть — это сочетание огорчения и гнева; степень проявления этого аффекта зависит в каждом случае главным образом от близости или удаленности предметов зависти. Если некто вынужденный ходить пешком завидует великому человеку, держащему экипаж и шестерку лошадей, то его зависть никогда не будет проявляться так бурно или доставлять ему такое огорчение, какое может испытывать человек, тоже владеющий экипажем, но имеющий возможность запрягать не более четырех лошадей. Признаки зависти так же разнообразны и так же трудно поддаются описанию, как симптомы чумы: иногда она проявляется в одном виде, иногда в совершенно другом. Среди прекрасного пола эта болезнь весьма распространена, и проявления ее очень заметны в их мнениях и критических суждениях друг о друге. У красивых молодых женщин можно часто обнаружить эту способность в очень высокой степени: они часто начинают стремительно ненавидеть друг друга с первого взгляда только из зависти, и не из чего больше; можно прочесть это презрение и безрассудное отвращение даже в выражении их лиц, если они недостаточно искусны и не научились хорошо лицемерить.

У грубой и невоспитанной толпы этот аффект проявляется совершенно открыто, особенно когда предметом зависти к другим являются блага судьбы. Они бранят тех,

кто стоит выше их в обществе, раздувают их ошибки и стараются истолковать в дурную сторону их самые похвальные поступки. Они ворчат на провидение и вслух жалуются, что в этом мире всем хорошим наслаждаются главным образом те, кто этого не заслуживает. Зависть так сильно влияет на более грубых представителей толпы, что, если бы их не сдерживал страх перед законами, они бы без промедления пошли и избili тех, кому они завидуют, хотя это ничем не было бы вызвано, кроме воздействия на них этого аффекта.

Литераторы, пораженные этим недугом, проявляют самые различные симптомы. Если они завидуют кому-либо из-за его способностей и эрудиции, то заботятся главным образом о том, чтобы старательно скрывать свою слабость, и обычно пытаются это сделать, отрицая и умаляя те хорошие качества, которым они завидуют. Они тщательно изучают его труды и недовольны каждым прекрасным пассажем, который они находят; они не ищут ничего, кроме его ошибок, и самое большое торжество для них — обнаружить крупную ошибку. В своих суждениях они настолько же придирчивы, насколько суровы, делают из мухи слона и не простят даже малейшего намека на ошибку, но раздуют самое пустяковое унущение до размеров тяжкого преступления.

Зависть можно наблюдать и у животных. У лошадей она проявляется в стремлении обогнать друг друга, и самые горячие из них скорее загонят себя на смерть, чем позволят какой-нибудь другой выйти вперед. Этот аффект можно равным образом легко заметить и у собак: те, кто привык к ласке, никогда не будут смиренно спосить, чтобы другие тоже испытывали это блаженство. Я видел комнатную собачку, которая скорее подавится едой, чем оставит что-нибудь сопернику из своего же рода, и мы можем часто наблюдать такое же поведение у тех созданий, которых мы видим ежедневно, — у детей, капризных и непослушных из-за того, что их чрезмерно балуют. Иногда из каприза они отказываются есть то, что их просят; но, если мы можем заставить их поверить тому, что кто-нибудь другой или даже кошка или собака собирается забрать у них еду, они с удовольствием перестанут кричать «нет!» и будут есть даже против своего желания.

Если бы зависть не была заложена в человеческой природе, она не была бы так распространена у детей и дух соперничества не оказывал бы такого сильного воздействия

на молодежь. Те, кто выводит все полезное обществу из добрых начал, приписывают результаты соперничества школьников добродетели духа; поскольку это требует труда и усилий, то очевидно, что те, кто действует под влиянием добродетельного расположения духа, совершают акт самоотречения; но если мы взглядем в это более пристально, то обнаружим, что покой и удовольствие принесены в жертву лишь зависти и любви к славе. Если бы к этой притворной добродетели не было добавлено чего-то очень похожего на рассматриваемый нами аффект, было бы невозможно ее возбудить и усилить при помощи тех же самых средств, которые порождают зависть. Мальчик, получивший награду за успехи в учении, знает о той неприятности, которая выпала бы на его долю, если бы он ее не получил. Это соображение заставляет его прилагать все усилия, чтобы его не обошли те, кого он теперь считает ниже себя, и, чем больше у него гордости, тем больше самоотречения он проявит, чтобы сохранить свою победу. Второй, не получивший приза, несмотря на все свои усилия проявить себя с хорошей стороны, огорчен и, следовательно, сердит на того, кого он должен считать причиной своего огорчения. Но проявить свой гнев было бы нелепо и не принесло бы ему никакой пользы, так что он должен либо удовлетвориться тем, что пользуется меньшим почетом, чем первый мальчик, либо, возобновив свои попытки, добиться больших успехов в учении; и ставлю десять против одного, что бескорыстный, добродушный и миролюбивый юноша выберет первое и тем самым станет ленивым и бездеятельным, в то время как алчный, раздражительный и задиристый мошенник приложит невероятные усилия и выйдет, в свою очередь, победителем.

Поскольку зависть очень распространена среди художников, она приносит огромную пользу для их совершенствования; я имею в виду не те случаи, когда мелкие мазилы завидуют великим мастерам, а то, что многие из них заражены этим пороком и завидуют тем, кто непосредственно стоит выше их. Если ученик знаменитого художника обладает ярким талантом и необычным старанием, он сначала поклоняется своему мастеру; но по мере того, как растет его собственное мастерство, он начинает незаметно для себя ненавидеть то, чем раньше восхищался. Чтобы познать природу этого аффекта и те его составные части, которые я назвал, нам необходимо лишь заметить, что, если художник, приложив старание, не только становится

равным человеку, которому он завидовал, но и превосходит его, печаль его проходит и весь его гнев обезоруживается; и если раньше он его ненавидел, то теперь рад стать его другом, если второй снизойдет до этого.

Замужние женщины, виновные в этом пороке (а мало есть тех, кто им не заражен), всегда стремятся возбудить тот же аффект у своих мужей; и там, где им это удалось, зависть и дух соперничества удержали больше мужчин в границах приличия и вылечили больше плохих мужей от лени, пьянства и других порочных наклонностей, чем все проповеди, произнесенные со времен апостолов.

Поскольку все были бы счастливы, наслаждались бы удовольствиями и избегали бы неудовольствия, если бы могли, то себялюбие заставляет нас смотреть на каждое существо, кажущееся удовлетворенным, как на соперника в счастье; и то удовлетворение, которое мы испытываем, видя, что его блаженство нарушено, хотя мы из этого не извлекаем никакой выгоды для себя, кроме того удовольствия, которое мы получаем, наблюдая это, называется «любить зло ради самого зла»; а тот побудительный мотив, результатом которого является эта слабость, называется «злоба» — еще один отпрыск, ведущий свое происхождение от того же самого источника, ибо, если бы не было зависти, не могло бы быть и злобы. Когда аффекты никак не проявляют себя, мы их не воспринимаем, и люди часто думают, что у них нет такой-то слабости в их натуре, потому что в этот момент они ей не подвержены.

Над хорошо одетым джентльменом, которого случайно окатила грязью карета или телега, смеются, и люди, стоящие ниже его, — гораздо больше, чем ему равные, потому что они ему больше завидуют; они знают, что он этим раздражен, и, воображая, что он счастливее их, радуются, видя, что и он в свою очередь сталкивается с неудобствами. Но молодая леди, настроенная серьезно, не смеется над ним, а жалеет его, потому что аккуратный мужчина — это зрелище, которым она восторгается, и для зависти у нее нет места. При несчастьях мы либо смеемся, либо жалуем тех, на долю которых они выпали, в зависимости от того, что у нас за душой — злоба или сострадание. Если человек упадет или ушибется столь незначительно, что последнее не пробуждено, мы смеемся, и в этом случае наша жалость и злоба попеременно овладевают нами: «Я, действительно, очень сожалею об этом, сэр, прошу извинить меня за этот смех, я самое глупое создание на свете» —

затем снова смеется, а затем опять: «Я, действительно, очень сожалею», и так далее. Некоторые настолько злобны, что смеются, когда человек сломал ногу, а другие настолько сострадательны, что могут от всего сердца пожалеть человека за маленькое пятнышко на его одежде; однако нет ни одного, кто настолько жесток, что его вообще не может тронуть сострадание, и нет ни одного, кто настолько добродушен, что никогда не испытывает злобной радости. Как странно наши аффекты управляют нами! Мы завидуем человеку из-за того, что он богат, и тогда мы просто ненавидим его; но если мы сравниваемся с ним, то успокаиваемся, и малейшее снисхождение с его стороны делает нас друзьями; но если мы станем ощущимо выше него, то можем сожалеть о его несчастьях. Люди действительно разумные завидуют меньше других, потому что они восхищаются собой, испытывая в этом меньше колебаний, чем дураки и глупцы; ибо, хотя они не показывают этого другим, твердость их мышления дает им уверенность в своей подлинной ценности, которую люди более слабого ума никогда не могут чувствовать внутри, хотя они часто имитируют ее.

Остракизм в Греции²⁹ представлял собой принесение ценных людей в жертву повальной зависти и часто применялся как безошибочно действующее средство для лечения и предотвращения раздражения и злобы народа. Одна жертва со стороны государства часто умиротворяет ропот целого народа, а последующие поколения часто удивляются такого рода варварству, которое они в подобных обстоятельствах допустили бы и сами. Это — подарки злобе людей, которую лучше всего удовлетворить, дав людям возможность увидеть унижение великого человека. Мы полагаем, что любим справедливость, и любим, когда заслуги по достоинству вознаграждены; но, если люди долго занимают самые первые почетные должности, половина из нас устает от них, ищет их ошибки, а если не может их найти, то предполагает, что они их прячут, и, если большинство из нас не желает, чтобы их отстранили, это уже хорошо. Самые лучшие люди всегда должны опасаться этой грязной игры со стороны всех тех, кто не является их ближайшими друзьями и знакомыми, потому что ничто так не утомляет, как повторение похвал, которые ни в коей мере на нас не распространяются.

Чем в большей степени аффект является сочетанием многих других, тем труднее его определить, и, чем больше

он мучит тех, кто попал под его влияние, тем бóльшую жестокость в отношении других он может в них вдохнуть. Поэтому нет ничего более причудливого или злобного, чем ревность, которая состоит из любви, надежды, страха, к которым добавлено очень много зависти. Об этой последней я уже достаточно много говорил, а то, что я могу сказать о страхе, читатель найдет в комментарии С. С тем чтобы лучше объяснить и пояснить эту странную смесь, я в данном разделе скажу ниже о двух ее составных частях — надежде и любви.

Надеяться — значит чего-то желать с некоторой степенью уверенности в том, что то, чего мы желаем, сбудется. Твердость или неразумность нашей надежды полностью зависит от большей или меньшей степени нашей уверенности, а всякая надежда содержит в себе сомнение; ибо, когда наша уверенность достигает такой силы, что исключаются все сомнения, она становится определенностью, и мы принимаем как должное то, на что раньше только надеялись. Выражение «серебряная чернильница из рога» может быть употреблено, потому что все знают, что мы имеем в виду, но выражение «верная надежда» — нет, ибо тот, кто употребляет эпитет, уничтожающий суть существительного, к которому он его присоединяет, вообще говорит бессмыслицу; и, чем более ясно мы понимаем значение эпитета и характер существительного, тем более очевидной становится бессмысленность такого разнородного сочетания. Причина же того, почему некоторые люди, когда они слышат, как человек говорит о «верной надежде», не так сильно поражены, как в том случае, если бы он говорил о «горячем льде» или «жидком дубе», состоит не в том, что в первом содержится меньше бессмыслицы, чем в каждом из вторых, а в том, что слово «надежда», я имею в виду его сущность, не так ясно понимается большинством людей, как слова «лед», «дуб» и их сущность.

Любовь означает прежде всего привязанность, такую, которую родители и кормильцы испытывают к детям, а друзья — по отношению друг к другу; она заключается в расположенности и благожелательности в отношении любимого лица. Мы в лучшую сторону истолковываем все его слова и поступки и чувствуем склонность извинять и прощать его ошибки, если вообще их замечаем; его интересы мы во всех случаях делаем своими интересами, даже себе в ущерб, и получаем внутреннее удовлетворение, разделяя его чувства как в горе, так и в радости. Это послед-

нее высказанное мною положение, каким бы невероятным оно ни показалось, тем не менее правильно, ибо, когда мы искренне делим с другим его несчастья, себялюбие заставляет нас верить, что те страдания, которые мы испытываем, должны облегчать и уменьшать страдания нашего друга, и, когда это приятное соображение успокаивает нашу боль, из нашего огорчения за любимого нами человека возникает тайное наслаждение.

Во-вторых, под любовью мы понимаем сильное влечение, по своей природе отличное от всех других привязанностей — дружбы, благодарности и кровного родства, — которое испытывают по отношению друг к другу лица, принадлежащие к разным полам, после того, как они поправились друг другу. Именно в этом значении «любовь» входит в сочетание «ревность» и является следствием, а также и удачной внешней формой того аффекта, который побуждает нас стремиться к продолжению своего рода. Это последнее желание врожденное как у мужчин, так и у женщин, не имеющих недостатков в своем развитии, такое же, как голод или жажда, хотя люди редко испытывают его до наступления половой зрелости. Если бы мы могли обнажить природу и заглянуть в ее самые глубокие тайники, то обнаружили бы семена этого аффекта еще до того, как он себя проявит, и было бы это так же просто, как мы видим зубы у зародыша еще до того, как формируются десны. Мало найдется здоровых двадцатилетних людей обоего пола, на которых этот аффект еще не оказал никакого влияния. Но поскольку мир и счастье цивилизованного общества требуют, чтобы это держалось в секрете и никогда публично не обсуждалось, среди хорошо воспитанных людей считается в высшей степени преступным упоминать в обществе и откровенно называть своими именами то, что относится к таинству продолжения рода. Благодаря этому способу само название этого желания, хотя и самого необходимого для сохранения человечества, стало порочным и похоть обычно награждается соответствующими эпитетами — «грязная» и «отвратительная».

У людей строгой нравственности и суровой скромности этот импульс природы часто в течение значительного времени будоражит плоть, пока они не поймут его или не узнают, что это такое; примечательно, что самые воспитанные и наиболее просвещенные обычно оказываются самыми невежественными в этом вопросе; и здесь я не

могу не отметить разницу между человеком, натура которого находится в естественном состоянии, и тем же самым существом в цивилизованном обществе. В первом случае — если мужчин и женщин оставить невоспитанными и непросвещенными в науках обычаев и нравов — они быстро обнаружили бы причину этого беспокойства и были бы поставлены в тупик относительно готового средства его лечения не больше других животных. Кроме того, мало вероятно, чтобы им были нужны наставления и примеры более опытных людей. Но во втором, когда необходимо соблюдать правила религии, законы и приличия и подчиняться в первую очередь им, а не велениям природы, молодежь обоего пола необходимо вооружать и укреплять против этого импульса и с самого раннего детства намеренно отпугивать их от малейших его проявлений. Хотя само желание и все его признаки ясно ощущаются и понимаются, их необходимо тщательно и сурово подавлять, а женщины должны решительно отрицать их и, если будет необходимо, упрямо не признаваться в них, даже если видно, что они сами находятся под их воздействием. Если желание приводит их к душевному расстройству, их надо вылечить при помощи медицины, или же пусть они терпеливо и молча переносят его; и в интересах общества сохранять приличия и воспитанность, чтобы женщины влачили жалкое существование, чахли и умирали, но не облегчали свое положение незаконным образом, а что касается людей светских, обладающих высоким рождением и положением, то ожидается, что им в брак вообще нельзя вступать без тщательного изучения семьи, состояния и репутации, а при составлении супружеских пар зов природы менее всего принимается во внимание.

Тогда те, кто считает любовь и вожделение синонимами, путают следствие с его причиной; и все же такова сила воспитания и привычка думать так, как нас учили, что иногда люди того и другого пола действительно любят, не испытывая при этом никаких плотских желаний и не проникая в намерения природы, в цель, предложенную ею, без которой они никогда бы не были охвачены страстью такого рода. Такие люди существуют, это верно, но гораздо больше тех, претензии которых на эти утонченные представления поддерживаются только ловкостью и лицемерием. Те, кто действительно являются такими платоническими любовниками, обычно представляют со-

бой бледнолицых слабых мужчин и женщин холодного и флегматичного склада ума: энергия и здоровье желчного темперамента и румяный цвет лица никогда не питают любовь настолько духовную, чтобы исключить все мысли и желания, относящиеся к плоти. Но если бы самые неземные любовники узнали источник своего влечения, то пусть бы они лишь предположили, что кто-то другой получает плотское наслаждение от любимого им существа, и тогда из-за мук, которые принесла бы эта мысль, они вскоре открыли бы природу своих страстей. В то же время родители и друзья, напротив, получают удовлетворение, думая о радостях и удобствах счастливого брака, которые испробуют те, кому они желают добра.

Люди пытливые, умело анализирующие невидимую часть человека, заметят, что, чем более эта любовь возвышенна и свободна от всяких мыслей о чувственности, тем более она поддельна и тем более удалена от своего честного источника и первоначальной простоты. Сила и прозорливость, а также труды и заботы политика, сделавшего общество цивилизованным, нигде так ярко не проявились, как в удачном изобретении — заставить наши аффекты противодействовать друг другу. Лъстя нашей гордости и еще более увеличивая то хорошее мнение, которое мы имеем о самих себе, с одной стороны, и, с другой стороны, вселяя в нас величайший ужас и смертельное отвращение к стыду, хитроумные моралисты учили нас энергично бороться с самими собой и если не подавлять, то по крайней мере так скрывать и маскировать наш любимый аффект — вожделение, что мы едва узнаем его, когда встречаем в своей собственной груди. О, какая великолепная награда за все наше самоотречение ожидает нас в перспективе! Может ли хоть один человек быть настолько серьезен, чтобы удержаться от смеха, когда он подумает, что за столько обмана и неискренности, проявленных как в отношении нас самих, так и в отношении других, мы не получаем никакого иного вознаграждения, кроме пустого удовлетворения тем, что в результате наш род кажется более возвышенным и более удаленным от других животных, чем он есть на самом деле, и мы в глубине души знаем, что это так! Тем не менее это факт, и в нем мы отчетливо видим причину того, почему было необходимо делать порочным каждое слово или действие, благодаря которому мы могли бы об-

наружить испытываемое нами врожденное желание увечковечить свой род; и почему смиренное подчинение неистовству бурного желанья (сопротивление которому причиняет страдания) и простое повиновение самому настоящему велению природы без хитрости и лицемерия, как другие существа, должно быть заклеено позорным названием «животное чувство».

Следовательно, то, что мы называем любовью, это не подлинное, а поддельное желание или скорее сочетание, нагромождение нескольких противоположных аффектов, соединенных в один. Поскольку она является продуктом природы, искаженным обычаем и воспитанием, то ее подлинный источник и первый побудительный мотив, как я уже говорил, подавляется хорошо воспитанными людьми и почти скрытан от них самих; все это является причиной того, что, так как все те, кто попал под ее воздействие, отличаются друг от друга по возрасту, силе, решительности, темпераменту, положению и воспитанию, ее последствия настолько разнообразны, причудливы, удивительны и необъяснимы.

Именно этот аффект делает ревность такой беспокойной, а зависть к нему часто такой роковой; тот, кто воображает, что может быть ревность без любви, не понимает этого аффекта. Мужчины могут не испытывать ни малейшей привязанности к своим женам, и все же сердиться на них за их поведение, и подозревать их, обоснованно или нет; но в этих случаях на них действует их гордость, беспокойство о своей репутации. Они чувствуют несправедливость к женам без угрызений совести; когда они оскорблены, они могут избить их и, удовлетворенные, пойти спать. Такие мужья могут сами наблюдать за своими женами или поручить это другим; но их бдительность не так ревностна, они не так любопытны или прилежны в своих поисках; они и не испытывают в глубине души того беспокойства перед страхом какого-либо открытия, которое чувствуют тогда, когда любовь сопровождается аффектами.

В этом мнении меня утверждает и то, что мы никогда не наблюдаем такого поведения в отношениях между женщиной и его любовницей, ибо, когда его любовь прошла и он подозревает свою любовницу в измене, он ее оставляет и выбрасывает из головы все мысли о ней. В то время как даже для разумного человека расстаться с любовницей, пока он ее любит, — значит преодолеть самую

величайшую трудность, которую только можно представить себе, какова бы ни была ее вина. Если он в гневе ударит любовницу, то после этого испытывает беспокойство: любовь заставляет его думать о той обиде, которую он ей нанес, и он хочет с нею снова помириться. Он может говорить о том, что он ее ненавидит и много раз в сердцах желает, чтобы ее повесили, но если он не сможет полностью преодолеть свою слабость, то никогда не сможет отвязаться от нее. Хотя в своем воображении он представляет ее виновной в самом чудовищном преступлении и решился и поклялся тысячу раз никогда больше к ней не приближаться, доверять ему нельзя. Если он ее по-прежнему любит, то, даже когда он полностью убежден в ее неверности, его отчаяние никогда не бывает непрерывным, но между самыми черными приступами его он смягчается и находит ясные проблески надежды; он изобретает для нее оправдания, думает о прощении и, чтобы найти его, усиливает свою изобретательность, изыскивая возможности, которые представили бы ее менее преступной.

(O) Истинные наслаждения, комфорт, покой...

Эпикур учил, что наивысшее благо заключается в наслаждении, однако сам он вел примерную жизнь, отличаясь воздержанием, трезвостью и другими добродетелями, что заставило людей впоследствии спорить относительно смысла наслаждения. Те, кто исходил из умеренности самого философа, говорили, что Эпикур имел в виду тот восторг, который заключается в том, чтобы быть добродетельным; так, Эразм [Роттердамский] в своих «Разговорах запросто» говорит нам, что нет более убежденных эпикурейцев, чем набожные христиане. Другие, наблюдая беспутный образ жизни большей части последователей Эпикура, утверждали, что под наслаждениями он мог понимать только чувственные удовольствия, и ничего больше, а также удовлетворение наших аффектов. Я не буду решать их спор, но считаю, что независимо от того, хороши люди или плохи, то, от чего они испытывают восторг, и составляет их наслаждения, и, чтобы не искать еще какой-то этимологии в ученых языках, полагаю, что англичанин может по справедливости назвать наслаждением все, что доставляет ему удовольствие, и в соответствии с этим определением нам не следует больше спо-

рять о наслаждениях людей, так же как и об их вкусах: *Trahit sua quemque voluptas*³⁰.

Человек, заботящийся о всем мирском, сластолюбивый и честолюбивый, хотя и лишенный каких-либо достоинств, домогается первенства во всем и желает, чтобы его почитали больше, чем тех, кто стоит выше него. Он стремится владеть просторными дворцами и великолепными садами; его главное наслаждение заключается в том, чтобы превосходить других в породистости лошадей, великолепии экипажей, многочисленности слуг и ценности мебели. Чтобы удовлетворить свое сластолюбие, он желает иметь изящных молодых красивых женщин, отличающихся друг от друга своими прелестями и темпераментом, которые должны поклоняться его величю и действительно любить его персону; свои погреба он до отказа набивает превосходными винами, собирая букет самых лучших вин, производимых во всех странах; он желает, чтобы за его столом подавалось много перемеж и чтобы каждая из них содержала большое разнообразие изысканных деликатесов, которые не легко купить, и служила бы неопровержимым доказательством изысканного и обдуманного кулинарного искусства, в то время как гармоничная музыка и изысканная лесь попеременно услаждали бы его слух. Для выполнения даже мельчайших, пустяковых дел он принимает только самых способных и самых искусных работников, с тем чтобы его мнение и вкус так же отчетливо проявлялись в мельчайших вещах, ему принадлежащих, как его богатство и знатность проявляются в вещах, обладающих гораздо большей ценностью. Он желает, чтобы для общения у него было несколько групп остроумных, веселых и воспитанных людей, среди которых было бы несколько человек, прославившихся своей ученостью и обширными познаниями. Для ведения своих серьезных дел он хочет найти людей способных и опытных, которые должны быть прилежны и верны ему. Те, кто должен непосредственно прислуживать ему, должны быть ловкими, воспитанными и сдержанными, с приятной внешностью и изящными манерами. Кроме того, он требует от них еще почтительной заботы обо всем, что ему принадлежит, проворства без спешки, быстроты без шума и беспрекословного повиновения его приказам. Он полагает, что нет ничего более беспокойного, чем разговор со слугами; поэтому ему будут прислуживать только те, которые научились, наблюдая за его жестами, угадывать его волю по

малейшим движениям. Он любит, чтобы во всем, что его окружает, было элегантно изящество, а во всем, что имеет отношение непосредственно к его персоне, скрупулезно поддерживалась величайшая чистота. В качестве главных служащих в своем доме он держит людей высокого рождения, отличающихся знатностью и высокими достоинствами, а также любовью к порядку, хозяйственностью и бережливостью, ибо, хотя он любит, чтобы его все почитали, и с радостью принимает знаки уважения простых людей, тем не менее тот почет, который ему оказывается выдающимися людьми, приводит его в восторг в значительно большей степени.

Купаясь таким образом в море сластолюбия и тщеславия, он целиком и полностью занят возбужденным и удовлетворенным своих желаний, но хочет, чтобы весь мир считал его полностью лишенным гордости и чувственности и благоприятно истолковывал его самые явные пороки; более того, если в его власти купить это, то он жаждет, чтобы его считали мудрым, храбрым, щедрым, добродушным и наделенным всеми добродетелями, которые, по его мнению, стоит иметь. Он хотел бы заставить нас поверить, что та пышность и роскошь, которые его окружают, для него все равно что мучительное наказание и что все величие, в котором он появляется, — неблагодарное бремя, которое, к его сожалению, неотделимо от тех высоких сфер, в которых он движется; что его благородный ум, настолько возвышающийся над обычными способностями, стремится к более высоким целям и не может восторгаться такими ничтожными наслаждениями; что самое высокое его стремление — содействовать общему благу, а самое большое удовольствие — видеть свою страну процветающей и сделать всех счастливыми в пей. Порочные и заботящиеся о всем земном люди и называют эти удовольствия истинными, и того, кто в состоянии при помощи этого утонченного способа, благодаря своему умению или богатству одновременно и наслаждаться мирскими благами и пользоваться хорошей репутацией в мире, вся самая фешенебельная часть общества считает чрезвычайно счастливым человеком.

Но с другой стороны, большинство древних философов и суровых моралистов, особенно стоики³¹, не считали истинным благом то, что могло быть отнято у них другими. Они мудро принимали во внимание изменчивость фортуны и непостоянство милости государей, суетность

почестей и одобрения народа, непочность богатства и всех земных приобретений и поэтому считали истинным счастьем спокойную ясность удовлетворенного духа, свободного от сознания вины и честолюбия; духа, который, подавив все чувственные желания, презирает как улыбки, так и гримасы фортуны и, находя восторг только в размышлении, желает лишь то, что каждый может дать самому себе; духа, который, вооруженный твердостью и решимостью, научился переносить величайшие потери без заботы, выносить страдания без огорчения и сносить обиды без негодования. Многие признавались, что достигли этой высоты самоотречения, и тогда, если им поверить, они были возвышены над простыми смертными, а их сила намного превзошла ту, которая была вначале дана им от природы. Они могли безбоязненно выносить гнев и угрозы тиранов и опасности, непосредственно нависшие над ними, и сохранять спокойствие в разгар пыток; они могли бесстрашно встретить самую смерть и покинуть этот мир, оказав не больше сопротивления, чем они проявили нежности при своем появлении в нем.

Эти представления всегда пользовались наибольшим влиянием среди древних; однако другие люди, которые тоже не были дураками, опровергли эти учения как практически неосуществимые, назвали их понятия романтическими и попытались доказать, что то, что эти стойки утверждали в отношении самих себя, превосходит все человеческие силы и возможности и что поэтому те добродетели, которыми они хвастались, не могли быть не чем иным, как высокомерным притворством, полным надменности и лицемерия. Однако, несмотря на эти порицания, серьезные люди и большая часть мудрых людей, живших с того времени и до сего дня, согласны со стойками в самых важных моментах, например в том, что не может быть истинного блаженства в том, что зависит от бренных вещей; что покой души является величайшим благословением и что ни одна победа несравнима с победой над нашими аффектами; что знания, терпимость, сила духа, смирение и другие украшения ума являются самыми ценными приобретениями; что никто не может быть счастлив, если он не добр, и что только добродетельные люди способны наслаждаться истинными удовольствиями.

Я жду, что меня спросят, почему в «Басне» я назвал истинными наслаждениями прямо противоположные тем, которые, по моему собственному признанию, мудрые люди

всех времен превозносят как самые ценные. Мой ответ следующий: потому что я называю наслаждениями не то, что, как говорят люди, является наилучшим, а то, что, как мне кажется, доставляет им наибольшее удовольствие. Как я могу поверить, что самое большое наслаждение человека состоит в совершенствовании ума, если я вижу, что он постоянно и каждодневно занят лишь погоней за удовольствиями, прямо противоположными названному им? Джон никогда не берет пудинг, но отрезает ровно столько, чтобы вы не могли сказать, что он вообще его не брал; вы видите, как после долгого жевания и чавканья он заглатывает этот маленький кусочек, как будто это мелко рубленное сено; после этого он с кровожадным аппетитом набрасывается на мясо и набивает им себя по горло. Разве не досадно слышать, как Джон кричит каждый день, что все наслаждение для него заключается в пудинге и что он ни во что не ставит мясо?

Я мог бы хвастать силой духа и презрением к богатству так же, как сам Сенека³², и написал бы в защиту бедности вдвое больше, чем он, если бы у меня была десятая часть его состояния. Я мог бы указать путь к его «*Summum bonum*»³³ так же точно, как я знаю дорогу к своему дому. Я мог бы сказать людям, что для того, чтобы освободиться от всех мирских дел и очистить свой дух, они должны избавиться от всех своих страстей, подобно тому как выносят всю мебель, когда хотят тщательно убрать комнату; и я совершенно твердо придерживаюсь того мнения, что злоба и самые суровые удары судьбы могут причинить духу, таким образом освободившемуся от всех страхов, желаний и склонностей, не больше вреда, чем слепая лошадь в пустой конюшне. Я в совершенстве постиг теорию всего этого, но практика очень трудна; и, если бы вы собирались залезть ко мне в карман, предложили бы забрать у меня поставленную передо мной еду, когда я голоден, или же сделали бы малейшее движение, собираясь мне плюнуть в лицо, я не осмеливаюсь обещать, насколько по-философски я бы себя повел. Но вы скажете, что то, что я принужден подчиняться каждому капризу своей непокорной природы, не является доводом для утверждения того, что другие так же мало властвуют над своей природой, как и я над своей; и поэтому я готов поклоняться добродетели, где бы я ее ни встретил, при условии, что я не буду обязан признавать в качестве добродетели то, в чем я не

вижу самоотречения, или судить о настроениях людей на основании их слов, в то время как у меня перед глазами их жизнь.

Я искал среди людей самого разного звания и положения и, признаюсь, нигде не нашел большей суровости в образе жизни и большего презрения к земным радостям, чем в некоторых религиозных домах, где у людей, добровольно отказавшихся и ушедших от мира, чтобы побороть себя, нет иного занятия, кроме подавления своих желаний. Что может быть более убедительным доказательством совершенного целомудрия и величайшей любви к незапятнанной чистоте у мужчин и женщин, чем то, что в расцвете лет, когда более всего неистовствует плоть, они фактически закрываются от общества друг друга и добровольным отказом на всю жизнь преграждают себе путь не только к нечистоте, но и даже к самым законным объятиям? Можно думать, что те, кто воздерживается от плотских наслаждений, а часто и вообще от всякой пищи, находятся на правильном пути к подавлению всех плотских желаний; и я почти готов поклясться, что тот, кто ежедневно истязает свою обнаженную спину и плечи безжалостными ударами бича и, разбуженный в полночь, постоянно покидает постель, чтобы помолиться, не заботится о своем покое. Кто может презирать богатство или проявлять себя менее алчным, чем тот, кто даже не дотронется до золота или серебра, пусть даже они валяются у него под ногами? Или может ли какой-либо смертный показать себя менее презирающим роскошь или более смиренным, чем человек, который, избрав нищету, удовлетворяется обедками и остатками и отказывается есть хлеб, кроме того, который дают ему из милосердия?

Такие прекрасные примеры самоотречения заставили бы меня до земли поклониться добродетели, если бы меня не удержали от этого и не предостерегли многие видные и ученые люди, которые в один голос говорят мне, что я ошибаюсь и что все, что я видел, есть фарс и лицемерие; что, какую бы пеземную любовь они притворно ни изображали, между ними нет ничего, кроме раздоров, и, какими бы раскаявшимися не казались монахини и монахи в своих разнообразных обителях, ни один и ни одна из них не пожертвовали своей любимой плотью; что среди женщин далеко не все девственницы, хотя они и считаются таковыми, и что если бы они доверили мне свои секреты и я бы узнал некоторые скрытые подробности их

частной жизни, то вскоре ужасные картины убедили бы меня, что некоторые из них должны были быть матерями; что у мужчин я обнаружил бы клевету, зависть и злонаправие в самой высокой степени или же обжорство, пьянство и нечистые поступки более отвратительного рода, чем сам разврат. А что касается нищенствующих орденов, то они ничем, кроме одежды, не отличаются от других здоровых нищих, которые обманывают людей жалобным тоном и показной, чисто внешней нищетой, а как только они уходят из вашего поля зрения, оставляют свой плаксивый тон, удовлетворяют свои желанья и наслаждаются друг другом.

Если строгие правила, соблюдаемые в этих религиозных орденах, и такое обилие внешних проявлений благочестия заслуживают столь сурового осуждения, мы скорее всего откажемся найти добродетель где-либо еще; ибо если мы изучим поступки противников и самых ярких обвинителей этих орденов, то не найдем у них даже видимости самоотречения. Преподобное духовенство всех сект, даже самых реформированных церквей во всех странах, сначала заботится о Cyclops Evangeliphorus; ut ventri bene sit³⁴, а после ne quid desit iis quae sub ventre sunt³⁵. Они хотят, чтобы к этому вы добавили удобные дома, красивую мебель, добрый огонь в очаге зимой, приятные сады летом, опрятную одежду и достаточно денег, чтобы воспитывать детей, первое место во всяком обществе и уважение от всех, а затем столько религии, сколько вам заблагорассудится. То, что я перечислил, представляет собой необходимые жизненные удобства, которых не стыдятся желать даже самые скромные люди и без которых они очень беспокоятся. Правда, священники сделаны по тому же образу и подобию и имеют такую же подверженную порче природу, что и остальные люди, рождаются с такими же слабостями, подвергаются воздействию тех же страстей и испытывают такие же искушения, и поэтому, если они прилежны в своем занятии и могут удержаться от убийства, разврата, божбы, пьянства и других отвратительных пороков, их жизнь называют безупречной, а репутацию незапятнанной; их должностные обязанности делают их святыми, и, несмотря на удовлетворение столь многих плотских желаний и наслаждение таким роскошным покоем, они могут сами ценить себя так, как позволяют их гордость и умственные способности.

Я ничего не имею против всего этого, но не вижу в этом самоотречения, без которого не может быть добро-

детели. Разве это такое уж смирение — не желать большей доли мирских благ, чем та, которой может удовлетвориться каждый разумный человек? Или разве есть какая-нибудь величайшая заслуга в том, чтобы не быть преступником и воздерживаться от тех неприличий, которые несовместимы с благовоспитанностью и которых не допустит ни один благоразумный человек, хотя он вообще может быть нерелигиозным?

Я знаю, мне скажут, что священники так бурно выражают свое негодование, когда их хоть в чем-то слегка задевают, и демонстрируют полное отсутствие всякого терпения, когда нарушаются их права, потому только, что очень заботятся о защите своего занятия, своей профессии от презрения не ради себя, а ради того, чтобы быть полезнее другим. Это та же самая причина, которая заставляет их беспокоиться о жизненных удобствах и комфорте; ибо, если бы они смиренно сносили оскорбления, удовлетворялись более грубой пищей и носили более скромную одежду, чем другие люди, толпа, которая всегда судит по внешнему виду, была бы склонна думать, что провидение проявляет непосредственно по отношению к духовенству не больше заботы, чем к другим людям, и поэтому не только недооценивала бы их личности, но и в равной мере презирала бы все порицания и наставления, исходящие от них. Это — восхитительное оправдание, и, поскольку его часто употребляют, я рассмотрю его справедливость.

Я не придерживаюсь мнения ученого доктора Ичарда (Eachard), что священников презирают, среди другого, за бедность, если только она не служит тому, чтобы обнаруживать их слабые места. Ибо когда люди постоянно борются со своим тяжелым положением и не способны безропотно нести его бремя, именно тогда они показывают, как тяжела для них бедность, как рады бы они были, если бы их положение улучшилось, и как они действительно ценят все хорошее в этом мире. Того, кто разглагольствует о презрении к богатству и тщете мирских наслаждений в порыжевшем изношенном платье, потому что у него нет другого; кто не носит свою старую, засаленную шляпу, если кто-нибудь дал ему более приличную; кто дома с грустной миной на лице пьет слабое пиво, но жадно хватает стакан вина, если может перехватить его в гостях; кто почти без аппетита ест свою грубую похлебку, но жадно бросается на еду там, где

можно доставить удовольствие желудку, и выражает необычайную радость, получив приглашение на великолепный обед, — именно такого презирают, но не потому, что он беден, а потому, что не умеет переносить бедность с тем удовлетворением и смирением, которые он проповедует другим, и тем самым раскрывает, что его склонности прямо противоположны тому, чему он учит. Но когда человек из-за величия своей души (или упрямого тщеславия, что тоже подойдет) решает по-настоящему серьезно подавить свои желания, отказывается от всех предложений покоя и роскоши, которые могут быть ему сделаны, жизнерадостно и добровольно избирая бедность, отвергает все, что удовлетворяет чувства, и, играя эту роль, действительно жертвует всеми своими аффектами ради гордости, то простые люди не только не презирают его, но, наоборот, готовы боготворить его и поклоняться ему. Какую известность приобрели философы-кинники³⁶, только отказавшись лицемерить и употреблять излишества? Разве самый честолюбивый монарх в мире не снизошел до посещения Диогена³⁷ в его бочке и не прибегнул к умышленной неучтивости, самому высокому комплименту, который мог сделать человек, обладающий его гордостью?

Люди очень охотно верят друг другу на слово, когда они видят какие-либо обстоятельства, подтверждающие то, что им говорят; но, когда наши поступки прямо противоречат тому, что мы говорим, считается бесстыдством желать, чтобы вам верили. Если веселый человек с пылающими щеками и теплыми руками, только что вернувшийся в дом после какого-нибудь изрядного моциона или же холодной ванны, говорит нам в морозную погоду, что ему не нужно место у камина, мы склонны легко ему поверить, особенно если он действительно отвернулся от огня и по его положению мы знаем, что он не нуждается ни в топливе, ни в одежде. Но если мы услышим те же слова из уст несчастного голодного бедняги, с распухшими руками и мертвенно-бледным цветом лица, в тонкой рваной одежде, мы не должны верить ни одному слову из того, что он сказал, особенно если видим, как он, дрожа и трясясь, ползет на солнечную сторону; и, что бы он там ни говорил, мы придем к выводу, что теплая одежда и добрый огонь совсем бы ему не помешали. Это правило легко применить и к другим случаям, и поэтому, если было бы на земле такое духовенство, о котором бы знали, что оно не заботится о мирских делах и ценит

душу выше тела, тогда пусть только оно воздержалось бы от того, чтобы показывать бóльшую заботу о своих чувственных удовольствиях, чем обычно оно проявляет о своих духовных наслаждениях, и духовенство могло бы быть уверено, что бедность, если стойко ее переносить, никогда не приведет к тому, что его будут презирать, какое бы ни было у него тяжелое материальное положение.

Давайте предположим, что существует пастор, которому доверена небольшая паства, о которой он очень заботится. Он читает проповеди, наносит визиты, увещавает, порицает свою паству ревностно и благоразумно и оказывает ей все те добрые услуги, которые находятся в его власти, чтобы сделать ее счастливой. Нет сомнения в том, что те, о ком он заботится, должны быть очень благодарны ему. Теперь предположим еще, что этот добрый человек, проявив немного самоотречения, удовлетворится тем, что будет жить на половину своего дохода и примет только двадцать фунтов в год вместо сорока, на которые он может претендовать; и более того, что он так любит своих прихожан, что никогда не оставит их ради какого бы то ни было повышения, даже возведения в сан епископа, если оно будет ему предложено. Мне представляется, что все это будет очень легкой задачей для человека, который проповедует смирение и ни во что не ценит мирские наслаждения; тем не менее я беру на себя смелость обещать, что этот бескорыстный священник, несмотря на явное вырождение людей, будет пользоваться любовью, уважением и все о нем будут хорошо отзываться; я бы даже поклялся, что, если бы даже он еще более постарался, отдал более половины своего небольшого дохода бедным, жил лишь на овсяной каше и воде, спал на соломе и носил самую грубую ткань, какую только можно сделать, его жалкий образ жизни никогда бы не подвергался осуждению и не был бы унижением ни для него самого, ни для ордена, к которому он принадлежал; но, напротив, его бедность упоминалась бы только к его вящей славе, пока жила бы память о нем.

Но (говорит милосердная молодая дама) хотя вы настолько жестоки, что заставляете голодать своего пастора, разве у вас нет сострадания к его жене и детям? Скажите, что же должно остаться от сорока фунтов в год, после того как их так безжалостно дважды делили? Или же вы допустите, чтобы бедная женщина и невинные дети тоже жили на овсяной каше и воде и спали на

соломе, вы, бессовестный негодяй, со всеми вашими предположениями и самоотречениями? И разве вообще возможно, чтобы менее десяти фунтов в год могли обеспечить семью, даже если она будет жить в таких условиях, которые ведут к медленной смерти? — Не волнуйтесь, добрая госпожа Абигаиль, мое уважение к вашему полу не настолько мало, чтобы я предписал такую тощую диету женатому мужчине; но должен сознаться, что я забыл о жене и детях. Главная причина в том, что я полагал, что бедные священники не могут себе позволить их иметь. Кто мог бы вообразить, что пастор, который должен учить других как своим примером, так и проповедями, не смог противостоять тем желаниям, которые сам порочный мир называет перазумными? Какова причина того, что, когда ученик ремесленника женится раньше, чем станет мастером, все его родственники сердятся на него и все его порицают, если только он не получит хорошего состояния? Только то, что в то время у него нет своих денег, которыми он мог бы распоряжаться, а поскольку он привязан к службе у своего мастера, у него нет свободного времени и, может быть, мало возможностей для обеспечения семьи. Что же мы должны сказать пастору, у которого двадцать или, если хотите, сорок фунтов в год, мало времени и обычно еще гораздо меньше возможностей получать больше денег, так как он еще более прочно привязан к той службе, которую требуют от него приход и его дом? Разве это очень разумно — ему жениться? — Но почему трезвый молодой человек, не виновный ни в одном пороке, должен быть лишен законных наслаждений? — Правильно, брак — дело законное, так же как и содержание кареты; но какое до этого дело людям, у которых нет достаточно денег, чтобы ее содержать? Если он должен иметь жену, пусть ищет женщину с деньгами, или ждет более богатый приход или что-либо еще, чтобы прилично ее содержать и нести все расходы, с этим связанные. Но ни одна женщина, у которой что-то есть у самой, не захочет его, а он не может ждать. У него очень хорошее пищеварение и все признаки здоровья; не каждый может жить без женщины; лучше жениться, чем гореть. И какое же в этом огромное самоотречение? Трезвый молодой человек очень хочет быть добродетельным, но вы не должны противодействовать его склонностям; он обещает никогда не красть оленей при условии, что у него будет своя собственная оленья, и никто не дол-

жен сомневаться в том, что, если будет трудный момент, он будет в состоянии принять мученический венец, хотя признает, что у него нет достаточно сил, чтобы терпеливо снести боль от царапины на пальце.

Когда мы видим, как столько священников, чтобы удовлетворить свою похоть, свое животное желание, доводят себя до неизбежной нищеты, которая, если только они не могут переносить ее с большей стойкостью, чем они проявляют во всех других своих поступках, должна по необходимости привести к тому, что их станет презирать весь мир, какое уважение должны мы им оказывать, когда они притворяются, что приспосабливаются к мирской жизни не потому, что находят удовольствие в ее различных благах, удобствах и украшениях, а только чтобы защитить свою профессию от презрения, чтобы приносить больше пользы другим? Разве у нас нет оснований полагать, что то, что они говорят, полно лицемерия и фальши и что возделание — не единственное желание, которое они хотят удовлетворять; что надменный вид и чрезмерная обидчивость, пизанная элегантность в одежде и изысканность в еде, которые можно наблюдать у большинства тех, кто способен все это показать, являются результатом гордости и роскоши, которым они подвержены так же, как и все другие люди, и что духовенству внутренняя добродетель свойственна не в большей степени, чем представителям любой другой профессии?

Боюсь, что я уже к данному моменту доставил многим своим читателям истинное удовольствие, рассуждая так долго об истинности наслаждения; но я не могу иначе, мне в голову пришла еще одна мысль в подтверждение того, что я уже сказал, и я не могу удержаться от того, чтобы не упомянуть ее. Она состоит в следующем: вообще говоря, те, кто правит миром, по крайней мере так же мудры, как и те, кем они управляют. Если на этом основании мы возьмем за образец тех, кто стоит выше нас, нам нужно только обратить свой взгляд на все дворы государей и правительства во Вселенной, и из поступков великих людей мы скоро поймем, какое мнение они поддерживают и какие наслаждения, как нам кажется, более всего любят те, кто занимает самое высокое положение из всех. Ибо если бы было позволено вообще судить о склонностях людей на основании их образа жизни, тогда менее всего это причинило бы вред тем, кто более других волен поступать так, как им хочется.

Если великие мира сего, как духовные, так и светские, в какой бы то ни было стране не ценят земных радостей и не стремятся удовлетворить свои желания, то почему так свирепствуют в их среде зависть и мстительность, почему все другие аффекты совершенствуются и делаются более утонченными при дворах государей, больше чем где-либо еще, и почему все их времяпрепровождение, их развлечения и весь образ жизни всегда такой, который одобряют, которого жаждут и которому подражают самые чувственные люди той же самой страны? Если, презирая все видимые украшения, они любят только украшения ума, то почему они так много заимствуют у людей, предающихся роскоши, и употребляют их самые любимые игрушки? Почему, чтобы быть добрыми и добродетельными и стремиться побороть свои страсти, государственный казначей, или епископ, или даже гран-синьор, или папа Римский должны иметь возможность получать больше доходов, покупать более дорогую мебель и иметь в личном услужении больше слуг, чем частное лицо? Что же это за добродетель, проявление которой требует такой пышности и таких излишеств, какие можно видеть у всех людей, стоящих у власти? У человека, имеющего всего лишь одно блюдо на обед, есть столько же возможностей проявлять умеренность, сколько и у того, кому постоянно подают перемены по двенадцать блюд в каждой. Можно проявлять столько же терпения и быть полным самоотречения, лежа на оческах без занавеси и балдахина, так же как и на бархатной кровати шестнадцати футов высотой. Добродетельные свойства ума не являются ни обузой, ни бременем. Человек может спокойно переносить несчастья, живя на чердаке, на ходу прощать обиды и быть целомудренным, хотя у него спина едва прикрыта рубашкой; и поэтому я никогда не поверю тому, что посредственный гребец, если ему доверят это, может перевезти всю ученость и набожность, какую может вместить один человек, а также шестивесельную баржу в придачу, особенно если нужно всего лишь пройти от Ламбета до Вестминстера; или что смирение настолько громоздкая добродетель, что требует для своей перевозки шестерку лошадей.

Сказать, что поскольку люди не так легко подчиняются равным себе, как тем, кто стоит выше их, и что для того, чтобы держать толпу в страхе, необходимо, чтобы те, кто правит нами, превосходили других во внешнем виде, и что, следовательно, все, кто занимает высокие

ности, должны иметь почетные знаки и эмблемы власти, чтобы отличаться от простонародья, — значит выдвигать пустое возражение. Прежде всего это может быть использовано только плохими государями и слабыми и неустойчивыми правительствами, которые, будучи неспособными на самом деле сохранять общественный мир, вынуждены с помощью показного пышного представления восполнять то, чего им не хватает для подлинной власти. Так, губернатор Батавии на Ост-Индских островах вынужден поддерживать свое величие и жить в великолепии, превосходящем то, которое ему необходимо по его положению, чтобы вызывать ужас у дикарей Явы, которые, если бы у них было умение и руководство, достаточно сильные, чтобы уничтожить в десять раз большее число хозяев. Но великие монархи и государства, которые держат огромные флоты в море и многочисленные армии в поле, не пугаются в подобных уловках, ибо то, что делает их грозными за рубежом, всегда обеспечит их безопасность внутри страны. Во-вторых, защищать жизнь и имущество людей от посягательств порочных людей во всех обществах должны строгость законов и неукоснительное отправление беспристрастного правосудия. Кражи, грабежи и убийства не предотвратишь алыми мантиями олдерменов, золотыми цепями шерифов, красивой парадной сбруей их лошадей или каким-либо иным ярким представлением. Эти пышные украшения приносят пользу в другом отношении: они являются красноречивыми наставлениями для подмастерьев и задача их — не отпугивать, а воодушевлять; по людей порочных склонностей надо держать в страхе при помощи суровых полицейских, крепких тюрем, бдительных тюремщиков, палачей и виселиц. Если бы Лондон на одну неделю лишился констеблей и сторожей, охраняющих ночью дома, половина бабкиров была бы разорена, а если бы у лорд-мэра для его защиты не было ничего, кроме огромного двуручного меча, огромной чаши дружбы и позолоченного жезла, то его вскоре лишили бы всего его великоления прямо на улицах Сити, в его величественном экипаже.

Но давайте предположим, что нужно ослепить глаза непостоянной толпы наружным блеском; если добродетель составляет главный восторг великих людей, почему их расточительность должна распространяться на вещи, которые толпа не понимает и которые совершенно не попадают ей на глаза; я имею в виду их личные развлечения,

пышность и роскошь столовых и спален и диковинные вещи, которые они держат в кабинетах? Очень немногие из простонародья знают, что есть вино стоимостью гиней за бутылку, что птички величиной не более жаворонка часто продаются по цене полгиinei за штуку или что одна картина может стоить несколько тысяч фунтов. Кроме того, следует ли воображать, что люди должны обречь себя на такие огромные расходы ради политического представления и так заботиться о том, чтобы добиться уважения тех, кого они так презирают во всем остальном, если они не делают этого для удовлетворения своих собственных желаний? Если мы допустим, что блеск и все великолепие двора скучны и только утомляют самого государя и вообще используются только для защиты королевского величия от презрения, можем ли мы сказать то же самое относительно полудюжины незаконно рожденных детей, большинство которых появилось на свет в результате нарушения супружеской верности тем же самым величеством и которые рождены, воспитаны и сделаны принцами за счет страны? Поэтому очевидно, что этот трепет толпы перед величественным образом жизни есть лишь прикрытие и отговорка, которой великие люди скрывают свое тщеславие и удовлетворяют каждое свое желание, не опасаясь упреков.

Бургомистр Амстердама в своем простом черном костюме, сопровождаемый, может быть, одним лакеем, пользуется таким же уважением, как и лорд-мэр Лондона со всем его блестящим выездом и огромным кортежем свиты, а повинуются ему даже лучше. Там, где есть подлинная власть, смешно полагать, что какая-либо умеренность и строгость в жизни вообще сделает лицо, в котором воплощена эта власть, презренным при выполнении им своих обязанностей, от императора до старосты церковного прихода. Катон³⁸, управляя Испанией, где он покрыл себя такой славой, имел всего трех слуг; разве мы слышим о том, что из-за этого какими-нибудь его приказами когда-либо пренебрегали, хотя он и любил прикладываться к бутылке? А когда этот великий человек шел пешком по палящим пескам Ливии и томился от жажды, он отказался притронуться к воде, которую ему принесли, пока не напились все его солдаты, разве мы читаем о том, что эта героическая воздержанность ослабила его власть или уменьшила уважение к нему в армии? Но нужно ли нам забираться так далеко в глубь

веков? Не так уж давно жил монарх, менее склонный к пышности и роскоши, чем нынешний король Швеции *³⁹; этот монарх, очарованный титулом героя, принес в жертву непримиримому духу мщения не только жизнь своих подданных и благополучие своих владений, но (что более необычно для монарха) даже свой собственный покой и все удобства жизни; тем не менее ему повиновались, хотя он и разорил свой народ, упрямо продолжая вести войну, которая почти полностью уничтожила его королевство.

Таким образом, я доказал, что истинные наслаждения всех людей в естественном состоянии являются земными и чувственными, если мы судим по их жизни; я сказал «всех людей в естественном состоянии», потому что в отношении благочестивых христиан, и только их одних, в данном случае нужно сделать исключение, ибо о них нельзя сказать, что они находятся в естественном состоянии, так как их духовно возрождает и им сверхъестественно помогает божественная благодать. Как странно, что все они столь единодушно отрицают это! Спросите не только духовных лиц и моралистов каждой страны, но также и всех тех, кто богат и могуществен, об истинном наслаждении, и они скажут вам вместе со стойками, что не может быть истинного блаженства в вещах мирских и тленных; но потом посмотрите на их жизнь, и вы обнаружите, что ни в чем ином они не находят наслаждения.

Что мы должны делать с этой дилеммой? Должны ли мы быть столь немилосердны, чтобы, судя по поступкам людей, сказать, что все они увиливают от ответа и что это не их мнение, что бы они ни говорили? Или же мы будем настолько глупы, что, поверив тому, что они говорят, будем думать, что они искренни в своих чувствах, и тем самым не будем доверять своим глазам? Или же мы скорее попытаемся поверить себе и им тоже и скажем с Монтепем, что они воображают и полностью убеждены, что верят тому, чему они, однако, не верят? Вот его слова: «Некоторые обманывают мир, и о них думают, что они верят тому, чему они в действительности не верят; но гораздо большее число людей обманывает самих себя, и не думая, и полностью не понимая, что значит верить» ⁴⁰. Но это значит делать всех людей либо дураками,

---

* Написано в 1714 г.

либо обманщиками, а, чтобы избежать этого, нам не остается ничего иного, как сказать то, что стремился подробно доказать г-н Бейль в своих размышлениях о кометах⁴¹: человек столь необъяснимое существо, что чаще всего действует вопреки своему принципу, и это настолько далеко от того, чтобы быть обидным, что представляет собой комплимент человеческой натуре, ибо мы должны сказать либо это, либо что-либо похуже.

Это противоречие в устройстве человека является причиной того, что люди так хорошо понимают теорию добродетели и так редко можно встретить ее проявление на практике. Если вы меня спросите, где искать все те прекрасные, блистательные качества премьер-министров и главных фаворитов государей, которые так изящно расписаны в посвящениях, обращениях, эпитафиях, похоронных церемониях и надписях, я отвечу: там, и нигде больше. Где вы будете искать великолепие статуи, как не в той ее части, которую вы видите? Только обработанная поверхность может похвастаться умением и трудом скульптора; то, что не видно, не тронуто. Если вы разобьете голову или вскрыете грудь, чтобы найти мозг или сердце, вы лишь покажете свое невежество и уничтожите искусство работы. Это часто паводило меня па мысль сравнивать добродетели великих людей с большими китайскими кувшинами: они прекрасно смотрятся и украшены до самого верха; имея в виду их вместимость и ту ценность, которую им приписывают, можно было бы подумать, что они могут быть очень полезны, но посмотрите внутрь хотя бы тысячи кувшинов, и вы в них не найдете ничего, кроме пыли и паутины.

(II) ...Даже бедняки
Зажили лучше, чем иные богачи

Если мы проследим происхождение самых процветающих стран, то обнаружим, что в самом отдаленном начале каждого общества самые богатые и самые важные его члены были в течение большого периода времени лишены огромного количества жизненных удобств, которыми теперь пользуются самые скромные и самые смиренные бедняки. Так что многие вещи, которые некогда считались изобретением роскоши, ныне доступны даже тем, кто настолько беден и несчастен, что стал объектом общественной благотворительности; и они даже счита-

ются настолько необходимыми, что, по нашему мнению, ни одно человеческое создание не должно быть лишено их.

В первые столетия своего существования человек, несомненно, питался плодами земли, никак их предварительно не обрабатывая, и спал голым, как и другие животные, на лоне природы. Все, что с того времени содействовало тому, чтобы сделать жизнь более удобной, более или менее заслуживает, чтобы его назвали роскошью, поскольку оно должно было быть результатом мысли, опыта и некоторого труда в зависимости от того, больше или меньше усилий оно потребовало и насколько оно уводило от первобытной простоты. Наше восхищение распространяется только на то, что является для нас новым, и не дальше, и мы все игнорируем превосходные качества вещей, к которым мы привыкли, хотя бы они были и очень любопытны сами по себе. Человек, который найдет роскошь в простой одежде бедного создания, одетого в толстое платье, полученное от прихода, и под ним в грубую рубашку, вызовет смех; и все же какое число людей, какое большое разнообразие профессий и какие разнообразные орудия и навыки должны быть использованы для изготовления самого простого йоркширского сукна. Какая глубина мысли и изобретательности должна была быть проявлена, какой труд и усилия приложены, сколько времени должно было пройти, прежде чем человек научился выращивать из семечка и изготавливать такой полезный продукт, как холст.

Разве не должно быть тщеславно-изысканным то общество, в котором этот замечательный продукт, после того как он изготовлен, не будет считаться пригодным для употребления даже самыми бедными из всех, пока его не доведут до совершенной белизны, которую пельзя получить иначе как с помощью всех стихий, к которым приложены огромное трудолюбие и терпение? Я еще не кончил: можем ли мы думать не только о той цене, которая заплачена за это роскошное изобретение, но и в равной мере о том незначительном времени, в течение которого сохраняется эта белизна, составляющая часть его красоты, так что каждые шесть или самое большее семь дней его нужно чистить, и, пока его носят, это — постоянная обязанность владельца? Я повторяю, можем ли мы думать обо всем этом и не считать излишним проявлением изящества то, что даже бедняги, получающие подающие от прихода, не только имеют целые костюмы,

сделанные из этой трудно достающейся материи, но и равным образом, как только они загрязняются, восстанавливают их первозданную чистоту, используя один из самых полезных, а также и самых сложных составов, которым может похвастаться химия, растворяя его в воде при помощи огня, готовят самый очищающий и все же самый безвредный *lixivium*⁴², который смогло до сих пор изобрести человеческое трудолюбие?

Несомненно, было время, когда о тех вещах, которые я упомянул, говорили так высокопарно и рассуждали примерно таким же образом; но век, в который мы живем, назовет глупцом всякого, кто будет говорить об излишестве и изысканности, если увидит бедную женщину, которая, пронесив целую неделю свою полученную от казны полотняную рубашку, стирает ее с куском воющего мыла по четыре пенса за фунт.

Искусство пивоварения и хлебопечения мало-помалу было доведено до того совершенства, которое мы видим в нем ныне; но изобрести его сразу, и притом а priori, потребовало бы больше знаний и более глубокого проникновения в природу брожения, чем те, которыми до сих пор обладали самые великие философы; тем не менее плодами обоих искусств ныне пользуются самые низкие из нашего рода и голодный бедняга не знает более смиренной или более скромной мольбы, чем о куске хлеба или глотке слабого пива.

Человек узнал по опыту, что перья ничега мягче, чем мелкие перья и пух птиц, и обнаружил, что, если собрать их в кучу, они благодаря своей эластичности будут мягко сопротивляться любому положенному на них грузу и снова подыматься сами по себе, как только давление прекратится. Несомненно, что использование их как подстилки для сна сначала было задумано для удовлетворения тщеславия, а также для покоя богатых и могущественных людей; но они давно уже стали настолько распространенными, что почти все спят на перинах, и замена перьев шерстяными оческами считается жалкой уловкой самых нуждающихся людей. На какую же высоту должна была подняться роскошь, прежде чем стали считать лишением, если приходится покониться на мягкой шерсти животных!

От пещер, хижин, лачуг, шатров и барачков, с которых начинали люди, мы теперь пришли к теплым и прочным домам, и самые скромные жилища, которые мы видим в

городах, представляют собой настоящие здания, задуманные людьми, искусными в пропорциях и архитектуре. Если бы древние бритты и галлы могли выйти из могил, с каким удивлением взирали бы они на величественные строения, повсюду возведенные для бедных! Если бы они могли увидеть великолепие колледжа Челси, Гринвичской больницы или, что превосходит их всех, Дом инвалидов в Париже и наблюдать ту заботу, изобилие, излишества и пышность, которыми в этих величественных местах окружены люди совсем неимущие, то те, кто некогда был самым великим и самым богатым человеком страны, имели бы все основания завидовать самым бедным людям нашего времени.

Еще одно проявление роскоши, которым пользуются бедные, по которому не считается таковым и от которого, без сомнения, в золотой век человечества воздержались бы богатые люди. Это употребление в пищу мяса животных.

Что касается прав и обычаев того времени, в котором люди живут, они никогда не изучают подлинную цену или достоинство их причины и обычно судят о вещах так, как повелевает им обычай, а не разум. Было время, когда для уничтожения мертвых тел при похоронных обрядах использовался огонь и тела самых великих императоров обращались в пепел. Тогда захоронение тела в земле применялось лишь в отношении рабов или же служило наказанием для самых отвязавшихся преступников. Теперь же нет ничего почетнее и приличнее предания тела земле, а сожжение тела сохранено только для самых черных преступлений. Иногда мы с ужасом смотрим на пустыки, а иногда можем беззаботно наблюдать чудовищные преступления. Если мы видим человека, не снявшего шляпу в церкви, это нас потрясает, хотя в это время и не было службы, но, если в воскресный вечер мы встречаем полдюжины пьяных на улице, это зрелище почти не производит на нас впечатления. Если женщина в маскараде наденет мужской костюм, среди друзей это считается шалостью, а того, кто будет слишком недоволен этим, объявят чрезмерно придирчивым. На сцене это делается постоянно и не вызывает упреков, и самые добродетельные женщины прощают это актрисе, хотя она выставляет на всеобщее обозрение свои ноги и бедра; но если та же самая женщина, как только она снова наденет свои юбки, покажет мужчине ножку хотя бы до колена,

это будет очень нескромным поступком, и все назовут ее за это бесстыдной.

Я часто думал, что, если бы не эта тирания, с которой обычай правит нами, люди более или менее добродушные никогда бы не примирились с убийством такого большого количества животных для своего ежедневного пропитания, пока щедрая земля так изобильно снабжает их разнообразными растительными лакомствами. Я знаю, что разум слабо возбуждает наше сострадание, и поэтому не удивляюсь тому, что люди так мало сочувствуют таким несовершенным созданиям, как лангусты, устрицы, сердцевидки, и даже вообще всякой рыбе: они чемы и их внутреннее строение, так же как и внешняя форма, резко отличаются от наших; для нас их выражения чувств не понятны, и поэтому не удивительно, что их горе не затрагивает наш разум, до которого оно не может дойти; ибо наша жалость никогда так действительно не возбуждается, как в тех случаях, когда проявления несчастья непосредственно ударяют по нашим чувствам; и я видел людей, тронутых тем шумом, который издает живой омар на вертеле, хотя они могли с удовольствием убить полдюжины дичи. Но я не могу себе представить, как человек, которого не сделали бесчувственным кровью и убийства, способен спокойно наблюдать насильственную смерть и связанные с нею мучения таких совершенных животных, как овцы и быки, сердце, мозг и нервы которых так мало отличаются от наших и у которых отделение жизненных соков (spirits) от крови, органы чувств и, следовательно, сами чувства (feeling) такие же, как у человеческого существа.

В ответ на это большинство людей сочтет достаточным сказать, что, раз позволено все обращать на службу человеку, не может быть жестокости в том, чтобы использовать живые существа для той цели, для которой они предназначены; но я слышал, как люди давали такой ответ, а в глубине души их натура упрекала их за ложность этого утверждения. Из десяти людей едва ли найдется один, который бы не признался (если только он не вырос на бойне), что из всех занятий он никогда бы не смог выбрать профессию мясника, и я сомневаюсь, чтобы вообще хоть один человек в первый раз решился охотно зарезать цыпленка. Некоторых нельзя убедить попробовать мясо тех существ, которых они ежедневно видели и знали, пока те были живы; у других угрызения совести

распространяются только на их собственную домашнюю птицу, и они отказываются есть то, что они кормили и о чем сами заботились; но все они с аппетитом и без раскаяния поглощают говядину, баранину и птицу, купленную на рынке. Мне представляется, что в этом поведении проявляется нечто вроде сознания вины, кажется, что они пытаются спасти себя от обвинения (которое, как они знают, в чем-то справедливо) в совершении преступления, отодвигая от себя как можно дальше его причину; и в этом я могу обнаружить прочный след первобытной жалости и невинности, которых все же не смогли преодолеть вся деспотическая власть привычки и насилие роскоши.

Мне скажут, что я основываюсь лишь на глупости, в которой мудрые люди не виновны; я это признаю; но, раз она вытекает из реального аффекта, присущего нашей природе, достаточно показать, что мы рождаемся с отвращением к убийству и, следовательно, к поеданию животных; ибо, как бы глупо это ни было, вообще невозможно, чтобы естественное желание побуждало делать нас самих или желать, чтобы делали другие то, к чему мы испытываем отвращение.

Все знают, что при лечении опасных рап и переломов, удалении членов и других страшных операциях хирурги часто вынуждены обрекать своих пациентов на необычайные муки, и, чем более безнадежные и тяжелые большие попадают к ним, тем более стоны и телесные страдания других должны становиться привычными для них; по этой причине наше английское право, исходя из самого любовного отношения к жизням подданных, не позволяет им состоять ни в одном жюри присяжных, которое принимает решение о жизни или смерти, предполагая, что их занятия самого по себе достаточно, чтобы ожесточить их и подавить в них ту мягкость, без которой человек не способен определить истинную цену жизни своих собратьев. Теперь, если нам не следует беспокоиться о том, как мы поступаем с грубыми животными, и если предполагается, что в их убийстве нет никакой жестокости, почему на основании того же самого права из всех занятий мясники вместе с хирургами, и только они, исключены из числа тех, кто может быть присяжным?

Я ничего не приведу из того, что Пифагор⁴³ и многие другие мудрые люди сказали относительно этого варварства — поедания плоти. Я и так уже слишком отвлекся

от своей темы и поэтому прошу читателя, если он в состоянии выслушать еще немного рассуждений по этому вопросу, пробежать глазами следующую ниже басню, или же если он устал, то пусть ее пропустит, будучи уверенным, что и в том и в другом случае он в равной мере окажет мне услугу.

Во время одной из пунических⁴⁴ войн некий римский купец потерпел крушение у побережья Африки. Он сам и его раб с великим трудом благополучно выбрались на берег, но, бродя в поисках помощи, встретились с огромным львом. Он оказался представителем той породы львов, которая встречалась во времена Эзопа⁴⁵, и не только говорил на нескольких языках, но и, более того, кажется, был очень хорошо знаком с делами людей. Раб взобрался на дерево, а его хозяин, полагая, что он сам не будет там в безопасности, и много наслышавшись о великодушии львов, простерся ниц перед ним, проявляя все знаки страха и покорности. Лев, который лишь недавно набил себе брюхо, велел ему встать и на время отогнал его страх, заверив его к тому же, что его не тронут, если он может привести ему какие-либо удовлетворительные причины, почему его не следует съесть. Купец повиновался и, получив таким образом некоторую призрачную надежду на спасение, в мрачных тонах описал то кораблекрушение, которое он потерпел, а затем, пытаясь возбудить жалость у льва, стал молить о пощаде, излив огромное количество великолепного краспоречия; однако, заметив по выражению морды зверя, что лесть и прекрасные слова произвели на него очень незначительное впечатление, он прибегнул к аргументам более солидным и, исходя из превосходства человеческой натуры и способностей, показал, насколько невероятно, чтобы боги не создали его для более полезного применения, чем быть съеденным дикими зверями. После этого лев стал более внимателен и время от времени удостоивал его ответом, так что в конце концов между ними состоялся следующий диалог.

О суетное и алчное животное (сказал лев), чья гордость и жадность могут заставить его покинуть свою родную землю, где он мог бы в достатке удовлетворить все свои естественные потребности, и попытать счастья в бурных морях и опасных горах, чтобы найти ненужные излишества, почему ты должен считать свой род выше нашего? И если боги дали тебе превосходство над

всеми существами, почему ты молишь существо низшее? — Наше превосходство (отвечает купец) состоит не в физической крепости, а в силе разума; боги наделили нас разумной душой, которая, хотя и невидима, является лучшей нашей частью. — Я ничего не хочу трогать у тебя, кроме того, что годится в пищу, но почему ты так высоко ценишь себя из-за той части, которая невидима? — Потому, что она бессмертна и будет вознаграждена после смерти за свои деяния при жизни и праведники будут наслаждаться вечным блаженством и покоем вместе с героями и полубогами в полях Елисейских. — Какую жизнь ты вел? — Я чтил богов и старался быть полезным людям. — Тогда отчего же ты боишься смерти, если думаешь, что боги так же праведны, как и ты? — У меня жена и пять малых детей, которые будут ввергнуты в нужду, если потеряют меня. — У меня два детеныша, которые еще недостаточно выросли, чтобы обходиться без посторонней помощи; они сейчас нуждаются в пище и, должно быть, на самом деле будут голодать, если я ничего им не добуду. Твоих детей как-нибудь обеспечат; по крайней мере когда я тебя съем, то можно считать, что ты утонул, это все равно.

Что касается превосходства того или иного рода, то у вас ценность вещей постоянно увеличивается по мере того, как они становятся все более редкими, а сейчас на миллион людей едва ли найдется один лев; кроме того, в том огромном благоговении, которое человек якобы испытывает по отношению к своему роду, очень мало искренности и она относится только к той доле, которую гордость каждого отводит в этом благоговении для самого себя; глупо хвастаться нежностью и вниманием, проявленными к своим детям, или чрезмерной и постоянной заботой и хлопотами об их воспитании; поскольку человек рождается самым нуждающимся и самым беспомощным животным, это только инстинкт природы, которая во всех существах всегда заботу родителей соотносит с потребностями и неспособностями отпрыска. Но если человек действительно ценит свой род, как же может часто случаться, чтобы десять тысяч людей, а иногда в десять раз больше погибали в течение нескольких часов из-за каприза двоих? Все люди, принадлежащие к разным слоям общества, презирают тех, кто стоит ниже их, и, если бы можно было проникнуть в сердца королей и принцев, вряд ли можно было бы найти такое, которое ценило бы

подавляющее большинство людей, которыми они правят, больше, чем эти люди — принадлежащий им скот. Почему так много их претендует на то, что их род, хотя бы и незаконно, ведет свое начало от бессмертных богов; для чего все они допускают, чтобы другие становились перед ними на колени, и в большей или меньшей степени испытывают восторг, когда им оказывают божественные почести, как не для того, чтобы осторожно внушать, что они сами принадлежат к более высокопоставленному роду, который превосходит род их подданных?

Я дикий [зверь], но только такое существо можно назвать жестоким, которое по злобе или бесчувственности подавляет свою естественную жалость. Лев рождается без чувства сострадания; мы следуем инстинкту своей природы; боги предназначили нам питаться падалью или добывать других животных, и, если мы находим падаль, мы никогда не охотимся за живыми зверями. И только человек, злобный человек может превратить смерть в забаву. Природа научила ваш желудок не желать ничего, кроме растительной пищи; но ваша неистовая любовь к переменам и еще более сильное стремление к повизне натолкнули вас на истребление животных без правосудия или необходимости, извратили вашу природу и исказили ваши желанья так, как хотели того ваша гордость и роскошь. У льва в желудке есть фермент, который переваривает самую жесткую шкуру и самые твердые кости, а также мясо всех без исключения животных. Ваш привередливый желудок, в котором тепло, способствующее перевариванию пищи, слабо и незначительно, не примет даже самые нежные их части, если более половины стряпни не будет совершенно заранее при помощи искусственного тепла (огня), и, однако, удовлетворяя капризы слабого аппетита, пощадил ли вы хоть какое-нибудь животное? Я говорю «слабого аппетита», ибо что такое голод человека по сравнению с голодом льва? Ваш, когда он больше всего вас мучит, заставляет вас падать в обморок, мой сводит меня с ума; я часто пытался есть корни и травы, чтобы ослабить его неистовство, но тщетно: ничто, кроме большого количества мяса, не может как-то его утолить.

Однако, несмотря на свирепость своего голода, львы часто вознаграждают за полученные ими блага; но неблагодарный и вероломный человек питается овцой, которая его одевает, и не щадит ее невинных детенышей,

Которых он взял под свою охрану и защиту. Если ты мне говоришь, что боги сделали человека господином над всеми другими созданиями, то что же это за тирания — уничтожать их по своей прихоти? Нет, слабое и робкое животное, боги создали тебя для общества и предназначили миллионам вас, когда вы объединились, составить всем вместе спльного Левиафана⁴⁶. Один лев имеет какое-то влияние в мироздании, но что есть один человек? Малая, незначительная частица, ничтожный атом одного большого зверя. То, что природа задумывает, она осуществляет, и о том, что она предполагала, правильнее всего судить только по тем последствиям, которые она демонстрирует; если бы она намеревалась сделать так, чтобы человек как человек благодаря превосходству своего рода, правил всеми другими животными, тогда бы тигр и даже кит и орел повиновались бы его голосу.

Но если ваш ум и рассудок превосходят наши, не должен ли тогда лев из уважения к этому превосходству следовать правилам поведения человека, у которого самой священной является заповедь: довод самого сильного всегда является самым сильным? Целые толпы вас составляли заговор и осуществляли уничтожение одного, а ведь ранее признавали, что боги сделали его их вождем; а один часто уничтожал и вырезал целые множества людей, которых он теми же богами поклялся защищать и охранять. Человек никогда не признавал ничего превосходства, если оно не было подкреплено силой, а почему это должен делать я? То превосходство, которым я хвастаю, можно увидеть: все звери трепещут при виде льва, и не из-за папического страха. Боги дали мне быстроту, чтобы догонять, и силу, чтобы побеждать всех, кто проходит вблизи меня. Где то существо, у которого такие же, как у меня, зубы и лапы; посмотрите на толщину этих массивных челюстей, обратите внимание на их ширину и пощупайте твердость этой мускулистой шеи. Самый быстрый олень, самый дикий вепрь, самая выносливая лошадь и самый сильный бык становятся моей добычей, когда я их встречаю.

Так говорил лев, и купец упал в обморок...

Лев, по моему мнению, зашел слишком далеко; однако, когда для того, чтобы сделать более мягким мясо самцов, мы, кастрируя их, не даем мускулам и всем тканям достичь той твердости, которую без этого они бы приобрели, признаться, я полагаю, это должно было бы

тронуть человеческое существо, если бы оно подумало о той жестокой тщательности, с которой их откармливают для убоя. Когда крупный и смиренный вол, выдержав удары в десять раз более сильные, чем те, которые погубили бы его убийцу, наконец падает, оглушенный, и его вооруженная рогами голова привязывается веревками к земле; как только проделана широкая рана и яремные вены перерезаны пополам, какой смертный может без страдания слышать болезненный рев, прерываемый течением крови, горькие вздохи, которые говорят об остроте его боли, и глубокие громкие стоны, с шумным беспорядком вырывающиеся из глубины его сильного и трепещущего сердца? Посмотрите на дрожание и резкие конвульсии его членов; посмотрите, как его дымящаяся кровь потоком течет из него, а его глаза тускнеют и закатываются; наблюдайте за его движениями, за дыханием и последними усилиями сохранить жизнь, верными признаками приближения смерти. Когда живое существо предоставляет такие убедительные и неопровержимые доказательства ужаса, который оно испытывает, и боли и агонии, которые оно переживает, найдется ли последователь Декарта⁴⁷, настолько приученный к крови, что своими сочувствиями не опровергнет философии этого тщеславного мыслителя?

(Р) ...Ибо они скромно жили теперь на свое жалованье

Когда люди имеют небольшие доходы и к тому же честны, именно тогда большинство их становятся бережливими, но не раньше. В этике бережливостью называют ту добродетель, на основании которой люди воздерживаются от излишеств и, презирая требующие труда хитрости искусства обеспечивать [себе] либо покой, либо удовольствие, удовлетворяются естественной простотой вещей и осторожно-умеренны в наслаждении ими без какой-либо примеси алчности. Бережливость, ограниченная таким определением, возможно, встречается реже, чем многие могут вообразить; но обычно под ней понимается качество гораздо более распространённое, стоящее посередине между расточительностью и скупостью, ближе скорее к последней. Поскольку эта благоразумная бережливость, которую некоторые люди называют экономией, является самым верным способом увеличить богатство семьи, некоторые воображают, что тот же способ, приме-

ненный в отношении целой страны (что, по их мнению, вполне осуществимо независимо от того, является ли она бесплодной или плодородной), будет иметь для нее те же самые последствия и что, например, англичане могли бы быть гораздо богаче, чем сейчас, если бы они были так же бережливы, как их некоторые соседи. Я думаю, что это ошибка, и, чтобы доказать это, прошу вернуться к тому, что было сказано в комментарии Л, а затем снова продолжить чтение данного комментария.

Опыт нас учит прежде всего, что так же, как люди отличаются друг от друга своими взглядами и восприятиями вещей, они различаются и по своим склонностям: один человек склонен к скупости, другой — к расточительности, а третий только экономит. Во-вторых, что люди никогда или по крайней мере очень редко избавляются от своих любимых аффектов, и происходит это либо благодаря их разуму, либо благодаря поучениям; а отвлекает их от того, к чему они естественно склопны, только изменение в их материальном положении или судьбе. Если мы поразмыслим над этими наблюдениями, то обнаружим, что для того, чтобы сделать большинство людей в стране расточительными, продукт страны должен быть значительным в пропорции к числу ее жителей, а то, чем они богаты, — дешевым; и что, наоборот, чтобы сделать народ в общем бережливым, предметов, абсолютно необходимых для жизни, должно не хватать и, следовательно, они должны быть дороги; и что поэтому пусть самый лучший политик делает все, что может, расточительность или бережливость людей вообще должна всегда зависеть от плодородности и продукта страны, числа ее жителей и налогов, которые они должны платить, и вопреки всем его усилиям всегда будет соотноситься с ними. Если кто-либо захочет опровергнуть сказанное мною, пусть только докажет на примерах из истории, что когда-либо в какой-либо стране практиковалась всенародная бережливость без необходимости ее в интересах всей страны.

Давайте рассмотрим тогда, что необходимо для возвеличивания и обогащения страны. Первыми желательными благоприятными условиями для любого общества людей являются плодородная почва и подходящий климат, умеренное правительство и территория, которой больше, чем нужно для данного числа людей. Все это сделает человека спокойным, любящим, честным и искренним. В таких условиях люди могут быть настолько

добродетельны, насколько это для них возможно без малейшего вреда для общества, и, следовательно, счастливы так, как этого им самим хочется. Но у них не будет ни искусств, ни наук, и мир будет сохраняться не дольше, чем позволят соседи; они должны быть бедны, невежественны и почти полностью лишены того, что мы называем жизненными удобствами, и все главные добродетели, вместе взятые, не обеспечат им даже спосной одежды или горшка каши. Ибо в этом состоянии ленивого покоя и глупой невинности раз не надо бояться больших пороков, то и нельзя ожидать сколько-нибудь значительных добродетелей. Человек только тогда прилагает усилия, когда его побуждают к этому его желания. Когда они дремлют и ничто их не возбуждает, его превосходные качества и способности никогда не будут раскрыты, и эту неуклюжую машину, когда на нее не влияют аффекты, можно по справедливости сравнить с огромной ветряной мельницей, когда нет ни ветра.

Чтобы сделать общество людей сильным и могущественным, надо затронуть их аффекты. Разделите землю, даже если ее сколько угодно, и собственность сделает их скупыми. С помощью похвалы разбудите их, хотя бы в шутку, от лени, и гордость заставит их работать по-настоящему; научите их ремеслам и разным искусствам, и вы вызовете среди них зависть и соперничество. Чтобы увеличить их численность, учредите разнообразные мануфактуры и не оставляйте ни клочка земли невспаханной. Обеспечьте неприкосновенность собственности и дайте равные привилегии всем людям. Пусть каждый поступает только по закону, а думает что хочет; ибо страна, где каждый имеющий занятие будет в состоянии себя содержать и где соблюдаются другие правила поведения, должна всегда быть густо заселена и никогда не испытывать недостатка в людях, пока они вообще существуют на белом свете. Если вы хотите сделать их смелыми и воинственными, введите воинскую дисциплину, хорошенько воспользуйтесь их страхом и искусно и усердно польстите их тщеславию. Но если вы, кроме того, захотите сделать их богатыми, знающим и цивилизованным народом, научите их торговле с заморскими странами и, если возможно, выходите в открытое море, а чтобы это осуществить, не щадите ни трудов, ни затрат, и пусть никакие трудности не удержат вас от этого. Затем развивайте мореплавание, заботьтесь о купце и поощряйте торговлю

во всех ее видах; это принесет богатства, а там, где они есть, за ними вслед вскоре придут искусства и науки, и с помощью того, что я назвал, и хорошего управления политики могут сделать народ могучим, славным и процветающим.

Но если вы хотите получить бережливое и честное общество, тогда наилучшая политика состоит в том, чтобы сохранить людей в состоянии их первобытной простоты, стремиться не увеличивать их численность; пусть они никогда не знают иностранцев и не знакомятся с излишествами, удаляйте и прячьте от них все, что может возбудить их желание или усовершенствовать их разум.

Большое богатство и иноземные сокровища никогда не спойдут к людям, если вы не примете их неразлучных спутников — скупость и роскошь; там, где торговля значительна, вмешается обман. Быть одновременно хорошо воспитанным и искренним — это противоречие, не меньше; и поэтому по мере того, как человек узнает все больше, а его манеры становятся все более изящными, мы должны одновременно видеть, что желания его растут, вкусы становятся более утонченными, а пороки увеличиваются.

Голландцы могут сколько угодно приписывать свое нынешнее величие добродетели и бережливости своих предков; но этот презренный клочок земли сделала столь влиятельным среди главных держав Европы лишь их политическая мудрость, проявившаяся в том, что они отложили все ради торговли и мореплавания, а также неограниченная свобода совести, которой они пользуются, и неутомимое усердие, с которым они всегда применяли самые действенные средства, чтобы поощрять и увеличивать торговлю вообще.

Они никогда не славились бережливостью до тех пор, пока Филипп II Испанский⁴⁸ не начал свирепствовать среди них с неслыханным тиранством. Их законы были растоптаны, их права и большие привилегии были отняты у них, а их конституция разорвана в клочья. Несколько их наиболее знатных дворян было осуждено и казнено без какого бы то ни было законного процесса. Жалобы и протесты наказывались так же сурово, как и сопротивление, а те, кто избежал убийства, подверглись ограблению хищных солдат. Так как все это было нестерпимо для народа, который всегда был привычен к самому мягкому из правительств и пользовался большими

привилегиями, чем все соседние страны, то они предпочли скорее умереть с оружием в руках, чем погибнуть от руки жестоких палачей. Если мы примем во внимание силу, которой обладала тогда Испания, и то тяжелое положение, в котором находились эти попавшие в беду штаты, то никогда ранее даже и не слышали о более неравной борьбе; тем не менее так велики были их стойкость и решимость, что только семь из этих провинций, объединившись, выстояли в борьбе против величайшей и самой дисциплинированной страны в Европе, в ходе самой утомительной и кровавой войны, которую можно встретить в древней или современной истории.

Для того чтобы не стать жертвой ярости испанцев, они предпочли удовлетвориться тем, что стали жить на третью часть своих доходов, и тратили самую большую часть своего бюджета на защиту от безжалостных врагов. Эти лишения и бедствия войны, влияя на внутренние потребности, сначала заставили их проявить необычайную бережливость, а затем существование в тех же самых трудных условиях в течение более восьмидесяти лет не могло не сделать ее обычной и привычной для них. Но все искусство экономии и весь их скудный образ жизни никогда не позволили бы им взять верх над таким могущественным врагом, если бы их усердие в развитии рыболовства и вообще мореплавания не помогло восполнить недостаток естественных богатств и компенсировать невыгоды их положения.

Страна настолько мала и настолько густо населена, что земли не хватает (хотя едва ли найдется один дюйм необработанной земли) для пропитания десятой части жителей. Сама Голландия изобилует большими реками и лежит ниже уровня моря, которое затопляло бы ее при каждом приливе и смыло бы ее за одну зиму, если бы его не сдерживали высокие берега и огромные дамбы; их содержание и починка, а также шлюзы, перемычки, мельницы и другие необходимые сооружения, которые они вынуждены использовать, чтобы их не затопило, ежегодно забирают у них больше средств, чем можно было бы собрать при помощи общего земельного налога из расчета четыре шиллинга на фунт стерлингов, если его удерживать из чистого ежегодного дохода землевладельца.

Разве удивительно, что в таких условиях люди, страдающие к тому же от более тяжелого бремени налогов,

чем любой другой парод, вынуждены были экономить? Но почему они должны служить образцом для других, которые, не считая того, что они более удачно расположены на земле, гораздо богаче сами по себе и па то же число людей имеют более чем в десять раз больше земли? Мы и голландцы часто покупаем и продаем на одних и тех же рынках, и в этом отношении можно сказать, что у нас одинаковые взгляды. В других же отношениях интересы и политические обоснования ведения хозяйства в этих двух странах очень сильно отличаются. В их интересах быть бережливыми и мало тратить денег, потому что они должны все получать из-за границы, за исключением масла, сыра и рыбы, и поэтому упомянутых продуктов, особенно последнего, они потребляют в три раза больше, чем то же самое число людей здесь, [в Англии]. В наших же интересах употреблять много говядины и баранины, чтобы содержать фермера и еще больше улучшать землю, которой у нас достаточно, чтобы прокормить самих себя и еще столько же людей, если ее лучше обрабатывать. У голландцев, возможно, больше кораблей и больше наличных денег, чем у нас, но ведь их надо считать только орудиями, с помощью которых они работают. Так и у возчика может быть больше лошадей, чем у человека в десять раз его богаче, а банкир, у которого всего не более полутора тысяч фунтов, может постоянно иметь при себе больше наличных денег, чем джентльмен с двумя тысячами фунтов дохода в год. Тот, кто держит три-четыре дилижанса, чтобы зарабатывать себе на хлеб, является по отношению к джентльмену, который держит один экипаж для своего удовольствия, тем же, чем голландцы по сравнению с нами, [англичанами]; не имея ничего своего, кроме рыбы, они являются возчиками и фрахтовщиками для остального мира, в то время как основа нашей торговли зависит главным образом от нашего собственного продукта.

Еще один пример того, что основную массу людей заставляют экономить непомерные налоги, нехватка земли и такие явления, которые вызывают недостаток съестных продуктов, можно привести на основании того, что наблюдается среди самих голландцев. В провинции, называемой Голландия, ведется обширная торговля и имеются невообразимые денежные сокровища. Земля почти так же плодородна, как сам навоз, и (как я уже однажды говорил) ни одного дюйма ее нет необработанного.

В Гелдерланде и Оверисселе нет почти никакой торговли и очень мало денег; почва весьма посредственная, и много земли лежит нетронутой. В чем же тогда причина того, что те же самые голландцы в двух последних провинциях менее скредны и более гостеприимны, хотя и беднее, чем в первой? Ни в чем, кроме того, что налоги у них на большую часть вещей не такие чрезмерные и что у них гораздо больше земли по отношению к численности населения. В Голландии экономят на желудках; самые большие налоги у них на продукты питания, напитки и топливо, но они носят более дорогую одежду и имеют более богатую мебель, чем в других провинциях.

Те, кто бережлив из принципа, экономят на всем, но в Голландии люди скупко тратят деньги только на то, что необходимо каждодневно и быстро потребляется; а в отношении того, что используется долго, они придерживаются прямо противоположного принципа. Они щедро тратятся на картины и статуи, в устройстве своих домов и садов они расточительны до безрассудства. В других странах можно встретить величественные здания и дворцы огромных размеров, которые принадлежат государям, но этого нельзя ожидать в данной республике, где соблюдается такое равенство; однако во всей Европе не найдешь таких роскошно-великолепных зданий, принадлежащих частным лицам, какими является огромное количество домов купцов и других благородных людей в Амстердаме и некоторых других больших городах этой маленькой провинции; и обычно те, кто там строит, тратят пропорционально больше на дома, в которых они живут, чем другие люди на землю.

После того как страпа, о которой я говорю, стала республикой, она никогда не была в более бедственном положении, а дела ее — в более мрачном состоянии, чем в 1671 и начале 1672 года. Тому, что мы знаем с некоторой определенностью об их хозяйстве и устройстве, мы обязаны главным образом сэру Уильяму Темплю ⁴⁹, замечания которого об их образе жизни и системе правления, как видно из некоторых мест в его мемуарах, были сделаны примерно в то время. Голландцы тогда действительно были очень бережливы; но с того времени в нарядах, развлечениях и всем образе жизни людей более зажиточных произошли огромные изменения, поскольку их бедствия перестали быть такими ужасными (хотя простые люди, на которых лежит главное бремя всех на-

логов и акцизных сборов, вероятно, находятся в основном в прежнем положении).

Те, кто будет утверждать, что бережливость того народа вытекает не столько из необходимости, сколько из общего отвращения к пороку и роскоши, напомнят нам об их общественном самоуправлении и небольшом жалованье, их предусмотрительности при торговле и закупке припасов и других предметов первой необходимости, их большой заботе о том, чтобы их не обманывали те, кто им служит, и об их строгости в отношении тех, кто нарушает их контракты. Но то, что они приписывают добродетели и честности управляющих, целиком и полностью осуществляется благодаря их строгим правилам относительно распоряжения общественной казной, отступления от которых не допустит их замечательная форма правления; и действительно, один человек может поверить другому на слово, но вся страна никогда не должна доверять ничьей честности, а только лишь той, которая основывается на необходимости, ибо несчастен тот народ и непрочен его государство, если все его благополучие должно зависеть от добродетели и совести министров и политиков.

Голландцы вообще стремятся, насколько это возможно, содействовать бережливости среди своих подданных не потому, что она является добродетелью, а потому, что, вообще говоря, это в их интересах, как я показал ранее, ибо, когда их интересы мешаются, они соответственно меняют свои правила поведения, что будет видно из следующего примера.

Как только их корабли приходят из Ост-Индии⁵⁰, компании рассчитывают матросов, и многие из них получают большую часть того, что они заработали за семь или восемь, а иногда за пятнадцать-шестнадцать лет. Этих бедных ребят поощряют тратить свои деньги со всей возможной расточительностью; и если принять во внимание, что, когда многие из них впервые вышли в море, они были отпетыми негодьями и их долго держали в тисках строгой дисциплины, скверно кормили и заставляли много работать в окружении опасностей, не платя денег, то не трудно сделать их щедрыми, как только у них появится много денег.

Они проматывают деньги на вино, женщин и музыку так, как на это способны только люди их вкуса и воспитания, и им дозволяется (с тем чтобы они, однако,

воздерживались от нанесения вреда) бражничать и предаваться разгулу с большей распущенностью, чем обычно разрешается другим. В некоторых городах их можно видеть в обществе трех-четырех распутных женщин, мало кто из них трезв, они с ревом бегут по улицам среди бела дня, впереди них скрипач; а если, по их мнению, деньги путем уходят недостаточно быстро, они находят другие пути, а иногда швыряют их пригоршнями в толпу. У большинства их это сумасшествие продолжается до тех пор, пока у них хоть что-нибудь есть, а это никогда не длится долго, и по этой причине им дали прозвище господа на шесть недель, ибо обычно это как раз тот срок, который нужен компании для подготовки к отправке новых судов, куда эти потерявшие голову бедолаги вынуждены снова нажимать и где могут на досуге раскаиваться в своем безумстве.

В этой уловке заключается двойная политика. Во-первых, если бы эти матросы, которые привыкли к жаркому климату и к нездоровому воздуху и пище, были бережливыми и остались в своей родной стране, компания была бы вынуждена постоянно нанимать новых матросов, из которых (не считая того, что они не так хорошо пригодны для выполнения своего дела) едва ли только каждый второй когда-либо жил где-нибудь в Ост-Индии, и это часто оказывается для них тяжелым испытанием и разочарованием. Во-вторых, те большие суммы денег, раздаваемые матросам, благодаря этому способу немедленно начинают обращаться по всей стране, а затем благодаря огромным акцизным сборам и другим палогам большая часть их вскоре снова возвращается в государственную казну.

Чтобы убедить сторонников всеобщей бережливости при помощи еще одного аргумента, что то, к чему они призывают, практически не осуществимо, давайте предположим, что я не прав во всем, что я сказал в комментарии *Л* относительно роскоши и ее необходимости для сохранения ремесел; после этого давайте рассмотрим, что принесет всеобщая бережливость такой стране, как наша, если бы она хитростью или силой была навязана людям независимо от того, была ли в ней необходимость или нет. Мы тогда допустим, что все люди в Великобритании будут потреблять лишь четверть пятой того, что они потребляют сейчас, и тем самым сэкономят одну пятую своего дохода. Я не буду говорить о том, какое влияние это ока-

жет почти на каждое ремесло, а также на фермера, скотовода и землевладельца, но сделаю благоприятное предположение (которое абсолютно не будет соответствовать действительности), что будет выполняться та же самая работа и что, следовательно, будут заняты те же ремесленники, что и сейчас. Последствие будет таково: если все деньги немедленно и притом намного упадут в реальной стоимости, а все остальное вопреки разуму не станет очень дорогим, в конце этих пяти лет все рабочие люди и самые бедные из батраков (ибо я не буду затрагивать какие-либо другие слои населения) будут иметь наличными деньгами столько, сколько они тратят сейчас в течение целого года, что, между прочим, будет означать больше денег, чем когда-либо было в стране одновременно.

Теперь давайте, без ума от радости из-за такого увеличения богатства, рассмотрим условия, в которых будут находиться рабочие люди, и, рассуждая на основании опыта и того, что мы каждодневно у них наблюдаем, давайте подумаем, каково будет их поведение в таком случае. Все знают, что существует огромное число подмастерьев у ткачей, портных, суконщиков и еще двадцати разных профессий, которых вряд ли можно убедить работать пятый день, если они могут содержать себя, работая четыре дня в неделю; и что есть тысячи рабочих людей всякого рода, едва зарабатывающих себе на жизнь, которые обрекут себя на пятьдесят неудобств, не посчитаются со своими хозяевами, обокрадут собственный желудок и наделают долгов, лишь бы не работать. Когда люди проявляют такую необычайную склонность к праздности и удовольствиям, какое у нас есть основание полагать, что они вообще будут работать, если они не вынуждены это делать в силу неотложной необходимости? Когда мы видим ремесленника, которого насильно нельзя подтащить к его работе раньше вторника, потому что в понедельник утром у него еще оставалось два шиллинга от заработка, полученного на прошлой неделе, почему мы должны воображать, что он вообще пойдет на работу, если у него в кармане 15—20 фунтов?

Что же при этих условиях станет с нашими мануфактурами? Если купец захотел бы послать сукно за границу, он должен был бы изготовить его сам, потому что суконщик не может найти ни одного рабочего из тех двенадцати, которые раньше работали на него. Если бы то,

о чем я говорю, случилось только с подмастерьями сапожников, и ни с кем больше, менее чем через двенадцать месяцев половина из нас ходила бы босиком. Главное и самое неотложное применение денег в любой стране заключается в том, чтобы оплачивать труд бедняков, и, когда действительно ощущается их нехватка, всегда первыми это чувствуют те, у кого очень много работников, которым надо платить. Тем не менее, несмотря на эту огромную необходимость денег, там, где собственность хорошо обеспечена, было бы легче жить без денег, чем без бедняков; ибо кто бы выполнял работу? По этой причине количество денег, обращающихся в стране, всегда должно быть пропорционально числу занятых рабочих рук, а заработная плата работников — пропорциональна цене провизии. Отсюда вполне доказуемо, что, если с бедными умело управляются, все, что обеспечивает изобилие, делает рабочих дешевыми; и так же, как следует не допускать, чтобы они голодали, так и получать они должны столько, чтобы нечего было сберегать. Если время от времени кто-либо из низшего класса благодаря необычайному трудолюбию и за счет ущемления своего желудка возвышается над тем положением, в котором он вырос, никто не должен препятствовать ему в этом; более того, это, бесспорно, самый мудрый путь для каждого человека в обществе и для каждой отдельной семьи — быть бережливым; но в интересах всех богатых стран, чтобы большая часть бедных почти никогда не была праздною и тем не менее постоянно тратила то, что заработала⁵¹.

Как очень хорошо заметил сэр Уильям Темпл, все люди более расположены к покою и наслаждению, чем к труду, когда их не побуждает к нему гордость или алчность, а те, кто обеспечивает себе на жизнь каждодневным трудом, редко поддаются сильному влиянию того или иного из этих аффектов, так что их ничто не подстегивает и не заставляет приносить пользу, кроме их нужд; облегчить их — благоразумие, но полностью удовлетворить — безрассудство. Тогда сделать рабочего человека трудолюбивым может единственно умеренное количество денег; ибо если их будет слишком мало, то в зависимости от его характера это либо приведет его к унынию, либо доведет до отчаяния, а если их будет слишком много, это сделает его дерзким и ленивым⁵².

Большинство людей будет смеяться над человеком, который станет утверждать, что слишком большое количество денег может погубить страну. Тем не менее такова судьба Испании; именно этому ученый дон Диего Сааведра приписывает разорение своей страны. В прежние времена плоды земли сделали Испанию такой богатой, что, когда король Франции Людовик XI⁵³ прибыл ко двору в Толедо, он был поражен его великолепием и сказал, что никогда не видел ничего подобного ни в Европе, ни в Азии; а ведь он во время своих поездок в святую землю проехал все государства. Только в одном королевстве Кастильском (если верить некоторым писателям) собралось для ведения священной войны со всех концов света сто тысяч пеших солдат, десять тысяч всадников и шестьдесят тысяч обозных повозок, и Альфонс III⁵⁴ содержал их всех за свой счет и платил каждому день как солдатам, так и офицерам и государям, каждому в зависимости от его звания и достоинства. Даже еще во время царствования Фердинанда⁵⁵ и Изабеллы⁵⁶ (которая снарядила Колумба) и некоторое время спустя Испания была плодородной страной, где процветали торговля и промышленность, и она могла гордиться знающим, трудолюбивым народом. Но как только это огромное сокровище, которое было добыто с большим риском и жестокостью, чем знал до той поры мир, и для овладения которым, по собственному признанию испанцев, они лишили жизни двадцать миллионов индейцев, — повторяю, как только этот океан сокровищ с ревом обрушился на них, он лишил их чувств и трудолюбие покинуло их. Землянец оставил свой плуг, ремесленник — свои инструменты, кунец — свою контору, все с презрением забросили свою работу, предались удовольствиям и стали благородными. Они полагали, что у них есть основание ценить себя выше всех соседей, и теперь ничто, кроме покорения мира, их не удовлетворяло.

Последствие было таково: другие страны снабдили их тем, чего лишили их собственная праздность и гордость; а когда все увидели, что, несмотря на все запреты, которые выносило правительство в отношении вывоза слитков золота или серебра, испанец расстанется с деньгами и сам принесет их тебе на борт, рискуя собственной шеей, весь мир стремился работать на Испанию. Золото и серебро, ежегодно распределяемые таким образом среди всех торговых стран, сделали все вещи дорогими,

а большинство стран Европы — промышленными, за исключением самих владельцев драгоценного металла, которые со времени своих огромных приобретений постоянно сидели сложа руки и каждый год ждали с волнением и нетерпением прибытия своих доходов из-за рубежа, чтобы заплатить другим за то, что они уже потребили. Таким образом, из-за чрезмерно большого количества денег, создания колоний и других ошибок в управлении, причиной которых было изобилие денег, Испания из плодородной и густонаселенной страны превратилась со всеми своими могущественными титулами и владениями в голую и пустынную большую дорогу, по которой золото и серебро из Америки перевозились в остальные страны мира; и нация из богатой, сообразительной, прилежной и трудолюбивой стала медлительной, ленивой, гордой и жалкой; так обстояло дело в Испании. Еще одна страна, где деньги могут быть названы продуктом, — это Португалия, и, я думаю, со всем своим золотом она занимает такое положение в Европе, которому вряд ли стоит завидовать.

Следовательно, великое искусство делать народ счастливым и, как мы говорим, процветающим заключается в том, чтобы предоставить каждому возможность иметь занятие; чтобы это осуществить, пусть заботой правительства будет, во-первых, содействие развитию такого разнообразия мануфактур, искусств и ремесел, какое может изобрести человеческий ум; а во-вторых, поощрение всех отраслей сельского хозяйства и рыболовства, чтобы всю землю заставить проявить себя так же, как и всех людей; ибо так же, как первое есть безошибочное правило для привлечения массы людей в какую-либо страну, второе есть единственный способ их содержать.

Именно в результате проведения такой политики, а не мелочных установлений относительно расточительности и бережливости (которые всегда пойдут своим путем, в зависимости от материального положения людей) можно ожидать величия и благосостояния страны, ибо, пусть стоимость золота и серебра либо подымается, либо падает, наслаждение всех обществ всегда будет зависеть от плодов земли и труда людей; и оба они, соединившиеся друг с другом, являются более твердым, более неистощимым и более реальным сокровищем, чем золото Бразилии или серебро Потоси⁵⁷.

Честь в ее фигуральном смысле — ложная и несуществующая химера, изобретение моралистов и политиков и обозначает определенный принцип добродетели, не связанный с религией и обнаруживаемый у некоторых людей, заставляющий их строго выполнять свой долг и обязательства, какими бы они ни были. Например, человек чести вступает в заговор вместе с другими, чтобы убить короля; с этой идеей он должен жить какое-то время; и если под влиянием угрызений совести или добродушия он испугается чудовищности своей цели, выдаст заговор и даст показания против своих сообщников, тогда он потеряет свою честь, по крайней мере в глазах той партии, к которой он принадлежал. Превосходство этого принципа (чести) состоит в том, что простые люди лишены его и его можно встретить только у людей лучшего сорта, подобно тому как у некоторых апельсинов есть зерна, а у других нет, хотя внешность у них совершенно одинакова. В знатных семьях честь, подобно подагре, обычно считается наследственной, и все дети лордов рождаются с ней. Некоторые, никогда не ощущавшие ничего похожего на нее, приобретают ее благодаря беседам и чтению (особенно героических романов), другие — благодаря возвышению в жизни; но ничто так не способствует ее развитию, как шпага, и, однажды впервые повесив ее на пояс, некоторые люди уже в течение первых двадцати четырех часов ощущали значительные ростки ее в своей груди.

Главная и самая важная забота, которую должен испытывать человек чести, — сохранение этого принципа, и он должен скорее потерять свои занятия и имущество и даже самую жизнь, чем лишиться чести; по этой причине, какое бы смирение он ни выказывал благодаря хорошему воспитанию, ему разрешено придавать себе чрезвычайную ценность как обладателю этого невидимого украшения. Единственный способ сохранить этот принцип состоит в том, чтобы следовать правилам чести; для него они — законы, которыми он должен руководствоваться. Он сам обязан всегда сохранять верность тому, во что он верит, предпочитать интересы общества своим собственным, не лгать, не обманывать, и не обижать никого, и не терпеть ни от кого оскорблений, под которыми

в соответствии с правилами чести он понимает любое действие, намеренно осуществленное с целью унижить его.

Люди древней чести, из которых, я полагаю, последним в истории был Дон Кихот, очень скрупулезно соблюдали все эти законы и еще великое множество других, о которых я не упоминал; но современные люди чести, кажется, ленивы. Они испытывают глубокое уважение к последнему правилу, но не повинуются в такой же мере всем остальным, и, если кто-то строго соблюдает то, которое я только что упомянул, на множество нарушений им всех остальных правил смотрят сквозь пальцы.

Человек чести всегда считается беспристрастным и, конечно, разумным, ибо никто никогда не слышал о человеке чести, что он дурак. По этой причине он никак не связан законами и ему всегда разрешается быть судьей в его собственном деле; и, если хоть малейшая обида будет причинена ему самому, его друзьям, родственникам, слуге, собаке или любому, кого он с удовольствием взял под свою благородную защиту, необходимо немедленно потребовать удовлетворения, и, если это окажется оскорблением, а тот, кто его нанес, тоже человеком чести, должна состояться дуэль. Из всего этого ясно, что человек чести должен обладать мужеством и что без него его другой принцип будет не более как шпага без острия. Поэтому давайте рассмотрим, в чем заключается мужество и является ли оно, как полагает большинство людей, действительно каким-то реальным свойством природы храбрых людей, отличным от всех их других качеств, или нет.

На земле повсюду нет ничего более искреннего, чем та любовь, которую все создания, способные на нее, питают к самим себе; и поскольку нет такой любви, которая не подразумевает заботу о сохранении любимого существа, то и нет в любом создании ничего более искреннего, чем его воля, желание и стремление сохранить самого себя. Это — закон природы, по которому ни одно существо не наделено такими желаниями или аффектами, которые прямо или косвенно не содействуют сохранению либо его самого, либо его рода.

Средства, при помощи которых природа обязывает каждое существо постоянно заботиться об этом деле самосохранения, заложены в нем самом и (у человека) называются желаниями (*desires*), которые либо вынуждают его жаждать того, что, по его мнению, поддержит его или доставит ему удовольствие, либо повелевают ему из-

бегать того, что, как он воображает, могло бы доставить ему неудовольствие, повредить ему или уничтожить его. Эти желания или аффекты все имеют различные симптомы, при помощи которых они проявляют себя в тех, кого они тревожат, и на основании этого разнообразия нарушений, которые они производят внутри нас, им были даны различные наименования, как было показано уже на примере гордости и стыда.

Тот аффект, который возбуждается в нас, когда мы чувствуем, что к нам приближается несчастье, называется страхом. Волнение, которое он производит внутри нас, всегда более или менее бурно, пропорционально не опасности, а нашему предчувствию беды, которой мы опасаемся, будь она реальна или воображаема. Тогда, если наш страх всегда пропорционален предчувствию опасности, из этого следует, что, пока это предчувствие длится, человек не может стряхнуть свой страх, так же как не может стряхнуть ногу или руку. Правда, когда мы испуганы, предчувствие опасности возникает так неожиданно и охватывает нас так сильно (иногда лишает нас и разума и чувств), что, когда оно проходит, мы часто не помним, что у нас вообще было какое-то предчувствие; но из самого события ясно, что у нас оно было, ибо как же мы могли бы напугаться, если бы не предчувствовали, что на нас надвигается какое-то зло?

Многие люди придерживаются того мнения, что это предчувствие падо подавлять разумом, но должен сознаться, что я так не считаю. Те, кто испытывал испуг, скажут вам, что, как только они смогли прийти в себя, т. е. применить свой разум, их предчувствие было преодолено. Но это вовсе не преодоление, ибо при испуге опасность либо вообще была мнимой, либо уже прошла к тому времени, когда можно воспользоваться разумом; и поэтому если они обнаруживают, что опасности нет, то не удивительно, что они ее и не предчувствуют; но, когда опасность постоянна, пусть они воспользуются своим разумом, и они обнаружат, что он может им послужить, чтобы изучить величину и реальность опасности, и, если они обнаружат, что она меньше, чем они воображали, их боязнь соответственно уменьшится, но, если опасность окажется действительной и в каждой частности такой, какой они ее представили себе с самого начала, тогда их разум не только не уменьшит, а, наоборот, усилит их боязнь. Пока длится этот страх, ни одно существо не мо-

жет вести себя агрессивно; и тем не менее мы видим, как звери упрямо дерутся каждый день и забивают друг друга насмерть; так что какой-то другой аффект должен быть в состоянии преодолеть этот страх, а самым противоположным ему аффектом является гнев; чтобы проследить его до самой глубины, я должен просить у вас разрешения сделать еще одно отступление.

Ни одно существо не может жить без пищи, и ни один вид животных (я говорю о более совершенных) не может долго существовать, если постоянно не рождается молодой, и притом с такой же быстротой, с какой умирают старики. Поэтому самое первое и самое яростное желание, которое дала им природа, — это голод, второе — половой инстинкт; последнее диктует им производить потомство, первое заставляет их питаться. Теперь, если мы заметим, что гнев — это тот аффект, который возбуждается в нас, когда нашим желаниям противодействуют или мешают, и что так как он мобилизует всю силу в живых существах, то был дан им для того, чтобы с его помощью они могли более действенно проявить себя в стремлении устранить, преодолеть или уничтожить все, что мешает им обеспечить самосохранение, то обнаружим, что у зверей, если только они сами, или то, что они любят, или их свобода не находятся под угрозой и не подвергаются нападению, ничто достойное внимания не могло бы возбудить гнев, кроме голода и полового инстинкта. Именно последние делают их более свирепыми, ибо мы должны заметить, что желания существ, когда они хотят и не могут встретиться с тем, чего они желают (хотя, может быть, с меньшим неистовством), действительно считаются невыполнимыми в той мере, в какой им мешают насладиться тем, что они видят. То, что я сказал, покажется более ясным, если мы примем во внимание то, чего не может не знать каждый, а именно: все земные существа живут либо плодами и продуктом земли, либо мясом других животных, таких же существ, как они сами. Этим последним, которых мы называем хищниками, природа соответственно вооружила и снабдила оружием и силой, чтобы одолевать и рвать на части тех, кого она предназначила им в пищу, а также дала им гораздо более острое чувство голода, чем другим животным, которые питаются травой и т. п. Ибо в том, что касается первого, если бы корова любила баранину так же сильно, как траву, то при ее строении, не имея когтей и обладая всего лишь одним рядом зубов впереди, притом одинако-

вой длины, она бы осталась голодной даже посреди стада овец. Во-вторых, в том, что касается их прожорливости, если наш опыт не сказал бы нам о ней, это сделал бы разум: прежде всего в высшей степени вероятно, что такой голод, который может вынудить животное изнурять, изводить себя и подвергать опасности за каждый кусок, который оно съедает, является более мучительным, чем такой, который заставляет его есть то, что находится перед ним и что оно может взять, если нагнется. Далее, следует принять во внимание, что так как у хищных зверей есть инстинкт, благодаря которому они учатся желать, выслеживать и обнаруживать тех животных, которые годятся им в пищу, то у других тоже есть инстинкт, который учит их остерегаться, прятаться и убегать от тех, кто охотится за ними. Отсюда должно следовать, что, хотя хищные звери могут есть почти непрерывно, все же они ходят с пустым желудком чаще, чем другие животные, от которых еда не улетает и с которыми никто не борется. Это должно сделать вечным, а также более острым их чувство голода, которое тем самым становится постоянным топливом для их гнева.

Если вы спросите меня, что возбуждает этот гнев у быков и петухов, которые бьются насмерть, хотя они не хищники и не очень прожорливы, я отвечу — половой инстинкт. У тех животных, которые впадают в бешенство от голода, и самцы и самки нападают на все, что они могут одолеть, и упрямо сражаются против всех; но те животные, ярость которых вызывается половым ферментом (обычно это самцы), дерутся главным образом с другими самцами того же вида. Они могут случайно причинить вред другим животным, но главные объекты их ненависти — их соперники, и только против них проявляют они свою доблесть и стойкость. Мы видим также, что у всех тех животных, у которых один самец способен удовлетворить большое число самок, самцы самой природой наделены гораздо более значительным превосходством как в телосложении вообще, так и в отдельных чертах, а также и в свирепости по сравнению с другими животными, у которых самец удовлетворяется одной или двумя самками. Хотя собаки стали домашними животными, их прожорливость вошла в поговорку, а те из них, которые принадлежат к бойцовой породе, плотоядны и вскоре стали бы хищниками, если бы их не кормили; то, что мы наблюдаем у них, является более чем достаточным доказательством ранее вы-

сказанного мною. Те собаки, которые относятся к истинно бойцовской породе, будучи прожорливыми существами (и самцы, и самки), хватают зубами все, что угодно, и скорее допустят, чтобы их убили, чем разожмут челюсти. Поскольку самки гораздо более похотливы, чем самцы, в их телосложении нет вообще никакого отличия от самцов, за исключением половых признаков, и они гораздо более свирепы, чем самцы. Бык — ужасное существо, когда его держат без коров; но если он царит среди двадцати или больше коров, то очень скоро станет таким же ручным, как и они; а дюжина кур испортит самого лучшего бойцового петуха в Англии. Олени и лани считаются целомудренными и чрезвычайно робкими созданиями, и они действительно таковы почти круглый год, за исключением периода течки, и тогда они вдруг становятся такими смелыми, что ими можно восхищаться, и часто нападают даже на егерей.

Что влияние этих двух главных желаний, голода и полового инстинкта, на поведение животных не является таким уж причудливым, как некоторые могут вообразить, отчасти может быть показано на примере того, что мы наблюдаем у самих себя. Ибо хотя у нас чувство голода проявляется бесконечно менее бурно, чем у волков и других хищных зверей, все же мы видим, что люди здоровые и с крепким желудком более раздражительны и скорее выходят из равновесия по пустякам, когда им дольше обычного приходится ждать приема пищи, чем в каком-либо ином время. И далее, хотя воздержание у человека проявляется не так неистово, как у быков и других похотливых животных, тем не менее ничто так быстро и так бурно не вызывает гнева как у мужчин, так и у женщин, как то, что мешает их амурным делам, когда они искренне любят; и самые боязливые и получившие самое нежное воспитание представители обоих полов пренебрегают величайшими опасностями и отбрасывают все другие соображения, чтобы добиться уничтожения соперника.

До сих пор я стремился показать, что ни одно существо не может агрессивно нападать, пока продолжается его страх; что страх может быть побежден лишь другим аффектом; что самым противоположным ему и наиболее действительно его преодолевающим аффектом является гнев; что два главных желания (*appetites*), которые могут возбудить этот последний аффект, если они не удовлетворены, — это голод и воздержание и что у всех диких зверей

склонность к гневу и упрямству в борьбе обычно зависит от несправедливости либо одного, либо обоих этих желаний, взятых вместе. Отсюда должно следовать, что то, что мы называем доблестью или естественным мужеством у животных, есть не что иное, как следствие гнева, и что все свирепые животные должны быть либо очень прожорливы, либо очень похотливы, если не то и другое вместе.

Теперь давайте посмотрим, как мы можем судить на основании этого правила о своем собственном роде. Судя по нежности кожи человека и той огромной заботе, которую надо проявлять о нем в течение многих лет, чтобы его вырастить, по строению его челюстей, ровности зубов, широте ногтей и их хрупкости, трудно предположить, что природа предназначала ему рыскать в поисках добычи; по этой причине он не так прожорлив и его чувство голода не такое бурное, как у хищных зверей; не настолько он и похотлив, как другие животные, которых так называют; кроме того, будучи очень трудолюбивым в удовлетворении своих потребностей, он не может испытывать постоянное и все подавляющее желание, которое сделало бы непрерывным его гнев, и, следовательно, он должен быть чрезвычайно робким животным.

Последнее, что я сказал, должно относиться только к человеку в его естественном, диком состоянии, ибо если мы его рассмотрим как члена общества и обученное животное, то обнаружим, что это совершенно иное существо. Как только разыгрывается его гордость, а зависть, алчность и честолюбие начинают им овладевать, он пробуждается от своей природной невинности и глупости. По мере того как увеличиваются его познания, растут и его стремления и, следовательно, умножаются его потребности и желания. Отсюда должно следовать, что часто ему будут противодействовать в удовлетворении желаний и в этом состоянии он встретит гораздо больше разочарований, которые возбудят его гнев, чем в своем прежнем. Спустя немного времени человек стал бы самым вредным и злым существом в мире, если бы ему позволили; когда бы мог, он одолевал бы своего противника, если бы не боялся никаких бедствий, кроме как от того лица, которое вызвало его гнев.

Поэтому первая забота всех правительств состоит в том, чтобы при помощи суровых наказаний укротить его гнев, когда он приносит вред, и тем самым, увеличив его страхи, предотвратить те беды, которые он мог бы вызвать.

Когда строго выполняются различные законы, имеющие целью помешать ему применить силу, самосохранение должно научить его быть миролюбивым, а поскольку дело каждого как можно меньше испытывать беспокойство, его страхи будут постоянно расти и увеличиваться, по мере того как он приобретает опыт, набирается разума и предусмотрительности. В результате должно получиться так, что поскольку в цивилизованном состоянии будет бесконечное множество поводов для проявления его гнева, то и страхов, чтобы подавить его, будет столько же, и, таким образом, спустя немного времени его страхи научат его совершенно подавлять гнев и при помощи этой уловки достигать противоположным способом того же самосохранения, для обеспечения которого природа ранее снабдила его гневом, а также всеми остальными его аффектами.

Значит, единственным полезным для сохранения мира и порядка общества аффектом, которым обладает человек, является его страх, и, чем больше вы будете его использовать, тем более человек будет послушным и управляемым; ибо, как бы ни был полезен гнев человеку, когда он выступает самостоятельно как отдельное существо, в обществе гневу совершенно нет места. Но поскольку природа всегда остается прежней и, создавая живые существа, производит их все настолько похожими на тех, кто рождает и вынашивает их, насколько ей позволяет то место, где она их формирует, и различные влияния извне, то все люди, рождаются ли они при дворах королей или в лесу, поддаются гневу. Когда этот аффект берет верх (как это иногда случается с людьми самого разного звания и положения) над всеми страхами, какие только есть у человека, тогда у него проявляется настоящее мужество и он сражается так же смело, как лев или тигр, но только тогда; и я попытаюсь доказать, что все то, что называют мужеством у человека, когда он не в гневе, является притворным и поддельным.

При помощи хорошего правления можно всегда сохранять покой внутри общества, но никто не может навсегда обеспечить мир извне. Обществу может представиться случай отодвинуть подалеже свои границы и расширить свою территорию, либо другие могут вторгнуться на его землю, или случится что-нибудь еще, что потребует заставить человека сражаться; ибо, как бы ни был цивилизован человек, никогда не забывают, что разумом силу не одолеть. Теперь политик должен изменить свои меры и снять часть страхов человека; он должен стремиться убе-

дить его, что все то, что раньше говорили ему о жестокости убийства людей, не имеет силы, как только эти люди становятся врагами общества, и что их противники и не так хороши, и не так сильны, как они сами. Если все это умело преподнести, то самые безрассудные, самые задиристые и самые отчаянные, как правило, ринутся в бой, но, если только они не имеют других хороших качеств, я не отвечаю за их поведение там; если вы однажды сможете заставить их недооценить своих врагов, вы можете скоро возбудить их гнев, и, пока он продолжается, они будут сражаться с большим упорством, чем самые дисциплинированные войска; но, если случится что-нибудь неподвиженное или вмешается какой-нибудь внезапный громкий шум, буря или какое-нибудь странное или необычное происшествие, которое их, кажется, напугает, их охватит страх, который обезоружит их гнев и заставит всех до одного бежать.

Поэтому вера в это природное мужество должна быть вскоре подорвана, как только люди начнут уметь. Во-первых, те, кто почувствовал жгучую боль от ударов противника, не всегда поверят тому, что говорится с целью представить врага более слабым, чем он есть на самом деле, и часто вызвать их гнев не легко. Во-вторых, гнев, заключающийся в кипении соков, — это такой аффект, который длится недолго (*ira furor brevis est*⁵⁸), и если враги выдерживают первый удар этих разгневанных людей, то обычно берут верх. В-третьих, пока люди в гневе, они не подчиняются никаким советам или дисциплине и их никогда нельзя заставить применить хитрость или военное искусство в бою. Тогда, если гнев, без которого ни одно существо не проявляет природного мужества, совершенно бесполезен в войне, которую необходимо вести при помощи военной хитрости и сделать настоящим искусством, правительство должно найти равноценный заменитель мужества, который заставил бы людей сражаться.

Тот, кто цивилизовал людей и организовал их в государство, должно быть, хорошо знал все аффекты и желания, силу и слабость их устройства и понимал, как направить их самые большие недостатки на пользу обществу. В «Исследовании о происхождении моральной добродетели» я показал, как легко людей принудили верить всему, что говорится им в похвалу. Поэтому если законодатель или политик, которого они глубоко почитают, сказал бы им, что у большинства людей есть внутри определенное

начало (principle) доблести, отличное от гнева или любого другого аффекта, которое заставляет их презирать опасность и бесстрашно встречать лицом к лицу самую смерть, и что те, кто имеет этого начала больше, чем другие, являются самыми ценными представителями своего рода, то весьма вероятно, если принять во внимание сказанное ранее, что большинство их восприняли бы это как истину, хотя они никогда вообще не ощущали в себе этого начала, и что самые гордые, чувствуя, что их тронула эта лест, и не очень хорошо разбираясь в аффектах, могли бы вообразить, что они ощущают, как оно ворочается у них в груди, но ошибке принимая гордость за мужество. Если хотя бы одного из десяти удастся убедить, открыто заявив, что он обладает этим началом, и настоять на этом вопреки всем хулителям, вскоре появится полдюжины тех, кто будет утверждать то же самое. Тот, кто однажды признал это начало, уже связан словом, и политику ничего не надо делать, как только проявлять всю возможную заботу, чтобы тысячью различных способов льстить гордости тех, кто хвалится этим началом и готов стоять за него. Та же самая гордость, которая сначала вовлекла человека в это дело, потом всегда будет заставлять его защищать это утверждение, пока наконец страх перед раскрытием действительного состояния его души не станет таким огромным, что преодолет страх перед самой смертью. Ничего не делайте, а лишь раздувайте гордость человека, и его страх перед позором всегда будет ей пропорционален; ибо, чем больше человек ценит себя, тем больше он приложит стараний и тем больше лишений перенесет, чтобы избежать позора.

Значит, великое искусство делать человека мужественным состоит в том, чтобы сначала вынудить его признать это доблестное начало внутри себя, а затем впустить ему такой же ужас перед позором, какой природа внушила ему в отношении смерти; а то, что есть вещи, к которым человек испытывает или может испытывать большее отвращение, чем к смерти, очевидно из случаев самоубийства. Тот, кто выбирает смерть, должно быть, считает ее менее ужасной, чем то, от чего он спасается при ее помощи, ибо независимо от того, является ли зло, которого боятся, настоящим или будущим, действительным или воображаемым, никто себя преднамеренно не убьет, если не нужно чего-то избежать. Лукреция мужественно сопротивлялась всем посягательствам насильника, даже когда он угрожал ее

жизни, что показывает, что она ценила свою добродетель выше жизни; но, когда он пригрозил, что навечно покроет ее позором и погубит ее репутацию, она полностью сдалась, а затем убила себя — верный признак того, что она ценила свою добродетель меньше своей славы, а жизнь — меньше их обеих. Страх смерти не заставил ее сдаться, ибо она решилась умереть до того, как она это сделала, и ее уступчивость надо считать только взяткой, чтобы заставить Тарквиния отказаться от опорочивания ее репутации; так что жизнь в глазах Лукреции не занимала ни первого, ни второго места⁵⁹. Значит, мужество, которое одно только полезно государству и которое обычно называют истинной доблестью, является притворным и заключается в величайшем ужасе, лестью внушенном людям, обладающим повышенной гордостью, который они испытывают перед позором.

Как только понятия о чести и позоре восприняты обществом, заставить людей сражаться не трудно. Прежде всего позаботьтесь о том, чтобы они были убеждены в правоте своего дела; ибо тот, кто думает, что он не прав, не будет усердно сражаться. Затем покажите им, что их алтари, их имущество, жены, дети и все, что им близко и дорого, затронуты в этой ссоре или по крайней мере могут быть затронуты в будущем; затем воткните перья в их шляпы и отличите их от других, говорите о патриотизме, любви к своей стране, бесстрашной борьбе с врагом, презрении к смерти, поле чести и тому подобные высокопарные слова, и каждый гордый человек возьмет в руки оружие, будет сражаться и не струсит до самой смерти, если это будет происходить днем. Один человек в армии — это надзиратель за другим, и сотня тех, кто в одиночку и без свидетелей все были бы трусами, из-за боязни вызвать презрение друг у друга становятся храбрыми, когда они вместе. Чтобы поддерживать и усиливать это поддельное мужество, следует с позором наказывать всех тех, кто сбегает, а тем, кто сражался хорошо, независимо от того, побиты они или побиты, нужно льстить и торжественно их восхвалять; тех, кто получил увечья, надо вознаграждать, а тех, кто убит, необходимо больше всего отмечать, искусно оплакивать и посвящать им чрезвычайные панегирики, ибо оказывать почести мертвым всегда будет верным способом обманывать живых.

Когда я говорю, что мужество, проявляемое во время войны, поддельное, я не считаю, что при помощи одной и

той же хитрости можно всех людей сделать одинаково доблестными. Поскольку люди неодинаково горды и отличаются друг от друга по внешности и внутреннему строению, невозможно, чтобы все они в равной мере были пригодны для одной и той же цели. Некоторые люди никогда не смогут научиться музыке, но тем не менее станут хорошими математиками; другие будут отлично играть на скрипке, но всю свою жизнь останутся хлыщами, даже если они общаются с кем угодно. Но чтобы показать, что я не прибегаю к уверткам, я докажу, оставив в стороне то, что я уже сказал о поддельном мужестве, что отличие самого великого героя от самого отъявленного труса является абсолютно вещественным и зависит от внутреннего устройства человека. То, что я имею в виду, называется конституцией (constitution); под этим понимается упорядоченное или беспорядочное сочетание флюидов (fluids) в нашем теле. Та конституция, которая благоприятствует мужеству, состоит из природной силы, гибкости и необходимой структуры более тонких соков (spirits), и от них полностью зависит то, что мы называем стойкостью, решимостью и упорством. Это — единственный компонент, который является общим и для природной, и для поддельной храбрости и является по отношению к ним обоим тем же, чем шпихта (size) является для белых стен, — не дает им облезать и делает их прочными. То, что одних людей очень сильно, а других очень мало пугают вещи, которые для них неизвестны и неожиданны, тоже в равной мере полностью объясняется твердостью или слабостью в общем состоянии (tone) соков. Гордость бесполезна при испуге, потому что, пока он длится, мы не в состоянии думать, и так как это считается позором, то и является причиной того, что люди, как только неожиданность исчезает, всегда гnevаются на то, что их пугает; и, когда к исходу битвы победители не дают пощады и очень жестоки, это признак того, что их враги хорошо дрались и сначала навели на них большой страх.

Что решительность зависит от этого общего состояния соков, в равной мере очевидно из воздействия крепких напитков, огненные частицы которых, накапливаясь в мозгу, укрепляют соки; их действие напоминает действие гнева, который, как я говорил ранее, представляет собой кипение соков. Именно по этой причине некоторые люди, когда они напуганы, быстрее раздражаются и более расположены к гневу, чем в других случаях, а некоторые доходят

до бешенства безо всяких на то причин. Равным образом замечено, что бренди делает людей более задиристыми, чем вино, при одной и той же степени опьянения, потому что спирты перегнанных жидкостей смешаны со множеством огненных частиц, а другие их совсем не имеют. Структура соков у некоторых людей настолько слаба, что, хотя у них достаточно гордости, никакие уловки не могут вообще заставить их драться или преодолеть свои страхи; но это является недостатком в первооснове (*principle*) *флюидов*, тогда как другие уродства являются следствием дефектов *твердых тел* (*solids*). У этих малодушных людей никогда нельзя вызвать приступ настоящего гнева, когда возникает какая-либо опасность, а спиртные напитки хотя и делают их смелее, но редко придают им решимость на кого-нибудь напасть, разве что на женщин, детей или таких, которые, как они знают, не осмеливаются сопротивляться. На эту конституцию часто оказывает влияние здоровье и нездоровье, ее ухудшает большая потеря крови; иногда ее можно улучшить диетой; и именно ее имеет в виду герцог Ларошфуко⁶⁰, когда он говорит: «Тщеславие, стыд и более всего конституция (*constitution*) очень часто составляют мужество мужчин и добродетельность женщин»⁶¹.

Ничто так не укрепляет то полезное воинское мужество, о котором я говорю, и в то же время не показывает его поддельность, как практика; ибо, когда солдаты дисциплинированы, знакомы со всеми орудиями смерти и машинами уничтожения, когда крики, вопли, огонь и дым, стоны раненых и страшные лики умирающих со всеми разнообразными картинами искалеченных трупов и окровавленных оторванных конечностей начинают становиться привычными для них, их страхи быстро уменьшаются; не то, чтобы они теперь меньше боятся умереть, чем раньше, но, привыкнув так часто видеть одни и те же опасности, они меньше, чем прежде, боятся их реального проявления. Поскольку их заслуженно ценят за каждую осаду, в которой они участвуют, и за каждую битву, в которой они сражаются, каждый их бой неизбежно становится прочной ступенькой той лестницы, по которой подымается вверх их гордость; и тем самым их страх перед позором, который, как я сказал, всегда пропорционален их гордости, растет по мере того, как уменьшается боязнь опасности; не удивительно, что большинство их учится очень мало выказывать страх или вообще его не проявлять; и некоторые великие

военачальники способны сохранить присутствие духа и напускать на себя вид безмятежного спокойствия посреди всего этого шума, ужаса и сумятицы, которыми сопровождается битва.

Человек настолько глупое создание, что, опьяненный дурманом тщеславия, он может с таким иступленным восторгом наслаждаться мыслями о тех похвалах, которых будет удостоена его память в грядущие века, что будет пренебрегать своей жизнью и даже звать смерть и жаждать ее, если он только воображает, что она увеличит ту славу, которую он ранее приобрел. Нет такой высоты самоотречения, которой не может достичь человек гордый и мужественный, и нет такого неистового аффекта, которым бы он не пожертвовал ради другого, превосходящего его по силе; и здесь я не могу не восхищаться простодушием некоторых добрых людей, которые, слыша о той радости и готовности, с которыми святые люди страдали при преследованиях за свою веру, воображают, что такая твердость должна быть выше всех человеческих сил, если только их не поддерживает какая-то чудесная помощь с небес. Подобно тому как большинство людей не желают признавать все слабости своего рода, они не знакомы и с силой нашей природы и не знают, что некоторые люди, обладающие сильной конституцией, могут приводить себя в состояние экстаза, не прибегая ни к какой помощи, кроме неистовства своих аффектов; тем не менее точно известно, что существовали люди, которые только помогали с гордостью и настоящим мужеством отстаивать самые худшие дела и переносили смерть и муки с такой же бодростью, с какой самые лучшие люди, воодушевленные набожностью и благочестием, когда-либо страдали во имя истинной религии.

Чтобы доказать это утверждение, я мог бы привести множество примеров, но достаточно будет одного или двух. Джордано Бруно из Нолы, написавший эту глупую богохульную вещь под названием «Spaccio della Bestia trionfante»⁶², и скандально-знаменитый Ванини⁶³ оба были казнены за открытую проповедь и исповедование атеизма. Последнего могли бы простить в последнее мгновение перед казнью, если бы он отрекся от своего учения; но, не желая отречься, он предпочел, чтобы его сожгли. Когда он всходил на костер, то не только не проявил ни малейшей тревоги, а, напротив, протянул руку знакомому врачу, желая, чтобы тот судил о спокойствии его духа по регулярности пульса, а затем, воспользовавшись возмож-

постью провести нечестивое сравнение, произнес фразу, слишком отвратительную, чтобы ее здесь воспроизводить. К ним мы можем присоединить некоего эфенди Магомета, которого, как сообщает нам сэр Поль Рико, предали смерти в Константинополе за высказывание некоторых мнений, направленных против существования бога. Он также мог бы спасти свою жизнь, признав свою ошибку и отказавшись от нее на будущее, но предпочел все же упорствовать в своем богохульстве, заявив, что, хотя он не ждет никакого вознаграждения, любовь к истине вынуждает его принять мученичество в ее защиту.

Я сделал это отступление главным образом для того, чтобы показать силу человеческой природы и то, что может совершить простой человек только благодаря своей гордости и мужеству. Человек, разумеется, может быть так же неистово возбужден своим тщеславием, как лев своим гневом, и не только им; когда алчность, мстительность, честолюбие и почти каждый аффект, не исключая жалости, достигают необычайного размаха, они могут, преодолев страх, служить ему вместо доблести и ошибочно даже им самим приниматься за нее; повседневный опыт должен показать это каждому, кто изучит и рассмотрит побудительные мотивы, на основании которых действуют некоторые люди. Но чтобы мы могли более ясно воспринять, на чем этот поддельный принцип действительно строится, давайте посмотрим, как вершат военные дела, и мы обнаружим, что нигде больше так открыто не поощряется гордость, как в них. Что касается одежды, то она у самых низших офицеров богаче или по крайней мере ярче и великолепнее, чем обычно носят другие люди, имеющие доход в четыре-пять раз выше, чем офицеры. Большинство их, а особенно те, у кого есть семьи и кто с трудом сводит концы с концами, были бы очень рады нести на этом меньшие расходы, и это относится ко всем офицерам в Европе; но это сила, данная им для того, чтобы поддерживать свою гордость, чего они не понимают.

Но пути и способы возбудить в человеке гордость и при ее помощи поймать его нигде так отчетливо не заметны, как в обращении с простыми солдатами, на тщеславие которых надо влиять (потому что их должно быть так много) самым дешевым образом, как только можно себе представить. Мы не замечаем тех вещей, к которым привыкли, а иначе какой смертный, никогда не видевший солдата, мог бы без смеха смотреть на человека, одетого

с такой жалкой пестротой и фальшивой изысканностью? Самая грубая ткань, какую только можно сделать из шерсти, окрашенная в цвет кирпичной пыли, им одобряется, потому что она похожа на алое или малиновое сукно, а чтобы заставить его думать, что он настолько похож на своего офицера, насколько это можно сделать с небольшими затратами или вообще бесплатно, его шляпа вместо серебряного или золотого галуна украшена белым или желтым ворстедом (если бы его надели другие люди, они бы заслужили того, чтобы их поместили в сумасшедший дом); и все же эти тонкие приманки и шум, производимый на телячьей шкуре, привлекли и действительно уничтожили больше мужчин, чем все убийственные взгляды и колдовские голоса женщин, когда-либо убивавшие их в шутку. Сегодня свинопас надевает красный мундир и серьезно верит каждому, кто называет его джентльменом, а два дня спустя сержант Кайт [мошенник] с размаху бьет его тростью за то, что он держит мушкет на один дюйм выше, чем следовало. Что касается подлинного достоинства этого занятия, то во время двух последних войн, когда нужны были новобранцы, офицерам было разрешено набирать людей, осужденных за кражи со взломом и другие уголовные преступления, что показывает, что стать солдатом считается повышением по сравнению с повешением. Однако кавалеристу еще хуже, чем пехотинцу; ибо, когда он более всего расположен отдохнуть по команде «вольно», он испытывает унижение от того, что ему надо быть конюхом при лошади, на которую тратят больше денег, чем на него самого. Когда человек подумает обо всем этом, об обращении офицеров с солдатами, об их жалованье и той «заботе», которая о них проявляется, когда они не нужны, разве не должен он удивиться, насколько же глупы могут быть эти бедняги, чтобы гордиться тем, что их называют «господа солдаты»? Однако, если бы их так не называли, никакая хитрость, дисциплина или деньги не могли бы их сделать такими храбрыми, какими являются тысячи из них.

Если мы посмотрим, к каким последствиям привела бы храбрость человека, у которого нет каких-либо других качеств, смягчающих его характер, когда бы он находился вне армии, то обнаружим, что она нанесла бы огромный вред цивилизованному обществу; ибо, если бы человек смог преодолеть все свои страхи, вы бы не услышали ни о чем, кроме изнасилований, убийств и всякого рода пре-

ступлений, и доблестные люди были бы подобны великанам в героических романах. Поэтому политики открыли в людях смешанное начало, которое является сочетанием справедливости, честности и всех нравственных добродетелей, соединенных с мужеством, и все те, кто им обладал, разумеется, стали странствующими рыцарями. Они сделали много добра во всем мире, укрощая чудовищ, облегчая участь несчастных и убивая угнетателей. Но когда всем драконам подрезали крылья, великанов уничтожили, а красавицы всюду получили свободу, за исключением Испании и Италии, где все еще остаются в плену у своих чудовищ, орден рыцарства, которому принадлежал кодекс древней чести, был на некоторое время отставлен в сторону. Этот кодекс был, как и их доспехи, очень массивен и тяжел; те многие добродетели, которые были с ним связаны, делали его очень трудным, и по мере того, как времена становились все более мудрыми, принцип чести в начале прошлого века был снова расплавлен и отлит по новому образцу: в него вложили то же самое (по весу) количество мужества, половину прежней честности и чуть-чуть справедливости, но не добавили ни капли каких-либо иных добродетелей, что сделало его гораздо более легким и удобным по сравнению с тем, что было. Однако, какой бы он ни был, без него нельзя было бы жить в большой стране; он связывает общество, и, хотя его главной составной частью мы обязаны своим слабостям, нет другой добродетели, по крайней мере мне известной, которая была бы наполовину столь же полезна для цивилизации людей; ибо в крупных обществах они вскоре переродились бы в жестоких негодяев и вероломных рабов, если бы у них была отнята честь.

Что касается дуэлей, которые с ней связаны, то я жалею тех несчастных, которым они выпали на долю; но нелепо говорить, что те, кто виновен в них, руководствуются ложными правилами или имеют неправильное понятие о чести, так как либо вообще нет никакой чести, либо она учит людей не терпеть обид и принимать вызов. Вы можете так же отрицать, что модно все то, что, как вы видите, все носят, как и говорить, что требовать и давать удовлетворение противоречит законам истинной чести. Те, кто бранит дуэли, не принимают во внимание ту пользу, которую получает общество от этой моды; если каждый невоспитанный субъект употреблял бы какие угодно выражения и его за это не призывали бы к ответу, все общение

было бы испорчено. Некоторые серьезные люди говорят нам, что греки и римляне были доблестными людьми, однако понятия не имели о дуэлях, за исключением тех случаев, когда их страна была с кем-либо в ссоре; это совершенно справедливо, но по этой причине цари и князья у Гомера, разговаривая друг с другом, употребляют выражения более грубые, чем те, которые наши грузчики и наемные извозчики могли бы сносить без негодования.

Если вы хотите помешать дуэлям, не прощайте никого, кто повинен в этом проступке, издавайте какие хотите суровые законы против них, но не уничтожайте саму дуэль, этот обычай. Это не только предотвратит слишком частые ее случаи, но и в равной мере, сделав наиболее решительных и наиболее сильных людей осторожными и осмотрительными в их поведении, улучшит и воспитает общество в целом. Ничто так не цивилизует человека, как его страх, и если не все (как говорил милорд Рочестер⁶⁴), то по крайней мере большинство людей были бы трусами, если бы они осмелились. Боязнь того, что могут призвать к ответу, держит множество людей в страхе, и в Европе имеются тысячи воспитанных и изысканных джентльменов, которые без этого были бы наглыми и невыносимыми хлыщами; кроме того, если бы не было принято требовать удовлетворения за обиды, которые не наказываются по закону, то причинялось бы в двадцать раз больше вреда, чем сейчас, или же нужно было бы иметь в двадцать раз больше констеблей и других стражей порядка, чтобы поддерживать мир и спокойствие. Я признаю, что, хотя дуэли происходят редко, они являются бедствием для народа и в особенности для семей, которые ими затронуты, но в этом мире не может быть совершенного счастья и всякое блаженство имеет неприятные стороны. Само по себе это действие немилосердно, но, когда в стране за один год более тридцати человек сами лишают себя жизни, а другими убито менее половины этого числа, я думаю, что вряд ли можно сказать, что люди любят своих соседей меньше, чем самих себя. Странно, что страна, которая выражает недовольство, видя, как примерно полдюжины людей в течение двенадцати месяцев принесены в жертву, чтобы приобрести такие ценные блага, как вежливость манер, удовольствие беседы и счастье общества вообще, часто так охотно подвергает опасности, а иногда теряет много тысяч людей в течение нескольких часов, не зная, принесет ли это какую-нибудь пользу или нет.

И бы не хотел, чтобы кто-нибудь, размышляющий о низком происхождении чести, жаловался на то, что его одурачили и сделали своей собственностью коварные политики, и желал бы, чтобы все были удовлетворены тем, что правители государств и те, кто занимает самое высокое положение, больше надуты гордостью, как пузыри, чем все остальные люди. Если бы некоторые великие люди не обладали чрезмерной гордостью, а все понимали бы, в чем состоит прелесть жизни, кто был бы лордом-канцлером Англии, премьер-министром государства во Франции или, что утомляет больше, а приносит меньше одной шестой части дохода обоих, правителем Голландии? Взаимные услуги, которые люди оказывают друг другу, составляют основу общества. Великим людям недаром льстят, отмечая их высокое рождение: именно для того, чтобы возбудить их гордость и вдохновить их на славные дела, превозносим мы их род, заслуживает он того или нет; а некоторых людей хвалили за величие их семьи и достоинства их предков, хотя во всем роду нельзя было найти и двух, которые не были бы безвольными дураками под башмаком жен, глупыми ханжами, знаменитыми трюсами или развратными распутниками. Упрочившаяся гордость, неотделимая от тех, кто уже владеет титулами, часто заставляет их стремиться казаться так же достойными их, как деятельное честолюбие других, еще не имеющих титулов, делает их трудолюбивыми и неутомимыми, чтобы их заслужить. Когда дворянина делают бароном или графом, это во многих отношениях служит для него таким сильным сдерживающим средством, каким является мантия и сутана для молодого студента, которого лишь недавно приняли в корпорацию.

Единственное весомое возражение, которое можно выдвинуть против современной чести, заключается в том, что она прямо противоположна религии. Одна просит вас терпеливо сносить обиды — другая говорит вам, что если вы не выражаете негодования после обиды, то вам не стоит жить. Религия повелевает вам оставить все мщение богу — честь требует никому не доверять отмщения, кроме самого себя, даже если бы закон сделал это вместо вас. Религия строго запрещает убийство — честь открыто его оправдывает. Религия требует не проливать крови ни под каким видом — честь требует драться из-за малейшего пустяка. Религия построена на смирении, а честь — на гордости;

как примирить их — этот вопрос нужно оставить более мудрым людям, чем я.

Причиной, почему так мало людей истинно добродетельных и так много людей настоящей чести, является то, что все вознаграждение, которое получает человек за добродетельный поступок, заключается в удовольствии его совершить, что большинство людей считает весьма скудной платой; а то самоотречение, которому подчиняется человек чести в одном желании, немедленно вознаграждается тем удовлетворением, которое он получает от другого желания, и то, что он теряет, сдерживая свою алчность или любой другой аффект, вдвойне выплачивается его гордости. Кроме того, честь делает большие уступки, а добродетель — нет. Человек чести не должен обманывать или лгать; он должен пунктуально возвращать то, что занимает во время игры, хотя кредитору нечего предъявить в качестве доказательства долга; но он может пить, ругаться и брать в долг у всех ремесленников и торговцев города, не обращая внимания на их настойчивые требования заплатить долги. Человек чести должен быть верным своему государю и стране, пока он находится у них на службе; но, если он считает, что его не ценят, он может уйти от них и причинить им весь вред, какой только может. Человек чести никогда не должен менять свою религию из соображений выгоды, но он может быть таким распутным, каким пожелает, и вообще не исповедовать ни одной. Он не должен покушаться на честь жены, дочери, сестры друга или кого-нибудь еще, доверенного его попечению, но, кроме них, он может спать со всеми женщинами мира.

(Т) Ни один живописец не славится более своим
искусством,
Резчики по камню и дереву забыты

Нет сомнения в том, что одним из последствий всеобщей честности и бережливости всего народа было бы то, что не строили бы новых домов и не использовали новых материалов до тех пор, пока достаточно служили бы старые. Из-за этого три четверти каменотесов, плотников, каменщиков и т. п. лишились бы занятий, а если строительные ремесла были бы ликвидированы, что же стало бы с художественной росписью, резьбой по дереву и другими

искусствами, которые служат роскоши и которых держали под строгим запретом те законодатели, которые предпочитали доброе и честное общество великому и богатому и стремились к тому, чтобы сделать своих подданных скорее добродетельными, чем богатыми? В соответствии с одним из законов Ликурга⁶⁵ было постановлено, что потолки в домах спартанцев могут быть отделаны только при помощи топора, а ворота и двери их могут быть выровнены только с помощью пилы; и это не без тайного умысла, замечает Плутарх⁶⁶, ибо, если Эпаминонд⁶⁷ мог сказать так любезно, приглашая к столу своих друзей: «Входите, господа, почувствуйте себя в полной безопасности, измена никогда не придет к такому бедному обеду, как мой», почему бы этот великий законодатель, по всей вероятности, не мог подумать, что такие некрасивые дома никогда не смогут вместить роскошь и излишества?

Как передает нам тот же автор, рассказывают о том, что царь Леотихид⁶⁸ (Leotichidas), первый в роду царей, носивших такое имя, был настолько мало привычен к виду резьбы по дереву, что, когда в Коринфе⁶⁹ его принимали в величественном зале, он был очень удивлен, увидев резные потолки и столь изящную резьбу по дереву, и спросил хозяина, не растут ли так деревья в его стране.

Такое же отсутствие работы распространится на бесчисленные занятия; и среди других, как говорится в «Басне»,

Ткачи, украшавшие богатые шелка золотом и серебром,
И все другие мастера, связанные с ними,

были бы одними из первых, кто имел бы основание жаловаться; ибо, с одной стороны, цена на землю и дома очень резко упала бы, так как огромное число пчел покинуло бы улей, а, с другой стороны, все питали бы отвращение ко всем другим способам заработать, кроме строго честных; и маловероятно, чтобы многие, не обладая ни гордостью, ни склонностью к мотовству, могли носить золотое или серебряное шитье или богатую парчу. В результате не только ткачи, но и в равной мере прядильщики серебряной нити, а также все мастера: ювелиры-рихтовальщики, золотопроволочники, мастера по золотым слиткам и кричные мастера — вскоре тоже подверглись бы воздействию этой бережливости.

(У) ...Желая жить в роскоши,
Заставляла своего мужа обворовывать государство

Когда у нас собираются повесить мошенников, они обычно жалуются как на главную причину своей безвременной кончины (если не считать несоблюдения воскресенья) на то, что они общались с плохими женщинами, имея в виду проституток; и я не сомневаюсь в том, что среди более мелких негодяев многие рискуют своей шеей, чтобы ублажать красоток и удовлетворять свои любовные страстишки. Но слова, давшие повод для данного замечания, могут послужить для нас намеком на то, что у великих людей жены часто втравливают мужей в такие опасные предприятия и вынуждают осуществлять такие пагубные дела, в необходимости совершения которых их не смогла бы убедить ни одна самая коварная любовница. Я уже показал, что самые худшие женщины и самые расточительные представительницы их пола действительно содействовали потреблению как предметов роскоши, так и предметов первой необходимости и, следовательно, принесли пользу многим миролюбивым труженикам, которые упорно работают, чтобы содержать семью, и не имеют иной цели, кроме как честно заработать на жизнь. — «Несмотря на это, пусть они пропадут, — говорит добрый человек. — Когда все проститутки исчезнут и земля совершенно очистится от непристойности, всемогущий господь осылет ее благами, намного превосходящими те доходы, которые сейчас получают развратницы». — Может быть, это и так; но я могу ясно показать, что независимо от того, будут проститутки или нет, ничто не может возместить тот ущерб, который будет нанесен ремеслам и торговле, если все представительницы слабого пола, наслаждающиеся счастьем законного брака, станут поступать и вести себя так, как хотел бы этого трезвый мудрый мужчина.

Разнообразие выполняемой работы и количество рабочих рук, занятых удовлетворением изменчивых женских вкусов и их стремления к роскоши, огромно, и, если бы даже только одни замужние женщины прислушивались к разуму и справедливым увещаниям, удовлетворялись бы первым же отказом и никогда бы не просили второй раз о том, в чем им было уже однажды отказано, если, повторяю, замужние женщины поступали бы так, а затем тратили только те деньги, о которых знают их мужья и свободно разрешают их тратить, потребление тысячи вещей, которые ныне ими используются, сократилось бы по

меньшей мере на четверть. Давайте пойдем из дома в дом и посмотрим, как идут дела только у людей среднего достатка, у лавочников, достойных доверия, которые тратят две-три сотни в год, и мы обнаружим, что женщины, когда у них есть десяток нарядов, из которых они уже носили два-три, но которые не стали от этого нисколько хуже, считают это достаточным основанием, чтобы требовать новых платьев, если они могут сказать, что у них вообще нет ни одного платья или юбки, в которой бы их часто не видели и по которым бы их не узнавали, особенно в церкви; я говорю сейчас не о чрезмерно расточительных женщинах, а о таких, которые считаются благоразумными и умеренными в своих желаниях.

Если по этому же образцу мы бы соответственно судили о людях более высокого положения, для которых богатейшие наряды составляют пустяк по сравнению с их другими расходами, и не забыли бы всякого рода мебель, выезды, драгоценности и дома знатных лиц, мы обнаружили бы, что та четвертая часть, о которой я говорю, составляет большую статью в торговле и что потеря ее была бы более страшным бедствием для такой страны, как наша Англия, чем можно было бы вообразить; другое такое даже трудно себе представить, не исключая свирепой эпидемии чумы, ибо смерть полумиллиона людей не могла бы причинить королевству и десятой части того беспокойства, которое, несомненно, вызвало бы такое же число безработных, если бы их сразу добавили к тем, кто уже так или иначе является бременем для общества.

Есть мужья (их очень немного), которые испытывают подлинную страсть в отношении своих жен и любят их без всяких оговорок; другие, которым все равно и которые вообще уделяют женщинам мало внимания, тем не менее делают вид, что они очень любят своих жен, но любят они их из тщеславия; они восторгаются красивой женой так же, как хлыщ — великолепной лошадью, не потому, что он ею пользуется, а потому, что она его: для него удовольствие заключается в сознании неограниченного обладания и того, что из него вытекает, — размышлений о том, как завидуют, по его мнению, ему и его счастью другие. И те и другие могут быть очень щедры по отношению к своим женам и, часто предупреждая их желания, засыпают их новыми нарядами и другими изящными вещами быстрее, чем они об этом просят, но большинство их все же поступает более мудро, не потворствуя расточительности жен

до такой степени, чтобы давать им немедленно все, что им взбредет в голову попросить.

Невероятно, какое огромное количество безделушек и всякого рода мелочей покупается и используется женщинами, которое они никогда не могли бы приобрести другим способом, кроме как экономя на расходах семьи, отчаянно торгуясь при покупках и иными путями обманывая и обворовывая своих мужей. Другие, постоянно терзая своих мужей, надоедают им до такой степени, что заставляют их уступать и настойчивостью и упорством при высказывании просьб берут верх даже над упрямыми скрягами. Третьи, получив отказ, приходят в ярость и откровенной руганью и скандалом запугивают своих робких дураков и выманивают у них все, что им хочется; в то время как тысячи знают, как подлизываться к мужьям и благодаря этому преодолевать самые основательные причины и самые твердые, неоднократно подтвержденные отказы, особенно молодые и красивые женщины смеются над всеми увещаниями и отказами, и мало среди них найдется таких, кто постесняется использовать самые нежные минуты супружества ради достижения корыстных целей. Будь у меня время, я мог бы сейчас с горячностью и яростью обрушиться на этих низких, этих порочных женщин, которые хладнокровно применяют свои хитрости и фальшивые, обманчивые чары против нашей силы и благоразумия и поступают со своими мужьями как проститутки. Нет, та, которая нечестиво оскверняет и позорит священные обряды любви ради порочных, низких целей, хуже проститутки, которая сначала с притворным пылом возбуждает страсть и обещает наслаждения, а затем терзает нашу любовь с одной только целью — выманить подарок, в то время как на самом деле она обманывает нас, выражая притворные восторги, и ждет того момента, когда мужчина менее всего в состоянии отказать ей.

Я приношу извинения за это отклонение от своей основной мысли и хочу, чтобы опытный читатель должным образом взвесил то, что было сказано в отношении главной цели, а затем вспомнил о мирских благах, которые не только прославляются и которых желают другим, когда люди веселятся и ничего не делают (это можно слышать ежедневно), но о которых в равной мере серьезно и торжественно молятся в церквах и других религиозных собраниях священники всех видов и рангов. И как только читатель соединит эти вещи и на основании того, что он

наблюдает в повседневной жизни, логически и беспристрастно подумает о них, то, я осмелюсь польстить себе, он должен будет признать, что значительная часть того, в чем заключается процветание Лондона и торговли вообще, и, следовательно, честь, сила, безопасность и все мирские интересы страны полностью зависят от обмана и низких уловок женщин; и что смирение, довольство, скромность, повиновение разумным мужьям, бережливость и все добродетели, взятые вместе, даже если бы женщины обладали ими в самой превосходной степени, не могли бы принести и тысячной доли той пользы, чтобы сделать королевство богатым, могущественным и, как мы говорим, процветающим, какову приносят их самые ненавидимые качества.

Я не сомневаюсь в том, что, когда многие мои читатели посмотрят на те следствия, которые можно вывести из этого утверждения, они будут поражены; и меня спросят, разве не могут люди быть так же добродетельны в населенном, богатом, развитом королевстве, как и в небольшом бедном государстве или княжестве, к тому же мало населенном? А если это окажется невозможным, разве не является долгом всех правителей уменьшать и число своих подданных, и их богатство, насколько это в их силах? Если я допущу, что могут, я признаюсь, что был не прав; а если я буду утверждать прямо противоположное, мои догматы справедливо назовут нечестивыми или по крайней мере опасными для всех больших обществ. Так как не только в этом месте книги, но и во многих других такие вопросы могут быть заданы даже самым благожелательным читателем, я объясню здесь свою позицию и попытаюсь разрешить те трудности, которые могли вызвать у него некоторые пассажи, чтобы показать соответствие моего мнения разуму и самой строгой нравственности.

В качестве первого принципа я утверждаю, что во всех обществах, больших и малых, долг каждого его члена — быть добрым, что добродетель следует поощрять, порок не одобрять, законы соблюдать, а правонарушителей наказывать. После этого я утверждаю, что если мы заглянем в историю, как древнюю, так и новую, и посмотрим, что происходило в мире, то обнаружим, что со времени грехопадения Адама человеческая натура всегда была одной и той же и что сила ее и слабости всегда проявлялись в той или иной части земного шара независимо от веков, климата и религии. Я никогда не говорил и не думал, что человек не может быть добродетельным как в богатом и

могущественном королевстве, так и в самой жалкой республике, но я убежден (и это признаю), что ни одно общество не может возвыситься и стать богатым и могущественным королевством или, возвысившись подобным образом, поддерживать свое богатство и могущество в течение сколько-нибудь продолжительного времени без пороков людей.

Я полагаю, что это в достаточной мере доказано на протяжении всей книги; а так как человеческая природа все еще остается прежней, какой она была в течение столь многих тысячелетий, у нас нет сколько-нибудь серьезных оснований ожидать, что она в будущем изменится, пока стоит мир. Далее, я не вижу никакой безнравственности в том, чтобы показать человеку источник и силу тех аффектов, которые так часто, даже без его ведома, уводят его в сторону от разума, или какое есть нечестие в том, чтобы насторожить его в отношении самого себя или тайных хитростей себялюбия и научить его различию между такими поступками, которые вытекают из победы над аффектами, и теми, которые являются только результатом того, что один аффект взял верх над другим, т. е. между подлинной и ложной добродетелью. Один достойный прелат замечательно сказал, что, хотя много было сделано открытий в мире себялюбия, все же в изобилии осталось и *Terra incognita*⁷⁰. Какой вред нанесу я человеку, если благодаря мне он будет знать о себе самом немного больше, чем знал раньше? Но мы все настолько отчаянно любим лесть, что никогда не можем находить приятной истину, которая нас унижает, и я не верю, что бессмертие души — истина, которую начали обсуждать задолго до христианства, вообще нашла бы такое всеобщее признание в умах людей, каким она пользуется сейчас, если бы она не была приятной, возвышающей и воздающей хвалу всему человеческому роду, не исключая самых низких и самых несчастных людей.

Всякому нравится, когда хорошо отзываются о том, что имеет к нему отношение; даже судебные приставы, тюремные надзиратели и сам палач хотели бы, чтобы вы имели хорошее мнение об их занятиях; более того, даже воры и грабители-взломщики больше уважают своих собратьев по ремеслу, чем честных людей; и я искренне полагаю, что именно главным образом себялюбие сделало столь многих врагами моего маленького трактата (как это было перед последним изданием); каждый считает его оскорблением,

нанесенным ему лично, поскольку он умаляет достоинство и снижает имевшиеся у него благородные понятия о людях — самом почтенном обществе, к которому он принадлежит. Когда я говорю, что общество нельзя возвысить к богатству и могуществу и поднять на вершину мирской славы без пороков, я, по-моему, тем самым не в большей степени представляю людей порочными, чем своим утверждением о том, что профессии, связанные с отправлением правосудия, никогда бы не привлекали такого большого числа людей и не поддерживались с таким блеском, если бы не существовало множества чрезмерных эгоистов и сутяг, пзображаю их сварливыми или алчными.

Но поскольку ничто бы так ясно не показало ложности моих понятий, как если бы с ними согласилось большинство людей, я не ожидаю одобрения толпы. Я пишу не для толпы и пишу доброжелателей только среди тех немногих, которые могут мыслить абстрактно и возвысить свой ум над невеждами. Если я показывал путь к мирскому величию, я всегда без колебания предпочитал ту дорогу, которая ведет к добродетели.

Если вы хотите уничтожить обман и роскошь, предотвратить богохульство и безбожие и сделать большинство людей милосердными, добрыми и добродетельными, разбейте печатные станки, расплавьте шрифты и сожгите все книги на острове, за исключением тех, которые находятся в университетах (оставьте их нетронутыми), и не позволяйте иметь ни одной книги в частных домах, кроме Библии. Ликвидируйте заморскую торговлю, запретите всякое общение с иностранцами и не разрешайте выходить в море никаким кораблям, которые когда-либо могут вернуться, за исключением рыбацких судов. Верните духовенству, королю и баронам их древние привилегии, прерогативы и владения. Постройте новые церкви и превратите всю металлическую валюту, которую вы сможете собрать, в священные сосуды. Воздвигните множество монастырей и богаделен и позаботьтесь о том, чтобы в каждом приходе была благотворительная школа для детей бедных. Примите законы против роскоши, и пусть ваши юноши будут приучены к трудностям. Внушите им все строгие и самые возвышенные понятия о чести и позоре, дружбе и героизме и введите для них большое разнообразие мнимых вознаграждений. Затем духовенство пусть проповедует другим воздержание и самоотречение, а само пользуется такой свободой, какой захочет; пусть оно оказывает самое большое

влияние на управление государственными делами, и пусть никто не может стать государственным казначеем, кроме епископа.

При помощи таких благочестивых мер и полезных установлений картина вскоре совершенно будет изменена; большая часть алчных, недовольных, беспокойных и честолюбивых негодяев покинет землю, огромные толпы мошенников и плутов уйдут из города и рассеются по всей стране. Ремесленники научатся ходить за плугом, купцы превратятся в фермеров, и грешный чрезмерно разросшийся Иерусалим без помощи голода, войны, чумы или принуждения будет опустошен самым легким путем и после этого навсегда перестанет быть страшным для своих правителей. Счастливым преобразованное королевство не будет тем самым перенаселено ни в одной своей части, и все необходимое для существования человека будет дешевым и в изобилии. Деньги, корень столь многих зол, напротив, почти совсем исчезнут, их будет очень мало, и они будут также совсем не нужны, если каждый человек будет наслаждаться плодами своего собственного труда; и наше собственное любимое сукно, ни с чем не смешанное, будут без разбора носить как лорд, так и крестьянин. Такое изменение материального положения не сможет не повлиять на характер людей и сделает их умеренными, честными и искренними, и мы можем вполне разумно ожидать, что следующее поколение даст более здоровое и крепкое потомство, чем нынешнее; это будут безвредные, невинные и доброжелательные люди, которые никогда не будут оспаривать ни учение о пассивном повиновении, ни какие-либо иные ортодоксальные принципы, но будут подчиняться тем, кто стоит выше их, и будут единодушны в поклонении богу.

Я могу представить себе, что здесь меня прервал бы эпикуреец, который, не желая в случае необходимости прибегать к укрепляющей диете, всегда держит живых ортоланов, и он бы мне сказал, что доброту и честность следует приобретать менее дорогой ценой, чем разорение страны и уничтожение всех жизненных удобств; что свободу и собственность можно сохранять, не прибегая к безнравственности или обману, и что люди могут быть хорошими подданными, не становясь рабами и религиозными, хотя и отказываются подчиняться власти священников; что быть бережливым и экономным — долг, возложенный только на тех, чье материальное положение этого требует,

но что человек, владеющий хорошим состоянием, оказывает своей стране услугу, живя в соответствии с теми доходами, которые он от этого состояния получает; что же касается его самого, то он настолько хорошо владеет своими желаниями, что в случае необходимости может воздержаться от чего угодно: когда нельзя достать настоящей эрмитаж, он может удовлетвориться простым бордо, если оно достаточно густое; что много раз по утрам он вместо сейнт-лоуренса перебивался фронтениаком, а после ужина подавал кипрское вино и даже мадеру, когда у него было большое общество и он считал чрезмерным расточительством угощать его током; но все добровольное умерщвление плоти является предрассудком, приличествующим только слепым фанатикам и энгузиастам. Он приведет слова милорда Шефтсбери ⁷¹ в противовес моим и скажет мне, что люди могут быть добродетельными и общительными без самоотречения; что изображать добродетель недостижимой — значит оскорблять ее и что я делаю из нее страшилище для того, чтобы отнужнуть от нее людей как от чего-то неосуществимого, но что со своей стороны он может восхвалять бога и одновременно со спокойной совестью наслаждаться его творениями; что он не забудет ничего, что к нему относится, из того, что я сказал ранее. Наконец, он меня спросит, разве законодатели, воплощенная мудрость самого народа, когда стремятся, насколько возможно, воспренятствовать богохульству и безнравственности и содействовать славе божьей, не провозглашают открыто, что заботятся только о покое и процветании подданных, о богатстве, силе, чести и всем остальном, что зовется подлинной пользой страны, и ни о чем больше; и более того, разве самые благочестивые и самые ученые из наших прелатов в своей величайшей заботе о нашем обращении, когда они молят бога о том, чтобы он отвернул их собственные, а также и наши сердца от всего мирского и всех плотских желаний, не просят его во весь голос в той же самой молитве, чтобы он излил всю земную благодать и мирское блаженство на то королевство, в котором они живут.

Таковы обычные извинения, оправдания и апологии не только тех, кто известен своей порочностью, но и в общем большинства людей, когда затрагиваешь основу их склонностей; а когда пытаешься узнать, какую же реальную ценность они придают духовным началам, то фактически обнажаешь то, на что целиком и полностью направлены

их умы. Стыдясь многочисленных слабостей, которые они ощущают внутри себя, все люди стремятся спрятать себя, свою уродливую наготу друг от друга, и, прикрывая истинные мотивы своих душ благовидным плащом общительности и заботы об общем благе, они надеются скрыть свои грязные помыслы и уродство своих желаний, в то время как внутри их, и они об этом знают, таится любовь к дорогому их [сердцу] возделению и бесстыдная неспособность идти по трудному, неровному пути добродетели.

Что касается двух последних вопросов, то, признаюсь, они ставят меня в тупик; на вопрос эпикурейца я вынужден ответить утвердительно, и, если только я (боже сохрани!) не поставлю под сомнение искренность королей, епископов и всей законодательной власти, это возражение против моих слов правильно. Я могу лишь сказать в свою защиту, что во взаимосвязи фактов есть тайна, недоступная человеческому пониманию, а чтобы убедить читателя, что это не уловка и не увиливание, я покажу непостижимость ее следующей притчей.

Говорят, что в стародавние языческие времена существовала причудливая страна, где люди очень много говорили о религии, а большинство их, по крайней мере по внешнему проявлению, казались действительно набожными. Главным нравственным злом у них была жажда, а утоление ее считалось смертным грехом; все же они единодушно признавались, что все рождались более или менее жаждущими, и всем разрешалось умеренное потребление слабого пива, а тот, кто притворялся, что может вообще жить без него, считался лицемером, циником или сумасшедшим; однако те, кто признавался в любви к пиву и кто употреблял его без меры, считались безнравственными. В то же время само пиво почиталось как божья благодать, ниспосланная с небес, и в употреблении его не было никакого вреда: вся гнусность лежала в попытке ввести в заблуждение относительно того мотива души, который заставлял их пить пиво. Тот, кто употреблял хотя бы малейшую каплю его для утоления жажды, совершал ужасное преступление, в то время как другие выпивали безо всякой вины со своей стороны огромное количество пива, ибо они делали это равнодушно и по одной только причине — чтобы улучшить цвет лица.

Они варили пиво не только для своей страны, но и для других стран и в обмен на посылаемое за границу слабое

пиво получали большое количество вестфальской ветчины, бычачьих языков, окороков, болонских колбас, конченной сельди, осетрины, икры, анчоусов и всего того, что необходимо для того, чтобы с удовольствием пропускать их напиток в желудок. Тем, кто обычно держал при себе большие запасы слабого пива и не потреблял его, обычно завидовали, и в то же время общество их ненавидело и все, кому на долю доставалось мало пива, испытывали беспокойство. Они считали, что было бы самым большим бедствием, которое может на них обрушиться, если бы у них на руках оставалось много хмеля и ячменя, и, чем больше они потребляли их ежегодно, тем больше, по их мнению, процветала страна.

Правительство издало очень мудрые постановления относительно тех доходов, которые они получали от экспорта, очень поощряло ввоз соли и перца и облагало очень большими пошлинами все, что не было хорошо выдержано и могло каким-либо путем помешать продаже их собственного хмеля и ячменя. Те, кто стоял у руля, показываясь на публике, демонстрировали, что они во всех отношениях избавлены от жажды и полностью лишены ее, и приняли ряд законов, чтобы предотвратить ее рост и наказать тех безнравственных людей, которые открыто осмеливались ее утолять. Если же рассмотреть их как частных лиц и пристально взглянуть в их жизнь и беседы, то они, как оказывалось, любили слабое пиво больше других и пили его больше, но всегда под тем предлогом, что для улучшения цвета их лица требовалось больше напитка, чем для тех, кем они правили, и что главное, о чем они заботились, игнорируя свои собственные интересы, — обеспечить изобилие слабого пива у подданных вообще и большой спрос на их хмель и ячмень.

Поскольку никому не запрещалось пить слабое пиво, священники употребляли его так же, как и миряне, и некоторые из них — в изрядном количестве; тем не менее все они желали, чтобы их из-за их запятия считали менее жаждущими, чем других, и никогда не признавались, что они пили с какой-либо иной целью, кроме улучшения цвета лица. В своих религиозных собраниях они были более откровенны, ибо, как только они туда приходили, все они, как священники, так и миряне, от самых высокопоставленных до самых ничтожных, открыто признавали, что им хотелось пить, что менее всего их тревожит изменение цвета лица и что все их помыслы устремлены на слабое

пиво и утоление жажды, что бы иное они ни выдвигали в качестве предлога. Примечательным было то, что считалось в высшей степени наглым воспользоваться этими откровениями в ущерб кому бы то ни было и употребить эти признания потом, вне храмов, и каждый считал ужасным оскорблением, если его называли жаждущим, хотя бы видел, как он поглощал слабое пиво целыми бочонками. Главными темами их проповедников были великое зло жажды и безумство ее утоления. Они призывали своих слушателей сопротивляться этому искушению, яростно поносили слабое пиво и часто говорили им, что это яд, если его пьют с удовольствием или с какой-либо иной целью, кроме улучшения цвета лица.

Выражая признательность своим богам, они благодарили их за изобилие слабого пива, которое они получили от них и которое служило им утешением, хотя они так мало его заслуживали, и постоянно утоляли им свою жажду, в то время как они были глубоко убеждены в том, что пиво было дано им для иного, лучшего применения. Испросив прощения за эти проступки, они просили богов уменьшить их жажду и дать им силу сопротивляться ее назойливости; однако в разгар своего самого горького раскаяния и самых смиренных молитв они никогда не забывали о слабом пиве и молились о том, чтобы они по-прежнему имели его в огромном изобилии, торжественно обещая, что, какими бы небрежными они ни были ранее в этом деле, в будущем они не выпьют ни капли его с какой-либо иной целью, кроме улучшения цвета лица.

Это были постоянные молитвы, соединенные вместе, чтобы их хватило надолго; и, поскольку их продолжали использовать без каких-либо изменений несколько столетий подряд, некоторые полагали, что боги, знавшие будущее и знавшие, что то же самое обещание, которое они слышали в июне, будет сделано им в январе будущего года, полагались на эти клятвы не больше, чем мы полагаемся на те шуточные надписи, в которых люди предлагают нам свое имущество, сегодня — за деньги, а завтра задаром. Они часто начинали свои молитвы очень таинственно и много говорили о духовном; однако внутренне никогда не отделяли себя от мира сего настолько, чтобы кончить молитву, не досаждая богам просьбами благословить пивоварение во всех его отраслях, и покровительствовать ему, и для блага всего общества все больше и больше увеличивать потребление хмеля и ячменя.

Многие говорили мне, что проклятием трудолюбия является лень, а не довольство; поэтому, чтобы доказать свое утверждение, которое для некоторых людей является парадоксом, я отдельно рассмотрю лень и довольство, а затем поговорю о трудолюбии, с тем чтобы читатель мог судить, какое из двух первых наиболее противоположно последнему.

Лень — это отвращение к делу, обычно сопровождаемое безрассудным желанием оставаться бездеятельным; и ленивым является всякий, кто отказывается от какого-либо дела, которое он должен сделать для себя или для других, хотя в этом ему не препятствует никакое иное законное занятие. Мы обычно называем ленивыми только таких, которых мы считаем ниже себя и от которых мы ожидаем каких-либо услуг. Дети не считают, что их родители ленивы, а слуги — что ленивы их хозяева; а если джептльмен так чудовищно потворствует своему покою и праздности, что сам не наденет себе башмаков, хотя он молод и гибок, никто его не назовет за это ленивым, если он может содержать слугу или еще кого-нибудь, кто может сделать это для него.

Г-н Драйден⁷² дал нам очень хорошее представление о величайшей лени на примере утопающего в роскоши египетского фараона. Его величество пожаловал некоторые значительные дары нескольким своим фаворитам, и сейчас же его главные министры принесли пергамент, который он должен подписать, чтобы подтвердить эти дары. Сначала он ходит взад и вперед с выражением суровой озабоченности на лице, затем усаживается, как человек, который очень устал, и наконец с величайшим отвращением к тому, что он собирается делать, берет перо, начинает очень серьезно жаловаться на длину слова Птоломей и выражает большую озабоченность тем, что у него имя не является коротким односложным словом, что, по его мнению, избавило бы его от множества хлопот.

Мы часто упрекаем других в лени, потому что сами в ней виновны. Несколько дней тому назад, когда две молодые женщины сидели вдвоем и вязали, одна сказала другой: «Страшно тянет холодом через дверь, ты, сестра, ближе к ней сядишь, пожалуйста, закрой ее». Другая, молже ее, правда, снизошла до того, чтобы бросить взгляд на дверь, но осталась сидеть и ничего не сказала; старшая

опять два или три раза пыталась ее просить и наконец, когда вторая ничего ей не ответила, сердито встала и сама закрыла дверь; возвращаясь на свое место, она очень сурово посмотрела на младшую и сказала: «Боже мой, сестра Бетти, я бы ни за что на свете не была такой ленивой, как ты» — и сказала это так серьезно, что даже покраснела. Признаю, что младшая должна была бы подняться; но, если бы старшая не переоценивала слишком свой труд, она бы сама закрыла дверь, как только ее начал беспокоить холод, не произнося ни слова. Она была не более чем на шаг дальше от двери, чем сестра, а что касается возраста, то разница между ними была не более одиннадцати месяцев, а им обeim не было и по двадцати лет. Я полагал бы, что очень трудно определить, кто из них двоих более ленив.

Есть тысячи бедняг, которые всегда трудятся из последних сил, не получая почти ничего, потому что они не размышляют и не знают, чего стоят те усилия, которые они прилагают, в то время как другие, хитрые и понимающие истинную ценность своего труда, отказываются работать за более низкую плату не потому, что они бездельные натуры, а потому, что не хотят сбить цену своему труду. Один сельский джентльмен увидел у задней стороны биржи посыльного, который расхаживал взад и вперед, заложив руки в карманы. «Прошу тебя, друг, — сказал он, — отнеси для меня это письмо до Боу-Чэрч, и я дам тебе пенни». «Я пойду со всем моим удовольствием, — ответил другой, — но, хозяин, я должен получить два пенни». А когда джентльмен отказался их дать, парень повернулся к нему спиной и сказал ему, что он уж лучше будет играть задаром, чем задаром работать. Джентльмен счел необъяснимым проявлением лени со стороны посыльного, что он предпочел шататься взад и вперед и ничего не получать, чем заработать пенни тоже без всякого труда. Несколько часов спустя случилось ему быть с друзьями в таверне на Треднидлстрит, где один из них, вспомнив, что он забыл послать за векселем, который должен был той же ночью быть отправлен почтой, оказался в очень затруднительном положении и немедленно захотел, чтобы кто-нибудь пошел вместо него в Хэгни со всевозможной быстротой. Уже было после десяти вечера, в разгар зимы, шел сильный дождь, и все посыльные в округе уже ушли спать. Джентльмен очень забеспокоился и сказал, что, чего бы это ему ни стоило, он должен кого-нибудь послать. Нако-

нец один из буфетчиков, видя, что он так настойчив, сказал ему, что знает посыльного, который мог бы встать, если это будет работа, за которую ему стоит браться. «Стоит ему браться, — очень нетерпеливо воскликнул джентльмен, — не сомневайся в этом, друг. Если ты кого-нибудь знаешь, пусть он поспешит, как только может, и я дам ему гинею, если он будет обратно к полуночи». После этого буфетчик взял послание, вышел из комнаты и менее чем через четверть часа вернулся с приятным известием о том, что послание будет доставлено со всей быстротой. Тем временем общество развлекалось, как и раньше, но, когда время начало приближаться к двенадцати часам, все вынули часы и весь разговор сосредоточился на том, когда же вернется посыльный. Некоторые были того мнения, что он все же может вернуться до того, как часы пробьют полночь; другие считали это невозможным, и оставалось всего лишь три минуты до полуночи, когда вошел проворный посыльный, от которого валил пар, одежда его была насквозь мокрой от дождя, а голова вся была покрыта потом. На нем не было сухой нитки, за исключением внутренней стороны его бумажника, откуда он извлек вексель, за которым его послали; он по указанию буфетчика подал его тому джентльмену, которому он принадлежал. Тот был настолько доволен той быстротой, с какой он выполнил поручение, что дал ему обещанную гинею, в то время как другой джентльмен палил ему полный бокал вина, и все общество хвалило его за усердие. Когда этот парень подошел поближе к свету, чтобы взять вино, тот сельский джентльмен, о котором я говорил вначале, к своему величайшему восхищению, узнал в нем того самого посыльного, который отказался заработать пенни и которого он считал самым ленивым смертным на земле.

Эта история учит нас тому, что нам не следует путать тех, кто остается без работы потому, что не имеет возможности проявить себя с наибольшей пользой, с теми, кто из-за отсутствия силы духа цепляется за свою лень и скорее будет голодать, чем пошевелит пальцем. Без этой предосторожности мы должны всех людей объявить более или менее ленивыми в зависимости от их оценки того вознаграждения, которое они должны получить за свой труд, и тогда самые трудолюбивые могут быть названы ленивыми.

Довольством я называю ту спокойную безмятежность духа, которой наслаждаются люди, когда думают, что они счастливы, и остаются удовлетворенными тем положением,

в котором они находятся. Оно подразумевает благоприятное истолкование нашего данного состояния и мирную уравновешенность, которая не знакома людям, когда они озабочены улучшением своего положения. Это такая добродетель, одобрение которой очень рискованно и сомнительно, ибо в зависимости от того, как меняется материальное положение людей, их надо либо порицать, либо хвалить за то, что они ею обладают.

Одиному мужчине, который много работает и занят тяжелым трудом, родственник оставляет сто фунтов в год. Это изменение судьбы вскоре приводит к тому, что работа ему надоедает, и, не обладая достаточным трудолюбием, чтобы добиться успеха в этом мире, он решает вообще ничего не делать и жить на свой доход. Пока он живет по средствам, платит за то, что берет, и никого не обижает, его называют честным тихим человеком. Поставщик провизии, квартирная хозяйка и портной, а также и другие делят между собой то, что он имеет, и общество каждый год обогащается за счет его доходов, в то время как, если бы он занимался своим прежним делом или каким-либо иным, он должен был бы мешать другим и кто-нибудь получал бы меньше из-за того, что он забирал бы свою долю; и поэтому, хотя он был бы самым ленивым созданием на свете, проводил бы в постели пятнадцать часов из двадцати четырех, а в остальное время ничего не делал, а только шатался взад и вперед, никто бы его не порицал, а бездельность его духа получила бы почетное название довольства.

Но если тот же самый человек женится, заводит трех-четырёх детей и продолжает по-прежнему вести ту же самую легкую беззаботную жизнь, остается удовлетворенным тем, что имеет, и, не пытаясь заработать и пенни, предается своей обычной лени, то, во-первых, его родственников, а затем и всех его знакомых тревожит его нерадивость. Они предвидят, что его дохода будет недостаточно для того, чтобы как следует воспитать столько детей, и боятся, что некоторые из них могут стать если не позором, то бременем для них. После того как в течение некоторого времени эти опасения шепотом передаются от одного к другому, его дядя Грайн [Скряга] дает ему нагоняй и обращается к нему с таким увещанием: «Как, племянник, все еще без дела! Стыдно! Не могу представить себе, что ты делаешь, чтобы убить время; если ты не хочешь заниматься своим прежним делом, существуют десятки

способов, чтобы заработать пенни. Правда, у тебя есть сотня в год, но расходы твои ежегодно растут, а что ты будешь делать, когда твои дети станут взрослыми? У меня состояние побольше твоего, однако ты же видишь, я не бросаю своего дела; нет, я заявляю, даже если бы я владел целым миром, я бы не мог вести такую жизнь, какую ведешь ты. Признаю, это не мое дело, но все говорят, что стыдно такому молодому человеку, как ты, при твоей силе и здоровье не заниматься чем-нибудь полезным». Если эти увещания не изменят его за короткое время и он еще полгода будет ходить без занятия, то станет притчей во языцех для всех соседей, и за те же самые качества, которые некогда послужили основанием для того, чтобы его называли тихим довольным человеком, его будут называть самым плохим мужем и самым ленивым созданием на земле. Отсюда ясно видно, что, когда мы объявляем попустки хорошими или плохими, мы только принимаем во внимание тот вред или пользу, которые получают от них общество, а не того человека, который их совершает.

Слова *diligence* (старание) и *industry* (трудолюбие, усердие, ловкость) часто употребляются без разбора, обозначают одно и то же качество, но между ними существует огромная разница. У бедняги может быть достаточно и старания (*diligence*), и изобретательности, он может быть экономным, усердным человеком и все же, не стремясь улучшить свое материальное положение, оставаться довольным тем состоянием, в котором он находился; но *industry* (трудолюбие) кроме других качеств подразумевает жажду приобретения и неутомимое желание улучшить свое положение. Когда люди считают, что прибыли, которые обычно приносит их занятие, или их доля в деле слишком малы, у них есть два способа, чтобы заслужить звание «трудолюбивых и ловких» (*industrious*): они должны быть либо достаточно изобретательны, чтобы найти необычные и тем не менее законные способы увеличения своего дела или своих прибылей, или же восполнить этот недостаток многообразием занятий. Если торговец заботится о том, чтобы обеспечивать товарами свою лавку, и уделяет должное внимание тем, кто приходит к нему, он старательный (*diligent*) в своем деле человек. Но если, кроме того, он принимает особые усилия, чтобы продать товар лучшего качества с лучшей выгодой, чем остальные его соседи, или же, если благодаря своей услужливости или какому-либо иному хорошему качеству, приобретает

большое число знакомых, он прилагает все возможные усилия, чтобы привлечь покупателей в свою лавку, тогда его можно назвать трудолюбивым и ловким (industrious). Сапожник, даже если он занят лишь половину своего рабочего времени, но не запускает дело и торопится, когда у него есть работа, является старательным (diligent) человеком; но, если он работает посыльным, когда у него нет работы, и делает сапожные гвозди, а по почтам работает сторожем, тогда он заслуживает того, чтобы его называли трудолюбивым и ловким (industrious).

Если то, что сказано в данном замечании, должным образом взвесить, мы обнаружим, что либо лень и довольство очень близкие родственники, либо, если есть между ними большая разница, то второе более противоположно трудолюбию, чем первое.

(X) ...Сделать великий улей честным

Возможно, этого можно было бы достичь там, где люди удовлетворяются тем, что они бедны и не боятся лишений; но, если бы они захотели также наслаждаться своим покоем и мирскими удовольствиями и быть одновременно богатым, могущественным и процветающим, а также и воинственным народом, это оказалось бы абсолютно невозможно. Я слышал, как люди говорили о том сильном впечатлении, которое производили спартанцы на все государства Греции, несмотря на их необычайную умеренность и другие достойные подражания добродетели. Но безусловно, никогда не существовало другой страны, величие которой было бы более пустым, чем их. Великолепие, в котором они жили, уступало тому, которое можно видеть в театре, и они могли гордиться единственно тем, что ничем не наслаждались. Действительно, их и боялись, и уважали в других странах. Они были настолько прославлены своей доблестью и искусством в воинских делах, что их соседи не только искали их дружбы и помощи во время войн, но и были довольны и уверены в победе, если могли заполучить спартанского военачальника в качестве командующего своими армиями. Но зато их дисциплина была настолько строга, а образ жизни настолько суров и лишен всяких удобств, что самые умеренные из нас отказались бы подчиниться жесткости таких грубых законов. Среди них было полное равенство. Золотые и серебряные деньги осуждались, их разменные деньги изготовлялись из же-

леза, чтобы они были тяжелыми и малоценными; чтобы сконить двадцать или тридцать фунтов, требовалось довольно большое помещение, а чтобы их перевезти, требовалось не меньше чем упряжка волов. Еще одно их средство предотвращения роскоши состояло в том, что они обязаны были есть вместе, за общей трапезой, и они так редко разрешали кому-либо обедать или ужинать отдельно, у себя дома, что, когда один из их царей, Агис (Agis), победив афинян и вернувшись домой, послал за своей порцией еды (потому что он хотел поесть наедине со своей царичей), полемархи⁷³ ему отказали.

Плутарх сообщает, что в воспитании юношей их главной заботой было сделать из них хороших подданных, причуды их переносить тяготы длинных и утомительных переходов и никогда не возвращаться без победы с поля боя. Когда им исполнялось двенадцать лет, они жили небольшими группами и спали на подстилках, сделанных из камыша, который рос по берегам реки Эврот⁷⁴ (Eurotas); а так как верхушки камыша были острыми, они должны были их обламывать голыми руками, без помощи ножей. Если зима была суровой, они добавляли в камыш немного семян чертополоха, чтобы согреться (см. *Плутарх. Жизнь Ликурга*). Из всех этих обстоятельств видно, что ни один народ на земле не был менее изнежен, чем спартанцы; но, лишенные всех жизненных удобств, они за все свои старания не приобретали ничего, кроме славы воинственного народа, приученного к трудам и лишениям, что было таким счастьем, к которому на тех же условиях стремилось очень мало людей. И хотя они были властелинами мира, они им совсем не наслаждались, и поэтому англичане вряд ли позавидовали бы им и их величю. Чего люди хотят в наше время, достаточно полно показано в комментарии О, где я рассказывал об истинных наслаждениях.

(II) Наслаждаться мирскими удовольствиями...

О том, что слова «приличие» (decency) и «удобство» (conveniency) очень двусмысленны и не могут быть поняты, если мы не знакомы с положением и состоянием тех лиц, которые их употребляют, уже говорилось в комментарии (Л). Ювелир, торговец шелком и бархатом или какой-либо иной достойный доверия купец, имеющий три-четыре тысячи фунтов для ведения дела, должен каждый день есть два мясных блюда и что-нибудь совершенно

необычное на воскресенье. Жена его должна рожать на кровати, покрытой алым дамасским узорчатым шелком, и иметь отлично обставленные две-три комнаты. На следующее лето она должна иметь дом или по крайней мере очень хорошие комнаты за городом. Человек, проводящий время вне города, должен иметь лошадь, а его слуга — вторую. Если у него приличное занятие, он надеется через восемь-десять лет держать свой экипаж и, несмотря на это, еще через двадцать два — двадцать три года каторги (как он это называет) — стоить по меньшей мере тысячу фунтов дохода в год, которые унаследует его старший сын, и еще по две-три тысячи фунтов для каждого из остальных детей для начала самостоятельной жизни. А когда люди, обладающие таким состоянием, молятся о хлебе насущном и не подразумевают под этим ничего чрезмерно необычного, они считаются весьма скромными людьми. Называйте это гордостью, роскошью, излишеством, как хотите, — именно это и должно быть в столице процветающей страны. Те, чье состояние поменьше, должны удовлетворяться менее дорогостоящими удобствами, а другие, более высокого положения, разумеется, за свои удобства будут платить дороже. Некоторые люди считают всего лишь приличием, если им подают на серебре, а карету с шестеркой относят к необходимым жизненным удобствам; а если лорд не имеет трех-четырёх тысяч дохода в год, то его светлость считается бедняком.

* *

*

После первого издания данной книги на меня обрушилось несколько человек, предъявляя доказательства того, что чрезмерная роскошь, безусловно, приведет к несомненному разорению всей страны; однако я быстро опроверг их возражения, когда показал им те пределы, которыми я ограничил роскошь. Поэтому, чтобы в будущем все читатели могли правильно понять меня в этом вопросе, я укажу на те предостережения, которые я высказал, и на те условия, которые я оговорил как в предыдущем, так и в данном издании, и, если ими не пренебрегать, они должны предотвратить всякую разумную критику и устранить некоторые возражения, которые в противном случае могли бы быть высказаны против меня. В качестве истин, от которых ни в коем случае нельзя отклоняться, я изло-

жил следующее: бедных необходимо строго принуждать к работе; благоразумно облегчать их нѹжды, но безрас-судно совсем их избавлять от них ^{1*}; сельское хозяйство и рыболовство необходимо развивать во всех их отраслях, чтобы сделать провизию и, следовательно, труд деше-выми ^{2*}. Я назвал невежество в качестве необходимого ком-понента в той смеси, которую представляет собой обще-ство ^{3*}; из всего этого очевидно, что я никогда не мог вообразить, что роскошь нужно было делать всеобщей, рас-пространяя ее во всех уголках королевства. Я потребовал также, чтобы была обеспечена неприкосновенность собствен-ности, правосудие отпиривлялось беспристрастно и во всем учитывались интересы страны ^{4*}. Но на чем я более всего настаивал, о чем неоднократно повторял, это на том большом внимании, которое надо уделять торговому ба-лансу, и на той заботе, которую следует проявлять зако-нодателям в отношении того, чтобы каждый год импорт никогда не превышал экспорт ^{5*}; и там, где это соблюдается и где не игнорируются другие вещи, о которых я говорил, никакая чужеземная роскошь не может разорить страну, и я по-прежнему продолжаю это утверждать. Расцвет рос-коши наблюдается только в таких странах, которые яв-ляются густонаселенными, а в них — только у верхушки, а чем больше верхушка, тем пропорционально еще больше должна быть самая нижняя их часть, та основа, которая поддерживает всех, масса трудящихся бедняков.

Если разоряются те, кто слишком рьяно подражает другим, обладающим гораздо бѹльшим состоянием, то они должны благодарить только самих себя. В этом нет ни-чего, что говорило бы против роскоши, ибо, кто может су-ществовать и живет богаче, чем позволяют доходы, тот дурак. Некоторые знатные люди могут держать три-че-тыре экипажа и шестерку лошадей и в то же время откла-дывать деньги для своих детей, в то время как молодой лавочник разоряется, держа всего одну жалкую лошадь. Богатая страна не может обойтись без мотовства, и все же я вообще не знаю города, в котором было бы полно расто-чителей и в то же время не было бы достаточно скряг, число которых соответствовало бы числу мотов. Когда

---

^{1*} Стр. 184. Первое издание ⁷⁵, стр. 175, 176.

^{2*} Стр. 186. Первое издание, стр. 178.

^{3*} Стр. 116. Первое издание, стр. 77.

^{4*} Стр. 122. Первое издание, стр. 87.

^{5*} Стр. 121—122. Первое издание, стр. 86, 87.

старый купец разоряется из-за того, что в течение долгого времени был расточительным или неосторожным, молодой повичок, начавший заниматься тем же самым делом, приобретает состояние благодаря экономности или большему трудолюбию, хотя ему нет еще и сорока. Кроме того, слабости людей часто работают по принципу противоречия; некоторые ограниченные души никогда не могут процветать, потому что они слишком скарены, в то время как более хитрые люди накапливают огромное богатство, свободно тратя свои деньги и внешне презирая их. Но превратности судьбы необходимы, и самые прискорбные из них не более вредны для общества, чем смерть отдельных его членов. Крестины должным образом уравнивают похороны. Те, кто непосредственно несет потери из-за несчастий других, очень жалеют об этом, жалуются и шумят; но другие, нажившиеся на них, поскольку таковые всегда есть, держат язык за зубами, потому что считается неприличным, если кто-то наживается на потерях и бедствиях своего соседа. Различные подъемы и спады образуют колесо, которое, постоянно вращаясь, приводит в движение весь механизм. Философы, осмеливающиеся направлять свои мысли за пределы того узкого круга, который находится непосредственно перед ними, рассматривают резкие перемены в судьбах цивилизованного общества точно так же, как расширения и сокращения легких; последние являются в такой же мере частью процесса дыхания у более совершенных животных, как и первые; так что изменчивое дыхание непостоянной фортуны для общества то же самое, что изменчивый воздух для живого существа.

Следовательно, скупость и расточительность в равной мере необходимы для общества. То, что в некоторых странах люди обычно более щедры, чем в других, вытекает из различия в материальных условиях, которые склоняют к одному или другому пороку, и возникает из состояния общества, а также темперамента, данного природой. Я прошу прощения у внимательного читателя за то, что здесь я для людей, обладающих короткой памятью, кое-что повторяю: суть этого можно было уже видеть в комментарии *P*. Наличие большего количества денег, чем земли, большие налоги и недостаток провизии, трудолюбие, старательность и деятельный и беспокойный дух, злонаправлен и мрачный характер, старость, мудрость, род занятий, богатства, приобретенные нашим собственным трудом, и

надежно обеспеченные свобода и собственность — все это располагает к скупости. Напротив, праздность, довольство, добродушие, веселый нрав, молодость, безрассудство, despotic power, легко нажитые деньги, изобилие провизии и неуверенность в обладании собственностью — все эти обстоятельства делают людей склонными к расточительству. Там, где больше первых, преобладающим пороком будет скупость, а расточительность — там, где вторые перевешивают; однако всеобщей бережливости всех людей никогда не было и не будет, если она не требуется интересами всей страны.

Законы, направленные против роскоши, могут быть полезны бедной стране после великих бедствий войны, чумы или голода, когда остановилась работа и был прерван труд рабочих; но вводить их в богатом королевстве означало бы неверно понимать его интересы. Я закончу свои замечания о возроптавшем улье, заверив сторонников всеобщей бережливости, что персы и другие восточные народы не смогли бы покупать в больших количествах тонкое английское сукно, которое они употребляют, если бы мы наряжали своих женщин меньшим количеством азиатских шелков.

ОПЫТ О БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ШКОЛАХ

Милосердием называется такая добродетель, при помощи которой часть искренней любви, питаемой нами по отношению к самим себе, переносится чистой и не смешанной ни с какой корыстью на других, не связанных с нами узами дружбы или кровного родства, и даже на совершенно неизвестных нам людей, перед которыми у нас нет никаких обязательств и от которых мы не надеемся ничего получить и ничего не ждем. Если мы каким-либо образом смягчим строгость этого определения, в разряд добродетели попадут поступки, такого названия не заслуживающие. То, что мы делаем для своих друзей или родственников, мы отчасти делаем для самих себя. Когда человек делает что-либо для своих племянников или племянниц и говорит, что они являются детьми его брата и что он делает это из милосердия, он вас обманывает, ибо, если он в состоянии им помочь, такая помощь от него ожидается и отчасти он это делает ради самого себя. Если он ценит уважение людей и аккуратен в вопросах чести и репутации, он должен о них заботиться больше, чем о людях незнакомых, иначе страдает его доброе имя.

Эта добродетель проявляется либо во мнении, либо в действии и обнаруживается в том, что мы думаем о других или что делаем для них. Следовательно, чтобы проявлять милосердие, мы прежде всего должны давать наилучшее, какое только возможно, истолкование тому, что другие делают или говорят. Если человек, не проявляющий ни одного признака смирения, строит прекрасный дом, богато его обставляет и тратит состояние на серебро и картины, нам следует думать, что он дела-

ст это не из тщеславия, а для того, чтобы поощрять художников, занять свободных людей и побудить бедняков работать на благо своей страны. А если человек спит в церкви, но не храпит, нам следует думать, что он закрывает глаза, чтобы лучше сосредоточиться на молитве. Причина состоит в том, что мы в свою очередь желаем, чтобы наша крайняя скупость считалась бережливостью, а лицемерие сошло за религиозность. Во-вторых, эта добродетель заметна в нас тогда, когда мы безвозмездно тратим свое время и труды или же употребляем свое влияние на других ради тех, кто в этом нуждается, но не мог бы ожидать такой помощи, потому что нас не связывает с ними ни чувство дружбы, ни кровное родство. Последняя разновидность милосердия, называемая благотворительностью, состоит в том, чтобы еще при жизни отдавать таким людям, о которых я уже упоминал, то, что мы сами ценим, и скорее удовлетворяться тем, чтобы владеть и наслаждаться меньшим, чем не облегчать положение тех, кто нуждается и кто будет предметом нашего выбора.

Под эту добродетель часто подделывается один наш аффект, называемый жалостью или состраданием, который состоит в сочувствии и соболезновании несчастным и бедствиям других; все люди более или менее подвержены этому аффекту, но обычно более всего — самые слабые духом. Он возбуждается в нас, когда страдания и невзгоды других созданий производят на нас такое сильное впечатление, что ввергают нас в беспокойство.

Он возникает в нас либо через зрение, либо через слух, либо через оба чувства вместе; и, чем ближе объект сострадания и чем более сильно ударяет он по нашим чувствам, тем большее волнение он возбуждает в нас, часто до такой степени, что причиняет нам сильное неудовольствие и вызывает тревогу.

Если бы кто-нибудь из нас оказался запертым в комнате на первом этаже, а во дворе, примыкающем к дому, играл бы цветущий добродушный ребенок двух-трех лет от роду, так близко от нас, что мы могли бы почти касаться его рукой через решетки окна; и если бы, пока мы с восторгом предавались этому безвредному развлечению и восхищались неразборчивым лепетом невинного дитя, отвратительная огромная свинья напала бы на этого ребенка, заставила бы его плакать и до смерти напугала бы его, то естественно предположить, что это вызвало бы

у нас беспокойство, и мы попытались бы отогнать свинью, крича и производя всевозможный угрожающий шум. Но если бы эта тварь оказалась полуживой от истощения и, обезумевшая от голода, бродила всюду в поисках пищи и если бы мы наблюдали, как этот хищный зверь, несмотря на все наши крики и все угрожающие жесты, какие только мы могли придумать, все же схватил бы беспомощного ребенка, убил и сожрал бы его; видеть, как это чудовище широко раскрывает свою губительную пасть и с жадной поспешностью повергает на землю бедного агнца; смотреть на беспомощные движения нежных ручек и пожек, сначала раздавленных, а потом разорванных на куски; видеть, как отвратительное рыло, роящееся в еще живых внутренностях, сосет дымящуюся кровь; слышать время от времени, как хрустят кости и как жестоко животное с варварским удовольствием хрюкает во время ужасного пиршества; видеть и слышать все это — какие невыразимые муки причинило бы это душе! Покажите мне самую блестящую добродетель, которой могут похвастаться моралисты, настолько же очевидную либо для лица, ею обладающего, либо для тех, кто наблюдает за его поступками; покажите мне мужество или любовь к своей стране, настолько же чистые, без какой-либо примеси, освобожденные и отличные, первое — от гордости и гнева, второе — от любви к славе и всякого намека на своекорыстие, насколько эта жалость будет свободна и отлична от всех других аффектов. Не нужно обладать какой-либо добродетелью и самоотречением, чтобы быть тронутым такой картиной; и не только человек гуманный, высокоправственный и сострадательный, но и в равной мере разбойник с большой дороги, взломщик или убийца могли бы в таком случае испытывать беспокойство; какими бы несчастными ни были обстоятельства самого человека, он бы временно забыл свои беды, самый беспокойный аффект уступил бы место жалости и ни у одного представителя человеческого рода сердце не могло бы быть настолько черствым или невосприимчивым, чтобы не заболеть при виде этого зрелища, для которого нельзя найти подходящего определения ни в одном языке.

Многие удивятся сказанному мною относительно жалости — что она возникает в нас через зрение или слух, но справедливость этого утверждения станет ясной, когда мы примем во внимание, что, чем ближе предмет

жалости, тем больше мы страдаем, а чем более он удален, тем менее он нас беспокоит. Если мы наблюдаем казнь преступников, находясь очень далеко от нее, то нас она мало трогает по сравнению с тем, что мы испытываем, когда находимся достаточно близко и видим движения души в их глазах, наблюдаем их страх и агонию и в состоянии читать муки в каждой черте лица. Когда предмет полностью удален от наших чувств, рассказ о бедствиях или чтение о них никогда не могут возбудить в нас аффект, называемый жалостью. Мы можем быть озабочены плохими известиями, потерей или несчастьями друзей или тех, в ком мы принимаем участие, но это не жалость, а печаль или скорбь, то же самое, что мы испытываем, когда умирают те, кого мы любим, или гибнет то, что мы ценим.

Когда мы слышим, что три или четыре тысячи солдат, среди которых нет наших знакомых, погибли в бою или были загнаны в реку, где утонули, мы говорим и, возможно, верим, что нам их жаль. Человеколюбие заставляет нас испытывать сочувствие к страданиям других, а разум говорит нам, что независимо от того, совершается что-то далеко от нас или у нас на глазах, наши чувства в отношении этого должны быть одинаковы; и нам должно быть стыдно признаться, что мы не испытываем в себе сострадания, когда что-либо его требует. Тот, кто не имеет сострадания, жесток. Все это является следствием разума и человеколюбия, ибо природа не делает никаких подарков: когда предмет не ударяет, тело его не чувствует; и, когда люди говорят, что они жалеют тех, кого не видят, им следует верить так же, как когда они говорят, что являются нашими покорными слугами. Когда те, кто не видятся друг с другом каждый день, при встрече обмениваются обычными любезностями, то часто в течение менее двух минут они пять или шесть раз подряд попеременно «очень рады» или «очень сожалеют», но при расставании не уносят с собой ни на йоту больше горя или радости, чем имели при встрече. То же самое происходит и с жалостью, а призывать ее по своему выбору можно не больше, чем страх или гнев. Те, кто обладает сильным и живым воображением и кто может вызывать в уме такие представления о вещах, какие возникли бы в том случае, если бы они фактически были перед ними, могут взвинтить себя до такого состояния, которое напоминает сострадание; но это достигается

искусством и часто с помощью некоторого энтузиазма и представляет собой лишь имитацию жалости: сердце ее почти совсем не испытывает и она такая же слабая, как та, которую мы переживаем при представлении трагедии, когда наш рассудок оставляет часть души непросвещенной и, чтобы удовлетворить праздный каприз, позволяет ей ошибаться, что необходимо для возбуждения аффекта, легкие удары которого не являются неприятными для нас, когда душа находится в праздном, бездеятельном настроении.

Так как жалость часто нами самими и в отношении нас ошибочно принимается за милосердие, она принимает его форму и заимствует даже само его имя. Нищий просит вас проявить эту добродетель во имя Иисуса Христа, но все время его главная цель — возбудить вашу жалость. Он выставляет вам на обозрение самые страшные язвы своих болезней и телесных уродств; тщательно подобранными словами он кратко излагает вам историю своих бедствий, действительных или вымышленных; и хотя кажется, что он молит бога, чтобы тот открыл ваше сердце, на самом деле он трудится, чтобы произвести впечатление на ваш слух: самый отъявленный распутник из них прибегает к помощи религии и помогает своему лицемерию скорбным тоном и деланной мрачностью жестов. Но он не доверяется только одному аффекту, он льстит вашей гордости титулами и званьями, обозначающими почет и отличия; он успокаивает вашу скупость, часто повторяя вам о незначительности дара, который он стремится получить, а также давая обязательные обещания о будущих воздаяниях, которые принесут вам необычайные проценты, превосходящие те, что предусмотрены статусом ростовщичества, но которые находятся вне пределов его досягаемости. Когда таким образом нападают со всех сторон на людей, не привыкших к большим городам, они обычно вынуждены уступить и не могут не дать что-нибудь, хотя сами едва ли могут обойтись без того, что отдают. Как странно управляет нами себялюбие! Оно постоянно заботится о том, чтобы нас защитить, и тем не менее заставляет нас действовать против своего интереса, чтобы усюконть взявший верх аффект: ибо когда нас охватывает жалость, то, если только мы можем представить себе, что облегчаем участь того, кому мы сочувствуем, и тем самым способствуем уменьшению его печали, это соображение нас успокаивает.

васт, и поэтому жалостливые люди часто дают милостыню, когда на самом деле они чувствуют, что лучше бы этого делать не надо.

Когда язвы очень велики или кажется, что они каким-либо иным чрезвычайно сильным образом причиняют страдания, а нищий может вытерпеть, выставя их обнаженными на холоде, на некоторых людей это очень сильно действует; позор, кричат они, что допускается такое зрелище; главная причина состоит в том, что оно ощутимо трогает их жалость, а они в то же время решили ничего не подавать, либо потому, что скупы, либо потому, что считают это пустой тратой, а это еще более усиливает их беспокойство. Они отводят глаза, а, если вопли действуют угнетающе, некоторые охотно заткнули бы уши, если бы это не было позорным. Они могут лишь ускорить шаги и в глубине души очень сердятся, что нищих пускают на улицы. Но с жалостью дело обстоит так же, как со страхом: чем более мы знакомы с предметами, возбуждающими один или другой аффект, тем менее они нас волнуют, а на тех, кому стали привычны все эти сцены и стоны, они производят мало впечатления. Единственное, что остается сделать настойчивому нищему, чтобы покорить такие каменные сердца, это идти следом за ними (если он может ходить на костылях или без них) и, терзая их и назойливо докучая им непрерывными воплями, попытаться, если можно, заставить их купить себе мир и спокойствие. Таким образом, тысячи [людей] дают деньги нищим по той же причине, по какой платят своему мозолисту, — чтобы легче было ходить. И множество полупенсовиков раздается наглым и намеренно докучливым негодьям, которых, если бы это можно было сделать благородно, человек отколотил бы тростью с гораздо большим удовольствием. И тем не менее все это благодаря вежливости страны зовется милосердием.

Оборотной стороной жалости является злоба. Я говорил о ней в том разделе, где освещал зависть. Те, кто знает, что значит исследовать самих себя, вскоре признаются, что проследить корень и источник происхождения этого аффекта очень трудно. Он один из тех, которых мы более всего стыдимся, и поэтому та его часть, которая приносит вред, легко подавляется и исправляется здравым воспитанием. Когда кто-нибудь рядом с нами спотыкается, мы, естественно, даже еще не подумав, протягиваем руки, чтобы предотвратить или по крайней

мере остановить падение, что показывает, что, пока мы спокойны, мы скорее склонны к жалости. Но хотя злобы самой по себе не следует слишком бояться, она часто приносит вред, если ей помогает гордость, и становится более всего ужасной, когда ее подстрекает и усиливает гнев. Нет ничего иного, что более легко или более действительно заглушало бы жалость, чем это сочетание, называемое жестокостью. Отсюда мы можем узнать, что для совершения заслуживающего похвалы поступка недостаточно просто победить аффект, если только это не было сделано в равной мере из похвального принципа, и, следовательно, насколько необходимо то условие в определении добродетели, которое гласит, что наши старания должны вытекать из разумного стремления быть хорошими.

Как я уже ранее где-то говорил, жалость является самым приятным из всех наших аффектов, и тех случаев, когда мы должны подавлять или сдерживать ее, не так уж много. Хирург может быть настолько сострадатель, насколько ему хочется, если это не заставляет его воздерживаться от совершения того, что он должен сделать, или не выполнять свой долг. В равной мере судьи и присяжные могут поддаться влиянию жалости, если они принимают меры к тому, чтобы очевидные законы и само правосудие не нарушались и не страдали из-за нее. Никакая жалость в мире не приносит больше бедствий, чем та, которая возбуждается нежностью родителей и мешает им направлять своих детей так, как этого потребовала бы их разумная любовь и как они сами того хотели бы. Равным образом та роль, которую данный аффект играет в привязанностях женщин, более значительна, чем обычно воображают, и они ежедневно совершают ошибки, которые целиком приписываются вожделению, хотя они в значительной мере допускаются из жалости.

Тот аффект, который я назвал последним, не является единственным подражающим милосердию и напоминающим его; гордость и тщеславие построили больше больниц, чем все добродетели, вместе взятые. Люди так крепко держатся за свою собственность, а эгоизм настолько глубоко укоренился в нашей натуре, что тот, кто каким-либо образом сможет победить его, получит одобрение общества и всевозможные поощрения, которые только можно вообразить, чтобы спрятать свою слабость и удовлетворять любое другое желание, которому он за-

хочет предаваться. Кто из своего личного состояния поставляет то, что в противном случае должно было бы обеспечить общество в целом, оказывает услугу каждому члену общества, и поэтому все готовы выразить ему свою признательность и считают себя обязанными объявить все такие поступки добродетельными, не изучая побудительных мотивов, исходя из которых они были совершены, и даже не вглядываясь в них. Ничто не действует так губительно на добродетель или даже на самое религиозность, как стремление заставить людей верить в то, что если они отдадут деньги бедным, хотя фактически расстанутся с ними только после своей смерти, то это полностью искупит в потустороннем мире те грехи, которые они совершили в этом. Злодей, виновный в жестоком убийстве, может при помощи лжесвидетелей избежать заслуженного наказания; он процветает, мы даже скажем, накапливает огромное богатство и по совету своего духовника оставляет все свое состояние монастырю, а своих детей делает нищими. Какое прекрасное возмещение за свое преступление сделал этот добрый христианин и какой честный человек был тот священник, который руководил его сознанием! Тот, кто расстается со всем, что он накопил за всю свою жизнь, из какого бы принципа он ни исходил, отдает только то, что было собственностью; но богатый скряга, который при жизни отказывается помогать своим ближайшим родственникам, хотя они намеренно никогда не досаждали ему, и после своей смерти оставляет свои деньги на то, что мы называем благотворительными целями, может воображать о своей доброте все, что ему заблагорассудится, но на самом деле он грабит свое потомство. Я думаю сейчас о последнем примере благотворительности, щедром даре, который вызвал большой шум в мире. У меня есть желание показать его в таком свете, который, по моему мнению, он заслуживает, и я прошу разрешения изложить его несколько риторически, чтобы один раз доставить удовольствие педантам.

Что человек, мало сведущий в медицине и едва ли обладающий какими-либо познаниями в ней, при помощи низких уловок приобретает большую практику и накапливает огромное богатство, не такое уж большое чудо; но что он настолько прочно обеспечивает себе хорошее мнение людей, что завоевывает всеобщее уважение в стране и создает себе репутацию, поставившую его выше всех

его современников, не обладая никакими иными качествами, кроме совершенного знания людей и способности максимально использовать это знание, — это нечто весьма необычайное. Если человек, достигший таких высот славы, почти обезумевший от гордости, иногда безвозмездно отдает свое внимание слуге или какому-либо иному лицу низкого звания, одновременно игнорируя знатного человека, выплачивающего ему баснословные гонорары, а иногда отказывается оставить бутылку ради своего дела, не обращая никакого внимания на знатность лиц, которые за ним прислали, или на ту опасность, которой они подвергаются; если он груб и угрюм, прикидывается весельчаком, обращается со своими пациентами как с собаками, хотя они люди с положением, не ценит никого, кто его не боготворит, и никогда не сомневается в точности своих предсказаний; если он пренебрежительно относится ко всем, публично оскорбляет самых знатных людей и не нарушает своего покоя даже ради королевской фамилии; если для того, чтобы сохранить, а также и умножить славу своего умения, он избегает советоваться с теми, кто выше его, в каком бы то ни было чрезвычайном случае, смотрит с презрением на самых достойных представителей своей профессии и никогда не совещается ни с одним врачом, кроме такого, который оказывает почести его высшему гению, подделывается под его настроение и всегда приближается к нему не иначе как со всем тем рабским подобострастием, с каким придворный льстец обращается к государю; если человек при жизни обнаруживает, с одной стороны, такие ясные симптомы непомерной гордости и одновременно ненасытную жажду богатства, а с другой стороны, не проявляет никакого внимания к религии или привязанности к своим родственникам, никакого сострадания к бедным и почти никакого человеколюбия по отношению к своим ближним; если он не дал никаких доказательств того, что он любил свою страну, был патриотом или же любил искусство, книги или литературу, — что мы должны сказать относительно его побудительного мотива, того принципа, на основании которого он поступал, когда после его смерти мы обнаруживаем, что он оставил пустяк всем своим родственникам, которые нуждались, и огромные сокровища университету, которому они были не нужны.

Даже если какой-то человек настолько милосерден, насколько можно быть, не теряя разума или здравого

смысла, может ли он думать что-либо иное, кроме того, что этот знаменитый врач при составлении своего завещания, как и во всем остальном, потворствовал своему любимому аффекту, потешив свое тщеславие удачной выдумкой? Когда этот врач подумал о памятниках и надписях со всеми жертвоприношениями похвал, которые будут сделаны в его честь, и прежде всего о ежегодном выражении благодарности, почтения и благоговения, которое будет оказываться его памяти с такой пышностью и торжественностью; когда он учел, как во всех этих представлениях до предела будут напрягаться ум и изобретательность, будут привлекаться все обширные запасы искусства и красноречия, чтобы отыскать панегирики, соответствующие патриотизму, щедрости и достоинству благодетеля и искусной благодарности получателей, — повторяю, когда он подумал обо всех этих вещах и принял их во внимание, должно быть, это привело его честолюбивую душу в экстаз и доставило ей огромное наслаждение, особенно когда он размышлял о продолжительности своей славы и об увековечивании своего имени, которые он обеспечил при помощи этого средства. Мнения, основанные на милосердии, часто до глупости ложны; когда люди умерли и покинули этот мир, мы должны судить об их поступках так же, как мы судим о книгах, и не приписывать дурных побуждений ни их разуму, ни своему собственному. Британский эскулап был, несомненно, человеком разумным, и, если бы он находился под влиянием милосердия, патриотизма или любви к просвещению, и имел бы своей целью благо всех людей вообще или представителей своей профессии в частности, и поступал бы, исходя из одного из этих принципов, он никогда бы не оставил такого завещания, потому что таким огромным богатством можно было бы лучше распорядиться и человек гораздо меньших способностей нашел бы несколько более хороших способов расходования денег. Но если мы примем во внимание, что он был, несомненно, человеком в высшей степени гордым, так же как и разумным, и позволим себе только высказать догадку, что этот необычайный дар мог быть сделан под воздействием упомянутых двух качеств, мы тотчас обнаружим превосходство его умственных способностей и его совершенное знание мира; ибо если человек хочет себя обессмертить, хочет, чтобы его восхваляли и обожествляли после его смерти и чтобы памяти о нем выражали

всевозможную признательность, почести и похвалы, какие только может пожелать само тщеславие, то, я полагаю, все человеческое хитроумие не может изобрести более действенного способа. Если бы он вступил на военную стезю, проявив в двадцати пяти осадах и стольких же битвах храбрость, достойную Александра Македонского, и если бы он не щадил своей крови и самой жизни, подвергая ее всем трудам и опасностям войны на протяжении пятидесяти кампаний подряд; или если бы он, посвятив себя музам, пожертвовал своими наслаждениями, досугом и здоровьем ради литературы и провел все свои дни в непрестанных трудах и муках, постигая мудрость науки; или же, отвернувшись от всех мирских интересов, выделялся бы своей честностью, трезвостью и суровостью жизни и постоянно шел по пути самой строгой добродетели, то и тогда бы он не так надежно обеспечил увековечивание своего имени, как это он сделал теперь, прожив полную чувственных наслаждений жизнь и великолепно удовлетворив свои аффекты, без каких-либо хлопот или самоотречения, только избрав данный способ распоряжения своими деньгами, когда принужден был их оставить.

Какой-нибудь богатый скряга — законченный эгоист, желающий получать проценты на свой капитал даже после своей смерти, — должен лишь обмануть своих родственников и оставить свое состояние какому-нибудь знаменитому университету: это — самый лучший рынок, где можно купить бессмертие при самых скромных заслугах; в них знание, ум и проницательность являются плодами (я чуть было не сказал продуктами производства) этих мест. Там люди глубоко проникли в человеческую натуру и очень хорошо знают, чего хотят их благодетели; и необыкновенно щедрые дары последних всегда там необыкновенно щедро вознаграждаются; а уровень их похвал всегда определяется размером дара независимо от того, кто является дарителем, врач или лудильщик, когда живые свидетели, которые могли бы смеяться над ними, уже умерли. Я никак не могу представить себе празднование годовщины дня благодарения, установленного в память какого-либо великого человека, но это наводит меня на мысль о чудесных исцелениях и других удивительных вещах, которые будут рассказывать о нем через сто лет, и я осмелюсь предсказать, что еще до конца текущего восемнадцатого столетия в его пользу сочинят такие исто-

рии (ибо с ораторов никогда не берут клятву, что они будут говорить только правду), какие будут по крайней мере так же сказочны, как любые легенды о святых.

Всего этого не мог не знать наш хитроумный благодетель, он понимал университеты, их дух и их политику и, следовательно, предвидел и знал, что ему не перестанут воскуривать фимиам ни во время нынешнего, ни в течение еще нескольких последующих поколений и что так будет продолжаться не только в течение каких-то несчастных трех-четырех сотен лет, но что почести ему будут оказываться, несмотря на все изменения и революции в правительстве и религии, пока существует страна и сохраняется сам остров Великобритании.

Печально, что гордые люди испытывают такие искушения причинить зло своим законным наследникам. Ибо когда живущий в довольстве и богатстве тщеславный человек, гордости которого потакают самые великие люди цивилизованной страны, обладает таким безошибочным средством обеспечения постоянного уважения к самому себе и поклонения своему мертвому духу, которое оплачивается столь необычным образом, он похож на героя в разгар битвы, который, питаясь своим собственным воображением, ощущает все блаженство энтузиазма. Это подбадривает его во время болезни, облегчает ему боль и либо вооружает его против всех ужасов смерти и самых мрачных опасений относительно будущего, либо устранивает их из его поля зрения.

Если скажут, что такая суровость в суждениях и такое тщательное изучение всех дел и сознания будут отбивать у людей охоту распоряжаться своими деньгами таким способом и что, каковы бы ни были деньги и побудительные мотивы дарителя, тот, кто получает пользу, тот и выгадывает, я не опровергну этого положения, считая, что, если кто-либо воспрепятствует тому, чтобы люди вкладывали слишком много сокровищ в мертвый капитал королевства, это несколько не повредит обществу. Чтобы сделать общество счастливым, между его активной и пассивной частью должна существовать огромная диспропорция, и, если этого не принимать во внимание, обилие даров и пожертвований вскоре может стать чрезмерным и вредным для страны. Если благотворительность слишком велика, она обычно способствует развитию праздности и лени и приводит лишь к тому, что в государстве разводятся трутни и губится трудолюбие.

Чем больше строится школ и богаделен, тем чаще так происходит. У первых основателей и благодетелей могли быть правильные и добрые намерения; они, возможно, во имя своей собственной репутации трудились (или казалось, трудились) ради самых похвальных целей, но у исполнителей их воли, управляющих, которые пришли после них, совершенно иные взгляды, и мы редко видим, чтобы благотворительные дела в течение продолжительного времени осуществлялись так, как вначале намеревались и как вообще следовало бы их вести. У меня нет намерения быть жестоким и ни малейшей цели, которая отдавала бы негуманностью. Я считаю совершенно необходимым долгом, чтобы и в дни войны, и в дни мира было достаточное количество больниц для больных и раненых; о детях, оставшихся без родителей, о стариках, оставшихся без поддержки, необходимо заботиться с нежностью и усердием. Но так же как, с одной стороны, я бы не забывал ни одного из тех, кто беспомощен и действительно нуждается, будучи не в состоянии обеспечить самого себя, с другой стороны, я бы не поощрял попрошайничество или праздность у бедных. Всех, кто хоть как-то в состоянии трудиться, нужно засадить за работу, и надо провести обследование даже среди увечных: можно найти занятия для большинства хромых, а также для многих неспособных к тяжелой работе, включая слепых, в зависимости от того, насколько позволят их здоровье и сила. То, что я сейчас рассматриваю, естественно ведет меня к тому развлечению, которому в течение некоторого времени предается Англия, — я имею в виду восторженное увлечение школами для бедных детей, содержащимися на средства благотворительности.

Большинство людей настолько околдовано их полезностью и превосходностью, что тот, кто осмеливается открыто выступить против них, подвергается опасности, как бы толпа не побила его камнями. Дети, которые познают начала религии и умеют прочесть слово божье, имеют больше возможностей улучшить свою добродетельность и нравственность и, безусловно, должны быть более воспитанными, чем другие, которым разрешают бегать на воле и за которыми никто не смотрит. Насколько ошибочным должно быть осуждение тех, кто тому, чтобы видеть, как дети, опрятно одетые и по крайней мере раз в неделю в чистом белье, следуют в строгом порядке за своим учителем в церковь, предпочел бы скорее встретить на любом

пустыре ватагу сорванцов, на которых даже нет рубашки и вообще ни одной целой вещи и которые, не сознавая своего несчастного положения, еще более постоянно усугубляют его своей руганью и проклятиями. Может ли кто-либо сомневаться в том, что эта ватага — постоянный рассадник большого числа воров и воришек? Сколько уголовников и других преступников мы судим и приговариваем на каждой сессии суда! Это будет предотвращено школами для бедных детей, и, когда дети бедняков получают более приличное образование, общество через несколько лет пожнет его плоды, а страна очистится от стольких злодеев, которыми сейчас заполнен наш большой город Лондон и вся местность вокруг него.

Таково общее мнение, и тот, кто хоть в малейшей степени выступает против него, является безжалостным, бессердечным и бесчеловечным, если не порочным, богохульным и безбожным негодяем. Что касается приятности нарисованной выше картины, никто ее не оспаривает, но я не хотел бы, чтобы страна платила слишком дорого за столь мимолетное удовольствие, и если мы оставим в стороне великолепие сделанного представления, то на все, что есть существенного в этом популярном высказывании, можно вскоре дать ответ.

Что касается религии, то менее всего ею обладают самые просвещенные и образованные люди любой страны; ум более способствует превращению людей в мошенников, чем глупость, и вообще порок нигде так безраздельно не властвует, как там, где процветают искусства и науки. Невежество, как свидетельствует пословица, мать веры, и мы, безусловно, нигде не найдем больше невинности и честности, чем среди самых неграмотных, бедных, глупых сельских жителей. Далее следует рассмотреть вопрос о хороших манерах и вежливости, которые необходимо привить английским беднякам при помощи школ для бедных детей. Я признаюсь, что, по моему мнению, обладать в какой-либо мере тем, что я только что назвал, — пустяковое, если не вредное качество, но крайней мере оно наименее всего требуется для трудящихся бедняков. Мы ждем от них не комплиментов, а работы и усердия. Но я охотно откажусь от своего возражения и скажу, что хорошие манеры необходимы всем людям, но каким образом они будут привиты детям в школе для бедных? Там можно приучить мальчиков снимать шапку без разбора перед всеми, с кем они

встречаются, за исключением пищих. Но я не могу себе представить, чтобы они приобрели там еще какие-либо хорошие манеры, кроме этой.

Учитель сам не очень-то подходит для роли воспитателя хороших манер, как можно догадаться по его жалованью, и, даже если бы он мог учить их вежливости, у него для этого просто нет времени: когда дети в школе, они либо учат, либо отвечают ему урок или же занимаются письмом или арифметикой; а когда уроки окончены, они так же бегают на поле, как дети других бедных родителей. На ум детей оказывают влияние наставления и пример родителей и тех, с кем они едят, пьют и общаются. У безграмотных родителей, которые идут по плохому пути и не обращают внимания на своих детей, не будет вежливого, воспитанного отпрыска, хотя бы они сами, до того как пожениться, ходили в школу для бедных детей. Если у честных трудолюбивых людей, какими бы бедными они ни были, у самих есть какое-либо понятие о доброте и приличии, они будут держать своих детей в страхе и никогда не позволят им рыскать по улицам и где-то бродить по почам. Те, кто сами работают и имеют какую-то власть над своими детьми, заставят их, как только те смогут, заняться чем-нибудь таким, что приносит доход, пусть это будет даже какой-то пустяк, а тех, кто настолько своеправен, что на них не действуют ни слова, ни побои, не исправит никакая школа для бедных детей; более того, опыт учит нас, что среди учеников школы для бедных есть много плохих ребят, которые сквернословят и ругаются и, если не считать одежды, такие же мерзавцы, каких постоянно производят Тауэр-хилл или Сейнт-Джеймс.

Теперь я перехожу к тем страшным преступлениям и огромному числу преступников, которые все объясняются отсутствием этого выдающегося образования. Что множество краж и грабежей ежедневно совершается в самом Лондоне и вокруг него и ежегодно очень много людей расплачиваются своей жизнью за эти преступления, отрицать нельзя. Но поскольку за это цепляются всегда, когда ставится под сомнение полезность школ для бедных детей, как будто бы бесспорно то, что они в значительной мере исправят, а со временем и предотвратят эти беспорядки, я намерен изучить подлинные причины этих бедствий, на которые столь справедливо жалуются, и не сомневаюсь в том, что сумею выявить, что школы

для бедных детей и все остальное, что способствует праздности и мешает бедным работать, больше причастны к росту преступности, чем неуменше читать и писать или даже самое большое невежество и глупость.

Здесь я должен прерваться, чтобы избежать шумных протестов некоторых нетерпеливых людей, которые, прочитав последнее, что я написал, закричат, что они не только не поощряют праздность, но, напротив, обучают детей в своих школах для бедных различным профессиям и ремеслам и приучают их ко всевозможному честному труду. Я обещаю им, что позднее я займусь этим и отвечу на их возражения, не обходя молчаньем ничего, что можно было бы сказать в их пользу.

В многолюдном городе юному негодяю, который втерся в толпу, нетрудно с помощью маленькой ладони и ловких пальцев выхватить носовой платок или табакерку у человека, который думает о деле и забывает о своем кармане. Успех в небольших преступлениях часто приводит к более крупным, и тот, кто безнаказанно обшаривает чужие карманы в двенадцать лет, скорее всего станет взломщиком в шестнадцать и отъявленным негодяем задолго до того, как ему стукнет двадцать. Тот, кто так же осторожен, как и смел, и к тому же не пьет, может причинить бедну несчастий, прежде чем его обнаружат; поэтому одно из самых больших неудобств таких огромных, чрезмерно разросшихся городов, как Лондон или Париж, заключается в том, что они дают приют мошенникам и негодяям так же, как зернохранилища — клещам и прочим паразитам; они предоставляют постоянное укрытие самым худшим из людей и являются безопасными местами для тысяч преступников, которые ежедневно совершают кражи и грабежи и тем не менее, часто меняя места своего обитания, могут скрываться в течение многих лет и, возможно, никогда не попадутся в руки правосудия, если только их случайно не задержат на месте преступления. А когда их схватят, то, возможно, улики окажутся недостаточно ясны или же их мало, показания свидетелей недостаточно убедительны, присяжные и часто судьи тронуты состраданием, обвинители, хотя сначала и энергичны, часто смягчаются перед началом судебного процесса: очень мало людей предпочитают безопасность общества своему собственному покою; человек добродушный нелегко примиряется

с тем, что отнимает у другого человека жизнь, хотя тот и заслужил виселицу. Быть причиной смерти кого-либо другого, хотя этого требует правосудие, — мысль об этом пугает большинство людей, когда им нужно вынести суждение или принять решение, особенно если они совестливы и честны; поскольку в этом заключается причина того, что тысячи людей, которые заслуживают смертной казни, спасаются от нее, постольку в равной мере это является и причиной того, что есть много преступников, которые смело пускаются в свои «предприятия» в надежде, что, если их схватят, им так же повезет и они сумеют вывернуться.

Но если бы люди действительно представляли себе и не имели ни малейшего основания сомневаться в том, что, если бы они совершили преступление, за которое заслуживают повешения, их безусловно повесили бы, то казни были бы очень редки и самый отчаянный негодяй почти наверняка скорее бы сам повесился, чем забрался бы в чужой дом. Вор редко глуп и невежествен. Разбой на большой дороге и другие смелые преступления обычно совершаются мошенниками, обладающими смелым духом и изобретательностью, а негодяи, пользуясь какой-нибудь известностью, обычно хитроумные, ловкие люди, хорошо знающие способы ведения судебного процесса и знакомые с каждой зацепкой в законе, которая может им пригодиться; они не пропустят ни одной мельчайшей ошибки в обвинительном заключении и знают, как воспользоваться малейшим промахом свидетеля и всем остальным, что может послужить для того, чтобы они спаслись.

Великолепно сказано: лучше освободить пятьсот виновных, чем заставить пострадать одного невинного. Это изречение верно только в отношении будущего и только в отношении иного мира, но в отношении благосостояния общества в этом мире оно абсолютно неправильно. Ужасно, если человека предают смерти за преступление, в котором он не виновен; однако в бесконечном разнообразии случаев может возникнуть такое странное стечение обстоятельств, что это может произойти, несмотря на всю мудрость судей и добросовестность присяжных. Но если бы люди стремились избежать этого со всей тщательностью и предусмотрительностью, на которую только способно человеческое благоразумие, то, даже если бы и случалось такое несчастье — возможно, один или два раза за де-

сять лет при условии, что все это время правосудие совершается со всею строгостью и суровостью и ни один виновный не избежал наказания, — все же это принесло бы огромную пользу стране не только в том отношении, что обеспечило бы сохранность имущества каждого и мир во всем обществе в целом; но и в том, что в равной мере спасло бы жизни сотен, если не тысяч нуждающихся несчастных, которых каждый день вешают за пустяки и которые никогда бы не нарушили закона или по крайней мере не совершали бы таких преступлений, за которые следует смертная казнь, если бы надежда спастись от наказания, в случае если их поймают, не была бы одним из мотивов, который воодушевляет их решимость. Поэтому там, где законы просты и суровы, всякие послабления при их выполнении, мягкость присяжных и частые помилования в основном представляют собой гораздо большую жестокость по отношению к густонаселенному государству или королевству, чем применение дыбы и самых изощренных пыток.

Еще одну серьезную причину этих зол следует искать в отсутствии предосторожности у тех, кого грабят, и в том, что слишком много искушений подстерегает людей из-за тех возможностей для грабежа, которые им предоставляются. Многие семьи очень нерадивы в обеспечении безопасности своих домов: некоторые дома подвергаются ограблению из-за небрежности слуги, другие из-за того, что поскупились потратиться на засовы и ставни. Медные и оловянные вещи — это чистые деньги, они разбросаны по всему дому; возможно, столовое серебро и деньги хранятся лучше, но обычный замок открывается легко, если мошенник уже проник в дом.

Итак, очевидно, что в данном деле совместно влияет много разных причин и что несколько зол, которых едва ли можно избежать, виновны в том несчастье, что во всех странах крупные города и их окрестности, а особенно огромные и чрезмерно разросшиеся города, всегда кишели и всегда будут в большей или меньшей степени кишеть жуликами, ворами и грабителями. Вора создает возможность воровать; небрежность и беззаботность при запирании дверей и окон, чрезмерная мягкость присяжных и обвинителей, легкость замены смертного приговора и частые помилования, но прежде всего многочисленные примеры тех, кто, как всем известно, виновен, но, не имея ни друзей, ни денег, все же, про-

изводя впечатление на присяжных, сбивая с толку свидетелей и прибегая к другим хитростям и уловкам, находит средство избежать виселицы, — все это сильные искушения, которые, совместно влияя, привлекают нуждающихся людей, лишенных принципов и образования.

К ним можно добавить в качестве дополнительных мотивов, влекущих ко злу, привычку к лени и праздности и сильное отвращение к труду и прилежанию, которые приобретают все молодые люди, не приученные к честному простому труду или по крайней мере не занятые им большую часть дней недели и большую часть дня. Когда встречаются болтающиеся без дела дети обоого пола, то все они, даже самые лучшие, являются друг для друга плохой компанией.

Поэтому не неумение читать и писать, а совместное воздействие и переплетение более существенных зол является постоянным питомником отчаянных распутников в больших и богатых странах; и тот, кто обвинит невежество, глупость и трусливую подлость в том, что они являются первой и, как выражаются врачи, предрасполагающей причиной преступности, пусть посмотрит на жизнь и внимательно изучит разговоры и поступки обыкновенных мошенников и уголовных преступников, и он обнаружит, что справедливо прямо противоположное и что вину скорее надо возложить на чрезмерную хитрость и тонкость и вообще на слишком большие знания, которыми обладают самые худшие злодеи и подонки общества.

Человеческая природа всюду одинакова: гений, ум и природные способности всегда оттачиваются в работе и могут быть в такой же мере развиты при совершении самого низкого злодейства, как и при проявлении трудолюбия или самой героической добродетели. Нет такого занятия в жизни, где нельзя было бы проявить гордость, дух соперничества и любовь к славе. Молодому карманнику, который делает шута из своего сердитого обвинителя и ловко обхаживает старого судью, убедив его в своей невинности, завидуют его сотоварищи, им восхищается все братство. У негодяев такие же аффекты, которые они должны удовлетворять, как и у других людей; они так же ценят себя за свою честь и верность друг другу, за свое мужество, бесстрашие и другие мужественные добродетели, как и люди других, более благородных занятий; и во время дерзких предприятий ре-

инность разбойника может в такой же мере быть поддержана его гордостью, в какой она поддерживает честного солдата, сражающегося за свою родину.

Следовательно, то зло, на которое мы жалуемся, происходит из совершенно иных причин, чем те, которые мы ему приписываем. Должно быть, люди очень сильно колеблются в своих мнениях (чтобы не сказать, что они абсолютно непоследовательны в них), ибо в один момент они утверждают, что знания и учение являются самыми подходящими средствами для распространения религии, а в другой — защищают мнение о том, что невежество является матерью веры.

Но если причины, выдвигавшиеся в обоснование этого всеобщего обучения, не являются истинными, откуда же пошло то, что целое королевство и великие и малые в нем так единодушно его любят? Среди нас не наблюдается никакого чудесного обращения, никакой всеобщей склонности к добру и нравственности, которая вдруг распространилась по всему острову: порочности так же много, милосердие так же холодно, а истинная добродетель так же редка, как и всегда. Год тысяча семьсот двадцатый был так же щедр на черное злодейство и примечательны корыстными преступлениями и предумышленными злодеяниями, как и любой другой, который можно было бы выбрать в любом столетии, преступлениями, совершенными не бедными невежественными мошенниками, которые не умели ни читать, ни писать, но людьми более высокого полета, которые обладали и богатством, и образованностью, а большая часть их великолепно владела арифметикой, жила в блеске и пользовалась хорошей репутацией. Сказать, что раз вещь стала модной, то большинство следует общему мнению, что школы для бедных детей вошли в моду таким же образом, как нижние юбки на фижмах по прихоти людей, и что никаких других причин нельзя выдвинуть для объяснения как первого, так и второго, боюсь, будет недостаточно для любознательных людей; и в то же время я сомневаюсь, чтобы многие мои читатели сочли действительно весомым то, что я могу сверх этого привести в объяснение рассматриваемого нами явления.

Истинный источник этого пынешнего безумства, несомненно, очень труден для понимания и скрыт от зрения, но тот, кто проливает хоть немного света на вопросы, совершенно скрытые во мраке неизвестности, ока-

зывает добрую услугу исследователям. Я готов допустить, что первоначальная цель этих школ была хорошей и благотворительной, но для того, чтобы узнать, что способствует их столь чрезвычайному распространению и кто их сейчас главным образом насаждает, мы должны переменить направление своих поисков и обратиться к непреклонным сторонникам [религиозных] партий, ревностно отстаивающим свое дело, либо епископство, либо пресвитерианство; но, так как последние являются всего лишь слабым подражанием первым, хотя и в такой же мере вредными, мы ограничимся англиканской церковью и рассмотрим один приход, который еще не осчастливлен школой для бедных детей. Но здесь я почитаю себя обязанным по совести просить прощения у читателя за тот утомительный танец, в котором я собираюсь вести его, если он намерен мне следовать, и поэтому я хочу, чтобы он либо отшвырнул книгу и оставил меня, либо вооружился терпением Иова, чтобы вынести все низости грубой жизни, ханжество и сплетни, с которыми он, вероятно, встретится прежде, чем пройдет половину улицы.

Прежде всего мы должны посмотреть на молодых лавочников, у которых дела вполовину меньше, чем они сами желали бы, и, следовательно, есть свободное время. Если у такого новичка гордости немного больше обычного и если он любит во все вмешиваться, то вскоре испытывает унижение в собрании налогоплательщиков прихода, где обычно наибольшим влиянием пользуются люди состоятельные и долго живущие в приходе или же бойкие на язык, развязные самоуверенные крикуны, которые добились звания выдающихся людей. Его капитал и, возможно, кредит весьма незначительны, но он чувствует внутри себя сильное желание командовать. По мнению человека, обладающего такими качествами, очень и очень печально, что в приходе нет школы для бедных детей. Он сначала делится своими мыслями с двумя-тремя знакомыми; те делают то же самое, и через месяц в приходе уже ни о чем другом не говорят. Все изобретают трактаты и аргументы в пользу задуманного дела в соответствии со своими способностями. Один говорит: невыразимо стыдно видеть столь много бедных, которые не в состоянии дать образование своим детям и для которых ничего не делается, хотя у нас так много богатых людей. — Что говорить о богатых, — отвечает другой, — они хуже всех: у них должно быть много слуг, карет и лошадей. Они мо-

гут выложить сотни, а некоторые из них и тысячи фунтов на драгоценности и мебель, но не найдут и шиллинга для бедного создания, которому он очень нужен. Когда говорят о модах и новинках, они могут слушать с большим вниманием, но преднамеренно глухи к воплям бедняков. — Действительно, сосед, — отвечает первый, — вы абсолютно правы. Я думаю, что в отношении благотворительности наш приход самый плохой в Англии. Такие, как вы и я, делали бы добро, если бы это было в нашей власти, но из тех, кто может делать добро, очень мало таких, кто хочет.

Другие, более решительные, нападают на конкретных лиц и клеветуют на всех состоятельных людей, которые им не нравятся, и тысячи праздных историй придумываются и распространяются во имя благотворительности, чтобы опорочить тех, кто стоит выше их. Пока все это делается в округе, тот, кто первый высказал эту благочестивую мысль, радуется, слыша, как много людей ее разделяют, и приписывает себе немаловажное значение в связи с тем, что он был первой причиной, вызвавшей столько разговоров и суеты. Но так как ни он сам, ни его ближайšie сторонники не имеют достаточно средств, чтобы поставить такое дело на ноги, надо пайти когонибудь, кто пользуется большим влиянием; к нему нужно обратиться и показать необходимость, добродетельность, полезность и христианскую благочестивость подобного замысла, а затем ему надо польстить. — Действительно, сэр, если бы вы поддержали это: никто, кроме вас, не имеет большего влияния на самых видных жителей прихода; одно ваше слово, я уверен, привлечет и такого-то; если только вы примете это близко к сердцу, сэр, я буду считать, что дело сделано, сэр. — Если такого рода риторикой они могут привлечь какого-либо старого дурака или тщеславного хлыща, любящего вмешиваться в чужие дела и богатого или по крайней мере считающегося богатым, тогда дело начинает приобретать серьезный оборот и его обсуждают люди более состоятельные. Приходский священник или его помощник и проповедник всюду превозносят благочестивый замысел. Тем временем инициаторы его неутомимы: если они были виновны в каком-либо открытом пороке, они либо жертвуют им из любви к репутации, либо по крайней мере становятся более осторожными и учатся играть роль лицемера, хорошо зная, что совершать преступления или прославиться гнусно-

стями несовместимо с тем рвеннем, с которым они якобы относятся к трудам, требующим не только выполнения долга, но и его превышения, а также чрезвычайного благочестия.

Когда число этих маленьких патриотов увеличивается, они образуют общество и назначают регулярные собрания, где каждый, скрывая свои пороки, волен проявить свои таланты. Темой собраний является религия или же несчастья нашего времени, вызванные атеизмом и богохульством. Люди достойные, живущие в пышности, и люди процветающие, у которых много своих дел, редко появляются среди них. Люди разумные и образованные, если им нечего делать, тоже обычно ищут более приятных развлечений. Всем тем, у кого более высокие цели, легко прощают их отсутствие на этих собраниях, но вносить деньги они все равно должны, иначе их жизнь в приходе будет тоскливой. Добровольно приходят люди двух сортов — стойкие церковники, у которых есть для этого свои собственные, личные причины, и лицемерные грешники, которые считают задуманное дело похвальным и надеются, что оно искупит их вину и тем самым они, понеся небольшие расходы, откупятся от сатаны. Некоторые приходят для того, чтобы спасти свой кредит, другие — чтобы восстановить его, в зависимости от того, потеряли они его или боятся потерять; третьи благоразумно делают это для того, чтобы увеличить свою торговлю и приобрести знакомых, и многие признались бы вам, если бы осмелились быть откровенными и говорить правду, что они никогда бы не беспокоились об этом, если бы не хотели, чтобы их лучше знали в приходе. Разумных людей, которые видят всю глупость этого дела и никого не боятся, убеждают присоединиться к нему, чтобы их не считали чужаками или чтобы они не шли против всего остального мира; можно ставить десять против одного, что даже тех, кто сначала решительно отвергал все это дело, в конце концов, всячески досаждая им назойливыми просьбами, склонили к согласию. Поскольку стоимость содержания школы раскладывается на большинство жителей прихода, незначительность финансового бремени является еще одним доводом, который во многом достигает цели, и многие из тех, кто в противном случае воздержался бы от участия в этом деле и энергично выступил бы против всего плана, привлечены в качестве пожертвователей.

Попечители выбираются из людей среднего достатка, привлекаются и многие стоящие даже ниже их, если только сила их рвения перевешивает скромность их положения. Если спросить этих достойных правителей, либо каждого в отдельности, либо всех вместе, почему они принимают на себя такие огромные заботы в ущерб своим собственным делам и своему свободному времени, они все единодушно ответят, что причина этого — их уважение к религии и церкви, наслаждение, которое они получают, делая добро, и забота о вечном блаженстве столь многих бедных невинных малюток, которые вероятнее всего умерли бы без покаяния и были бы прокляты в наше время безбожников и вольнодумцев. Они совсем не думают о выгоде; даже те, кто торгует предметами, в которых нуждаются дети, и продает их им, не имеют ни малейшего намерения получить прибыль от этой торговли, и хотя во всем остальном их скупость и жадность к барышу прямо-таки откровенно бросаются в глаза, в этом деле они полностью свободны от соображений выгоды и не преследуют никаких корыстных целей. Один побудительный мотив, который у большинства их занимает отнюдь не последнее место, должен быть более всего тщательно спрятан — я имею в виду то удовлетворение, которое заключается в отдаче приказов и распоряжений. В слове «попечитель» есть нечто мелодичное, что очаровывает низких людей. Все испытывают восторг от своего влияния и превосходства, даже в *Imperium in Belluas*¹ есть свое наслаждение, получают удовольствие от сознания власти над кем-либо, и именно это поддерживает человеческую природу в утомительном, рабском труде школьного учителя. Но если есть хотя бы некоторое удовлетворение в командовании детьми, командование самим школьным учителем должно просто приводить в восторг. Какие прекрасные вещи высказываются и, возможно, даже пишутся попечителю, когда необходимо избрать школьного учителя! Как приятно щекочат похвалы и какое удовольствие не замечать грубости лести, натянутости выражений и недантичности стиля!

Те, кто умеет исследовать природу, всегда обнаружат, что то, что эти люди более всего стремятся выставить напоказ, является наиболее слабым, а то, что они полностью отрицают, — наиболее сильным их побудительным мотивом. Нет другой такой привычки или качества, которые легче приобретаются, чем лицемерие, и нет ничего

легче, чем научиться отрицать наклонности нашего сердца и то начало, исходя из которого мы совершаем поступки. Но семена каждого аффекта у нас являются врожденными, и никто не приходит в этот мир без них. Если мы понаблюдаем за времяпрепровождением и развлечениями маленьких детей, то увидим, что у всех тех из них, кому это позволено делать, есть одна общая черта: они испытывают восторг от игры с котятками и маленькими щенками. То, что заставляет их постоянно волочить и таскать эти бедные создания по всему дому, основано только на том, что они могут делать с ними все что угодно и придавать им любую позу или форму, какую только пожелают, и то удовольствие, которое они от этого получают, происходит в основе своей из любви к власти и той узурпаторской склонности, с которыми рождаются все люди.

Когда эта великая работа выполнена и дело действительно сделано, радость и просветление, кажется, выступают на лицах всех обитателей прихода, а чтобы объяснить и это явление, мне пужно сделать краткое отступление. Повсюду есть жалкие, несчастные людишки, которых обычно видят вечно оборванными и грязными. На этих людей мы вообще смотрим как на несчастные создания, и, если только они не выделяются чем-либо очень примечательным, мы их мало замечаем, хотя среди них, так же как и среди тех, кто выше их по положению, встречаются красивые и хорошо сложенные люди. Но если один из них становится солдатом, какое огромное изменение в лучшую сторону мы наблюдаем у него, как только он наденет свой красный мундир, и мы видим, что он выглядит щеголеватым в своем гренадерском кивере и с длинным боевым палашиом! Всем, кто знал его раньше, приходят в голову совсем иные представления о его достоинствах, и то мнение о нем, которое возникает в умах мужчин и женщин, очень отличается от того, которое было раньше. Примерно такие же мысли возникают при виде детей, пользующихся благотворительностью прихода; в единообразии заключена естественная красота, которой восторгается большинство людей. Вид детей, выстроенных по росту, мальчиков или девочек, идущих по двое в строгом порядке, доставляет радость глазам; а если все они одеты в одинаковые одежды, с одинаковой отделкой, то это должно еще более увеличить приятность зрелища; а еще более приятным для всех его делает то воображае-

мое участие, которое в этом деле имеют даже слуги и самые жалкие в приходе люди, которым это ничего не стоит: наша приходская церковь, наши приходские дети. Во всем этом есть некое подобие чувства собственности, которое доставляет удовольствие каждому, кто имеет право употреблять эти слова, но особенно тем, кто действительно вносит деньги и сыграл большую роль в осуществлении благочестивого предприятия.

Трудно предположить, чтобы люди так мало знали свое собственное сердце и были настолько неосведомлены о своем внутреннем состоянии, чтобы ошибочно принимали моральную неустойчивость, аффект и слепое рвение за доброту, добродетель и милосердие; и все же нет более справедливого утверждения, чем то, что удовлетворение, радость и восторги, которые они испытывают в связи с теми причинами, которые я выше упомянул, у этих несчастных судей сходят за начала набожности и религиозности. Тот, кто дает себе труд изучить то, что я сказал на последних двух-трех страницах, и позволит своему воображению еще немного поработать над тем, что он видел и слышал на эту тему, обнаружит достаточно причин, не связанных с любовью к богу и истинным христианским духом, почему школы для бедных детей вошли в такую необычную моду и так единодушно одобряются людьми всякого рода и положения и приводят их в восторг. Это такая тема, на которую все умеют говорить и которую все отлично понимают; нет более неистощимого источника для болтовни и самых разнообразных вульгарных разговоров на пассажирских судах и почтовых дилижансах. Если какой-либо попечитель, положивший несколько больше, чем обычно, усилий для оказания помощи школе или проведения воскресной проповеди, окажется в каком-либо обществе, как его прославляют женщины и как его рвение и склонность к милосердию превозносятся до небес! — Честное слово, сэр, — говорит одна старая леди, — мы все вам очень, очень благодарны, я думаю, что никто бы другой из попечителей не заинтересовался настолько, чтобы добиться приезда к нам епископа; мне сказали, что его преподобие приехал именно благодаря вам, хотя он не совсем здоров. — На что другая отвечает очень серьезно, что это его долг, но что он не считается ни с беспокойством, ни с усталостью, если только может принести пользу детям, этим бедным агнцам. Но по его словам, он обязательно хотел иметь пару

батистовых рукавов, хотя для этого ему пришлось весь вечер проездить за ними, и он очень рад, что незадаром.

Иногда говорят о самой школе и о том, на кого более всего в приходе возлагают надежду относительно постройки нового здания для школы: старое помещение, в котором она сейчас размещается, вот-вот развалится; такой-то получил в наследство от своего дядюшки огромное состояние, к тому же у него очень много денег, для него выложить тысячу фунтов — все равно, что ничего.

Другие разговаривают о тех огромных толпах, которые можно видеть в некоторых церквах, и значительных суммах денег, которые в них собираются; отсюда они очень легко переходят к способностям, различным талантам и ортодоксальности священников. Доктор Х. — человек больших способностей и учености, и я полагаю, что он искренне предан церкви, но я не хотела бы, чтобы он читал проповеди по воскресеньям с благотворительными целями. — В мире нет человека лучше У., он прямо-таки извлекает у них деньги из карманов. Я уверена, что, когда он в последний раз читал проповедь в пользу наших приходских детей, было много людей, которые дали больше, чем намеревались перед приходом в церковь. Я могла это видеть по их лицам и искренне радовалась.

Еще одно очарование, которое делает школы для бедных детей столь привлекательными и околдовывает большинство людей, состоит в установившемся среди них мнении, что эти школы не только сейчас полезны обществу в смысле мирского счастья, но что равным образом дух христианства им радуется и требует от нас, чтобы мы возводили их для нашего будущего блаженства. Их серьезно и горячо рекомендуют все без исключения священнослужители, и в отношении их затрачено больше труда и красноречия, чем в отношении любого другого христианского долга, и притом не молодыми священниками или плохими учеными, не пользующимися доверием, а самыми учеными из наших прелатов и самыми прославленными своей ортодоксальностью, даже теми, кто не часто утомляет себя в каких-либо иных случаях. Что касается религии, то нет сомнения в том, что они знают, что от нас главным образом требуется и, следовательно, что более всего необходимо для нашего спасения; а что касается мирских дел, кто должен лучше понимать интересы королевства, чем парламент, воплощение мудрости страны, в котором епископы — члены па-

латы лордов составляют столь значительную группу? Последствие этой поддержки со стороны духовенства состоит, во-первых, в том, что те, кто либо своим кошельком, либо своей властью способствует росту или сохранению этих школ, испытывают искушение видеть бóльшую заслугу в том, что они делают, в противоположном же случае они могли бы предполагать, что это дело такой поддержки не заслуживает. Во-вторых, у всех остальных, кто либо не может, либо не хочет каким-либо образом вносить деньги на их содержание, все же есть очень хорошая причина, почему они должны благоприятно о них отзываться; ибо, хотя в вопросах, затрагивающих наши аффекты, трудно хорошо поступать, высказывать благие пожелания всегда в нашей власти, потому что это ничего не стоит. Среди суеверного простонародья едва ли найдется хоть один настолько порочный человек, который, испытывая любовь к школе для бедных детей, не видел бы в ней проблеск надежды на то, что она искупит его грехи; он исходит при этом из того же принципа, на основании которого самые порочные люди утешают себя любовью и благоговением, которые они испытывают по отношению к церкви, и самые великие распутники находят в этом возможность показать высокую нравственность своих наклонностей, не неся никаких расходов.

Но если всех этих побудительных мотивов недостаточно, чтобы принудить людей выступить в защиту того идола, о котором я говорю, есть еще один, который бесспорно подкупит большинство людей на то, чтобы стать его сторонниками. Мы все от природы любим триумф, а тот, кто выступит в защиту этого дела, безусловно, одержит победу, по крайней мере в девяти кампаниях из десяти. Пусть он спорит с кем угодно; если принять во внимание благовидность предлога и то, что большинство будет на его стороне, это — замо́к, неприступная крепость, из которой его никогда нельзя выбить; и пусть самый рассудительный, добродетельный человек, живущий на земле, приведет все аргументы, доказывающие вред, который школы для бедных детей, или по крайней мере чрезмерно большое число их, наносят обществу, и даже выскажет еще более убедительные доводы, выступая против самого большого негодяя в мире, который только должен использовать обычные ходячие фразы о благотворительности и религии, мода будет против первого, и он

сам проиграет свое дело, по мнению людей непросвещенных.

Следовательно, возникновение и развитие всего шума и крика, который производится во всем королевстве по поводу школ для бедных детей, построено главным образом на человеческих слабостях и аффектах; по крайней мере более чем возможно, что какая-либо страна может испытывать такую же любовь и проявлять такое же рвение в отношении их, какие проявлены в Англии, но ее не натолкнут на это какие-либо принципы добродетели или религии. Воодушевленный этим соображением, я с большей свободой стану нападать на эту грубую ошибку и попытаюсь показать, что это насильно навязываемое образование не только не полезно обществу, а, наоборот, наносит ему вред, а так как его благосостояние требует от нас, чтобы забота о нем стояла выше всех остальных законов и соображений, то это и будет единственным извинением, которое я намерен принести за то, что мое мнение отличается от того, которое выражают ныне наши ученые и преподобные духовные лица, и что я осмеливаюсь открыто опровергать то, что, как я сам только что признал, открыто утверждают большинство наших епископов, а также низшее духовенство. Так как наша церковь не претендует на непогрешимость даже в делах духовных, т. е. в своей собственной сфере, то для нее не будет оскорблением представить себе, что она может ошибаться в делах мирских, которые не столь непосредственно входят в область ее забот. Но приступим к нашей задаче.

Поскольку вся земля проклята и хлеб, который мы едим, мы должны добывать в поте лица своего, много труда нужно приложить, прежде чем человек может обеспечить себя всем необходимым для своего существования и простого сохранения своей подверженной порче и несовершенной природы, когда он живет отдельно; но бесконечно больше требуется труда для того, чтобы сделать жизнь удобной в цивилизованном обществе, где люди стали обученными животными и большое число их по взаимному согласию объединилось в государство; и, чем больше увеличиваются знания людей в этом государстве, тем больше будет разнообразие труда, требуемого для того, чтобы доставить человеку покой. Общество не может долго существовать и позволять многим своим членам жить в праздности и наслаждаться всем покоем

и удовольствием, какие они могут изобрести, если одновременно не будет огромного количества людей, которые, чтобы возместить этот недостаток, снизойдут до того, чтобы стать их прямой противоположностью, и благодаря практике и терпению приучат свои тела работать за других и, кроме того, за самих себя.

Изобилие и дешевизна провизии зависят в значительной мере от цены и стоимости, которая устанавливается на этот труд, и, следовательно, благосостояние всех обществ требует еще до того, как они заражены заграничной роскошью, чтобы труд выполнялся такими членами общества, которые, во-первых, здоровы и крепки и совершенно непривычны к покою и безделью, а во-вторых, легко удовлетворяют свои жизненные потребности; такими, которые рады примириться с самой грубой тканью во всем, что они носят, а в своей еде не имеют никакой иной цели, кроме как насытить свое тело, когда желудок подсказывает им, что пора есть; мало обращая внимания на вкус или изысканность, они, когда голодны, не отказываются от здоровой пищи, которая может быть проглочена, и просят чего-нибудь вышить только тогда, когда надо утолить жажду.

Поскольку большую часть тяжелого, нудного труда нужно выполнять днем, они фактически только этим и измеряют свое рабочее время, не думая ни о том, сколько часов они заняты, ни об усталости, которую они ощущают; и наемный рабочий в сельской местности должен вставать утром не потому, что он хорошо отдохнул, а потому, что собирается взойти солнце. Одно это последнее обстоятельство было бы непереносимой трудностью для взрослых людей, которым еще нет тридцати и которые за годы несовершеннолетия привыкли спать столько, сколько им хочется; но все эти три обстоятельства, взятые вместе, создают такие условия жизни, которые вряд ли изберет человек, получивший более тонкое воспитание, хотя они и избавят его от тюрьмы или сварливой жены.

Если такие люди нужны, поскольку ни одна большая страна не может быть счастлива, не имея огромного числа их, то разве не будет мудрый законодатель со всей возможной тщательностью заботиться о такого рода людях и принимать меры к тому, чтобы их было так же достаточно, как и самой провизии? Ни один человек, если бы мог, не был бы бедным и не утруждал себя добыванием

средств к существованию. Неизбежная потребность в еде и питье, а в холодном климате — и в одежде и жилище, которую все испытывают, заставляет их подчиняться тому, с чем они могут примириться. Если бы никто не нуждался, никто бы не работал; но самые суровые лишения считаются сплошным удовольствием, если они спасают человека от голода.

Из того, что было сказано, совершенно очевидно следует, что в свободной стране, где рабство запрещено, самым надежным богатством является огромное число трудолюбивых бедняков, ибо, не говоря уже о том, что они являются никогда не иссякающим источником живой силы для армий и флотов, без них не может быть никакого наслаждения и никакой продукт ни одной страны не может быть сделан ценным. Чтобы сделать общество счастливым, а людей довольными в самых жалких обстоятельствах, необходимо, чтобы огромное число их было невежественным, а также бедным. Знание увеличивает наши желания и умножает их число, и, чем меньше желаний у человека, тем легче удовлетворить его самые неотложные потребности².

Поэтому благосостояние и счастье каждого государства и королевства требуют, чтобы знания трудящихся бедняков ограничивались кругом их занятий и никогда не выходили (относительно видимых вещей) за пределы того, что относится к их работе. Чем больше пастих, пахарь или любой другой крестьянин знает о мире и о вещах, чуждых его труду или занятиям, тем менее он будет способен переносить с жизнерадостностью и довольством те трудности и лишения, которые связаны с его работой.

Чтение, письмо, арифметика совершенно необходимы тем, чье дело требует таких знаний, но там, где обеспечение жизни людей не зависит от этих искусств, они пагубны для бедных, которые должны добывать свой хлеб насущный каждодневным трудом. Очень немногие дети добиваются успеха в школе, но в то же время они в состоянии заняться тем или иным делом, так что каждый час, который дети бедняков проводят за книгой, является для общества бессмысленной потерей времени. Посещение школы по сравнению с работой — безделье, и, чем дольше подростки ведут такой легкой образ жизни, тем менее они будут приспособлены к физическому труду как в смысле грубой силы, так и в смысле склон-

ности к нему, когда вырастут. Чем скорее люди, которые должны до конца дней своих вести тяжелую, утомительную и изнуряющую, полную трудов жизнь, начнут ее, тем с большим терпением они впоследствии навсегда с ней примирятся. Каторжный труд и самая грубая пища — это подходящее наказание для некоторых видов преступников, но навязывать их тем, кто к ним не привычен и не приучен воспитанием, — значит проявлять величайшую жестокость там, где вы не можете обвинить их ни в одном преступлении.

Научиться читать и писать нельзя, не приложив некоторых усилий, не напрягая ума и не проявив усердия, и, прежде чем люди становятся более или менее сведущи и в том и в другом, они ценят себя бесконечно выше тех, кто совершенно этого не умеет, и часто при этом проявляют так мало справедливости и умеренности, как будто они принадлежат к другому роду. Поскольку все смертные от природы испытывают отвращение к тому, чтобы беспокоиться и проявлять старание, то все мы любим и склонны переоценивать те качества, которые мы приобрели ценой нескольких лет своего покоя и довольства. Те, кто значительную часть своей юности тратит на то, чтобы научиться читать, писать и считать, ожидают — и не без оснований — получить такую работу, где эти знания могут им пригодиться; большинство их смотрит с совершеннейшим презрением на физический труд, я имею в виду труд, выполняемый на службе у других, означающий самое низкое положение в обществе и приносящий самое ничтожное вознаграждение. Человек, получивший некоторое образование, может по своему выбору заняться сельским хозяйством и проявлять усердие в самой грязной и самой тяжелой работе; но в таком случае это все его собственные заботы, и скудость, забота о семье или какой-либо иной побудительный мотив необходимо должны наставить его на этот путь, но из него не получится хорошего батрака и он не будет служить фермеру за ничтожную плату, но крайней мере он не так к этому приспособлен, как поденщик, который всегда с плугом и телегой для вывоза навоза и не помнит, чтобы он когда-либо жил по-иному.

Когда требуется полное послушание и выполнение грязной работы, мы всегда обнаруживаем, что наиболее охотно и прилежно она выполняется тогда, когда ее делают люди, стоящие ниже тех, кому они служат; я имею

в виду, что они стоят ниже не только в отношении богатства и знатности, но и в равной мере в отношении знания и ума. Слуга не может испытывать непритворного уважения к своему хозяину, если он достаточно умен, чтобы понять, что прислуживает дураку. Когда мы учимся или повинемся, мы на своем собственном опыте узнаем, что, чем более высокого мнения мы о мудрости и способностях тех, кто либо учит нас, либо командует нами, тем большее уважение мы испытываем к их законам и наставлениям. Ни одно существо не подчиняется с охотой равным себе, и, если бы лошадь знала столько, сколько человек, я бы не хотел быть ее седоком.

Здесь я снова обязан сделать отступление, хотя и заявляю, что никогда не был менее склонен к этому, чем в данный момент; но я вижу тысячу розог, вымоченных в моче, и целую армию маленьких педантов, выступивших против меня за то, что я нападаю на азбуку и выступаю против самих основ литературы.

Это не панический страх, и читатель пусть не думает, что мои опасения ни на чем не основаны, а примет во внимание, с какой армией мелких тиранов мне приходится иметь дело, — они все либо действительно преследуют меня с розгой, либо требуют такой привилегии. Ибо даже если бы во всем королевстве Великобритании у меня не было других противников, кроме несчастных голодающих представителей обоюбого пола, которые из природного отвращения к труду испытывают сильную неприязнь к своему нынешнему занятию и, ощущая внутри гораздо более сильную склонность командовать, чем подчиняться другим, полагают, что они имеют необходимые качества и ото всей души желают стать учителями и учительницами школ для бедных детей, то и тогда, по самым скромным подсчетам, число моих врагов будет составлять по крайней мере сто тысяч [человек].

Мне кажется, что я слышу, как они кричат, что никогда не выдвигалось более опасной доктрины и что папизм ничто по сравнению с ней, и спрашивают, какой это варвар-сарацин обнажил свое уродливое оружие для уничтожения просвещения. Ставлю десять против одного, что они обвинят меня в том, что я, подстрекаемый князем тьмы, пытаюсь распространить в наших краях больше невежества и варварства, чем те, в которые была когда-то ввергнута страна готами и вандалами, с того времени, когда впервые в мире появился свет Евангелия.

Тот, кто навлек на себя недовольство общества, всегда обвиняется в преступлениях, которые он никогда не совершал; и, возможно, будет высказано подозрение, что я приложил руку к уничтожению Священного писания, или же будут утверждать, что именно по моей просьбе те маленького формата библии, которые были напечатаны по особому разрешению в 1721 году и использовались главным образом в школах для бедных детей, из-за плохой печати и бумаги были сделаны абсолютно неудобочитаемы; однако же я категорически заявляю, что я в этом так же невинен, как ребенок, еще находящийся в чреве матери. Но я охвачен тысячью страхов; чем больше я изучаю свое дело, тем меньше оно мне нравится, и самым большим утешением для меня является моя искренняя вера в то, что едва ли кто-нибудь обратит внимание на одно слово из того, что я говорю; в противном случае, если бы люди заподозрили, что то, что я пишу, будет иметь какой-либо вес в глазах некоторой значительной части общества, у меня бы просто не хватило мужества подумать обо всех промышленниках и торговцах, которым я досадил; и я не мог бы не улыбаться, размышляя о том разнообразии необычных мучений, которые приготовлены для меня, если бы разные наказания, которым они каждый по-своему подвергли бы меня, должны были символически указывать на мои преступления. Ибо если бы в меня вдруг не вонзили по самую рукоятку ставшие бесполезными перочинные ножи, тогда компания ставшие бесполезными перочинные ножи, тогда компания книготорговцев, безусловно, взялась бы за меня, и они либо заживо похоронили бы меня в своей гильдине под огромной грудой букварей и сборников упражнений по правописанию, которые они не могли бы продать, либо послали бы меня против течения, чтобы меня до смерти забили на бумажной фабрике, которая из-за меня вынуждена простаивать неделю. Изготовители чернил в то же время предложили бы во имя блага общества задушить меня вяжущими средствами или же утопить меня в той черной жидкости, которая останется у них на руках, что может быть легко осуществлено менее чем за месяц, если они объединят свои запасы; а если мне удастся избежать жестокости этих объединенных компаний, негодование частного монополиста будет для меня столь же роковым, и вскоре я обнаружу, что меня забрасывают и бьют по голове маленькими толстенькими библиями, украшенными медными застежками, ко-

торые после прекращения благотворительного обучения будут годиться только для того, чтобы, не раскрывая, драть-ся ими, т. е. для исполнения полемических упражнений.

Отступление, только что сделанное мною, является не глупым пустяком, закончившимся вместе с последним параграфом и, по мнению серьезного критика, для которого веселье всегда не вовремя, весьма неуместным, а серьезным извинением, которое я собираюсь немедленно принести, чтобы очистить себя от каких-либо подозрений в том, что я питаю какие-то замыслы, направленные против искусства и наук, как этого могли бы опасаться некоторые главы колледжей и другие бдительные хранители человеческих знаний, видя, что невежество рекомендуется как необходимая составная часть той смеси, каковой является цивилизованное общество.

Прежде всего я бы почти удвоил число профессоров в каждом университете против того, что они имеют сейчас. Теология у нас, как правило, хорошо обеспечена, но два других факультета мало чем могут похвастаться, особенно медицина. Каждая отрасль этого искусства должна иметь двух или трех профессоров, которые стремились бы к тому, чтобы передать свое умение и знания другим. Тщеславный ум имеет больше возможностей, чтобы выигрывать показать свои способности в публичных лекциях, но для студентов более полезны частные наставления. Фармация и знание лекарственных трав так же необходимы, как анатомия или история болезней. Позор, что после того, как люди получили степень и им властями доверены жизни подданных, они вынуждены приезжать в Лондон, чтобы ознакомиться с *Materia Medica*³ и с составлением лекарств и получить указания от других, которые сами никогда не имели университетского образования. В городе, который я назвал, безусловно, имеется в десять раз больше возможностей для человека усовершенствоваться в анатомии, ботанике, фармации и практической медицине, чем в обоих университетах, вместе взятых. Какое отношение имеет керосиновая лавка к шелкам? Или кто будет искать ветчину и шкунли в лавке торговца шелком и бархатом? Там, где заведен правильный порядок, больницы так же служат совершенствованию студентов в искусстве врачевания, как и восстановлению здоровья бедняков.

В постановке образования люди должны руководствоваться здравым смыслом так же, как и в торговле: никто

не отдает своего сына в ученики ювелиру, если хочет сделать его торговцем льняными товарами; тогда зачем же ему иметь в качестве наставника богослова, если он хочет стать адвокатом или врачом? Правда, языки, логика и философия должны быть первыми изучены при обучении любой ученой профессии; но в наших университетах, хотя они так богаты и в них так много бездельников, которым хорошо платят за то, что они едят и пьют, а также получают великолепные и удобные квартиры, так мало помощи оказывают студентам-медикам, что, если исключить книги и то, что является общим для всех трех факультетов, в Оксфорде или Кембридже человек может подготовить себя к тому, чтобы стать турецким купцом так же, как и врачом. По моему скромному мнению, это ясный признак того, что какая-то часть огромного богатства, которым они располагают, расходуется не так правильно, как могла бы.

Кроме того содержания, которое профессора получают от общества, они должны также иметь вознаграждение от каждого студента, которого они обучают, с тем чтобы эгоизм, а также соперничество и любовь к славе побуждали их к труду и старанию. Если кто-либо отличится в какой-либо отрасли знания или в каком-либо одном предмете, его следует оставить в университете, если можно купить его за деньги, не обращая внимания на то, к какой партии он принадлежит и даже из какой он страны или народа, белый или черный. Университеты должны быть открытыми аукционами для всякого рода литературы, подобно ежегодным ярмаркам разнообразных товаров и изделий, проводимым в Лейпциге, Франкфурте и других местах Германии, где нет различия между местными жителями и иностранцами и где участвуют люди со всех концов земли с одинаковой свободой и равными привилегиями.

От той уплаты вознаграждений, о которой я говорил выше, я бы освободил всех студентов, которые будут проповедовать Евангелие. Нет другого факультета, который был бы так же непосредственно необходим для управления страной, как факультет теологии, и, так как нам нужно иметь большое число духовных лиц для управления службой на нашем острове, я бы не хотел, чтобы людей более низкого звания отпугивали от того, чтобы воспитывать своих детей для выполнения этих обязанностей. Ибо хотя иногда богатые люди, имея много сыно-

вей, делают одного из них священником, и мы видим, что даже знатные люди принимают духовный сан, и есть также здравомыслящие люди, особенно среди духовенства, которые, руководствуясь благоразумием, воспитывают своих детей для этой профессии, когда они морально уверены в том, что у них достаточно друзей или средств и что они смогут при помощи хорошей стипендии в университете, покровительства или каким-либо иным способом обеспечить им средства к жизни, все же из этой среды выходит не много духовных лиц, которых ежегодно посвящают в духовный сан, и основной массой духовенства мы обязаны другому источнику.

Среди людей среднего достатка, которых много в каждой профессии, есть фанатики, испытывающие суеверное благоговение перед мантией и сутаной; и многие из них чувствуют страстное желание, чтобы их сын проповедовал слово божье, не думая о том, что с ними впоследствии станет; и много есть в нашем королевстве таких добрых матерей, которые, не принимая во внимание ни своего положения, ни способностей своего ребенка, увлеченные этим похвальным желанием, ежедневно наслаждаются этой приятной мыслью и часто еще до того, как сыну исполнится двенадцать лет, смешивая материнскую любовь с набожностью, впадают в экстаз и льют слезы радости, думая о том будущем блаженстве, которое они должны испытать, наблюдая своих сыновей за кафедрой проповедника и своими ушами слушая, как они распространяют слово божье. Именно этому религиозному рвению или по крайней мере человеческим слабостям, которые за него принимаются и его представляют, мы и обязаны тем огромным количеством бедных ученых, которые имеются в стране. Ибо, принимая во внимание неравенство приходов и малый размер бенефиций в королевстве, без этой удачной предрасположенности родителей, обладающих небольшим состоянием, мы, вероятно, не могли бы получить ни из каких других слоев необходимых лиц для выполнения обязанностей священников, которые лечили бы все болезни души, — они так плохо обеспечены материально, что ни один смертный, воспитанный в весьма и весьма относительном достатке, не смог бы жить на эти доходы, если только он не обладает истинной добродетелью, а ожидать ее от духовенства больше, чем мы обычно находим у мирян, глупо и даже вредно,

Огромная забота, которую бы я проявил для развития той части учености, которая более непосредственно полезна для общества, не должна бы заставить меня забыть более изысканную и изящную; все свободные искусства и все виды литературы должны поощряться во всем королевстве в большей мере, чем это делается сейчас, если бы это зависело только от моего желанья. В каждом графстве должна быть одна или несколько больших школ по изучению латинского и греческого языка, построенных за счет общества, которые делились бы на шесть или больше классов, в каждом из которых должен быть свой отдельный учитель. Вся школа должна находиться под наблюдением и присмотром каких-либо ученых людей, облеченных властью, которые были бы не только номинальными попечителями, но и фактически брали бы на себя труд по крайней мере два раза в год заслушивать каждый класс, тщательно экзаменуемый его учителем, а не удовлетворялись бы тем, чтобы судить об успехах учеников на основании сочинений на заданную тему и других упражнений, выполненных в их отсутствие.

В то же время я бы распустил те маленькие школы, которые вообще бы не существовали, если бы их учителя не были чрезвычайно бедными, и препятствовал бы их распространению. Мнение о том, что нельзя правильно говорить и писать по-английски, если не знаешь немного латыни, является грубой ошибкой. Это мнение поддерживается педантами во имя их собственных интересов и никем более энергично не отстаивается, как теми из них, кто являются бедными в более чем одном смысле; в то же время это — чудовищная ложь. Я знал нескольких людей, среди которых были представительницы прекрасного пола — и я до сих пор знаком с ними, — которые никогда не учили латыни и тем не менее строго соблюдали правила орфографии и писали замечательно и здраво, в то время как, с другой стороны, каждый может встретить каракули мнимых ученых людей, по крайней мере таких, которые несколько лет ходили в среднюю классическую школу и тем не менее делают грамматические ошибки и неправильно пишут слова. Совершенное знание латыни абсолютно необходимо всем тем, кто обучается каким-либо ученым профессиям, и я бы хотел, чтобы всякий, называющий себя джентльменом, знал литературу; даже те, кто собирается стать адвокатом, хирургом, аптекарем, должны знать латынь гораздо лучше, чем

они ее обычно знают; но для молодых людей, которые впоследствии должны добывать себе средства к жизни при помощи тех профессий и занятий, где латынь ежедневно не требуется, она бесполезна, а изучение ее — явная бессмысленная трата того времени и денег, которые для этой цели выделяются. Когда люди начинают заниматься делом, они либо вскоре забывают ту латынь, которую им преподавали в этих маленьких школах, либо, претендуя на знание ее, становятся только наглыми и часто причиняют большое беспокойство в обществе. Очень немногие люди в состоянии удержаться от того, чтобы не ценить себя за любые знания, которые они некогда приобрели, даже после того, как уже их растеряли; и, если только такие люди не являются очень скромными и сдержанными, неувоенные обрывки из латыни, которые они обычно помнят, часто делают их посмешищем в глазах тех, кто ее понимает.

К чтению и письму я бы относился так же, как мы относимся к музыке и танцам: я бы и не препятствовал их изучению, и не навязывал бы их обществу. Пока при их помощи можно кое-что получить, всегда будет достаточно учителей, чтобы учить им; но ничему нельзя учить даром, разве что в церкви. И здесь я не исключал бы даже тех, кто готовится стать проповедником слова божьего; ибо если родители настолько безысходно бедны, что не в состоянии обеспечить своим детям эти первые начатки просвещения, то с их стороны опрометчиво надеяться на нечто большее.

Если бы люди низкого положения видели, что их детей предпочитают детям праздных пьяниц или отпетых распутников, которые не знают иного способа добыть одежду для своих отпрысков, кроме выпрашивания милостыни, то они в равной мере и по этой причине стремились бы к тому, чтобы давать своим детям такого рода образование. Но когда нужен мальчик или девочка для оказания какой-либо мелкой услуги, мы сейчас считаем своим долгом прежде всего нанять детей, пользующихся благотворительностью прихода. Обучение их похоже на вознаграждение за порочность и бездеятельность — благо, предоставляемое обычно родителям, которые заслуживают наказания за постыдное пренебрежение своими семьями. В одном месте можно услышать, как полупьяный негодяй, осуждая себя на вечные муки, требует вторую кружку и в качестве достойного основания своего требования добавляет, что его сына обеспечивают одеждой и

обучают бесплатно. В другом месте видишь бедную женщину в страшной нужде, а о ее ребенке надо заботиться, потому что сама она ленивая неряха и никогда ничего по-серьезному не предпринимала, чтобы улучшить свое положение, а только оплакивала свою судьбу в пивной.

Если дети всех тех, кто может благодаря своему трудолюбию дать им возможность учиться в наших университетах, получат хорошее образование, будет достаточно ученых людей, чтобы удовлетворить потребности нашей Англии и еще одной такой же страны; а умение читать, писать и считать всегда будет в достаточной мере распространено в тех делах, где оно требуется, хотя обучаться ему должны только те, чьи родители сами заплатят за учение. С ученостью дело обстоит не так, как с дарами святого духа, которые нельзя купить за деньги, и, если верить пословице, купленный ум нисколько не хуже природного.

Я считал необходимым так много сказать об образовании, чтобы обезопасить себя от шумных протестов врагов истины и справедливости, которые, если бы я не объяснил так подробно своего отношения к данному вопросу, изобразили бы меня смертельным врагом всей литературы и полезного знания и злобным сторонником всеобщего невежества и глупости. Теперь я выполняю свое обещание и отвечаю на то возражение, которое, как я знаю, выдвинуто против меня благожелатели никол для бедных детей; оно состоит в том, что детей, находящихся под попечительством благотворителей, готовят к законным и требующим большого труда занятиям, а отнюдь не к праздности, как я пытался утверждать.

Я уже достаточно убедительно показал, почему посещение школы по сравнению с работой является бездельем, а также доказал ненужность такого рода образования для детей бедняков, потому что оно впоследствии делает их неспособными к физическому труду, который в каждом цивилизованном обществе является их прямым назначением и уделом, на который они не должны роптать или жаловаться, если такой труд требуют от них благоразумно и гуманно. Мне остается только поговорить о том, что их обучают определенным профессиям, и я попытаюсь показать, что это разрушает гармонию в обществе и представляет собой опрометчивое вмешательство в то, о чем имеют некоторое представление лишь очень немногие из этих попечителей.

Для этого давайте рассмотрим природу различных компаний и обществ и изучим, какво должно быть их сочетание, чтобы мы могли добиться такого высокого уровня силы, красоты и совершенства в их деятельности, какой допускается основой, предоставленной в наше распоряжение. В такой стране, как наша Англия, разнообразие профессий, которые требуются для удовлетворения как чрезмерных и необузданных желаний, так и истинных потребностей человека и всех вспомогательных занятий, требуемых ими, огромно; однако верно и то, что, хотя число этих разнообразных профессий и занятий чрезмерно велико, оно далеко не бесконечно: если добавить одно сверх того, что требуется, оно должно быть излишним. Если кто-либо располагает большим запасом турбанов и владеет лучшим магазином в Чипсайде для их продажи, то он разорится, а если Деметрий или какой-либо другой серебряных дел мастер изготовлял бы только гробницы Дианы, он бы не заработал себе на хлеб, поскольку сейчас поклонение этой богине вышло из моды. Так как глупо создавать такие профессии, которые не нужны, то следующей за этой глупостью было бы увеличивать число занятых в той или иной профессии сверх того, что требуется. В тех условиях, которые существуют у нас в Англии, было бы чудовищным иметь столько же пивоваров, сколько пекарей, или столько же торговцев шерстью, сколько сапожников. Такое соотношение в каждой профессии устанавливается и лучше всего поддерживается тогда, когда никто не вмешивается и не суется не в свое дело.

Люди, имеющие детей, которых надо чему-нибудь обучить, чтобы они обеспечивали свою жизнь, всегда советуются и обсуждают, какой профессии или занятию их учить, прежде чем определить их судьбу; и тысячи людей, которые вообще едва ли размышляют о чем-либо еще, думают над этим. Прежде всего они ограничивают свой выбор в соответствии со своим материальным положением, и тот, кто может заплатить за сына только десять фунтов, не должен искать такую профессию, где за ученика просят сто. А затем они всегда думают о том, какое занятие будет наиболее выгодным; если будет какое-то занятие, где в то время людей нанимают более охотно, чем в любой другой профессии примерно такого же рода, тотчас же найдется десяток отцов, готовых отдать туда своих сыновей. Поэтому большая часть цехов и гильдий более

всего заботится о том, чтобы регулировать число учеников. А если все ремесленники жалуются, и возможно справедливо, что у них и так слишком много людей, то вы совершенно очевидно наносите ущерб тому цеху, куда вы добавляете еще одного члена сверх того числа, которое естественно вытекает из характера данного цеха. Кроме того, попечители школ для бедных детей думают не столько о том, какое занятие лучше, сколько о том, кого из ремесленников они могут найти, кто бы согласился взять мальчиков за такую-то сумму; и очень немногие состоятельные и опытные люди согласятся иметь дело с этими детьми: они боятся тысячи неудобств от их нуждающихся родителей. Поэтому детей передают, по крайней мере чаще всего, либо горьким пьяницам и нерадивым мастерам, либо таким, которые сильно нуждаются и, получив деньги, не заботятся о том, что станет с их учениками; представляется, что тем самым мы не позаботились ни о чем, кроме того, чтобы обеспечить постоянный источник пополнения школ для бедных детей.

Если все ремесла и занятия переполнены людьми, это верный признак того, что в управлении всем обществом где-то допущена ошибка; ибо не может быть слишком много людей, если страна в состоянии прокормить их. Дороги продукты питания? Кто в этом виноват, если есть необработанная земля и беззанятые рабочие руки? Но мне ответят: чтобы увеличить достаток, нужно в конечном итоге разорить фермера или уменьшить ренту во всей Англии. На это я отвечу, что земледельец более всего жалуется на то, что я бы исправил: самая распространенная жалоба фермеров, садоводов и других хозяев, для которых нужно выполнять тяжелую и грязную работу, состоит в том, что они не могут получить работников за ту плату, которую они раньше им обычно выдавали. Поденщик ворчит, получая шестнадцать пенсов за ту же самую тяжелую работу, которую тридцать лет назад его дед с радостью выполнял за половину этой суммы. Что касается ренты, то она не может уменьшиться, пока растет число людей, а цена продуктов питания и всего труда вообще должна упасть одновременно с ней, если не раньше; и человек, получающий сто пятьдесят фунтов в год, не будет иметь оснований жаловаться на то, что его доход уменьшился до ста фунтов, если на эти сто фунтов он сможет купить столько же, сколько раньше мог бы приобрести на двести.

В деньгах не заключено никакой внутренней ценности, а только такая, которая меняется с течением времени; и независимо от того, стоит ли гиней двадцать фунтов или шиллинг, все удобства жизни должны происходить из труда бедняков (как я уже говорил ранее), а не из высокой или низкой стоимости, которая устанавливается на золото или серебро. В нашей власти иметь гораздо больший достаток, чем тот, которым мы пользуемся сейчас; мы бы его имели, если бы сельскому хозяйству и рыболовству уделялось столько внимания, сколько нужно; но мы так мало можем увеличить свою рабочую силу, что у нас едва хватает бедняков для выполнения того, что необходимо для нашего существования. Соотношение частей в обществе нарушено, и основная масса народа, которая всюду должна состоять из трудящихся бедняков, не знакомых ни с чем иным, кроме своей работы, слишком мала по сравнению с другими частями. Во всех делах, где физического труда избегают или платят за него слишком много, занято много людей. На одного купца найдется десяток счетоводов или по крайней мере претендентов, а в сельской местности фермер всюду ищет работников. Ищите лакея, некоторое время уже послужившего в благородных семействах, и вы получите дюжину, но все они будут дворецкими. Можете нанять десяток горничных, но ни за какие деньги вы не найдете повара.

Кто только может, бежит от грязного рабского труда; но все это показывает, что люди самого низкого звания слишком много знают, чтобы вам служить. Слуги требуют больше, чем им могут дать хозяева и хозяйки, и какое же это безумие — поощрять их к этому, прилежно увеличивая за наш счет те знания, за которые они, безусловно, еще раз заставят нас платить! И дело не только в том, что те, кто получил образование за наш счет, покушаются на наши права; но и неотесанные, невежественные деревенские девки и придурковатые парни, которые ничего не умеют и ни на что не годятся, тоже надувают нас. Нехватка слуг, вызванная обучением первых, дает предлог последним набивать себе цену и требовать того, что следует давать только тем слугам, которые знают свое дело и обладают большей частью тех хороших качеств, которые от них могут потребоваться.

Нет такого места в мире, где есть больше людей по виду более умных или способных выполнить поручение,

чем некоторые из наших слуг; но на что они главным образом годятся? Большая часть их жулики, и доверять им нельзя; а если они честны, то половина из них горькие пьяницы и напиваются три-четыре раза в неделю. Угрюмые обычно сварливы и, выше всех остальных соображений ставя свои мужские достоинства, не обращают внимания на то, какие одежды они испортят или какие разочарования могут вызвать, если их удалит ставится под сомнение. Добродушные обычно страшные бабники и всегда бегают за девками и портят всех горничных, которые им попадают. Многие из них виновны во всех пороках — распутстве, пьянстве, драчливости, и тем не менее на все их недостатки не обращают внимания и с ними мирятся, потому что они имеют хорошую внешность, почтительны в обращении и знают, как прислуживать джентльменам; это — непростительное безумие со стороны хозяев, и обычно оно заканчивается крахом для слуг.

Есть некоторые (их немного), кто не подвержен упомянутым мною слабостям и, кроме того, знает свои обязанности; но, поскольку такие редкость — только один из пятидесяти не переоценивает себя, — его жалованье должно быть огромным и вы постоянно должны давать ему и давать; все в доме, что становится ненужным хозяину, переходит к нему, и он не останется у вас, если получаемых им чаевых недостаточно для содержания средних размеров семьи; и, даже если вы его вытащили из навозной кучи, из больницы или из тюрьмы, вы вообще сможете удержать его у себя только до тех пор, пока он не будет в состоянии получить за свои услуги столько, сколько он, по его собственному мнению и учитывая ту высокую оценку, которую он себе дает, заслуживает; даже самые лучшие и самые вежливые, которые никогда не были паглыми и дерзкими, уйдут от самого спсиходительного хозяина и, чтобы расстаться вежливо, изобретут сотни предлогов и пойдут на явную ложь, как только они окажутся в состоянии найти что-нибудь получше. Тот, кто содержит таверну с общим столом и берет с посетителей полкроны или двенадцать пенсов, менее ожидает получить деньги от своих клиентов, чем слуга от каждого гостя, который обедает или ужинает с его хозяином; и я сомневаюсь, чтобы один не считал почти всегда шиллинг или полкроны, в зависимости от богатства человека, в такой же мере своим обязательным доходом, как и другой.

Домохозяин, который не в состоянии себе позволить устраивать много приемов и часто приглашать гостей к своему столу, не может получить достойного слугу и вынужден примиряться с каким-нибудь деревенским придурком или другим неуклюжим парнем, который тоже от него удерет, как только вообразит, что подходит для какой-либо иной службы, и его просветят в этом отношении мошенники-коллеги. Все известные рестораны и кофейни, в особенности в районе Вестминстера, посещаемые многими джентльменами для развлечений или деловых встреч, являются великолепной школой для слуг, где самые тупые парни могут набраться ума-разума и сразу же избавиться от своей глупости и невинности. Эти заведения представляют собой академии для слуг, где ежедневно читаются публичные лекции по всем наукам низменной порочности поднаторевшими в них профессорами и студентам с таким рвением обучают более чем семистам отнюдь не свободным художествам — как обманывать, надуть своих хозяев и находить их слабую струнку, — что через несколько лет они становятся дипломированными специалистами по пороку. Молодые джентльмены и другие господа, не очень сведущие в житейских делах, нанимая к себе на службу таких всезнающих жуликов, обычно снисходительны к ним сверх меры, и из боязни, что обнаружится отсутствие у них какого-либо опыта, едва осмеливаются противоречить или отказывать им в чем-либо, и часто именно в силу этой причины, давая им неразумные привилегии, разоблачают свое невежество как раз тогда, когда они более всего стараются его скрыть.

Возможно, некоторые отнесут те вещи, недовольство которыми я выражаю, на счет роскоши, о которой я сказал, что она не может нанести никакого вреда богатой стране, если ввоз товаров не будет превышать вывоз; но я думаю, что это обвинение несправедливо и нельзя приписывать роскоши то, что является лишь прямым следствием глупости. Человек может быть чрезвычайно расточительным при обеспечении своего покоя и удовлетворении своих желаний; если он в состоянии позволить себе, он может сделать наслаждение мирскими удовольствиями настолько многотрудным и дорогостоящим, насколько это вообще возможно, и в то же время проявить свой здравый смысл во всем, что его окружает. Этого нельзя будет сказать о нем, если он преднамеренно не дает своим людям выполнять ту службу, которую он ожидает от

них. Слуг в Англии портят именно обилие денег, чрезмерно высокая заработная плата и неразумно крупные подачки. Человек может держать в своих конюшнях двадцать пять лошадей, если это соответствует его общему материальному положению, и при этом не совершать никакой глупости, но если он содержит одну и перекармливает ее, чтобы показать свое богатство, то своим усердием он только показывает свою дурость. Разве не безумие позволять слугам забирать три, а в иных случаях пять процентов того, что они платят торговцам от имени своих хозяев, о чем так хорошо знают часовщики и другие торговцы игрушками, ненужными безделушками и иными диковинками, имеющие дело со знатными господами и светскими людьми, которые выше того, чтобы считать свои собственные деньги? Можно было бы примириться с тем, что слуги принимают подарок, когда он им предложен, но то, что они требуют его как должное и настаивают на своем, если им отказывают, уже является непростительной наглостью. У тех, чьи жизненные потребности полностью обеспечены, нет необходимости в деньгах, которые лишь портят их как слуг, если только эти деньги не откладываются на случай болезни или на старость, что не очень широко распространено среди наших слуг и даже тогда делает их дерзкими и невыносимыми.

Мне достоверно известно, что пекая группа слуг дошла до такой степени наглости, что создала какое-то общество и установила законы, по которым они взяли на себя обязательство не наниматься на службу, если предлагаемая им плата меньше определенной суммы, не переносить грузы, или свертки, или пакеты тяжелее определенного веса, не превышающего двух или трех фунтов, а также другие правила, направленные прямо против интересов тех, кому они служат, и пагубные для той цели, служению которой они предназначены. Если кого-либо из них уволят за то, что он строго выполнял приказы этой почтенной корпорации, о нем будут заботиться до тех пор, пока не обеспечат ему другую службу, и в любое время у него не будет недостатка в деньгах, чтобы возбудить и вести судебное дело против любого хозяина, который задумает ударить или нанести какой-либо иной ущерб своему господину-слуге, что запрещается уставом их общества. Если это правда — а у меня есть основания полагать, что так оно и есть, — и если им позволить и дальше принимать во внимание и обеспечивать свой соб-

ственный покой и удобства, мы можем очень быстро увидеть, что французская комедия «Le Maître le Valet»⁴ разыгрывается в большинстве семей совершенно серьезно; и если за короткий срок положение не исправится, а эти слуги увеличат численность своего общества до такой, которую позволяющая имеющиеся у них возможности, а также будут безнаказанно собираться, когда им заблагорассудится, то в их власти будет превратить эту комедию в трагедию, как только они этого захотят.

Но если даже предположить, что эти опасения не имеют значения и ни на чем не основаны, все равно нельзя отрицать, что слуги вообще ежедневно посягают на права своих хозяев и хозяек и стремятся все более сравняться с ними. Они, кажется, не только проявляют заботу о том, чтобы исчезло представление об их ремесле как о низком занятии, но и уже значительно подняли его достоинство в глазах всех по сравнению с тем первоначальным низким положением, в котором оно всегда должно оставаться, как того требует общее благо. Я не говорю, что все это происходит целиком и полностью благодаря школам для бедных детей, есть и другие виды зла, которым отчасти это можно приписать. Лондон слишком велик для страны, и в нескольких отношениях мы сами вредим себе. Но если должны были одновременно совершиться тысячи ошибок, чтобы могли возникнуть те неудобства, которые мы испытываем, может ли кто-либо, принявший во внимание то, что я сказал, сомневаться в том, что школы для бедных детей способствуют развитию этих недугов или по крайней мере скорее создают и увеличивают их, чем уменьшают или исправляют.

Тогда единственный весомый довод, который может быть высказан в пользу школ для бедных детей, заключается в том, что в них столько-то тысяч детей воспитываются в христианской вере и догматах англиканской церкви. Чтобы показать, что это недостаточное оправдание для их существования, я должен просить читателя еще раз перечитать то, что я говорил уже ранее, поскольку я не люблю повторяться, а к этому я еще добавлю, что всему тому, что необходимо для спасения души трудящихся бедняков и что они должны знать относительно религии, можно также целиком и полностью научить в церкви либо путем проповеди, либо путем изложения катехизиса, и я бы не допустил, чтобы самый жалкий обитатель прихода, который в состоянии самостоятельно пе-

редвигаться, по воскресеньям не присутствовал в церкви или каком-либо ином месте, где совершается богослужение. Именно свободный день, самый полезный день из семи, особо выделен для служения богу и отправления религии, и на всех правителей возложена обязанность особенно тщательно заботиться об этом дне. Особенно бедняков и их детей нужно заставлять ходить в церковь в этот день как утром, так и днем, потому что в остальные дни у них нет времени. Примерами и поучениями их следует поощрять и приучать к этому с самого их детства; преднамеренное пренебрежение к посещению церкви следует считать скапдальным, и если откровенное припуждение к тому, на чем я настаиваю, может показаться слишком грубым и, возможно, практически неосуществимым, то по крайней мере необходимо строго запретить все развлечения, а бедняков не допускать ни к каким светским забавам, для них привлекательным, которые могут отвлечь их от богослужения.

Там, где правители проявляют эту заботу в той мере, в какой позволяет их власть, проповедники слова божьего могут внушить при самых ограниченных способностях слушателей к восприятию его больше благочестия и религиозности и более твердые принципы добродетели и религии, чем когда-либо внушали и вообще смогут внушить школы для бедных детей; а те, кто имеет такие возможности и все же жалуется, что без помощи чтения и письма не может передать своим прихожанам в достаточном объеме знания того, в чем они нуждаются как христиане, либо очень ленивы, либо сами очень невежественны и недостойны своего звания.

Что самые образованные люди не являются самыми религиозными, станет ясным, если мы проведем сравнение между людьми разных занятий даже при данном положении дел, когда посещение церкви не сделано таким обязательным для бедных и неграмотных, как могло бы быть. Давайте остановим свой выбор на первых ста бедняках старше 40 лет, случайно попавшихся нам под руку, которые с детских лет приучены к тяжелому труду, таких, которые вообще никогда не ходили в школу и всегда жили в отдалении от просвещенности и больших городов. Давайте сравним с ними равное число очень хорошо образованных людей, из которых все получили университетское образование; и даже, если хотите, пусть половина из них будут духовные лица очень хорошо знающие

филологию и искусство полемики; затем давайте беспристрастно изучим образ жизни и разговоры обеих групп, и я осмелюсь утверждать, что среди первых, не умеющих ни читать, ни писать, мы встретим больше согласия и добрососедской любви, меньше порочности и привязанности к мирскому, больше довольства духа, больше невинности, искренности и других хороших качеств, которые способствуют общественному миру и истинному блаженству, чем обнаружится среди последних, где, наоборот, мы можем наверняка найти самую безмерную гордость и оскорбительное высокомерие, вечные ссоры и раздоры, непримиримую ненависть, распри, зависть, клевету и другие пороки, губительные для взаимного согласия, которыми вряд ли вообще заражены в сколько-нибудь значительной степени неграмотные трудящиеся бедняки.

Я твердо убежден, что сказанное мною в последнем параграфе не будет чем-то новым для большинства моих читателей; но если это правда, почему ее нужно скрывать и почему наша забота о религии должна вечно служить ширмой, скрывающей наши подлинные стремления и заботы о земном? Если бы обе партии согласились снять маску, то, что бы они ни утверждали, мы вскоре бы обнаружили, что, создавая школы для бедных детей, они имеют целью только усиление своей партии и что под воспитанием детей в духе религиозных принципов ярые сторонники церкви подразумевают внушение им величайшего почтения к священникам англиканской церкви, а также сильного отвращения и вечной враждебности в отношении всех, кто не согласен с ними. Чтобы убедиться в этом, нам достаточно, с одной стороны, принять во внимание, какими духовными лицами более всего восхищаются за их проповеди, произносимые с благотворительными целями, и какие духовные лица более всего любят их произносить, а с другой стороны, были ли среди толпы за последние годы какие-либо бунты или драки между сторонниками разных партий, в которых постоянно самыми нахальными зачинщиками не выступала бы молодежь знаменитой благотворительной школы в этом городе.

Великие поборники свободы, которые постоянно хранят бдительность в отношении произвола и сражаются против него, часто тогда, когда он им совершенно не угрожает, вообще говоря, не очень религиозны и, кажется, не придают слишком большого значения ни одному современному религиозному учению. Однако некоторые из них

тоже громогласно выступают за школы для бедных детей, но то, что они от них ожидают, не имеет никакого отношения ни к религии, ни к нравственности. Они рассматривают их только как подходящее средство, чтобы лишить священников власти над мирянами и вообще уничтожить ее. Умение читать и писать увеличивает знания, а чем больше люди знают, тем лучше они могут судить самостоятельно, и поборники свободы полагают, что, если знание будет сделано всеобщим, люди не могут остаться под властью священников, а именно этого они более всего и боятся.

Должен сознаться, что первые, весьма вероятно, достигнут своей цели. Но мудрые люди, не являющиеся ярыми слепыми приверженцами одной какой-либо партии или духовенства, конечно, не будут полагать, что стоит терпеть столько неудобств, причиной которых могут стать школы для бедных детей, ради того, чтобы увеличить честолюбие и власть духовенства. Вторым я бы ответил, что, если все те, кто получил образование за счет своих родителей или родственников, будут лишь думать сами за себя и не допустят, чтобы священники влияли на их разум, тогда нам не нужно беспокоиться о том, что духовенство будет внушать невежественным людям, вообще не имеющим никакого образования. Пусть они сделают в отношении их все, что могут: если принять во внимание те школы, которые у нас имеются для тех, кто может платить и действительно платит за учение, смелно воображать, что ликвидация школ для бедных детей будет шагом к какому-либо невежеству, которое могло бы нанести вред стране.

Я не хотел бы, чтобы меня считали жестоким, и, если я хоть немного знаю себя, я твердо убежден, что ненавижу бесчеловечность; но быть сострадательным до такой степени и там, где разум воспрещает это, а общие интересы общества требуют твердости мысли и решимости, является непростительной слабостью. Я знаю, что против меня всегда будут выдвигать тот довод, что лишать детей бедняков вообще всякой возможности проявить себя — жестоко, поскольку бог не лишил их природных способностей и гения в большей степени, чем богатых. Но я не думаю, что это более жестоко, чем то, что у них нет денег, хотя они обладают такой же способностью их тратить, как и другие. Я не отрицаю того, что из благотворительных школ вышли великие и полезные люди; но в равной

мере весьма вероятно и то, что, когда их впервые наняли на работу, многие другие, такие же способные, как и они, но не обучавшиеся в благотворительных школах, остались не у дел, а при таком же благоприятном повороте судьбы они бы так же хорошо проявили себя, как и первые, если бы их использовали вместо них.

Есть много примеров того, как женщины великолепно проявили себя в науках и даже на войне, но это не является основанием для того, чтобы мы их всех обучали латыни и греческому языку и даже воинской дисциплине вместо рукоделия и домоводства. Но среди нас нет недостатка в яркости природных способностей, и ни одна почва или климат не могут похвастаться тем, что они формируют людей внешне или внутренне лучших, чем те, которых в массе производит наш остров Великобритания. Но нам не хватает не ума, гения или послушания, а прилежания, рвения, усердия.

Необходимо выполнять очень много изнурительной и грязной работы и мириться с тяжелой жизнью. Где мы найдем лучшую питательную среду для выработки привычки к этим необходимым трудностям, чем среди детей бедняков? Кроме того, то, что я называл лишениями, не кажутся и не являются таковыми для тех, кто воспитан в них и не знает ничего лучшего. Среди нас нет более удовлетворенных жизнью людей, чем те, кто больше всех работал и менее всех знаком с пышностью и изящными наслаждениями света.

Все эти истины неоспровержимы, однако я знаю, что очень немногие люди будут довольны тем, что они приглашены; их делает неприятными неразумное чувство мелочного почтения к беднякам, которое охватывает большинство людей, и особенно в данной стране, в Англии, и возникает из смещения жалости, глупости и предрассудков. Именно из-за живого ощущения этого смешанного чувства люди не могут выносить, чтобы в их присутствии кто-то сказал или сделал что-либо направленное против бедняков, и при этом не принимают во внимание того, насколько справедливы первые или наглы вторые. Итак, нельзя бить нищего, даже если он ударит тебя первым. Подмастерья-портные подают в суд на своих мастеров и упрямо отстаивают несправое дело, однако их надо жалеть; а недовольным ткачам надо помогать, надо сделать пятьдесят глупостей, чтобы их умиротворить, хотя, несмотря на всю свою бедность, они оскорбляют тех, кто

стоит выше их, и во всех случаях оказываются более склонными устраивать праздники и бунтовать, чем работать и соблюдать трезвость.

Это заставляет меня подумать о нашей шерсти, которую, учитывая состояние наших дел и поведение бедняков, по моему искреннему мнению, ни в коем случае не следует вывозить за границу. Но если мы изучим причину того, почему столь вредно позволять ее вывоз, наши многочисленные и обильные жалобы и стенания по поводу того, что ее вывозят, не могут оказать нам большой чести. Если принять во внимание серьезные и разнообразные опасности, которые надо преодолеть, прежде чем ее вывезут в море и благополучно сгрузят на сушу на другом берегу, то становится ясным, что, прежде чем иностранцы смогут обрабатывать нашу шерсть, они должны заплатить за нее гораздо дороже, чем та цена, за которую мы можем приобрести ее у себя дома. Однако, несмотря на эту огромную разницу в себестоимости (*prime cost*), они могут позволить себе продавать изготовленные из нее ткани на внешних рынках дешевле, чем мы. Мы страдаем именно от этой беды, от этого невыносимого несчастья, без которого вывоз этого товара не приносил бы нам больше вреда, чем вывоз олова или свинца, пока у нас полностью заняты рабочие руки и еще есть лишняя шерсть.

Еще ни один народ не достиг такого высокого совершенства в производстве шерстяных тканей, ни в отношении быстроты исполнения, ни в отношении хорошего качества работы, по крайней мере в самых значительных отраслях, как наш английский народ, и поэтому то, на что мы жалуемся, может зависеть только от различия в управлении бедняками, существующего между другими странами и нашей Англией. Если трудящиеся бедняки в одной стране работают по двенадцать часов в день шесть дней в неделю, а в другой они заняты всего лишь восемь часов в день не более четырех дней в неделю, в ней нужно иметь девять рабочих, чтобы сделать то, что в первой выполняют четверо. Но если, более того, средства к жизни, питание и одежда и то, что потребляется работниками трудолюбивой страны, стоят только половину того, что тратится равным числом работников другой, тогда следствием должно быть, что в первой работа восемнадцати человек обойдется за ту же самую цену, какую во второй дают за работу четверых. Я не хотел бы внушить ту идею — и я сам так не думаю, — что разница

в прилежании или в насущных потребностях между нашей Англией и любой из соседних стран настолько велика, как я только что говорил, однако я хотел бы, чтобы было приятно во внимании, что и половины этой разницы, и гораздо меньше ее достаточно, чтобы перекрыть ту невыгоду положения других стран, которая создается из-за цены на шерсть.

Для меня нет ничего более очевидного, чем то, что ни одна страна не может продавать продукты какой бы то ни было отрасли производства дешевле своих соседей, с которыми она в лучшем случае равна по умению и быстроте, а также по условиям работы, и при том, что, более того, себестоимость того товара, который должен быть произведен, не в ее пользу, если в ней продукты питания и все, что относится к удовлетворению жизненных потребностей, не дешевле или же если ее работники не являются более прилежными, не работают больше времени и не довольствуются более низким и грубым образом жизни, чем рабочие у ее соседей. Не вызывают сомнения, что при равном числе рабочих, чем более трудолюбивы люди и чем меньшим числом рабочих рук выполняется то же количество работы, тем больше изобилия предметов первой необходимости в стране и тем более значительным по объему и более дешевым по стоимости может сделать эта страна свой экспорт.

Раз установлено, что необходимо выполнять огромное количество работы, тогда, я полагаю, равным образом нельзя опровергнуть и следующее положение: чем с большей охотой она совершается, тем лучше как для тех, кто ее выполняет, так и для всего остального общества. Быть счастливым — значит быть довольным, и, чем меньше человек имеет понятия об ином, лучшем образе жизни, тем более он будет удовлетворен своим собственным; и с другой стороны, чем больше знаний и опыта в мирских делах имеет человек, чем более тонок и изощрен его вкус и чем более совершенно он судит вообще обо всем, тем, безусловно, труднее его удовлетворить. Я не буду выдвигать ничего варварского или бесчеловечного; но, когда кто-либо получает удовольствие, смеется и поет и в своих жестах и во всем поведении проявляет, в моем понимании, все признаки довольства и удовлетворения, я объявляю его счастливым, и при этом меня не интересуют его ум и способности. Я никогда не исследую причину и обоснованность его веселья, по крайней мере мне не следует

при суждении о нем подходить к нему со своей собственной меркой и исходить из того, какое воздействие оказало бы на меня то, что заставляет его веселиться. Ибо если подходить с таких позиций, то человек, ненавидящий сыр, должен назвать меня дураком за то, что мне нравится плесневый грибок. *De gustibus non est disputandum*⁵ так же справедливо в переносном смысле, как и в прямом, и, чем больше различие между людьми в их положении, их материальных условиях и образе жизни, тем менее они способны судить о тревогах или удовольствиях друг друга.

Если бы самый презренный и самый грубый мужик получил разрешение *incognito* в течение двух недель наблюдать за жизнью самого великого государя, то, даже если бы он мог выбрать некоторые вещи, которые он хотел бы заполучить для себя, все же он обнаружил бы гораздо больше таких, которые он, если бы вдруг поменялся местами с монархом, со своей стороны пожелал бы немедленно изменить или исправить, хотя он с изумлением увидел бы, что государь им подчиняется. И опять-таки, если бы сюзерен изучил таким же образом своего крестьянина, то его работа была бы для него невыносимой, а грязь и убожество, его пища и любовные похождения, его занятия и развлечения все были бы отвратительны; но зато какое очарование испытал бы он в ясности духа, спокойствии и безмятежности души другого. Никакой необходимости лицемерить ни с кем из своей семьи или проявлять притворное чувство привязанности к своим смертельным врагам; не нужно брать жену с учетом внешних интересов своей страны или бояться какой-либо опасности со стороны собственных детей; не нужно раскрывать заговоры, беречься от отравления; не нужно справляться с популярным государственным деятелем внутри страны или с хитросплетениями дворов в других странах; не нужно подкупать мнимых патриотов, удовлетворять ненасытную фаворитку, подчиняться корыстному министерству; не нужно ублажать расколотую страну или потакать переменчивой толпе; иначе говоря, никто бы не направлял его удовольствия и не вмешивался в них.

Если бы беспристрастный разум был судьей между подлинным добром и подлинным злом и если бы соответственно был составлен список различных наслаждений и неприятностей, присущих каждому из этих занятий в отдельности, то я сомневаюсь в том, чтобы подоже-

пне государя было вообще предпочтительнее положения крестьянина, даже если он настолько невежествен и по необходимости трудолюбив, насколько, мне кажется, это требуется. Причина, почему большинство людей скорее стали бы государями, чем крестьянами, объясняется, во-первых, гордостью и честолюбием, которые глубоко укоренились в человеческой натуре и для удовлетворения которых, как мы ежедневно наблюдаем, люди переносят или с презрением игнорируют величайшие испытания и трудности. Во-вторых, разницей в той силе, с которой наше чувство (affection) проявляется в отношении предметов материальных или духовных. Явления, непосредственно воздействующие на наши внешние чувства (senses), действуют на наши аффекты более сильно, чем то, что является результатом мысли и велений разума, обоснованных самым убедительным образом, и в первом случае имеется гораздо более сильная склонность выразить нашу любовь или ненависть, чем во втором.

Показав таким образом, что то, к чему я призываю, не могло бы нанести никакого вреда счастью бедняков или привести к его хотя бы малейшему уменьшению, оставляю на суд рассудительного читателя, не было ли более правильным увеличить наш экспорт при помощи тех методов, которые я изложил, чем сидеть сложа руки и проклинать и осуждать наших соседей за то, что они бьют нас нашим же оружием; одни из них продают больше товаров, изготовленных из нашего собственного продукта, который они купили за дорогую цену; другие обогащаются, несмотря на расстояния и хлопоты, благодаря той же самой рыбе, которой мы пренебрегаем, хотя она готова прямо прыгнуть нам в рот.

Так же как умело и настойчиво отучая от праздности, можно заставить бедняков работать без насильственного принуждения, так и, воспитывая их в невежестве, можно приучить их к настоящим трудностям, так что они сами вообще не почувствуют, что они их переносят. Под воспитанием их в невежестве я подразумеваю, как я уже давно заявил, только то, что в отношении мирских дел их знания должны ограничиваться кругом их собственных занятий; но крайней мере мы не должны прилагать усилия расширять их за пределы этих границ. Когда при помощи этих двух средств мы сделаем продукты питания и, следовательно, труд дешевыми, мы неизбежно должны будем продавать больше своих соседей и в то же время

увеличим численность нашего населения. Это — благородный и мужественный способ противодействовать нашим торговым конкурентам и по достоинству превзойти их на зарубежных рынках.

Чтобы завлечь бедняков, мы в некоторых случаях успешно прибегаем к хитрости. Почему мы должны пренебрегать ею в самом важном деле, когда они хвастают, что не будут жить так, как бедняки других стран? Если мы не можем изменить их твердую решимость, почему мы должны одобрять справедливость их чувств, если они идут против общих интересов? Раньше я часто недоумевал, как это мог англичанин, утверждающий, что ему дороги честь и слава, а также благосостояние своей страны, испытывать вечером восторг, слушая, как его бездельник-арендатор, который задолжал ему ренту больше чем за год, высмеивает французов за то, что они носят деревянные башмаки, в то время как утром этот англичанин уже с горьким чувством обиды услышал, как великий король Вильгельм, этот честолюбивый монарх, а также способный государственный деятель, открыто признал перед всем миром чрезвычайную мощь Франции и с печалью и гневом на лице жаловался на нее. Однако я не расхваливаю деревянных башмаков, и те принципы, которые я бы ввел, не требуют неограниченной власти одного лица. Я надеюсь, что можно обеспечить свободу и собственность и все же бедняков использовать лучше, чем они используются сейчас; пусть их дети изнасят свою одежду, занимаясь полезным трудом, и испачкают ее сельской грязью, кое-что за это получив, вместо того чтобы срывать ее со спины во время игр и пачкать чернилами задаром.

На нашем острове найдется работа на три-четыре сотни лет для еще ста тысяч бедняков сверх тех, которые уже есть. Чтобы сделать полезным каждый уголок острова и полностью заселить его, нужно многие реки превратить в судоходные, прорыть сотни каналов. Некоторые земли надо осушить и предохранить их от паводочных в будущем. Огромное количество бесплодной почвы надо превратить в плодородную, а тысячи акров заставить приносить больше пользы, обеспечив к ним более легкий доступ. *Dii Laboribus omnia vendunt*⁶. Нет таких трудностей этого рода, которые нельзя было бы преодолеть трудом и терпением. Можно сбросить высочайшие горы в ущелья, которые готовы их принять, проложить мосты там, где сейчас мы даже не осмеливаемся думать о них.

Давайте оглянемся на огромную работу, проделанную римлянами, в особенности на их дороги и акведуки. Давайте, с одной стороны, посмотрим на большую протяженность некоторых из их дорог, на то, как основательно они их делали и сколько лет они уже существуют, а с другой — на бедного путешественника, которого через каждые десять миль останавливает застава, взимающая подорожный сбор, и назойливо требует уплатить пенни на починку летом дорог с помощью того, что, как всем известно, превратится в грязь раньше, чем кончится зима, наступившая за этим летом.

Покой и благосостояние общества всегда должны быть предметом заботы со стороны всех, и никакой частный интерес города или целого графства никогда не должен препятствовать осуществлению проекта или плана, который очевидно имеет целью совершенствование всего общества; и каждый член парламента, который сознает свой долг и скорее предпочтет поступить как мудрый человек, чем заискивать перед своими соседями, окажет малейшей пользе, выпадающей всему королевству, предпочтение перед самой заметной выгодой того места, от которого он избран в парламент.

У нас есть свои собственные строительные материалы, у нас нет недостатка ни в камне, ни в лесе, чтобы воздвигнуть что-нибудь, и, если бы те деньги, которые люди без всякого принуждения отдают нищим, их не заслуживающим, и те, которые каждый домовладелец обязан платить беднякам своего прихода и которые используются для иных целей или же используются неправильно, каждый год соединялись, они бы составили фонд, достаточный, чтобы дать работу многим тысячам людей. Я говорю это не потому, что считаю эту идею практически осуществимой, а лишь для того, чтобы показать, что мы можем выделить достаточно денег, чтобы занять огромное число рабочих; нам для этого может и не потребоваться столько, сколько мы, возможно, предполагаем. Когда считается само собой разумеющимся, что солдат, силу и энергию которого надо поддерживать по крайней мере на таком же уровне, как и всякого другого, может существовать на шесть пенсов в день, я не могу себе представить необходимость платить в течение большей части года по двенадцать и восемнадцать пенсов.

Я знаю, что боязливые и осторожные люди, с постоянной ревностью охраняющие свою свободу, закричат, что

там, где то огромное число людей, о которых я говорю, будет получать постоянное содержание, собственность и привилегии не будут надежно обеспечены. Но им можно было бы ответить, что можно было бы найти надежные средства и установить такие твердые правила в отношении того, в чьи руки доверить руководство и управление этими работниками, что ни государю, ни кому-либо иному было бы невозможно использовать их огромное число со зловредными целями.

Я предвижу, что над тем, что я сказал в последних четырех или пяти абзацах, будут с огромным презрением смеяться многие мои читатели и в лучшем случае назовут это строительством воздушных замков; но еще вопрос, моя ли это вина или их. Когда дух патриотизма покидает людей, они вместе с ним не только теряют свое терпение и все мысли о настойчивом продолжении общего дела, но и в равной мере становятся настолько духовно ограниченными, что им доставляет страдание даже думать о явлениях, которые имеют необычный размах или требуют больших отрезков времени для своего осуществления; и все то, что является благородным и возвышенным, при таких стечениях обстоятельств считается химерическим. Там, где глубокое невежество полностью искоренено и изгнано, а начатки образованности сыплются на всех людей без разбора, себялюбие превращает знание в хитрость, и, чем больше это последнее качество распространяется в какой-либо стране, тем больше люди сосредотачивают все свои труды, заботы и рвение на настоящем времени, не обращая внимания на то, что будет после них, и даже вообще едва ли мысленно заглядывая вперед дальнейшего поколения.

Но поскольку, по свидетельству лорда Веруламского⁷, хитрость — это всего лишь лицемерная мудрость, предусмотрительное законодательство должно принимать меры против этой болезни общества, как только появятся ее симптомы, среди которых самыми очевидными являются следующие: духовные (imaginary) вознаграждения обычно презираются; каждый стремится подзаработать и выступает за краткосрочные сделки; тот, кто со всем не согласен и не верит ничему, кроме того, что видит своими собственными глазами, считается самым благоразумным, и во всех своих делах люди, кажется, руководствуются только одним принципом: черт побери отстающих. Вместо того чтобы сажать дубы, которым нужно расти сто

пятьдесят лет, прежде чем их можно будет срубить, строят такие дома, которым из-за их устройства не простоят и более двенадцати — четырнадцати лет. Все исходит из неустойчивости вещей и превратностей человеческих дел. Математика становится единственным ценным предметом, достойным изучения, и используется во всем, даже там, где она смешна, и люди, кажется, не питают к провидению больше доверия, чем к обанкротившемуся купцу.

Задача народа — исправлять недостатки общества, и прежде всего взять в свои руки то, чем более всего пренебрегают частные лица. Противоположности лучше всего лечатся противоположностями [клин лучше всего вышибать клином], и в силу этого, поскольку при исправлении ошибок, распространённых во всей стране, пример более действен, чем поучение, законодательный орган должен принять решение об осуществлении некоторых величественных мероприятий, на проведение которых потребуются столетия работы, а также огромные затраты труда, и убедить людей, чтобы они ничего не предпринимали, не проявляя беспокойства и заботы о своем самом отдалённом потомстве. Это положит конец метаниям неуловимого гения и переменчивого духа королевства или по крайней мере поможет ему успокоиться, напомнит нам о том, что мы появились на свет не только ради самих себя, и послужит средством сделать людей менее недоверчивыми и вдохнуть в них подлинную любовь к своей стране и нежную привязанность к самой земле, а ведь нет ничего более необходимого для возвеличивания страны, чем эти чувства. Могут измениться формы правления, сменятся религии и даже языки, по Великобритании или по крайней мере сам остров (если он тоже может потерять свое название) останется и, по всей человеческой вероятности, будет существовать столько же, сколько и все остальные части земного шара. Люди во все времена всегда выражали искреннюю признательность своим предкам за выгоды, от них полученные, и христиан, наслаждающийся огромным количеством фонтанов и изобилием воды в городе святого Петра⁸, будет неблагодарным негодяем, если он никогда с признательностью не вспомнит старый языческий Рим, который приложил такие огромные усилия, чтобы его обеспечить.

Когда наш остров будет возделан и каждый дюйм его станет пригодным для жизни и полезным, а он весь будет самым удобным и приятным местом на земле, все

труды и деньги, на него затраченные, будут сторицей возмещены фимиамом тех, кто придет после нас; а те, кто горит благородным рвением и желанием бессмертия и приложил такие усилия, чтобы улучшить свою страну, могут быть довольны тем, что тысячу и две тысячи лет спустя они будут жить в памяти и вечной благодарности последующих поколений, которые тогда будут ею наслаждаться.

Здесь мне следовало бы закончить этот поток мыслей, но мне в голову приходит еще одна идея, касающаяся главной цели и замысла данного «Опыта», которая состоит в том, чтобы доказать необходимость определенной доли невежества в хорошо организованном обществе; и я не могу не упомянуть эту идею, потому что, изложив ее, я приведу в качестве довода в свою пользу то, что в противоположном случае могло бы легко показаться убедительным возражением против меня. Большинство людей считает — и я вместе со всеми, — что самым похвальным качеством пышешнего царя Московии⁹ является неутомимое рвение, с которым он пробуждает своих подданных от их природной глупости и цивилизует свою страну. Но ведь мы должны учесть, что они именно в этом нуждались и что не так уж давно большинство их было чуть ли не дикими животными. Если принять во внимание размер его владений и огромные массы людей, которыми царь распоряжается, у него не было пропорционального числа и разнообразия ремесленников и мастеровых, которые требовались для развития страны, и поэтому он был прав, не останавливаясь ни перед чем, чтобы их получить. Но что это значит для нас, тех, кто подвержен прямо противоположному недугу? Разумная политика для организованного общества является тем же, чем искусство медицины является для тела физического, а не один врач не будет лечить человека, находящегося в летаргическом сне, как будто он болеет из-за недостатка отдыха, или предписывать при водянке то, что следует давать при диабете. Короче говоря, в России слишком мало знающих людей, а в Великобритании — слишком много¹⁰.

ИССЛЕДОВАНИЕ О ПРИРОДЕ ОБЩЕСТВА

До сих пор большинство моралистов и философов были согласны с тем, что без самоотречения не может быть добродетели; но один современный автор, которого сейчас много читают разумные люди, придерживается противоположного мнения и полагает, что люди могут быть от природы добродетельными без каких-либо усилий со своей стороны или насилия над собой. Он, кажется, требует и ожидает доброты от всего человеческого рода, так же как мы ожидаем сладости от винограда и китайских апельсинов, а если некоторые из них оказываются кислыми, то мы смело заявляем, что они не достигли того совершенства, на которое способна их природа. Этот благородный писатель (ибо я имею в виду лорда Шефтсбери и его «Характеристики»¹⁾) воображает, что так как человек создан для общества, то он и должен родиться с чувством любви к тому целому, частью которого он является, и от рождения обладать предрасположенностью к тому, чтобы стремиться к его благосостоянию. В соответствии с этим предположением он называет всякое действие, при совершении которого принимается во внимание общее благо, добродетельным, а всякое своекорыстие, полностью исключаящее такое внимание к общему благу, пороком. В отношении нашего человеческого рода он считает добродетель и порок постоянными реальностями, которые всегда должны быть неизменными во всех странах и во все века, и воображает, что человек, обладающий здравым умом, следуя правилам здравого смысла, может не только обнаружить это *pulchrum et honestum*² как в нравственности, так и в творениях искусства и природы, но и в равной мере управлять собой с помощью

своего разума с такой же легкостью и быстротой, с какой хороший наездник при помощи узды управляет хорошо тренированной лошадью.

Внимательный читатель, изучивший предшествующие разделы книги, вскоре поймет, что не может быть более противоположных систем, чем моя и его светлости лорда Шефтсбери. Я признаю, что его понятия великодушны и утонченны; они представляют собой величайшую похвалу человеческому роду и способны при помощи некоторого энтузиазма внушить нам самые благородные чувства относительно достоинства нашей возвышенной природы. Как жаль, что они не соответствуют действительности! Я бы не стал этого столь категорически утверждать, если бы уже показал почти на каждой странице данного трактата, что их справедливость несовместима с нашим повседневным опытом. Но чтобы не оставить ни малейшей тени сомнения в том, что не может быть такого возражения, на которое нельзя было бы найти ответа, я намереваюсь остановиться подробно на некоторых вещах, которых я до сих пор только слегка касался, и убедить читателя не только в том, что хорошие и приятные качества человека не те, которые делают его общественным созданием в отличие от других животных, но и более того, что было бы совершенно невозможно ни превратить какие-либо крупные поселения людей в густонаселенные, богатые и процветающие страны, ни поддерживать или сохранять их в таком положении, когда они уже его достигли, без помощи того, что мы называем злом, как физическим (*natural*), так и моральным.

Чтобы лучше осуществить задуманное мною, я прежде всего рассмотрю подлинное содержание этого *pulchrum et honestum*, τὸ κάλον³, о котором так много говорили древние. Смысл моего намерения состоит в том, чтобы обсудить, заключаются ли в вещах какая-либо истинная ценность и достоинство, имеется ли превосходство одной вещи над другой, с которым всегда будет соглашаться каждый, кто хорошо понимает их; или же существуют какие-то вещи (если они вообще есть), которым оказывают одинаковое уважение и о которых высказывают одно и то же суждение во всех странах и во все века. Когда мы пускаемся на поиски этой внутренней ценности и обнаруживаем, что одна вещь лучше второй, третья лучше первой и так далее, мы начинаем питать большую надежду на успех; но, когда мы встречаем несколько вещей,

которые все очень хороши или очень плохи, мы становимся в туик и не всегда соглашаемся сами с собой и еще менее с другими. Существуют различные недостатки, так же как и достоинства, которыми будут по-разному восхищаться или же которые будут по-разному осуждать в зависимости от того, как меняются обычаи и люди и как разнообразны вкусы и наклонности людей.

Знатоки живописи никогда не разойдутся во мнениях, когда сравнивается прекрасная картина с смазней новичка, но как удивительно отличались друг от друга их мнения, когда они судили о работах выдающихся мастеров! Среди знатоков живописи имеются свои партии, и очень немногие из них, живущие в разные времена и в разных странах, дают одинаковую оценку одной и той же вещи, и не всегда самые лучшие картины получают самую высокую цену. Известный оригинал всегда будет стоить больше, чем любая копия, сделанная с него неизвестным художником, хотя она может быть и лучше. Ценность картин зависит не только от имени мастера и возраста, когда он их написал, но и также в значительной мере от редкости его работ и — что еще более неразумно — от знатности и богатства тех лиц, в чьем владении они находятся, а также от продолжительности того периода времени, в течение которого они являются собственностью знатных семейств; и, если бы картины, находящиеся ныне в Хэмптон-корт⁴, были нарисованы рукой менее знаменитого, чем Рафаэль, художника и находились бы во владении частного лица, которое было бы вынуждено их продать, они не принесли бы и десятой части тех денег, которых, как считают, они сейчас стоят, несмотря на все свои огромные дефекты.

Несмотря на все это, я охотно признаю, что суждения относительно картин могут приобрести всеми признаваемую определенность или по крайней мере быть менее подверженными изменениям или случайными, чем почти все остальное. Причина этого проста: существует определенный критерий, которым можно руководствоваться и который всегда остается прежним. Живопись есть подражание природе, копирование вещей, которые люди всюду видят перед собой. Я надеюсь, что мой добродушный читатель простит меня, если, размышляя об этом славном изобретении, я сделаю замечание, несколько выходящее за рамки моей темы, хотя и в значительной мере способствующее достижению моей главной цели, и состоит оно

в том, что хотя и ценно то искусство, о котором я веду речь, всеми удовольствиями и тем восхитительным восторгом, который мы получаем от этого удачного обмана, мы обязаны некоторому несовершенству в главном из наших чувств (*senses*). Я поясню свое утверждение. Воздух и пространство не являются объектами зрения, но, как только мы можем видеть, проявляя самое незначительное внимание, мы наблюдаем, что объем вещей, которые мы видим, постепенно уменьшается, по мере того как они все более удаляются от нас, и ничто, кроме опыта, не может научить нас высказывать более или менее правильные догадки о расстоянии до разных предметов. Если кто-либо слеп от рождения и оставался таким до двадцати лет, а затем вдруг был осчастливлен способностью видеть, он будет непривычно озадачен тем, как определять расстояния до предметов, и едва ли будет в состоянии немедленно определить только при помощи глаз, что к нему ближе — столб, до которого он почти может дотронуться своей палкой, или колокольня, до которой полмили. Давайте сосредоточим свой взгляд на отверстии в стене, за которой нет ничего, кроме открытого пространства, и сузим, насколько возможно, поле зрения, и мы не сможем увидеть ничего иного, кроме того что небо заполняет пустоту отверстия и так же близко к нам, как задняя сторона камней, окружающих то пространство, где их недостает. Это свойство — чтобы не называть его дефектом — нашего чувства зрения приводит к тому, что нас можно обманывать и все, кроме движения, может быть благодаря искусству представлено нам на плоскости таким же образом, как мы видим его в жизни и природе. Если бы человек никогда не видел, как это искусство осуществляется в жизни, зеркало вскоре могло бы его убедить в том, что такая вещь возможна, и я не могу не думать о том, что отражения от очень гладких и хорошо полированных предметов, попавшие нам в глаза, должно быть, дали первый толчок изобретению рисунка и живописи.

Ценность и достоинства творений природы в равной мере неопределенны; и даже у человеческих существ то, что считается прекрасным в одной стране, не является таковым в другой. Насколько причудлив выбор цветовода! Иногда тюльпан, иногда аврикула, а иногда гвоздика целиком завоевывают его уважение, и каждый год новый цветок, по его мнению, превосходит все остальные, хотя

он гораздо хуже их и по цвету, и по форме. Триста лет назад мужчины ходили так же гладко выбриты, как сейчас; затем они носили бороды самых разнообразных фасонов, которых было огромное количество, и все они были настолько же хороши, пока были в моде, насколько теперь они казались бы нелепыми. Насколько жалко и комично выглядит человек, в других отношениях хорошо одетый, в шляпе с узкими полями, когда все носят широкополые шляпы; и, наоборот, насколько чудовищна слишком большая шляпа, когда уже значительное время в моде другая крайность. Опыт нас научил, что эти моды редко длятся больше десяти-двенадцати лет, и человек шестидесяти лет, должно быть, наблюдал по крайней мере пять-шесть переворотов в модах; однако, даже если мы уже видели несколько таких переворотов, начало их всегда кажется странным, а если мода возвращается, она вновь вызывает отвращение. Если отвлечься от принятой в данный момент моды, какой смертный может решить, что является самым красивым — носить большие пуговицы или маленькие? Способы разумной разбивки сада почти невозможно сосчитать, и то, что в них называется прекрасным, меняется в зависимости от различных вкусов народов и времен. Обычно доставляет удовольствие большое разнообразие форм травяных газонов, цветочных клумб и партеров; но круг может быть так же приятен глазу, как и квадрат; овал может как нельзя лучше подходить к одному месту, а треугольник — к другому; а превосходство восьмиугольника над шестиугольником по фигуре не больше, чем то, которое случайно приобретает восьмерка над шестеркой в азартных играх.

С тех времен, когда христиане научились строить церкви, они всегда делают их по форме похожими на крест, верхний конец которого указывает на восток; и если какой-либо архитектор нарушит этот обычай в тех случаях, когда место позволяет спокойно его соблюсти, то будут считать, что он совершил непростительную ошибку; но было бы глупо ожидать того же самого в турецкой мечети или языческом храме. Среди многих благотворных законов, принятых за эти сто лет, не легко назвать такой, который принес бы большую пользу и в то же время был бы более свободен от всех неудобств, чем тот, который определил, во что одевать покойников. Те из ныне живущих, кто был уже в возрасте и мог замечать происходящее, когда был принят этот закон, должны помнить

тот общий шумный протест, который поднялся против него. Сначала сильнее всего возмущало тысячи людей то, что их должны были хоронить в одежде, сделанной из шерсти, и выполнение закона было сделано возможным только благодаря тому, что следовавшим моде людям предоставили определенную свободу потворствовать своей слабости без излишеств; нужно принять во внимание другие расходы на похороны, где несколькими людям дают траурные одежды, а кольца — очень многим. Выгода, которую от этого закона получает страна, настолько очевидна, что ничего разумного никогда невозможно было сказать в его осуждение, и через несколько лет это привело к тому, что тот ужас, который испытывали по отношению к нему, уменьшался с каждым днем. Я тогда заметил, что молодые люди, которые видели мало покойников в гробу, быстрее всего восприняли это нововведение, но те, кто ко времени принятия закона похоронил многих друзей и родных, дольше всех питали к нему отвращение. И я помню многих, которые вообще так и не смогли примириться с ним до своего смертного часа. Так как к настоящему времени обычай хоронить покойника одетым в льняную одежду почти забыт, все считают что не может быть ничего приличнее шерстяной одежды и существующего сейчас обычая одевать покойника; это показывает, что наша любовь или нелюбовь к вещам зависит главным образом от моды и обычая, а также от наставлений и примера тех, кто стоит выше нас, и таких людей, которые, по нашему мнению, превосходят нас в том или ином отношении.

Что касается нравственности, то в отношении ее тоже существует не больше определенности. Многоженство противно для христиан, и все остроумие и ученость одного великого гения, высказавшегося в его защиту, были с презрением отвергнуты; но у магометанина полигамия не вызывает отвращения. То, что люди узнают с самого детства, поработает их, и обычай, превратившийся в силу, искажает природу и в то же время подражает ей таким образом, что часто трудно узнать, что из них оказывает на нас влияние. Раньше на Востоке сестры выходили замуж за братьев, а для мужчины считалось похвальным жениться на собственной матери. Такие браки отвратительны; но точно известно, что, какой бы ужас мы ни испытывали при мысли о них, в природе нет ничего, чему бы они противоречили, а отвращение к ним основано на

моде и обычае. Набожный магометанин, который сам никогда не пробовал спиртных напитков, но часто видел пьяных, может выработать такое же огромное отвращение к вину, какое кто-либо из нас, обладающий крайне убогой нравственностью и образованием, может испытывать к тому, чтобы спать с собственной сестрой, и оба воображают, что их антипатия имеет своим источником природу. Какая религия самая лучшая? Этот вопрос причинил больше бедствий, чем все остальные вопросы, вместе взятые. Задайте его в Пекине, в Константинополе и в Риме, и вы получите три четких ответа, абсолютно отличающихся друг от друга, и тем не менее все они будут в равной мере определенными и не допускающими возражений. Христиане твердо уверены в ложности языческих и магометанских суеверий, и по крайней мере в отношении этого положения среди них царит полное согласие и единство; но спросите у тех нескольких сект, на которые они разделены: какая из них является истинной церковью христовой? — и все они вам скажут, что именно их, а чтобы убедить вас в этом, перессорятся между собой.

Тогда очевидно, что погоня за этим *pulchrum et honestum* не намного лучше охоты за химерами, на что нельзя возлагать никакой надежды. Но это не самый большой недостаток, который я в нем нахожу. Мнимые понятия о том, что люди могут быть добродетельными без самоотречения, широко открывают двери лицемерию, а раз оно станет привычным, то после этого мы не только должны обманывать других, но и в равной мере станем совершенно незнакомы самим себе; и в том примере, который я собираюсь привести, будет показано, как из-за отсутствия должного изучения самого себя это могло бы случиться с лицом знатным, талантливым и ученым, таким, которое во всех отношениях напоминает самого автора «Характеристик».

Если человек, воспитанный в обстановке покоя и изобилия, обладает спокойным ленивым характером, то он учится сторониться всего, что доставляет беспокойство, и предпочитает укрощать свои аффекты скорее из-за тех неудобств, которые возникают при энергичной погоне за удовольствиями и следовании всем требованиям наших склонностей, чем из-за какой-либо нелюбви, которую он испытывает в отношении чувственных наслаждений; и вполне возможно, что лицо, получившее образование под

руководством какого-либо великого философа⁵, который был тихим и добродушным, а также способным наставником, может в таких счастливых обстоятельствах составить более хорошее мнение о своем внутреннем состоянии, чем оно того в действительности заслуживает, и считает себя добродетельным, потому что его аффекты бездействуют и никак себя не проявляют. Он может составить прекрасные понятия об общественных добродетелях и о презрении к смерти, очень хорошо писать о них в своем кабинете и красноречиво говорить о них в обществе, но вы никогда не увидите его сражающимся за свою страну или работающим для того, чтобы восполнить какие-либо потери, понесенные страной. Человек, имеющий дело с метафизикой, может легко довести себя до энтузиазма и действительно полагать, что он не боится смерти, пока она остается вне поля его зрения. Но если бы его спросили, почему, обладая этой неустранимостью либо от природы, либо приобретаея ее благодаря философии, он не вступил в армию, когда его страна была вовлечена в войну; или, когда он видел, что страну ежедневно грабили те, кто стоял у руля, и что дела в казначействе были запутаны, почему он не явился ко двору и не использовал всех своих друзей и все свое влияние, чтобы стать министром финансов, и при помощи своей честности и мудрого управления не восстановил общественный кредит? Вероятно, он бы ответил, что он любит уединение, не имеет никакого иного честолюбивого стремления, кроме как быть хорошим человеком, и никогда не домогался какого-либо участия в правительстве или же что он ненавидит всякую лесть и рабское прислужничество, неискренность дворов и суету мира. Я готов ему поверить; но разве не может человек ленивого темперамента и бездеятельного духа сказать все это, и притом совершенно искренне, но одновременно удовлетворять свои желанья, будучи не в состоянии их подавить, хотя к этому призывает его долг? Добродетель заключается в действии, и тот, кто обладает этой любовью к обществу и добрым чувством по отношению к своему роду и по своему рождению или способностям может требовать какой-либо пост в управлении обществом, не должен сидеть сложа руки, если он может быть полезным, а должен сделать все, что может, на благо своих сограждан. Если бы этот благородный человек обладал воинственным духом или бурным темпераментом, он избрал бы другую роль в драме жизни и проповедовал

бы прямо противоположную доктрину, ибо мы всегда подталкиваем свой разум в том направлении, в каком тянет нас испытываемый нами аффект, а себялюбие оправдывает все различные взгляды человеческих существ, в любом случае снабжая каждого отдельного человека доводами для оправдания его наклонностей.

Хваленый средний путь и тихие добродетели, рекомендованные в «Характеристиках», годятся только на то, чтобы воспитывать трутней, и могут подготовить человека к глупым удовольствиям монастырской жизни или в лучшем случае сельского мирового судьи, но они никогда не сделают его пригодным к труду и усердию и не подвигнут его на великие свершения и опасные предприятия. Естественную любовь человека к покою и праздности и склонность предаваться своим чувственным удовольствиям нельзя вылечить поучениями; его сильные привычки и наклонности можно подавить только аффектами еще большей силы. Проповедуйте и показывайте трусу неразумность его страхов, но вы не сделаете его храбрым, так же как вы не сможете сделать его более высоким, умоляя его стать десяти футов ростом, в то время как секрет того, как возбуждать мужество, раскрытый мною в комментарии *C*, действует почти безошибочно.

Страх смерти сильнее всего, когда мы находимся в расцвете сил и наши желания проявляются наиболее остро, когда у нас великолепное зрение, отличный слух и каждый орган и каждая часть тела выполняют свою функцию. Причина этого проста — потому что тогда жизнь наиболее восхитительна, а мы сами более всего способны наслаждаться ею. Почему же тогда человек чести так легко принимает вызов, хотя ему только тридцать лет и у него прекрасное здоровье? Его страх побеждается гордостью, ибо, когда его гордость не затронута, этот страх проявится наиболее откровенно и ярко. Если он не привычен к морю, то пусть он лишь попадет в шторм; или если он прежде никогда не болел, то пусть у него заболит горло или подыметесь небольшой жар, и он тысячу раз проявит беспокойство и тем самым покажет, какую огромную ценность он придает своей жизни. Если бы человек был от природы смирен и невосприимчив к лести, политик никогда бы не достиг своей цели и не знал бы, что с ним делать. Без пороков превосходство человеческого рода никогда бы не было раскрыто, и каждый достойный человек, прославивший себя в мире, представ-

ляет собой убедительное доказательство, опровергающее рассматриваемую нами привлекательную систему.

Если мужество великого македонца⁶ превратилось почти в безумие, когда он один сражался против целого гарнизона, то его сумасшествие было несколько не меньшим, когда он вообразил себя богом или по крайней мере начал сомневаться, бог он или нет; и, как только мы высказываем эту мысль, мы обнаруживаем как аффект, так и его чрезвычайную силу, которые поднимали дух македонца в момент самой неотвратимой опасности и проводили его через все трудности и тяготы, которые он испытывал.

Мир никогда не видел более блестящего примера способного и совершенного государственного деятеля, чем Цицерон⁷. Когда я думаю о его заботе и бдительности, о реальных опасностях, которыми он пренебрегал, и усилиях, которые он предпринимал ради безопасности Рима; о его мудрости и проницательности в раскрытии и срыве хитросплетений самых смелых и самых коварных заговорщиков и в то же время о его любви к литературе, искусствам и наукам, его способности к метафизике, справедливости его рассуждений, силе его краспоречия, изящности его стиля и благородстве духа, которым пронизаны все его писания, — повторяю, когда я думаю обо всех этих вещах вместе, я поражаюсь до изумления и могу лишь сказать о нем, что он был по меньшей мере удивительным человеком. Но после того, как я представил в самом благоприятном свете то множество хороших качеств, которыми он обладал, я, с другой стороны, также ясно вижу, что если его тщеславие было меньше его самых великих достоинств, то здравый смысл и знание людей, которыми он в такой огромной степени обладал, никогда бы не позволили ему так много и шумно высказывать похвалы самому себе и не допустили бы, чтобы он сочинил стихи, за которые смеялись бы даже над школьником (O! Fortunatam, etc.⁸), а лучше бы помолчал о своих заслугах.

Как строг и суров был нравственный облик непреклонного Катона⁹, насколько постоянна и искренна была добродетель этого великого поборника свободы Рима! Но хотя в течение долгого времени оставалось скрытым, что же служило этому стойку источником удовлетворения за все проявленное им самоотречение и аскетизм, и его особенная скромность очень долго скрывала от людей и,

возможно, от него самого ту слабость его сердца, которая заставила его стать героем и которая все же обнаружилась во время последнего эпизода из его жизни: когда он окончил жизнь самоубийством, стало совершенно ясно, что им владела тираническая сила, превосходившая любовь к родине, и что непримиримая ненависть и величайшая зависть, которые он испытывал по отношению к славе, истинному величию и личным достоинствам Цезаря, в течение долгого времени влияли на все его поступки, прикрываемые самыми благородными предложениями. Если бы этот сильный побудительный мотив не взял верх над его совершенным благоразумием, он мог бы спасти не только самого себя, но и в равной мере большинство своих друзей, которые погибли, потеряв его, и, по всей вероятности, если бы он снизошел до этого, то стал бы вторым человеком в Риме. Но он знал беспредельный ум и неограниченное великодушие победителя, его милосердия он и боялся и поэтому избрал смерть, так как она была менее страшна для его гордости, чем сама мысль о том, чтобы предоставить своему смертельному врагу соблазнительную возможность проявить величие своей души, которую Цезарь нашел бы в том, чтобы даровать прощение такому упорному противнику, как Катон, и предложить ему свою дружбу; и рассудительные люди полагали, что этот пронзительный и честолюбивый завоеватель не упустил бы предоставившейся ему возможности, если бы другой осмелился остаться в живых.

Еще одним аргументом, приводимым в доказательство доброго расположения и истинной привязанности, которые мы от природы испытываем по отношению к нашему роду, является наша любовь к обществу людей и то отвращение, которое люди, находящиеся в здравом уме, обычно питают к одиночеству в отличие от других существ. Этот аргумент в «Характеристиках» изложен с великолепным внешним блеском и очень хорошим языком, представлен с наибольшей выгодой для него; на следующий день после того, как я его впервые прочел, я услышал, как множество людей кричали: «Свежая сельдь!», что меня очень развеселило, хотя я был один, потому что я подумал об огромных косяках этой и других видов рыбы, которых и ловят вместе; но, когда я развлекал себя этими размышлениями, пришел один назойливый бездельник, который, к несчастью, был моим знакомым, и спросил меня, как я поживаю, хотя я был и, осмеливаюсь ска-

зять, выглядел таким здоровым и бодрым, как никогда в жизни. Я забыл, что ему ответил, но помню, что не мог избавиться от него довольно продолжительное время и испытывал все то беспокойство от преследования такого же характера, на которое жалуется мой друг Гораций¹⁰.

Я бы не хотел, чтобы какой-нибудь пронизательный критик на основании этой короткой истории объявил меня человеконенавистником; тот, кто это сделает, очень и очень ошибется. Я очень люблю общество людей, и если читатель не совсем устал от моего общества, то, прежде чем показать слабость и нелепость той лести, высказываемой нашему роду, о которой я только что говорил, я дам ему описание того человека, которого я бы избрал для общения, и обещаю, что, прежде чем он кончит то, что сначала он может принять только за отступление, чуждое моей теме, он обнаружит его пользу.

При помощи раннего и искусного воспитания ему должны быть внушены твердые понятия о чести и стыде, и он должен приобрести отвращение ко всему, что имеет хоть малейшую склонность к наглости, грубости и бесчеловечности, и это должно стать привычкой. Он должен хорошо знать латынь и разбираться в греческом языке, а сверх того понимать один или два современных языка, не считая своего собственного. Он должен быть знаком с обычаями и традициями древних, но также хорошо знать историю своей собственной страны и нравы того времени, в котором он живет. Кроме литературы он должен изучить ту или иную полезную науку, посетить дворы государей и университеты в других странах и совершить настоящие путешествия. Иногда он должен находить наслаждение в танцах, фехтовании, верховой езде на великолепных лошадях, кое-что понимать в охоте и других сельских видах спорта, не привязываясь ни к одному из них, и он должен относиться ко всем либо как к упражнениям, необходимым для здоровья, либо как к развлечениям, которые никогда не должны мешать делам, либо как к средству приобрести более ценные качества. Он должен немного знать геометрию и астрономию, а также анатомию и устройство человеческого тела. Знать музыку так, чтобы исполнять ее, было бы достижением, но многое можно сказать и против нее, и вместо этого я хотел бы, чтобы он знал рисование в такой мере, в какой требуется для того, чтобы сделать набросок, или чтобы он

объяснил значение любой формы или модели, которую мы описали, но никогда бы даже не прикасался к карандашу. Он должен с самой ранней молодости привыкнуть к обществу скромных женщин и никогда не допускать, чтобы менее одного раза в две недели он общался с дамами.

Я не упоминаю такие грубые пороки, как безбожие, распутство, азартные игры, пьянство и вздорная задиристость; даже самое поверхностное воспитание предохраняет нас от них; я бы всегда рекомендовал ему проявлять добродетель, но я не выступаю за то, чтобы джентльмен добровольно сохранял неведение относительно всего того, что присходит при дворе государя и в городе. Человек не может быть совершенством, и поэтому существуют такие недостатки, на которые я бы смотрел сквозь пальцы, раз их нельзя предотвратить; и если между девятнадцатью и двадцатью тремя годами иногда юный пыл брал у него верх над целомудрием, то это делалось с осторожностью; если по какому-либо чрезвычайному случаю, уступая настойчивым увещаниям веселых друзей, он выпивал больше, чем следовало в соответствии с правилами строгой трезвости, то он делал это очень редко и притом знал, что такая выпивка не вредила его здоровью или характеру; или если при защите справедливого дела из-за горячности темперамента и высоких побуждений он был вовлечен в ссору, которую могли бы отвести или предотвратить истинная мудрость и менее строгое следование правилам чести, то это выпало на его долю лишь один раз; повторяю, если случилось бы так, что он был бы виновен во всех этих вещах, а сам он никогда бы о них не говорил и тем более ими не хвастал, их можно было бы простить или по крайней мере ими пренебречь в том возрасте, который я упомянул, если затем он на этом остановился, и после всегда вел благоразумную жизнь. Сами бедствия молодости иногда пугали джентльменов до такой степени, что они затем проявляли более постоянное благоразумие, чем, по всей вероятности, они вообще смогли бы приобрести, не испытав их. Чтобы держать его дальше от низости и вещей откровенно скандальных, нет ничего лучше, как обеспечить ему свободный доступ в одну-две благородные семьи, где его частое присутствие считается обязанностью; и, пока вы при помощи этого средства сохраняете его гордость, он постоянно будет страшиться позора.

Человек, обладающий приличным состоянием, получивший почти такое хорошее образование, какое я от него требую, продолжающий свое развитие и до тридцати лет повидавший мир, не может быть неприятным собеседником, по крайней мере до тех пор, пока он по-прежнему здоров, процветает и ничто не портит его характера. Когда такой человек случайно или по договоренности встречается с тремя-четырьмя равными себе людьми, это и есть то, что я называю хорошим обществом. В нем не говорится ничего, что не было бы либо поучительным, либо развлекательным для разумного человека. Возможно, они не всегда могут придерживаться одного и того же мнения, но между ними не может быть никакого спора, за исключением такого: кто первый уступит тому, с кем он расходится во мнении. Говорит только один человек, в свою очередь и не громче, чем пужно для того, чтобы его хорошо понял тот, кто сидит от него дальше всех. Самое большое удовольствие, к которому они все стремятся, состоит в том, чтобы получить удовлетворение, доставив удовольствие другим, и они из опыта все знают, что этой цели можно так же успешно достичь, слушая со вниманием и с одобрительным выражением лица, как если бы мы сами произнесли вслух очень хорошие вещи.

Большинство людей, обладающих хоть каким-либо вкусом, хотели бы вести такую беседу и справедливо предпочитают ее одиночеству, когда не знают, как провести время; но, если бы они могли заняться чем-либо еще и ожидали бы от этого занятия либо более сильного, либо более продолжительного удовлетворения, они бы отказались от такого удовольствия и занялись бы тем, что для них более важно. Но разве человек, даже если он не видел ни одного смертного две недели, не предпочел бы скорее остаться в одиночестве еще на такой же срок, чем попасть в общество шумных людей, которые черпают восторг в споре и гордятся, если удастся завязать ссору? Разве тот, у кого есть книги, скорее не будет постоянно читать или не начнет сам писать на ту или иную тему, чем проводить каждый вечер среди приверженцев какой-либо партии, которые считают, что наш остров ни на что не годится, пока на нем разрешают жить их противникам? Разве не предпочтет человек пробыть в одиночестве целый месяц и ложиться спать до наступления семи часов, чем общаться с охотниками на лис, которые, проведя весь день в тщетных попытках сломать себе шею, вечером

вторично покушаются на свою жизнь, предаваясь пьянству, и, выражая свое веселье, издают бессмысленные звуки в помещении громче, чем их лающие и менее беспокойные компаньоны, только снаружи? Я не могу высказать высокого мнения о человеке, который скорее не довел бы себя до усталости прогулкой или, если он сидит взаперти, не разбросал бы булавки по комнате, чтобы снова их собрать, чем находился бы в течение шести часов в обществе дюжины простых матросов в тот день, когда им выдали жалованье на корабле.

Тем не менее я допущу, что большинство людей скорее покорится тому, что я упомянул, чем останется в одиночестве сколько-нибудь длительное время. Но я не понимаю, почему эта любовь к обществу людей, это сильное желание общения должны истолковываться так решительно в нашу пользу и почему они должны считаться признаком некоей внутренней ценности человека, которую нельзя обнаружить у других животных. Ибо для того, чтобы на основе этого доказать доброту нашей природы и существование у человека великодушной любви, которую он переносит с себя самого на весь остальной свой род, благодаря чему и становится общественным существом, это стремление к обществу и отвращение к одиночеству должны быть более всего заметны и наиболее сильно выражены у лучших представителей нашего рода, у людей величайшего гения, больших способностей и свершений и тех, кто менее всего подвержен пороку; справедливо же прямо противоположное. Самые слабые духом, которые менее всего могут управлять своими аффектами, люди с нечистой совестью, которые ненавидят раздумья, и люди никчемные, неспособные произвести ничего своего полезного, являются злейшими врагами одиночества и скорее примирятся с любым обществом, чем останутся без него; в то время как люди разумные и ученые, способные думать и размышлять о вещах, и такие, которых не очень сильно тревожат их аффекты, могут дольше всего безо всякой неохоты выносить одиночество и, чтобы избежать шума, безумства и назойливости, убегут от двадцати компаний и, чем встречаться с неприятными для их вкуса вещами, скорее предпочтут свой кабинет или сад и даже пустырь или пустыню обществу некоторых людей.

Но давайте предположим, что любовь к обществу настолько неотделима от нашего рода, что ни один человек

не может вынести и мгновения одипочества; какие выводы можно было бы сделать из этого? Разве человек любит общество, как и все остальное, не ради самого себя? Никакая дружба или любезность не длится долго, если она не является взаимной. Каждый человек, присутствующий на всех ваших еженедельных и ежедневных встречах, устраиваемых для развлечения, а также на ежегодных праздниках и самых торжественных пирах, преследует свои собственные цели, а некоторые часто посещают клуб, в который они никогда бы не ходили, если бы не занимали там первое место. Я знал человека, который пользовался непререкаемым авторитетом в своей компании, был очень постоянен и очень волновался, если что-либо мешало ему появиться в этой компании в назначенное время; и он совсем оставлял это общество, как только туда приходил кто-нибудь другой, кто мог бы с ним сравняться и поспорить за первое место. Есть люди неспособные вести спор, но достаточно злобные, чтобы испытывать восторг, слушая пререкания других, и, хотя сами они никогда не ввязываются в спор, они считают скучным то общество, где не могут получить это развлечение. Хороший дом, богатая обстановка, прекрасный сад, лошади, собаки, предки, родственники, красота, сила, превосходство в чем бы то ни было, пороки, так же как и добродетели,— все они могут быть теми побудительными мотивами, которые заставляют людей жадно стремиться к обществу в надежде, что то, за что они более всего себя ценят, когда-нибудь станет темой разговора и даст им внутреннее удовлетворение. Даже самые вежливые люди в мире и такие, о которых я вначале говорил, не доставляют другим удовольствия, если оно не возмещается их себялюбием и в конце концов не сосредоточивается на них самих, как бы они ни крутили и ни вертели его по своей воле. Но самым очевидным доказательством того, что во всех клубах и обществах, где люди собираются для беседы, каждый питает самое большое уважение к самому себе, является то, что всюду любимец общества — человек бескорыстный, который скорее переплачивает, чем спорит; человек добродушный, который никогда не злится и редко выходит из себя; человек спокойный и ленивый, который ненавидит споры и никогда не говорит ради того, чтобы одержать верх; в то время как человека разумного и ученого, которому нельзя просто навязать иную точку зрения и которого только словами нельзя

убедить в неправильности его собственных взглядов; человека одаренного и умного, который может говорить резкие и остроумные вещи, хотя всегда бичует только то, что заслуживает порицания; человека чести, который никогда не наносит, но и не терпит оскорбления, — всех их могут уважать, но редко любят так сильно, как человека слабого и обладающего меньшими достоинствами.

Так же как в этих примерах благоприятные качества возникают из того, что мы вечно стремимся обеспечить себе постоянное удовлетворение, в других случаях они вытекают из природной робости человека и той тщательной заботы, которую он проявляет по отношению к самому себе. Два лондонца, дела которых не позволяют им вести совместно какую-либо торговлю, могут знать, видеть и проходить мимо друг друга каждый день на бирже, проявляя при этом не больше вежливости, чем быки. Пусть они встретятся в Бристоле ¹¹ — и они снимут шляпы, и при малейшей возможности вступят в беседу, и будут рады обществу друг друга. Когда французы, англичане и голландцы встречаются в Китае или какой-либо иной языческой стране, то, будучи все европейцами, они считают друг друга соотечественниками и, если не вмешивается никакой аффект, почувствуют естественную расположенность любить друг друга. Более того, если два враждующих между собой человека выпущены вместе путешествовать, то они часто забывают на время свою вражду, будут приветливы и будут беседовать дружеским образом, особенно если дорога небезопасна, а они оба незнакомы с тем местом, куда они должны приехать. Судьи, поверхностно рассматривающие эти явления, приписывают их общительности человека, его природной расположенности к дружбе и любви к обществу; но тот, кто должным образом изучит явления и более пристально взглянется в человека, обнаружит, что во всех этих случаях мы стремимся только получить себе больше пользы и движимы теми причинами, которые уже были изложены.

К чему я стремился до сих пор, это доказать, что *pulchrum et honestum*, превосходство и истинная ценность вещей, чаще всего непостоянны и переменчивы, меняются в зависимости от изменений моды и обычаев; что, следовательно, заключения, выводимые из их определенности, ничего не выражают и что благородные понятия относительно природной доброты человека вредны, поскольку они вводят в заблуждение и являются просто хи-

мерическими. Справедливость этого последнего положения я доказал самыми очевидными примерами из истории. Я говорил о нашей любви к обществу и отвращении к одиночеству, тщательно рассмотрел различные побудительные мотивы их и выявил, что все они сосредоточиваются в себялюбии. Теперь я намереваюсь исследовать природу общества и, начав с глубины веков, с самого момента его возникновения, показать, что не хорошие и приятные, а плохие и ненавистные качества человека, его несовершенство и отсутствие у него превосходных качеств, которыми наделены другие существа, являются первыми причинами, которые сделали человека в отличие от других животных общительным, как только он потерял рай, и что если бы он оставался в своей первобытной невинности и продолжал наслаждаться теми благами, которыми она сопровождалась, то нет и тени вероятности того, что он когда-либо стал бы тем социальным существом, каким он является сейчас.

Насколько необходимы наши желания и аффекты для процветания всех ремесел, занятий и торговли, было достаточно доказано во всей книге, а того, что они являются нашими плохими качествами или по крайней мере порождают их, никто не отрицает. Следовательно, мне остается только изложить многообразие препятствий, которые усложняют и затрудняют человеку тот труд, которым он постоянно занят, — добывание того, в чем он нуждается, и что другими словами называется принципом самосохранения. В то же время наряду с этим я показываю, что общительность человека возникает только из двух вещей, а именно из многочисленности его желаний и постоянного сопротивления, которое встречают его попытки удовлетворить их.

Препятствия, о которых я говорю, относятся либо к нашему собственному организму, либо к тому земному шару, на котором мы живем (я имею в виду его состояние с того времени, когда он был проклят). Я часто пытался размышлять по отдельности о двух последних вещах, упомянутых мною, но никак не мог держать их далеко друг от друга; они всегда сталкиваются и смешиваются друг с другом и в конечном итоге вместе составляют страшный хаос зла. Все стихии — наши враги: вода топит, а огонь пожирает тех, кто неумело к ним подходит. Земля в тысяче мест рождает растения и другую зелень, губительную для человека, и в то же время кормит

и заботливо выращивает большое число разнообразных существ, вредных для него, и разрешает легиону ядов обитать внутри себя. Но самой недоброй из всех стихий является та, без которой мы не можем жить ни одного мгновения. Невозможно перечислить все несчастья, которые мы переносим от ветра и непогоды; и, хотя большая часть человечества постоянно занята тем, что обеспечивает укрытие людей от суровости воздуха, все же до сих пор никакое искусство и никакой труд не в состоянии найти абсолютно надежную защиту от дикой ярости некоторых атмосферных явлений.

Правда, ураганы случаются редко, мало людей гибнет при землетрясениях или пожирается львами; но, хотя мы избегаем этих огромных бедствий, нас преследуют мелочи. Какое огромное число разнообразных насекомых мучит нас; какие мириады их оскорбляют нас и безнаказанно делают нас своей добычей! Самые презренные не стесняются ходить по нам и пасть на нас, как скотина на лугу; и все же часто мы с этим миримся, если они пользуются своим счастьем с умеренностью; но и в этом случае наше милосердие опять-таки становится пороком, и в своей жестокости и презрении к нам они настолько злоупотребляют нашей жалостью, что превращают наши головы в свалку и пожирают наших младенцев, если мы ежедневно не проявляем бдительности, не преследуем и не истребляем их.

Если человек, питающий самые лучшие намерения, совершает из-за неправильного суждения или по незнанию малейшую ошибку в использовании Вселенной, то он не может ждать от нее ничего хорошего. Нет такой невинности или честности, которые могут защитить человека от тысячи бед, его окружающих. Наоборот, все то, что искусство и опыт не научили нас превращать в благо, является злом. Поэтому как старательно во время уборки урожая земледелец собирает свое зерно и укрывает его от дождя, ибо без этого он не смог бы им вообще воспользоваться! Поскольку время, подходящее для проведения тех или иных сельскохозяйственных работ, меняется в зависимости от климата, опыт научил нас по-разному его использовать, и если в одной части земного шара мы можем увидеть, как фермер пашет землю, то в другой он убирает урожай; из всего этого мы можем узнать, насколько сильно, должно быть, изменилась земля после грехопадения наших прародителей, если мы

проследим развитие человека от его прекрасного, его божественного оригинала, гордящегося не мудростью, приобретенной благодаря высокомерному поучению или утомительному опыту, но наделенного совершенным знанием в тот самый момент, когда он был создан, — я имею в виду то состояние невинности, когда ни одно животное или растение на земле, ни один минерал под землей не были вредны для него, а сам он, не опасющийся вреда ни от воздуха, ни от всего остального, довольствовался теми предметами, необходимыми для удовлетворения его жизненных потребностей, которыми без всякой помощи с его стороны снабжала его та земля, на которой он жил; когда, еще не зная своей вины, он обнаруживал, что всюду ему беспрекословно повиновались как единому господину над всем и вся, а он, не знакомый с беспокойством о своем величии, был целиком погружен в возвышенные думы о бесконечности своего создателя, который действительно ежедневно удостаивал его беседой, понятной для него, и посещал его, не насылая при этом беды.

В таком золотом веке нельзя найти ни одной причины того, почему люди вообще возвысились до образования таких больших обществ, которые существовали в мире, нельзя и высказать об этом более или менее вероятного предположения, которому мы могли бы дать скольконибудь удовлетворительное объяснение. Там, где человек имеет все, что он желает, и ничто ему не досаждало и не беспокоило его, он ничего не может добавить к своему счастью; и нельзя назвать ни одного ремесла, искусства, положения или занятия, которые не были бы излишними в таком благословенном состоянии. Если мы разовьем дальше эту мысль, то легко поймем, что ни одно общество не могло бы возникнуть на основе приятных добродетелей и нежных качеств человека, но что, напротив, все общества должны были иметь источником своего происхождения потребности человека, его несовершенства и все разнообразие его желаний. Мы в равной мере обнаружим, что, чем больше проявляются их гордость и тщеславие, чем больше растут все их желания, тем более они должны быть способны вырасти и образовать большие общества, включающие огромное число людей.

Если бы воздух всегда был так же безвреден для наших обнаженных тел и так же приятен для них, как, по нашему мнению, он приятен для большинства птиц в хорошую погоду, и если бы человек не был заражен

гордостью, роскошью и лицемерием, а также вожделием, то я не могу видеть никакой иной причины, которая могла бы наставить нас на путь изобретения одежды и жилища. Я ничего не скажу о драгоценностях, столовом серебре, картинах, скульптурах, великолепной мебели и всем том, что строгие моралисты называют ненужным и излишним. Но если бы мы не уставали так быстро от ходьбы пешком и были бы такими же легкими в движениях, как некоторые другие животные; если бы люди были от природы трудолюбивы и никто из них не искал бы покоя и не предавался ему неразумно, а все в равной мере были бы свободны от других пороков, а земля всюду была бы ровной, твердой и чистой, кто бы подумал об экипажах или рискнул сесть верхом на лошадь? Зачем дельфину корабль или разве требуется орлу карета для путешествий?

Надеюсь, читатель знает, что под обществом (society) я понимаю государство, в котором человек, либо покоренный превосходящей его силой, либо выведенный из своего дикого состояния путем убеждения, стал послушным созданием, которое может найти свою цель, работая на других, и где под властью одного главы государства или какой-либо иной формы правления каждый член общества подчиняется целому, а всех их благодаря хитроумному управлению заставляют действовать заодно. Ибо если под обществом мы понимаем только некоторое число людей, которые, не имея никакого правительства и не признавая никакой власти, должны держаться вместе из естественной привязанности к своему роду или любви к обществу людей, подобно стаду коров или овец, тогда в мире нет существа более неподходящего для общества, чем человек. Сто человек, все равные между собой, никому не подчиняющиеся или не боящиеся никого, кто был бы выше их на земле, никогда бы не смогли пробыть вместе, бодрствуя, и двух часов, чтобы не перессориться, а чем больше было бы у них знания, силы, ума, мужества и решимости, тем хуже это бы было.

Вероятно, при диком состоянии природы родители сохранили бы какую-то власть над своими детьми, по крайней мере пока они еще были бы в силе, и даже впоследствии воспоминание о том, что пережили другие, могло бы возбудить в детях нечто среднее между любовью и страхом, то, что мы называем почтением. В равной мере вероятно, что если второе поколение следует примеру

первого, то человек, обладающий некоторой хитростью, пока бы он жил и был здоров и силен, всегда бы был в состоянии поддерживать свое влияние и власть над всеми своими детьми и потомками, какими бы многочисленными они ни были. Но когда старики все умерли бы, сыновья бы перессорились между собой, и недолго мог бы сохраняться мир до того, как разразилась бы война. Старшинство у братьев не имеет такой большой силы, и предпочтение, которое отдается старшему брату, изобретено только в качестве уловки для того, чтобы жить в мире. Поскольку человек — животное боязливое, от природы не хищное, он любит мир и спокойствие и вообще бы не дрался, если бы его никто не трогал и если бы он мог получить без драки то, за что он борется. Этой склонности избегать борьбы и отвращению, которое он питает к тому, чтобы его беспокоили, мы обязаны всеми разнообразными способами и формами правления. Несомненно, монархия была первой. Аристократия и демократия были двумя разными способами исправления неудобств первой, а сочетание этих трех — совершенствованием всех других.

Но будь мы дикарями или политиками, человек, обыкновенный грешный человек, пока он может пользоваться своими органами чувств, не может поступать, имея в виду какую-либо иную цель, кроме как для своего личного удовольствия, и самое величайшее, чрезмерное проявление любви или отчаяния не может сосредоточиться ни на чем ином. Между волей и удовольствием в одном смысле нет разницы, и каждое движение, сделанное вопреки им, должно быть неестественным и конвульсивным. Тогда, следовательно, раз поступок таким образом ограничен и мы всегда вынуждены делать то, что нам правится, и в то же время наши мысли свободны и ничем не управляются, мы не можем быть общительными существами без лицемерия. Доказательство этого очевидно, поскольку мы не можем препятствовать идеям, которые постоянно возникают внутри нас, и, если бы при помощи искусной хитрости и расчетливого притворства мы не научились прятать и подавлять их, никакое цивилизованное общение не было бы возможно; а если бы все, что мы думаем, должно было быть открыто высказано другим таким же образом, как оно известно нам, то, наделенные речью, мы не могли бы терпеть друг друга. Я убежден, что каждый человек ощущает правду того, что я говорю; и я скажу своему противнику, что, когда его

язык готовится опровергнуть меня, вся его совесть бунтует. Во всех цивилизованных обществах людей с самой колыбели незаметно учат быть лицемерами, никто не осмеливается признаваться, что он получает выгоду от общественных бедствий или даже от потерь отдельных лиц. Могильщика побьют камнями, если он вздумает открыто желать смерти прихожан, хотя каждый знает, что ему больше не на что жить.

Когда я смотрю на дела человеческой жизни, мне доставляет огромное удовольствие наблюдать, как надежды на прибыль и мысли о барыше заставляют людей меняться, приспособляясь к выражению разнообразных и часто удивительно противоположных настроений, в зависимости от различных профессий людей и положения, которое они занимают. Какими веселыми и жизнерадостными кажутся все лица на великолепном балу и какая торжественная скорбь соблюдается на маскараде, каким являются похороны! Но гробовщик так же доволен своим барышом, как и танцмейстер: оба они в равной мере устали от своих занятий и веселость одного принуждена в такой же мере, в какой притворна серьезность другого. Те, кто никогда не наблюдал за беседой изощренного в делах торговца и его покупательницы — молодой леди, посетившей его лавку, пропустили очень занимательную сцену из жизни. Я прошу моего серьезного читателя, чтобы он на некоторое время смягчил свою суровость и позволил мне рассмотреть этих людей по отдельности, их скрытые намерения и различные мотивы, исходя из которых они действуют.

Задача торговца — продать как можно больше шелка по цене, благодаря которой он получит, по его мнению, разумный барыш, в соответствии с нормальными прибылями его торговли. Что касается леди, то она будет стремиться к тому, чтобы удовлетворить свой каприз и купить по цене на четыре или шесть пепсов за ярд дешевле, чем обычно продаются те вещи, которые она хочет. На основании того впечатления, которое произвела на нее галантность нашего пола, она воображает (если она не очень безобразна), что у нее приятная внешность, поведение непринужденное и, кроме того, голос обладает особой, только ему присущей мелодичностью; что она хороша собой и если не красива, то по крайней мере более приятна, чем большинство молодых женщин, которых она знает. Поскольку у нее нечем подкрепить свои

претензии на то, чтобы купить те же самые вещи за более низкую цену, чем платят другие люди, кроме ее хороших качеств, то она показывает себя с наилучшей стороны, с наибольшей выгодой, насколько позволяет ей ум и благоразумие. Мысли о любви в данном случае совершенно исключены; поэтому, с одной стороны, у нее нет возможности разыгрывать из себя тирана и напускать на себя сердитый и капризный вид, а с другой стороны, она обладает большей свободой говорить любезно и быть более приветливой, чем почти во всех других случаях. Она знает, что к нему в лавку приходит множество хорошо воспитанных людей, и стремится показать себя настолько дружелюбной, насколько позволяют добродетель и правила приличия. Приняв такое решение о линии своего поведения, она не может встретиться в лавке ни с чем, что могло бы вывести ее из себя.

Прежде чем ее экипаж успевает окончательно остановиться, к ней приближается мужчина, по виду джентльмен, все на нем опрятно и модно; он с низким поклоном выражает ей свое почтение, и, как только становится известным ее желание зайти в лавку, он проводит ее туда, а затем немедленно ускользает от нее и через боковой проход, который остается видимым только менее одного мгновения, с величайшей ловкостью водружается за прилавком; и там, обратившись к ней с глубоким уважением, произнеся приличествующие фразы, он просит оказать ему любезность и сообщить ее желания. Пусть она говорит что угодно, пусть ей все не нравится, ей никогда не будут открыто противоречить: она имеет дело с человеком, у которого абсолютное терпение является одним из таинств профессии, и какое бы беспокойство она ни причинила, она, конечно, не услышит ничего, кроме самых вежливых выражений, и всегда будет видеть перед собой жизнерадостное выражение лица, где радость и уважение, кажется, слились с добродушием и все вместе составили искусственную безмятежность, более обаятельную, чем способна породить необученная природа.

Когда два человека так рады встрече, беседа должна быть очень приятной, а также чрезвычайно вежливой, хотя они и говорят о пустяках. Пока она остается в нерешительности относительно того, что взять, он, кажется, в равной мере не может ей ничего определенного посоветовать и очень осторожен в отношении того, в каком направлении должен пойти ее выбор; но, как только она его

сделала и приняла решение, хозяин немедленно приобретает твердость, определенно говорит о том, что это — самое лучшее из данного сорта, превозносит ее вкус и, чем более он на него смотрит, тем больше удивляется, как это он раньше не обнаружил превосходства этого материала над всем, что у него есть в лавке. Благодаря наставлениям, примеру и огромному усердию он научился незаметно забираться в самые сокровенные уголки души, определять способности своих покупателей и находить их слабую струнку, неизвестную им самим. Благодаря всему этому он обучен пятидесяти другим хитростям, как заставить ее переоценивать собственную мудрость, а также тот товар, который она собирается купить. Самое большое преимущество, которое он имеет над ней, заключается в самой существенной части общения между ними — в споре о цене, которую он знает до последнего гроша, а она не знает совершенно. Поэтому ни в чем больше он так отъявленно не обманывает ее, как в этом; и, хотя здесь ему предоставляется полная свобода говорить о себестоимости и деньгах, от которых якобы он отказался, любую ложь, какая только ему нравится, он все же доверяет не только лжи, а, задевая тщеславие покупательницы, заставляет ее верить самым невероятным в мире вещам относительно своей слабости и ее выдающихся способностей. Он говорит, что ранее он принял решение ни за что не отдавать эту штуку шелка меньше чем за такую-то цену, но она сумела его уговорить расстаться с ней, чего не удавалось до нее никому из тех, кому он продавал свой товар. Он заявляет, что терпит убыток на этом шелке, но, видя, что он ей понравился и что она решила не давать за него более высокую цену, он скорее отдаст ей эту штуку, чем доставит неудовольствие леди, которую он так чрезвычайно высоко ценит, и только молит, чтобы в следующий раз она не была бы с ним так непреклонна. Между тем покупательница, зная, что она не глупа и умеет поговорить, легко убеждается в том, что она может очень обаятельно разговаривать, и, считая достаточным для подтверждения своего хорошего воспитания не признавать своего достоинства, в каком-то остроумном ответе резко опровергает его комплимент, а он заставляет ее с очень большим чувством удовлетворения проглатывать по существу все, что он ей говорит. В результате получается, что, испытывая удовлетворение от того, что она сэкономила девять пенсов на ярде, она по-

купает шелк по точно такой же цене, как и любые другие покупатели, и часто дает на шесть пенсов больше, чем он взял бы, чтобы не упустить покупателя.

Может случиться так, что из-за того, что этой леди недостаточно льстили, из-за какого-то недостатка, который она соблаговолила найти в его поведении или, может быть, в его манере повязывать галстук, или из-за какой-либо иной его вины, столь же значительной, эта леди будет для него потерян как клиент и отдаст свое предпочтение какому-либо другому представителю братства купцов. Но там, где многие из них живут целой группой, определить, в какую лавку пойти, не всегда легко, и причины, объясняющие выбор, сделанный представительницами прекрасного пола, часто очень причудливы и охраняются, как величайшая тайна. Мы следуем своим склонностям с наибольшей свободой тогда, когда нельзя проследить их источник, а другие люди не имеют оснований их подозревать. Одна добродетельная женщина предпочитает одну лавку всем остальным, потому что в ней она видела привлекательного мужчину, а другая, пользующаяся не менее хорошей репутацией, — потому что перед данной лавкой ее приняли с большей любезностью, чем ей оказывали где бы то ни было, когда она и не думала о покупках и направлялась в собор св. Павла¹². Ибо среди торговцев модными товарами принято, чтобы честный купец находился постоянно перед дверями своей собственной лавки, и для того, чтобы привлекать случайных клиентов, он не может назойливо приставать к ним или прибегать к каким-либо иным вольностям, кроме подобострастного вида, угодливой позы, и, может быть, поклона каждой хорошо одетой женщине, которая вздумает бросить взгляд в направлении его лавки.

Последнее, что я сказал, наводит меня на мысль о еще одном способе завлечения клиентов, из всех существующих в мире наиболее удаленном от того, о котором я только что упоминал; я имею в виду тот, который используется перевозчиками, особенно в отношении тех, кого они по поведению и одежде совершенно правильно принимают за сельских жителей. Даже приятно наблюдать, как полдюжины людей окружают человека, которого они раньше в глаза не видели, и двое из них, кто могут подойти ближе всего, ухватив его одной рукой за шею, крепко обнимают его так любовно и привычно, как будто бы он был их братом, недавно вернувшимся из путешествия в Ост-Индию;

третий хватает его за руку, четвертый — за рукав, за куртку, за пуговицы или за все, до чего он может добраться, в то время как пятый или шестой, уже дважды обежав вокруг него, но не сумев за него уцепиться, останавливается прямо перед захваченным человеком, и, на расстоянии трех дюймов от его носа широко раскрыв рот, старается перекричать своих соперников, показывая ему отвратительные крупные зубы и небольшой кусок — остаток хлеба с сыром, который прибытие селянина помешало ему проглотить.

Во всем этом не воспринимается никакого оскорбления, и крестьянин справедливо полагает, что они его обхаживают; поэтому он не только не протестует, но, напротив, терпеливо позволяет им тянуть или толкать себя в том направлении, куда увлекает его сила тех, кто его окружает. Его чувства не настолько утонченны, чтобы он придирался к дыханию человека, только что погасившего трубку, или к сальной конне волос, которая трется о его челюсти: он привык к грязи и поту с самой колыбели, и его не беспокоит то, что полдюжины людей, один из которых прямо у него над ухом, а другие, самые дальние, не далее пяти футов от него, кричат так, как будто до него не меньше ста ярдов. Он сознает, что когда он сам веселится, то производит не меньше шума, и втайне доволен их бурными изъявлениями чувств. То, что его куда-то тянут и толкают, он истолковывает так, как оно в действительности есть, — это ухаживание, которое он чувствует и понимает. Он не может не желать им блага за то уважение, которое они, кажется, к нему испытывают. Он любит, когда на него обращают внимание, и восхищается лондонцами за то, что они так настойчиво предлагают ему свои услуги за три пенса или даже дешевле, в то время как в деревенской лавке, куда он ходит, он ничего не может получить, а должен сначала сказать, чего он хочет, и, хотя он выкладывает три-четыре шиллинга за раз, едва услышит хоть одно слово, разве что в ответ на вопрос, который он сам вынужден первый задать. Такое рвение в отношении к нему трогает его чувство благодарности, и, не желая никого обидеть, он искренне не знает, кого выбрать. Я наблюдал все эти или им подобные мысли на лице человека так же ясно, как видел его нос, при этом он шел с очень довольным видом, нагруженный перевозчиками, и с улыбающимся лицом шел к набережной на

себе на сорок — пятьдесят килограммов больше, чем его собственный вес.

Если то некоторое легкомыслие и юмор, которые я проявил, рисуя эти две сцены из обыденной жизни, не приличествуют мне, я приношу свои извинения за них, но обещаю, что больше не буду виновен в этой ошибке, а теперь, не теряя более времени, продолжу доказательство своего аргумента с безыскусной прямой простотой и покажу, что те, кто воображает, будто наши общественные добродетели и приятные качества, достойные похвалы, так же выгодны обществу, как и отдельным лицам, которые ими обладают, и что способы процветания и все то, что способствует благосостоянию и истинному счастью частных семей, должно оказывать такое же влияние на все общество, совершают грубую ошибку. Признаюсь, что именно это я стремился доказать на протяжении всей книги, и, льщу себя надеждой, не безуспешно. Но я надеюсь, что проблема никому не станет нравиться меньше только потому, что ее справедливость доказана не одним, а несколькими способами.

Безусловно, чем меньше желаний у человека и чем менее он жаждет их выполнения, тем легче ему управляться с самим собой; чем более активно он сам удовлетворяет свои потребности и чем менее он требует, чтобы ему прислуживали, тем больше его любят и тем меньше хлопот он доставляет семье; чем больше он любит мир и согласие, чем больше милосердия он проявляет в отношении своего ближнего, чем более он блистает истинной добродетельностью, тем более он, несомненно, в такой же мере приемлем богу и человеку. Но давайте будем справедливы: какую выгоду могут принести эти вещи или какие земные блага они могут произвести, чтобы увеличить богатства, славу и мирское величие народов? Именно чувственный вельможа не ставит границ своей роскоши; ветреная куртизанка изобретает новые моды каждую неделю; высокомерная герцогиня в экипировке, развлечениях и во всем своем поведении подражает принцессе; щедрый повеса и расточительный наследник сорят деньгами без всякого ума или соображения, покупают все, что попадает на глаза, и либо уничтожают, либо отдают его на следующий день; алчный и вероломный негодяй, выжавший огромное состояние из слез вдов и сирот и оставивший деньги на мотовство сыновьям,— именно они являются

добычей и подходящей пищей матерого левнафана; или, другими словами, таково печальное, чреватое бедствиями состояние человеческих дел, что нам нужны те бедствия и монстры, которые я упомянул, чтобы совершался весь тот огромный разнообразный труд, который способна изобрести человеческая фантазия, чтобы обеспечить честный способ заработать на жизнь огромному числу трудящихся бедняков, которые необходимы, чтобы получилось большое общество; и было бы глупостью воображать, что без них великие и богатые страны могут существовать и быть одновременно могущественными и цивилизованными.

Я так же резко выступаю против папства, как когда-то выступали Лютер, или Кальвин, или сама королева Елизавета¹³, но я со всей искренностью полагаю, что Реформация едва ли более способствовала превращению тех королевств и государств, которые она охватила, в процветающие страны, обогнавшие все другие, чем глупое и капризное изобретение — стеганые юбки или нижние юбки на фижмах. Но если справедливость моего утверждения будет опровергаться врагами власти духовенства, я по крайней мере уверен в том, что, если исключить великих людей, которые боролись за это благо мирян или против него, Реформация с самого ее начала до сего дня не заняла столько рук, честных, прилежных, трудолюбивых рук, сколько то отвратительное усовершенствование женской роскоши, которое я упомянул, за несколько лет. Религия — это одно, а торговля — другое. Тот, кто причиняет больше всего беспокойства тысячам своих соседей и изобретает самые трудоемкие производства, является, прав он или не прав, величайшим другом общества.

Какая суматоха должна подняться в различных частях света, прежде чем будет изготовлено тонкое алое или пурпурное сукно, какое огромное число ремесленников и мастеровых должно быть занято этим! Не только те, участие которых само собой разумеется, — чесальщики шерсти, прядильщики, ткачи, суконщики, мойщик тканей, красильщик, усадчик, волочильщик и унаковщик, но и другие, которые более отдалены от этого дела и, кажется, могли бы не иметь к нему отношения, такие, как механик, оловянный и химик, которые, однако, все так же необходимы, как и большое число других ремесленников, чтобы иметь инструменты, принадлежности и другие орудия, необходимые для занятий, уже перечислен-

ных. Но все эти вещи изготавливаются в стране и могут быть сделаны без чрезмерного напряжения или риска; а эта грандиознейшая картина будет превзойдена, когда мы подумаем о тех трудах и опасностях, которые надо перенести за рубежом, об огромных морях, которые мы должны переплыть, о разных климатах, которые мы должны вытерпеть, и различных странах, которым мы должны быть обязаны за их помощь. Правда, одна Испания могла бы нас снабдить шерстью для изготовления самого тонкого сукна; но какое умение и старание, какой опыт и изобретательность требуются для того, чтобы окрасить ее в эти великолепные цвета! Насколько далеко друг от друга рассеяны во Вселенной красители и другие составные части, которые должны соединиться в одном чане! Правда, квасцы у нас есть свои; винный камень мы можем получить с Рейна, а купорос — из Венгрии — все это есть в Европе; но зато, чтобы получить в большом количестве селитру, мы вынуждены направляться в Ост-Индию. Кошениль¹⁴, неизвестный древним, ненамного ближе к нам, хотя и в совершенно иной части света; правда, мы покупаем его у испанцев, но, поскольку он не является их продуктом, они вынуждены добывать его для нас в самом отдаленном уголке Нового света, в Ост-Индии. В то время как такое огромное число моряков жарится на солнце и изнемогает от зноя к востоку и западу от нас, другие мерзнут на севере, чтобы привезти поташ из России.

Когда мы тщательно ознакомились со всем разнообразием трудов и забот, лишений и бедствий, которые надо преодолеть, чтобы достичь той цели, о которой я говорю, и принимаем во внимание огромный риск и опасность, с которыми мы сталкиваемся во время этих путешествий, и тот факт, что очень немногие из них совершаются без потерь не только здоровья и имущества, но и многих жизней,— повторяю, когда мы знакомы с явлениями, которые я назвал, и должным образом принимаем их во внимание, мы едва ли можем представить себе такого бесчеловечного и лишенного стыда тирана, который, видя все в таком же самом свете, что и мы, тем не менее требовал бы такой ужасной службы от своих невпущенных рабов и в то же время осмеливался бы признаваться, что он делал это не по какой-либо иной причине, а чтобы человек получал удовольствие от одеяния, изготовленного из алого или пурпурного сукна.

Но какого же высокого уровня должна достигнуть роскошь в стране, где не только офицеры короля, но и его охрана и даже рядовые солдаты могут иметь такие дерзкие желания!

Но если мы изменим угол зрения и посмотрим на все эти труды как на добровольные действия, свойственные различным профессиям и занятиям, которым обучены люди для того, чтобы зарабатывать себе на жизнь, когда каждый трудится для себя, хотя может казаться, что работает на других; если мы примем во внимание то обстоятельство, что даже матросы, которые испытывают величайшие лишения, но, только что вернувшись из одного рейса, даже после кораблекрушения, ищут и просят работы на другом корабле, — повторяю, если мы примем это во внимание и посмотрим на эти вещи с иной точки зрения, мы обнаружим, что труд для бедных не только не является бременем и наказанием, но, напротив, для них получить работу — благо, о котором они молятся в своих молитвах, обращенных к небу, и обеспечить большинство их работой — самая главная забота каждого законодательного органа.

Поскольку подростки и даже маленькие дети раздражают старшим, все юноши и девушки испытывают страстное желание стать мужчинами и женщинами и часто выглядят нелепо из-за своих нетерпеливых попыток казаться тем, чем они, как все видят, не являются; все крупные общества в немалой степени обязаны этой глупости увековечиванием или по меньшей мере длительным поддержанием некогда возникших занятий. Какие усилия не предпримут молодые люди, какое насилие они не совершат над собой, только чтобы приобрести незначительные и часто заслуживающие порицания качества, которыми они из-за недостатка ума и опыта восхищаются у других, превосходящих их по возрасту! Эта любовь к подражательству заставляет их постепенно привыкать к употреблению вещей, вначале их раздражавших, если они вообще их выносили, а теперь они не знают, как от этих вещей отстать, и очень жалеют, что безо всякой необходимости необдуманно увеличили свои жизненные потребности. Какие состояния были приобретены благодаря торговле чаем и кофе! Какая ведется обширная торговля, какое разнообразие работ совершается в мире для поддержания тысяч семей, которые целиком зависят от двух глупых, если не отвратительных привычек — нюханье и

курение табака; обе, несомненно, приносят бесконечно больше вреда, чем пользы, тем, кто к ним пристрастился! Я пойду дальше и покажу полезность потерь и несчастий отдельных лиц для общества в целом, а также безумство наших желаний, которые мы испытываем в тот момент, когда делаем вид, что более всего мудры и серьезны. Пожар Лондона был огромным бедствием; но если бы плотники, каменщики, кузнецы и все мастеровые, не только занятые в строительстве, но в равной мере и изготовляющие те самые изделия и другие товары, погибшие от огня, и торгующие ими, и, далее, другие ремесленники и торговцы, получавшие от них прибыль, когда были полностью заняты, должны были голосовать против тех, кто потерпел убыток в результате пожара, то изъявлений радости было бы столько же, сколько жалоб, если не больше. Значительная часть промышленности и торговли используется на то, чтобы восстанавливать потерянное и уничтоженное пожарами, штормами, морскими битвами, осадами, сражениями; справедливость этого и всего, что я сказал о природе общества, будет ясно видна из нижеследующего.

Было бы трудной задачей перечислить все преимущества и разнообразные выгоды, которые получает страна от мореплавания и морских перевозок. Но если мы только посмотрим на сами корабли, на каждое судно, большое и малое, используемое для плавания, от самого маленького ялика до военного корабля первого класса, строевой лес и рабочие руки, занятые на их строительстве; и учтем смолу, деготь, канифоль, жир, мачты, реи, паруса и оснастку; разнообразие кузнечных работ, канатов, весел и всего остального, что им принадлежит, то мы обнаружим, что обеспечение такой страны, как наша, всеми этими необходимыми предметами составляет значительную часть европейской торговли, не говоря уже о всякого рода припасах и снаряжении, потребляемых на них, или о моряках, перевозчиках и других работниках с семьями, живущих за их счет.

Но если мы, с другой стороны, посмотрим на многочисленные несчастия и разнообразные бедствия, как нравственные, так и физические, выпадающие на долю народов из-за мореплавания и торговли с иностранцами, картина получится действительно ужасающая; и если можно было бы предположить существование большого густонаселенного острова, обитатели которого совершен-

но незнакомы с кораблями и морскими делами, но во всех остальных отношениях мудрые и сдержанные люди; и если бы какой-либо ангел или их добрый гений мог положить перед ними чертеж или план, где они могли бы увидеть, с одной стороны, все богатства и реальные выгоды, которые могут быть приобретены благодаря мореплаванию за тысячу лет, а с другой стороны, имущество и жизни, которые будут потеряны, и все остальные бедствия, которые неизбежно придется из-за этого перенести в течение того же времени, то, я уверен, они бы смотрели на корабли с ужасом и отвращением, а их благоразумные правители строго запретили бы изготовление и изобретение всех сооружений или орудий любых форм и размеров, при помощи которых можно было бы выйти в море, и не допустили бы всех таких отвратительных затей под страхом суровых наказаний, если не самой смерти.

Но если мы оставим в стороне неизбежные последствия внешней торговли — развращение нравов, а также чуму, сифилис и другие болезни, завозимые к нам через мореплавание, и обратим свой взгляд только на то, что либо может быть отнесено за счет ветра и непогоды, коварства морей, льдов севера, насекомых-паразитов юга, темноты ночей, вредности климата, либо вызывается отсутствием хорошей провизии и ошибками мореходов, неумением одних и халатностью и пьянством других; и если мы примем во внимание гибель людей и сокровищ, проглоченных морской пучиной, слезы и лишения тех, кого море сделало вдовами и сиротами, разорение купцов и его последствия, постоянную тревогу, которую испытывают родители и жены за безопасность своих детей и мужей, и не забудем ту острую боль и душевные муки, которые многократно переживают все владельцы судов и грузов и страхователи торговой страны при каждом порыве ветра, — повторяю, если мы обратим свой взгляд на эти вещи, рассмотрим их с должным вниманием и придадим им то значение, которого они заслуживают, то разве не покажется нам удивительно, что народ, состоящий из мыслящих людей, говорит о своих кораблях и мореплавании как об особом благе, ему ниспосланном, и считает необычайным счастьем, что имеет бесчисленное количество рассеянных по всему огромному миру судов, одни из которых уходят, а другие возвращаются из всех уголков Вселенной?

Но давайте при размышлении об этих вещах на один момент ограничимся рассмотрением того, что испытывают только корабли, сами суда с их оснасткой и принадлежностями, не думая ни о грузе, который они перевозят, ни о матросах, которые их обслуживают, и мы обнаружим, что ущерб, который наносится только таким путем, очень значителен и должен из года в год составлять огромные суммы. Корабли, которые идут на дно моря, разбиваются о скалы и поглощаются песками, некоторые только из-за ярости бурь, а другие еще и из-за недостатка опыта и знания побережья у лоцманов; мачты, сбитые ветром или же в силу необходимости срубленные моряками и выброшенные за борт; реи, паруса и такелаж различных размеров, уничтоженные штормами, и якоря, которые теряются; добавьте к этому необходимость заделывать возникающие течи и устранять другой ущерб, наносимый яростью ветров и буйством волн. На многих кораблях возникают пожары из-за неосторожности команды или вследствие употребления крепких спиртных напитков, к которым матросы привязаны больше, чем кто-либо другой. Иногда нездоровый климат, а иногда плохая провизия приводят к смертельным недугам, которые уничтожают большую часть команды, и немало кораблей потеряно из-за пехватки матросов.

Таковы все бедствия, неотделимые от мореплавания, и они кажутся огромными препятствиями, которые стопят колеса внешней торговли. Каким счастливым почитал бы себя купец, если бы его кораблям всегда была обеспечена хорошая погода и тот ветер, который ему нужен, а каждый нанятый им мореход, от самого высшего до самого нижнего чина, был знающим, опытным моряком и осторожным, трезвым, хорошим человеком! Если бы такое счастье можно было получить за молитву, какой судовладелец и торговец в Европе, и даже во всем мире, не терзал бы целый день небеса, чтобы получить такое благословение для себя, не обращая внимание на то, какой ущерб это причинило бы другим? Такая просьба, безусловно, была бы незаконной, но где вы найдете такого человека, который считает, что у него нет права высказывать ее? И поэтому, раз каждый утверждает, что имеет равное право на эти блага, давайте предположим, что все их молитвы услышаны, а желания удовлетворены, а затем изучим последствия такого

счастья, не оставаясь на невозможности того, чтобы это сбылось.

Корабли были бы полностью пригодны для плавания столько же времени, сколько стоят деревянные дома, потому что они так же прочно построены, а последние должны подвергаться воздействию сильных ветров и других бурь, которые, в соответствии с нашим предположением, не должны причинять ущерб первым, так что прежде, чем возникла бы какая-либо реальная потребность в новых кораблях, живущие ныне подрядчики-кораблестроители и все, кто им подчинен и связан с кораблестроением, умерли бы естественной смертью, если бы не умерли с голода или не встретили иной безвременный конец. Ибо во-первых, раз все корабли шли бы с попутным ветром и никогда не теряли времени на его ожидание, они совершали бы очень быстрые переходы как из порта, так и обратно; во-вторых, грузы не повреждались бы морем и не выбрасывались бы за борт из-за опасностей, создаваемых непогодой, а весь груз всегда бы благополучно прибывал на берег; а отсюда следовало бы, что три четверти уже существующих торговых судов были бы тогда ненужными, а весь флот судов, имеющихся сейчас в мире, служил бы огромное число лет. Мачты и реи служили бы столько же, сколько и сами суда, и нам в течение долгого времени не нужно было бы из-за них беспокоить Норвегию. Правда, паруса и оснастка тех немногих судов, которые используются, изнашивались бы, но менее чем вчетверо медленнее, чем сейчас, ибо часто они за один час шторма повреждаются больше, чем за десять дней хорошей погоды.

Редко требовались бы новые якоря и канаты, и один служил бы кораблю столько, что и представить трудно. Только одно это обстоятельство дало бы много утомительных праздников кузнецам — изготовителям якорей и канатным фабрикам. Это общее сокращение потребления оказало бы такое влияние на торговцев лесом и на всех тех, кто ввозит железо, парусину, коноплю, деготь, смолу и т. п., что было бы полностью потеряно четыре пятых того, что, как я говорил в начале своего рассуждения о морских делах, составляло значительную отрасль европейской торговли.

До сих пор я касался только тех последствий этого блага, которые имеют отношение к мореплаванию, но, кроме того, оно причинило бы ущерб всем другим отраслям промышленности и торговли и было бы губитель-

ным для бедняков каждой страны, которая вывозит что-либо произрастающее или производимое в ней. Товары и изделия, ежегодно погибающие в морской пучине, поврежденные в море соленой водой, жарой, паразитами, уничтоженные огнем или потерянные купцом в результате других происшествий, вызванных штормами или утомительными переходами или же халатностью или жадностью матросов, — повторяю, такие товары и изделия составляют значительную часть того, что ежегодно посылается за рубеж по всему миру и что дает работу огромному числу бедняков, прежде чем погружается на борт корабля. Сотня тюков сукиа, сгоревших или погребенных на дне Средиземного моря, принесли такую же выгоду беднякам Англии, как если бы они благополучно прибыли в Смирну или Аленю и каждый ярд их был продан в розницу во владениях Великого Синьора.

Может обанкротиться кузнец, и от этого могут пострадать сукошник, красильщик, упаковщик и другие ремесленники, люди среднего достатка; но бедняки, которые выполняли работу, никогда не могут потерять на этом. Поденщики обычно получают свою плату раз в неделю, а всем рабочим, по крайней мере гораздо большей части их, которые были заняты либо в одной из разнообразных отраслей самого производства, либо в перевозках по суше и воде, которые необходимы для того, чтобы довести сукно до совершенства, начиная от спины овцы и до судна, на которое его нагрузили, было уплачено прежде, чем тюк поступил на борт. Если кто-либо из моих читателей сделает выводы *in infinitum*¹⁵ из моих утверждений, что товары, потонувшие или сгоревшие, приносят такую же выгоду беднякам, как если бы их продали за хорошую цену и употребили в соответствии с их назначением, я считаю его придиричивым и не заслуживающим ответа: если бы всегда шел дождь и никогда не светило солнце, плоды земли вскоре бы сгнили и погибли; однако ни в коей мере не является парадоксальным утверждать, что для произрастания травы или зерна дождь так же необходим, как и солнечный свет.

Из того, что было уже сказано, можно легко догадаться, каким образом это благо попутных ветров и ясной погоды повлияло бы на самих мореходов и все племя моряков. Поскольку использовался бы едва ли один корабль из четырех, а сами суда никогда бы не подвергались штормам, для работы на них требовалось бы меньше

людей и, следовательно, можно было бы высвободить пять из шести имеющихся у нас сейчас матросов, что для нашей страны, где большинство занятий бедняков и так имеет больше работников, чем надо, было бы неблагоприятным поворотом. Как только все эти лишние матросы исчезли бы, нам было бы нельзя снаряжать такие огромные военные флоты, которые мы можем иметь сейчас. Но я не считаю это ни вредом, ни малейшим неудобством: поскольку сокращение численности моряков произойдет во всем мире, все последствие этого сведется к тому, что во время войны морские державы будут вынуждены сражаться с меньшим числом кораблей, а это будет не зло, а счастье; а чтобы довести это блаженство до самого высокого уровня совершенства, нужно добавить еще одно желательное благо, и ни одна страна вообще никогда не будет воевать. Благо, на которое я намекаю, такое, за которое обязаны молиться все добрые христиане, *viz.*, чтобы все государи и государства были бы верны своим клятвам и обещаниям и справедливы по отношению друг к другу, а также к своим подданным; чтобы они больше уважали веления разума и религии, чем государственной политики и корыстной мудрости, и предпочитали бы духовное благоденствие других своим собственным плотским желаниям, а честность, безопасность, мир и спокойствие народов, которыми они управляют, — своей собственной любви к славе, духу мщенья, скупости и честолюбию.

Последний параграф многим может показаться отступлением, мало соответствующим моей главной цели. Но при помощи его я хочу показать, что так же, как доброта, честность и склонность к миру государей и правителей народов не являются теми необходимыми качествами, которые способствуют возвеличиванию народов и увеличению их численности, не способствует этому и непрерывный ряд успехов, который, если бы мог, вымолил на свою долю каждый отдельный человек и который, как я показал, был бы вреден и губителен для большого общества, которое считает блаженством мирское величие и зависть со стороны соседей и ценит себя за свою честь и силу.

Никому не требуется охранять себя от благ, но, чтобы предотвратить беду, нужны руки. Привлекательные качества человека не пробудили к действию ни одного представителя человеческого рода: его честность, его любовь

к обществу людей, его доброта, довольство и бережливость служат лишь средствами поддержки праздного общества, и, чем более они реальны и непритворны, тем надежнее они сохраняют все в состоянии покоя и мира и тем вернее предотвращают всюду беспокойство и само движение. Почти то же самое можно сказать о дарах и щедротах небес и всех щедрых благах и плодах природы: несомненно, чем более они изобильны и чем больше мы их имеем, тем больше мы берегаем свой труд. Но потребности, пороки и несовершенства человека в сочетании с различными суровостями воздуха и других стихий содержат в себе семена всех искусств, трудолюбия и труда. Именно крайности тепла и холода, непостоянство и непригодность времен года, буйство и переменчивость ветров, огромная сила и коварство воды, ярость и непослушность огня и упорство и бесплодность земли заставляют нас напрягать воображение в размышлении о том, как мы либо избежим несчастья, которое они могут принести, либо устраним вред, им причиняемый, и, применяя тысячи различных способов, обратим их различные силы себе на пользу; одновременно мы заняты удовлетворением бесконечного разнообразия своих потребностей, которые будут постоянно множиться по мере увеличения наших знаний и роста наших желаний. Голод, жажда и нагота — первые тираны, которые заставляют нас действовать; за ними следуют наши великие патроны, покровительствующие развитию всех искусств и наук, ремесел, профессий и занятий, — гордость, лень, чувственность и непостоянство, в то время как великие надсмотрщики — нужда, скудость, зависть и честолюбие, каждый в той сфере, которая ему принадлежит, принуждают членов общества трудиться и заставляют всех их — большинство с охотой — подчиняться тяжести и нудности их положения; короли и принцы не являются исключением.

Чем больше разнообразие ремесел и мануфактур, тем больше они поглощают труда, а чем больше они делятся на многочисленные отрасли, тем больше их может быть в обществе людей, не мешающих друг другу, и тем легче можно их превратить в богатый, могущественный и процветающий народ. Очень немногие добродетели дают работу людям, и поэтому они могут сделать небольшой народ добрым, но они никогда не в состоянии сделать его великим. Быть сильным и трудолюбивым, терпеливым в трудном положении и усердным во всяком деле — по-

хвальные качества; но так как эти качества делают то, что должны делать, то они и являются сами для себя вознаграждением, и ни искусство, ни промышленность никогда не награждали их своими дарами, в то время как превосходство человеческой мысли и изобретательности нигде не является столь бросающимся в глаза, как в разнообразии инструментов и приспособлений рабочих и мастеровых и в многочисленности орудий, которые были все изобретены для того, чтобы либо восполнить слабость человека, исправить его многочисленные несовершенства, удовлетворить его лень, либо чтобы облегчить его нетерпение.

В нравственности положение обстоит так же, как в природе; у человеческих созданий нет ничего столь совершенно доброго, что не может быть вредным для кого-либо из членов общества, и ничего абсолютно злого, что не может оказаться выгодным той или иной части мироздания. Так что вещи добры или злы только относительно чего-либо еще и в зависимости от того света и положения, в которые они помещены. С этой точки зрения добрым является то, что доставляет нам удовольствие, и в соответствии с этим правилом каждый человек желает самому себе добра, насколько ему позволяют его способности, и мало обращает внимания на своего соседа. Даже в очень сухое время года, когда совершались публичные молебны с просьбой послать дождь и он наконец шел, кто-либо собиравшийся за рубеж все же мог пожелать, чтобы именно в этот день была хорошая погода, и никогда еще не было такого, чтобы абсолютно все были довольны этим дождем. Когда весной густо всходят хлеба и население страны радуется такому приятному зрелищу, богатый фермер, хранивший прошлогодний урожай в надежде подороже его продать, изнемогает при виде полей и внутренние огорчен перспективой получения изобильного урожая. Более того, мы часто слышим наших лентяев, открыто домогающихся имущества других, но, чтобы не быть несправедливыми, несомненно, добавляющих это мудрое условие — без ущерба для владельцев; но, боюсь, они часто домогаются имущества без такого ограничения в своих сердцах.

Счастье, что молитвы, а также желания большинства людей не имеют значения и ни на что не годятся; в противном случае единственным, что сохраняло бы людей пригодными для общества и предотвращало бы наступ-

ление хаоса в мире, была невозможность удовлетворения всех просьб, обращенных к небу. Исполненный сознания долга изящный молодой джентльмен, только что вернувшийся из путешествия, с нетерпением ждет в Бриле ¹⁶ восточного ветра, который перенесет его в Англию, где умирающий отец хочет обнять и благословить его перед тем, как испустить последний вздох, и лежит, призывая его, ослабевший от горя и нежности. Тем временем британский посланник, который должен заботиться об интересах протестантов в Германии, мчится на лошадах в Гарвич ¹⁷ и страшно торопится, надеясь быть в Ратисбоне ¹⁸ до прекращения работы парламента. В то же самое время богатый флот готов отправиться в Средиземное море, а отличная эскадра направляется на Балтику. Вероятно, все это может случиться одновременно, но крайней мере не составляет труда предположить, что такое может произойти. Если эти люди не безбожники и не очень великие распутники, у них всех возникнут хорошие мысли перед отходом ко сну, и, следовательно, перед тем, как заснуть, они все должны молиться о попутном ветре, каждый о своем, и о благополучном путешествии. Я скажу лишь только, что это их долг, и, возможно, все они могут быть услышаны, но я уверен, что им нельзя услужить всем одновременно.

Льщу себя надеждой, что всем этим я показал, что ни благоприятные качества и добрые чувства, данные человеку от природы, ни истинные добродетели, которые он может приобрести при помощи разума и самоотречения, не являются основой общества; но то, что мы называем в этом мире злом, как моральным, так и физическим, является тем великим принципом, который делает нас социальными существами, является прочной основой, животворящей силой и опорой всех профессий и занятий без исключения; здесь должны мы искать истинный источник всех искусств и наук; и в тот самый момент, когда зло перестало бы существовать, общество должно было бы прийти в упадок, если не разрушиться совсем ¹⁹.

Я бы мог с огромным удовольствием добавить тысячу вещей, чтобы подкрепить и еще более ярко показать эту истину; но из боязни быть надоедливым я закончу, хотя признаюсь, что я и вполниту так не заботился о том, чтобы заслужить одобрение других, как я старался доставить самому себе удовольствие в ходе этой забавы; все же, если я когда-либо услышу, что, предаваясь этому

развлечению, я что-то дал умному читателю, это всегда будет увеличивать то удовлетворение, которое я получил во время работы. Питая такую надежду, которую подсказывает мне мое тщеславие, я с сожалением покидаю читателя и в заключение повторяю тот кажущийся парадокс, суть которого излагается на титульном листе: пороки отдельных лиц при помощи умелого управления со стороны искусного политика могут быть превращены в блага для общества.

**ЗАЩИТА КНИГИ ОТ КЛЕВЕТЫ,
СОДЕРЖАЩЕЙСЯ В ЗАЯВЛЕНИИ
БОЛЬШОГО ЖЮРИ МИДЛСЕКСА
И БРАННОМ ПИСЬМЕ ЛОРДУ С.**

ЗАЩИТА КНИГИ

Для того чтобы читатель мог быть полностью осведомлен о существовании спора, возникшего между мной противниками и мною, необходимо, чтобы перед тем, как увидеть мою защиту, он ознакомился со всем делом в целом и имел перед собой вообще все обвинения, выдвигаемые против меня.

Заявление присяжных большого жюри сформулировано следующим образом:

Мы, присяжные большого жюри графства Мидлсекс, с величайшей скорбью и озабоченностью отмечаем, что почти еженедельно публикуется множество книг и брошюр, направленных против священных догматов нашей святой религии и всего благочиния и порядка в церкви, и нам представляется, что тот образ действий, при помощи которого это делается, направлен непосредственно на распространение неверия и, следовательно, на подрыв всех моральных устоев.

Мы обоснованно ощущаем доброту всемогущего, который спас нас от чумы, посетившей соседнюю с нами страну, за какую великую милость его величество всемилостивейше соизволил приказать в своем воззвании вознести благодарственные молитвы небу; но насколько должно быть досадно всемогущему, что его милости и благодеяния, ниспосланные Англии, и наш благодарственный молебен, публично отслуженный за это, сопровождаются такими вопиющими проявлениями нечестия.

Мы не знаем ничего, что может оказать большую услугу его величеству и протестантскому престолонаследию (которое счастливо установилось у нас в Англии для защиты христианской религии), чем пресечение богохуль-

ства и нечестивости, которые непосредственно стремятся к тому, чтобы подорвать само основание, на котором стоит правительство его величества.

Столь неугодны были эти фанатики неверия в своих дьявольских попытках подорвать религию, что они:

во-первых, открыто богохульствовали и отрицали учение о вечно благословенной троице, стремясь под благовидными предлогами возродить арианскую ересь¹, которую, в какой бы стране она ни была введена, всегда преследовало мщение неба;

во-вторых, они утверждали существование абсолютной судьбы и отрицали провидение и власть всемогущего в мире;

в-третьих, они стремились подорвать все благочиние и порядок церкви и пытались при помощи отвратительных и несправедливых размышлений о духовенстве вызвать презрение ко всей религии, чтобы вольнодумством своих мнений поощрять других и вовлекать их в свои безправственные деяния;

в-четвертых, чтобы более успешно утверждать всеобщее вольнодумство, они поносили университеты и с величайшей злобой и ложью отвергли всякое обучение молодых людей началам христианской религии;

в-пятых, чтобы более успешно продолжать эти сатанинские дела, они прибегли к обдуманым уловкам и прикрылись фальшивыми фразами, чтобы обрушиться на религию и добродетель как на приносящие вред обществу и пагубные для государства и восхвалять роскошь, скупость, гордость и всякого рода пороки как необходимые для благосостояния народа и не ведущие к разрушению нашего строя; более того, даже в защиту самих публичных домов высказаны притянутые не к месту оправдания и вымученные панегирики и воспроизведены печатно с целью, как мы полагаем, развратить народ.

Так как упомянутые принципы непосредственно направлены на подрыв всей религии и гражданского правления, наш долг перед всемогущим, наша любовь к стране и уважение к нашей присяге обязывают нас сделать настоящее заявление в отношении... как издателя книги, названной «Басня о пчелах, или Пороки частных лиц — блага для общества», 2-е издание, 1723 г.

А также...

как издателя еженедельной газеты под названием «Бри-тиш джорнел» № 26, 35, 36 и 39.

Письмо, недовольство которым я выражаю, следующее.
Милорд,

Всемирнопопавшим короля и истинным друзьям установленному правительству и престолонаследия в про-ставленном доме Ганноверском² приятно услышать известие о том, что вы, ваша светлость, замысляете применить определенные действенные средства для избавления нас от опасностей, которыми, кажется, угрожают счастливому правлению его величества Катилина под именем Катона³, автор книги «Басня о пчелах» и другие из того же братства, которые, без сомнения, являются полезными друзьями претендента⁴ и, дабы ему помочь, прилежно трудятся над тем, чтобы подорвать и разрушить наш строй под благовидным предлогом его защиты. Мудрое решение вашей светлости полностью запретить такие нечестивые писания и данное уже указание, чтобы большие жюри некоторых графств немедленно вынесли обвинительное заключение против них, убедительно покажут стране, что в ней не будет допускать или терпеть никаких посягательств на христианство. И это осуждение сразу же избавит умы людей от того беспокойства, которое пыталось возбудить в них это гнусное племя инсак; оно будет поэтому твердым оплотом протестантской религии, успешно и окончательно расстроит планы и надежды претендента на престол, и надежнее всего предохранит нас от какого-либо изменения правительства. А если люди почему-либо полагают, что какое-либо отдельное лицо, играющее роль в правительстве, проявляет любую, самую малейшую небрежность в отношении религии, и начинают, ревностно заботясь о ней, думать, что можно было бы что-то сделать для защиты ее от каждого малейшего намека на опасность, к ней приближающуюся, а этого не делается, то ни один верный бритт не может не быть озабоченным. А эта ревностная забота, милорд, могла бы, вероятно, возникнуть, если бы не были приняты меры с целью подавить и сокрушить открытых проповедников неверия. Заставить кого-либо выбросить из головы ревностность, когда она туда проникла, не легко. Ревностность, милорд, она такой же бешеный дьявол, как и все остальные. Я наблюдал, как маленькой, хрупкой, слабой женщине приступ ревностности придавал такие силы, что ее не смогли удержать пять гренадеров. Милорд, продолжайте осуществлять свои правильные способы предохранения людей от этой проклятой ревностности, ибо из

всех различных видов и проявлений ее у людей самым буйным, самым страшным и самым безумным является тот, который касается их религии, и соответственно во времена прежних правлений он привел к тем различным бедствиям, которые ваша светлость справедливо решили предотвратить, послушно подчиняясь королевской власти и следуя примеру его величества, который всемилостивейше дал указания (хорошо известные вашей светлости) о сохранении единства церкви и чистоты христианской веры. Напрасно кто-либо думает, что английский народ когда-либо откажется от своей религии или сильно полюбит правительство, которое не будет защищать ее так же мудро, как защищает ее от таких наглых нападков, с которыми выступают против нее писаки, нынешнее правительство; ибо, как знает ваша светлость, писака — справедливое название для каждого автора, который, прикрываясь любой более или менее правдоподобной видимостью здравого смысла, пытается изощренными и искусными — и ложными — доводами и измышлениями подорвать религию и, следовательно, довольство и покой, мир и счастье своих братьев-подданных. Да отвратит от нас небо те невыносимые бедствия, которые навлекла бы на нас римская [католическая] церковь! Тирания — проклятье человеческого общества; и нет тирании более тяжелой, чем тирания тройной короны⁵. И поэтому наш свободный и счастливый народ совершенно правильно испытывает абсолютное отвращение и страх в отношении папства и всего того, что похоже на поощрение его или содействие ему; но он также ненавидит и страшится оскорблений, наносимых самому христианству нашими британскими католиками, которые прикрывают свои предательские замыслы против него фальшивыми вывесками уважения и доброй воли в отношении нашей благословенной протестантской религии, хотя они показывают, и притом слишком явно, что они не заслуживают того, чтобы их называли протестантами, если только это звание не принадлежит тем, кто в действительности протестует против всякой религии.

И действительно, людей нельзя особенно винить за то, что они как-то не хотят расставаться со своей религией. Ибо они вам говорят, что есть бог, и что бог правит миром, и что он имеет обыкновение благословлять или уничтожать королевства в зависимости от преобладания в них религии или безбожия. У вашей светлости прекрасное

собрание книг; и, что еще более прекрасно, вы, безусловно, понимаете их и можете мгновенно использовать в интересах любого важного дела. Поэтому я был бы рад узнать, не может ли ваша светлость, ссылаясь на какого-нибудь автора, пусть такого богохульного, что его бы признали за своего наши писакки, показать мне хотя бы одну такую империю, королевство, страну или провинцию, великую и малую, которая бы не зачахла и не погибла и не была бы проклята, как только она перестала усердно обеспечивать поддержку религии.

Писакки очень много говорят о правлении Рима, о свободе и духе древних римлян. Но никто не может опровергнуть того, что все самые правдоподобные рассуждения писакки об этих вещах являются обманом, маской и уловкой, служащими целям неверия, и, следовательно, возбуждения беспокойства в народе, и разрушения королевства. Ибо если бы они действительно по-настоящему уважали мнение и принципы, главные цели и практические дела мудрых и процветавших римлян и честно рекомендовали бы их своим соотечественникам, они бы прежде всего напомнили нам о том, что древний Рим так же прославился исповеданием и развитием естественной религии, как новый Рим — развращением той, которая была дапа в откровении. И так как древние римляне своей преданной заботой о религии действительно заслужили замечательную благосклонность богов, то они при всеобщем согласии были твердо убеждены в том, что их забота о религии была тем великим средством*, которое обеспечило сохранение империи богом и увенчание ее завоеваниями и успехами, процветанием и славой, и соответственно признавали это. Отсюда бывало так, что, когда при обсуждении любого события их ораторы хотели проявить себя с наилучшей стороны, они, чтобы тронуть и убедить народ, всегда напоминали ему о его религии, если обсуждаемый вопрос мог каким-либо образом оказать на нее влияние; они не сомневались, что народ выскажется в их пользу, если они могут только показать, что безопасность религии зависит от успеха их дела. И действительно, ни римляне, ни какой-либо другой народ на земле никогда не допускали, чтобы их установленную религию открыто высмеивали, подрывали или открыто выступали

---

* *Quis est tam Vecors qui non Intelligat, Numine hoc tantum Imperium esse Natum, Auctum et Retentum?* — Cic. Orat. de Harusp. Resp.⁶.

против нее. И я уверен, что ваша светлость ни за что на свете не потерпит, чтобы среди нас безнаказанно совершалось то, чего никогда раньше не терпели во всем мире. Разве со времени благословенного откровения Евангелия хоть один человек когда-либо преступал все границы, нападал на христианство, как это недавно сделали несколько мужчин и даже еще и несколько женщин? Должен ли дьявол буйно процветать в таких условиях и не объявляться *согат nobis*? Почему бы ему не удовлетвориться тем, чтобы забирать себе людей обычным путем — за ругательства и богохульства, нарушение воскресенья и обман, взяточничество и лицемерие, пьянство и распутство и тому подобное, как он привык делать? Никогда не позволяйте ему воцариться в речах и писаниях людей, как это происходит сейчас, и изрыгать громогласно неверие, богохульство и безбожие в таком количестве, которого достаточно, чтобы напугать до безумия подданных короля. Мы теперь подошли к короткому вопросу: бог или дьявол? Таков выбор, и время покажет, кто с кем идет вместе. В данный момент можно сказать только следующее: те, кто не только яростно громит общепринятое исповедание и отправление религии и пытается при помощи резких выражений и ловкости изобразить ее отвратительной и презренной, но и стремится помешать массам уроженцев нашего острова Великобритания с пользою употребить даже семена религии, рассеиваемые среди них, более чем убедительно показали свой дух противодействия всем священным делам.

С величайшей неистовостью выдвигаются доводы против обучения бедных детей в благотворительных школах, хотя в обоснование отрицания тех установлений, которые приняты для осуществления такого обучения, не было приведено ни одного справедливого довода. Возражения, выдвигаемые против него, фактически не соответствуют истине; а серьезные и мудрые люди не должны рассматривать в качестве весомого и справедливого довода ничего такого, что не соответствует истине. И как у Катилины осталось еще хоть немного паглотии, чтобы смотреть кому-либо в лицо, после того как он израсходовал на свое утверждение о том, что эта мнимая благотворительность на самом деле уничтожила все другие виды благотворительности, которые до того оказывали старикам, больным и немощным, больше рвения, чем его вообще имеет основная масса людей.

Представляется довольно ясным, что, если те, кто не дает ничего на благотворительные школы, начинают менее благосклонно, чем раньше, относиться к другим объектам благотворительности, их недостаточная благотворительность в отношении одного объясняется не тем, что они жертвуют средства для другого. А что касается тех, кто дает пожертвования на эти школы, они не только не уменьшают своей помощи другим объектам благотворительности по сравнению с тем, что они давали раньше, но, напротив, бедные вдовы, старики и немощные совершенно явно получают от них больше помощи с учетом их числа и материального положения, чем от равного им числа людей, обладающих таким же состоянием, которые не проявляют никакого интереса к благотворительным школам, а только осуждают и порочат их. Я готов встретиться с Катилиной в греческой кофейне в любой день недели и, называя конкретных лиц, любое их число, какое ему будет угодно, покажу истинность того, что я говорю. Но я не очень надеюсь на то, что он придет на такую встречу, потому что его дело не поощрять доказательства истины, а скрывать ее под разными обличьями; в противном случае он никогда бы не позволил себе, сначала заявив, что благотворительные школы имеют целью обучить детей чтению и письму, с тем чтобы они могли стать слугами, тут же добавить следующие слова: «...своего рода ленивыми и буйными паразитами, которые уже почти сожрали королевство и стали всюду общественным бедствием...» Как? Разве благодаря благотворительным школам слуги становятся такими ленивыми, такими буйными паразитами, таким общественным бедствием, служанки становятся проститутками, а слуги грабителями, взломщиками, жуликами (по его утверждению, дело обстоит именно так)? Разве все это происходит благодаря благотворительным школам? И если нет, то как же он берет на себя смелость изображать эти школы как средство увеличения того бремени бедствий, которое действительно слишком явно выпало на долю общества? Обычно усвоение начал добродетели не считалось главной причиной приобретения пороков. Если бы овладение в раннем возрасте знанием истины и нашими обязанностями перед ней было вернейшим способом отхода от нее, никто бы не сомневался, что значение истины было внушено Катилине в очень раннем возрасте и с величайшей тщательностью. С его стороны доволь-

но мило распустить слух о том, что у входа в церковь в день собирается больше пожертвований на шапки и форменную одежду для этих бедных мальчиков и девочек, чем для всех бедняков в год, и придать ему такое огромное значение. О редкий Катилина! В этом вопросе вы без труда одержите победу, ибо против вас не выступит ни один свидетель и ни одна живая душа не поспорит с вами, кроме сборщиков пожертвований и лиц, ведающих призрением бедных в приходах, и всех других основных обитателей большинства приходов в Англии, где есть благотворительные школы.

Ирония этого положения, милорд, состоит в том, что эти писаки хотели бы, чтобы их все же считали хорошими нравственными людьми. Но когда люди специально занимаются тем, что вводят в заблуждение и обманывают своих ближних в важных вопросах, искажая и скрывая истину при помощи неправильных утверждений и лживых намеков, то, если такие люди, когда они надевают на себя личину хороших нравственных людей, не виновны в незаконном захвате того, что им не принадлежит, тогда для любого человека не будет безнравственным лгать и обманывать во всех случаях, когда его нельзя привлечь за это к ответственности по закону, а нравственность не имеет никакого отношения к истине и честности. Однако я не очень хотел бы встретиться с одним из этих нравственных людей на Хоунслоу-хит, не имея при себе пистолетов. Ибо я полагаю, что те, у кого нет совести в отношении одного дела, не блещут ее изобилием и в отношении другого. Ваша светлость, вы судите правильно как о людях, так и о книгах, и, даже если бы вы ничего иного не знали о благотворительных школах, вы легко можете себе представить, что в них должно быть что-то совершенно превосходное, потому что такого рода люди, как эти, так горячо выступают против них.

Они говорят вам, что эти школы являются помехой для сельского хозяйства и для мануфактур. Что касается сельского хозяйства, то детей держат в школах только до тех пор, пока они достигнут необходимого возраста и наберут силы, чтобы выполнять в нем основные работы или же постоянно трудиться; и, даже пока они проходят этот курс обучения, вы, ваша светлость, можете быть уверены в том, что им никогда не препятствуют работать в полях или заниматься таким трудом, на который

они способны, в любое время года, когда они могут получить такую работу для содержания своих родителей и самих себя. В этом случае родители, живущие в разных странах, лучше всех судят о своем положении и разных условиях жизни, и в то же время, не так уж довольные тем, что их дети получают немного знаний, а они скорее предпочли бы, чтобы они получали немного денег, они найдут для них какое-либо иное занятие, кроме посещения школы, если только могут на этом заработать пенни. И точно так же обстоит дело с мануфактурами; попечители благотворительных школ и родители детей, воспитываемых в них, были бы благодарны тем джентльменам, которые выдвигают это возражение, если бы они помогли его устранить, пожертвовав деньги в фонд, который позволил бы сочетать работу в мануфактуре с обучением умению читать и писать в благотворительных школах. Это было бы благородное дело, оно уже осуществляется попечителями некоторых благотворительных школ, на него нацелены и его искренне желают все остальные школы. Но нельзя сделать все сразу: Рим строился не один день. Пока этот великий замысел не осуществлен, пусть в различных местах королевства хозяева и управляющие мануфактурами настолько проявят свою благотворительность, что в своих соответствующих мануфактурах дадут бедным детям работу на определенное количество часов каждый день, в то время как попечители позаботятся о том, чтобы заполнить остальные часы их рабочего дня обычными делами благотворительных школ. Людям пристрастным, умам коварным и извращенным легко изобретать правдоподобные ложные доводы и под видом рассуждения изрыгать хулу на самые лучшие вещи в мире. Но несомненно, ни один беспристрастный человек, обладающий настоящим чувством доброты и истинной любовью к своей стране, не может считать, что против изложенного правильного и справедливого взгляда на благотворительные школы могут быть высказаны обоснованные, весомые возражения, и не может отказаться внести свой вклад в стремление улучшить и поднять их до такого совершенства, которое предполагается в них. А пока пусть ни один человек не будет ни настолько слабым, ни настолько порочным, чтобы отрицать, что когда бедные дети не могут найти какое-либо иное честное занятие, а допускают, чтобы их нежные годы детства проходили в праздности, или же тра-

тят их на овладение искусством лгать, сквернословить и красть, то занять их изучением начал религии и добродетели, пока их возраст и силы не позволят им стать слугами в семьях или работать в сельском хозяйстве, в мануфактуре, овладевать каким-либо ремеслом или иным трудоемким занятием, и, значит, проявить по отношению к ним подлинную благотворительность и оказать добрую услугу стране; ибо дети, пользующиеся благотворительностью, обычно, если не всегда, и обращаются к занятиям, требующим тяжелого труда, как только становятся способными к ним. И поэтому Катилина, может быть, соизволит снять свое возражение относительно лавочников или розничных торговцев, в котором он утверждает, что вакансии у них, которые, по его мнению, следовало бы оставить на долю из их собственной среды, большей частью заранее захватываются и заполняются по своему усмотрению директорами благотворительных школ. Он должен извинить меня, если я сообщу вашей светлости, что это утверждение в действительности содержит чистую ложь; скорее всего он будет испытывать подобного рода неловкость при рассмотрении и других его утверждений, например еще одного, которое я упомяну. Он не стыдится огульно заявить, что в наших благотворительных школах расшатывают моральные устои наших простых людей, которых, как только они начинают говорить, учат болтать «высокая церковь»⁸ и «Ормонд»⁹ и тем самым воспитывают из них предателей прежде, чем они узнают, что означает предательство. Если бы я не сообщил вам ключа к языку Катилины, вы, ваша светлость, и другие честные люди, у которых слова являются послушными выразителями смысла, в них заключенного, теперь подумали бы, что вас полностью убедили в том, что в благотворительных школах детей воспитывают предателями.

Милорд, если бы попечители допустили, чтобы хотя в одной благотворительной школе продолжал оставаться какой-нибудь учитель, в отношении которого можно было бы привести доказательства, что он не предан правительству или не учит детей повиновению и верности королю так же точно, как любому другому долгу, упомянутому в катехизисе, тогда я бы доставил удовольствие Катилине, дав ему разрешение разрушить школы и повесить учителей в соответствии с его сокровенным желанием.

Эти и им подобные вещи утверждаются с такой же ожесточенностью — и с такой же лживостью — в упомянутой выше книге, «Басня о пчелах, или Пороки частных лиц — блага для общества и т. д.». Катилина подрывает главные догматы веры, печестиво сравнивая учение о благословенной троице с fee-fa-fum¹⁰. Этот безнравственный автор «Басни» не только помощник Катилины в выступлениях против веры, но и взял на себя задачу разрушить сами основы моральной добродетели и поставить на ее место порок. Самый лучший врач в мире никогда не трудился больше, чтобы освободить физическое тело от плохих качеств, чем этот шмель, чтобы очистить государство от хороших. Он сам приводит доказательство справедливости этого обвинения, высказанного в его адрес, ибо, когда он приходит к заключению своей книги, он делает следующее замечание о себе самом и своем труде: «Льщу себя надеждой, что всем этим я показал, что ни благоприятные качества и добрые чувства, данные человеку от природы, ни истинные добродетели, которые он может приобрести при помощи разума и самоотречения, не являются основой общества; но то, что мы называем в этом мире злом, как моральным, так и физическим, является тем великим принципом, который делает нас социальными существами, является прочной основой, животворящей силой и опорой всех профессий и занятий без исключения; здесь должны мы искать истинный источник всех искусств и наук; и в тот самый момент, когда зло перестало бы существовать, общество должно было бы прийти в упадок, если не разрушиться совсем»¹¹.

Теперь, милорд, вы видите этот великий замысел, главное намерение Катилины и его сообщников; теперь сцена открыта и появляются тайные пружины; теперь это братство отваживается говорить откровенно, и раньше никогда, конечно, ни одна группа людей не осмеливалась высказываться таким образом; теперь вы видите истинную причину всей их вражды к бедным, благотворительным школам; она направлена против религии, религии, милорд, для распространения которой и созданы школы; и эта группа заговорщиков решила ее уничтожить, ибо школы, несомненно, являются одним из величайших орудий религии и добродетели, одним из самых надежных оплотов в борьбе против папства, одной из лучших рекомендаций для получения нашим народом

божественной милости и, следовательно, одним из величайших благ для нашей Англии, выделяющимся из всего того, что возникло и установилось после нашей счастливой Реформации и освобождения от идолопоклонства и тирании Рима¹². Если осуществление такой великолепной работы и привело к возникновению какого-либо пустякового неудобства — поскольку такими мелкими неудобствами сопровождаются все установления и дела людей — великолепие свершения все равно должно быть предметом радости и получать поощрение от всех мудрых и добрых людей, презирающих те незначительные возражения против нее, которые не стыдятся выдвигать и защищать другие люди.

Теперь ваша светлость видит также истинную причину насмешек над духовенством, с которыми постоянно выступают Катилина и его сообщники. Почему осуждение и казнь мистера Холла должны служить поводом для выражения неодобрения духовенству в большей мере, чем осуждение и казнь мистера Лейера — неодобрения джентльменов в длинных мантиях? Конечно же, потому, что занятие правом не имеет непосредственного отношения к религии; и поэтому Катилина допускает, что, если какие-либо представители той профессии окажутся предателями или людьми порочными в других отношениях, все остальные, несмотря на порочность собрата, могут быть такими же верными и добродетельными, как и все другие подданные во владениях короля. Но раз вопросы религии открыто провозглашены как предмет заботы и занятия священнослужителей, то по логике Катилины должно быть ясно как божий день, что если кто-либо из них целоялен по отношению к правительству, то и все остальные — тоже; или, если кто-либо из них обвиняется в пороке, из этого вытекает то очевидное следствие, что все остальные или большинство их настолько порочны, насколько может сделать дьявол. Я не буду беспокоить вашу светлость, специально занимаясь оправданием священнослужителей, да и нет никаких оснований для этого, ибо они уже пользуются постоянным добрым расположением вашей светлости и в состоянии оправдать себя в любом каком бы то ни было случае, где требуется оправдание, поскольку они являются такими же верными, и добродетельными, и учеными людьми, как и все другие священники в Европе; и тем не менее они задерживают публикацию доводов, составляю-

щих их законную защиту, потому что они не ожидают и не желают одобрения и уважения от нечестивых и безнравственных людей; и в то же время они не могут сомневаться, что все люди, обладающие не только огромной пропитательностью, но и обыкновенным здравым смыслом, теперь действительно ясно видят, что стрелы, выпущенные в духовенство, предназначены для того, чтобы поразить и уничтожить божественное установление пасторских обязанностей и искоренить религию, сохранять и распространять которую были назначены священные службы. Это всегда предполагалось и подозревалось каждым честным и беспристрастным человеком; но теперь это ясно показано теми, кто раньше давал повод для таких подозрений, ибо они открыто заявили, что вера в своих главных догматах не только не нужна, но и нелепа, что благосостояние общества должно уменьшиться и исчезнуть, если будет поощряться добродетель, и что безнравственность является единственным прочным основанием, на котором может быть построено и сохранено счастье людей. Опубликование таких принципов, как эти, открытое признание предложения об искоренении христианской веры и всей добродетели, об утверждении морального зла как основы правления — это такое чудовищное преступление, такое ужасное, такое возмутительное, такое безобразное, такое позорное, что оно должно быть поставлено в вину нам всем, всему народу, на нас должно неизбежно пасть божественное мщение. А в какой мере это чудовищное преступление станет общенародной виной, если оно пройдет незамеченным и ненаказанным, легко может догадаться и менее умелый и пропитательный логик, чем ваша светлость. И нет сомнения в том, что умение вашей светлости судить здраво в таком простом и важном деле заставило вас, как мудрого и верного патриота, принять решение употребить в вашем высоком подожении все усилия, чтобы защитить религию от дерзких нападков, совершаемых на нее.

Как только я увижу текст Законопроекта об укреплении безопасности его величества и его счастливого правления путем упрочения положения религии в Великобритании, правильный политический курс вашей светлости, ваша любовь к стране и ваши огромные услуги, оказанные ей, будут снова отмечены, милорд,

*вашим самым верным, покорным слугой,
Теофилом Фило-Британусом*¹³

Эти произвольные обвинения и большой шум, который подняли повсюду попечители, учителя и другие защитники благотворительных школ, обрушившиеся на книгу, а также советы друзей и мои собственные размышления о том, что я должен сделать для самого себя, заставили меня написать следующей ниже ответ. Когда при знакомстве с ним беспристрастный читатель примет во внимание, что, представляя мою защиту публике отдельно от книги и письма, я был вынужден повторить то, что цитировалось в письме, поскольку газета неизбежно попала бы в руки многих людей, никогда не видевших ни «Басни о пчелах», ни клеветнического письма, направленного против нее, он не будет раздражен повторением некоторых мест, одно из которых он мог уже встретить дважды. Мой ответ был опубликован в газете «Лондон джорнел» от 10 августа 1723 г. и содержал следующее.

Поскольку в четверг, 11 июля, в газете «Ивнинг пост» было опубликовано обвинительное заключение присяжных большого жюри Мидлсекса, направленное против издателя книги, озаглавленной «Басня о пчелах, или Пороки частных лиц — блага для общества», а затем 27 июля в газете «Лондон джорнел» было опубликовано сердитое и оскорбительное письмо, направленное против той же книги и ее автора, я считаю, что обязательно должен защитить вышеупомянутую книгу от черных обвинений, незаслуженно выдвинутых против нее, сознавая, что у меня при ее написании не было ни малейшего злого умысла. Так как обвинения в ее адрес были выдвинуты открыто и опубликованы в общедоступных газетах, было бы несправедливым обнародовать ее защиту каким-либо более частным образом. Все, что я скажу в свою защиту, я адресую всем разумным и искренним людям и не прошу у них никакой иной милости, кроме терпения и внимания. Оставив в стороне все то, что в упомянутом письме относится к другим, а также все не относящееся к делу и несущественное, я начну с того отрывка из книги, который цитируется в письме, viz.: «Льщу себя надеждой, что всем этим я показал, что ни благоприятные качества и добрые чувства, данные человеку от природы, ни истинные добродетели, которые он может приобрести при помощи разума и самоотречения, не являются основой общества; но то, что мы называем в этом мире злом, как моральным, так и физическим, является

тем великим принципом, который делает нас социальными существами, является прочной основой, животворящей силой и опорой всех профессий и занятий без исключения; здесь должны мы искать истинный источник всех искусств и наук; и в тот самый момент, когда зло перестало бы существовать, общество должно было бы прийти в упадок, если не разрушиться совсем». Я признаю, что эти слова имеются в книге и, поскольку они безвредны и правильны, вероятно, сохранятся в ней и во всех последующих изданиях. Но я равным образом весьма охотно признаю, что, если бы я писал, преследуя цель, чтобы меня поняли люди самых жалких умственных способностей, я бы не избрал ту тему, которая там затрагивается; или если бы и избрал, то я бы расширил и объяснил каждый период, говорил бы и проводил различия повелительным тоном и никогда не появлялся бы без указки в руке. Например, для того, чтобы сделать понятным указанный отрывок, я бы посвятил две-три страницы объяснению значения слова «зло»; после этого я бы внушил им, что каждый недостаток, каждая пужда является злом; что от множества этих пужд зависят все те взаимные услуги, которые оказывают друг другу отдельные члены общества, и что, следовательно, чем больше разнообразие нужд, тем большее число отдельных лиц может найти свой частный интерес в труде на благо других и, объединившись, составить одно целое. Разве есть такое занятие или ремесло, которое не снабжает нас тем, в чем мы нуждаемся? Конечно, эта нужда, до того как ее удовлетворили, была злом, которое должно было исправить соответствующее занятие или ремесло и без которого о нем могли бы никогда и не подумать. Есть ли такое искусство или наука, которые не были изобретены для исправления какого-либо недостатка? Если бы этот последний не существовал, у первого могло бы не быть случая для его устранения. На стр. 328 я говорю: «...превосходство человеческой мысли и изобретательности нигде не является столь бросающимся в глаза, как в разнообразии инструментов и приспособлении рабочих и мастеровых и в многочисленности орудий, которые все были изобретены для того, чтобы либо восполнить слабость человека, исправить его многочисленные несовершенства, удовлетворить его лень, либо чтобы облегчить его нетерпение». В таком же духе написано несколько страниц,

предшествующих приведенному мною отрывку. Но какое все это имеет отношение к религии или неверию или, скажем, к мореплаванию и установлению мира на Севере?

То большое число рабочих рук, которое используется для обеспечения наших естественных потребностей, действительно жизненных потребностей, таких, как голод, жажда, нагота, незначительно по сравнению с тем бесчисленным количеством людей, которые все простодушно удовлетворяют порочные наклонности наших развращенных натур; я имею в виду тех трудолюбивых людей, которые зарабатывают себе на жизнь честным трудом и которым все тщеславные и чувственные люди должны быть обязаны всеми своими инструментами и приспособлениями, обеспечивающими покой и роскошь. «Близорукое простонародье в цепи причин редко может видеть больше одного звена; но те, кто может увеличить свой обзор и обеспечить себе досуг, чтобы посмотреть на перспективу взаимосвязанных событий, могут в сотне мест увидеть, как добро возникает и прорастает из зла так же естественно, как цыплята из яиц».

Эти слова можно найти в комментарии Ж на тот кажущийся парадокс, что в ропщущем улье

Даже самый худший из всей массы [пчел]
Всегда что-нибудь предпринимал для общего блага.

И во многих случаях можно обнаружить, как неосуществимое провидение ежедневно предписывает, чтобы пужды трудолюбивых людей и даже освобождение угнетенных тайно обеспечивались не только за счет пороков расточительных людей, но и в равной мере за счет преступлений злодеев и самых отъявленных распутников.

Люди беспристрастные и умные с первого взгляда понимают, что в подвергнутом осуждению отрывке нет никакого иного явного или скрытого смысла, кроме того, который полностью выражен в следующих словах: «Человек во многих отношениях является нуждающимся существом, но, однако, именно из этих самых потребностей, а не из чего-либо иного возникают все ремесла и занятия». Но если люди суют свой нос в книги, недоступные их пониманию, получается нелепость.

«Басня о пчелах» предназначалась для развлечения людей ученых и образованных, когда у них есть свободный час и они не знают, как его лучше использовать. Эта книга строгой и возвышенной нравственности, в ней

излагается способ суровой проверки добродетели, приводится надежное средство проведения различия между подлинным и поддельным, показывается, что многие действия, которые подсовываются людям как хорошие, на самом деле являются неправильными. В ней описываются природа и симптомы человеческих аффектов, определяются их сила и обличья, которые они принимают, прослеживается себялюбие в его самых скрытых тайниках; я мог бы с уверенностью добавить, что все это делается лучше, чем в любой другой системе этики. Вся книга представляет собой поэму, лишенную порядка или метода, но ни одна часть ее не содержит ничего такого, что было бы необдуманно или педантично; я признаю, что стиль очень перовен, иногда слишком высок и риторичен, а иногда очень низок и даже очень прост; я не сомневаюсь, что этот стиль, такой, какой он есть, доставил развлечение людям, обладающим высокой честностью и добродетелью, а также несомненным здравым смыслом, и я не опасаясь, что он перестанет доставлять такое удовольствие, пока его читают такие люди. Тот, кто видел резкие обвинения, выдвинутые против этой книги, извинит меня за то, что я говорю в похвалу ее больше, чем следовало бы говорить о своей собственной работе в любых других обстоятельствах человеку, не испытывающему такой же необходимости, как я.

Панегириков публичным домам, которыми выражает недовольство большое жюри в своем заявлении, вообще нет в книге. Предлогом для такого обвинения, должно быть, послужило политическое рассуждение о наилучшем способе защиты и охраны честных и добродетельных женщин от оскорблений распутных мужчин, аффекты которых часто неуправляемы. А так как в этом деле существует выбор между двумя видами зла, а избежать их обоих невозможно, то я с величайшей осторожностью изложил свое мнение об этом, начав так: «Я далек от того, чтобы поощрять порок, и думаю, что если бы можно было полностью изгнать из государства грех нравственной нечистоплотности, то это было бы для него невыразимым счастьем; но я боюсь, что это невозможно»¹⁴. Я привел причины того, почему я так думаю; и, говоря в этой связи о музыкальных домах Амстердама, я кратко их описал, и ничего безвреднее этого описания быть не может; и я обращаюсь ко всем беспристрастным судьям: разве то, что я сказал о них, не будет способствовать

тому, чтобы возбуждать у мужчин (даже с развращенным вкусом) отвращение и омерзение к ним в десять раз более сильное, чем какое-либо преступное желание. Я сожалею о том, что большое жюри почему-то подумало, что я опубликовал это с целью развратить народ; но оно не приняло во внимание, во-первых, что в книге нет ни одной фразы или слога, которые могли бы оскорбить самый целомудренный слух или загрязнить воображение самых порочных людей; и, во-вторых, что моя жалоба, связанная с этим делом, совершенно очевидно обращена к правителям и политикам или по крайней мере к наиболее серьезной и думающей части человечества; в то время как общая развращенность нравов, и в частности похотливость, если она вызывается чтением, может быть усвоена только из непристойностей, которые легко купить и которые во всем приспособлены ко вкусам и уровню развития беснечной толпы и неопытной молодежи обоего пола; но из всех обстоятельств совершенно очевидно следует, что мой труд, против которого развернута такая яростная кампания, никогда не был рассчитан ни на одну из упомянутых мною групп людей. Начало прозаического изложения совершенно философское и едва ли понятное для тех, кто не приучен к умозрительным рассуждениям; а заголовок, повторяемый на каждой странице, настолько не броский и не завлекательный, так что, не прочтя саму книгу, нельзя узнать, что она собой представляет, а цена книги все же пять шиллингов. Из всего этого очевидно следует, что, если книга содержит какие-то опасные догматы, я не очень заботился о том, чтобы распространить их среди людей. Я не сказал ни слова, чтобы доставить им удовольствие или привлечь их, а самый большой комплимент, который я им сделал, был: *Apaga vulgus*¹⁵. «Но поскольку ничто бы так ясно не показало ложность моих понятий, — говорю я на стр. 213, — как если бы с ними согласилось большинство людей, я не ожидаю одобрения толпы. Я пишу не для толпы и ищу доброжелателей среди тех немногих, которые могут мыслить абстрактно и возвысить свой ум над невеждами». Я не злоупотреблял этим и постоянно сохранял такое чуткое отношение к читающей публике, что, когда я выражал какие-либо необычные взгляды, я всегда принимал все мыслимые предосторожности, чтобы они не оказались вредными для слабых умов, которые могли случайно раскрыть книгу. Когда на стр. 212 я признался

в своем убеждении, что «ни одно общество не может возвыситься и стать богатым и могущественным королевством или, возвысившись подобным образом, поддерживать свое богатство и могущество в течение сколько-нибудь продолжительного времени без пороков людей», я перед этим там же заявил, и это является сущей правдой, что «я никогда не говорил и не думал, что человек не может быть добродетельным как в богатом и могущественном королевстве, так и в самой жалкой республике». Человек менее щепетильный, чем я, мог бы счесть эту предосторожность излишней, потому что он уже объяснил свою позицию по этому вопросу в том же самом параграфе, который начинается следующими словами: «В качестве первого принципа я утверждаю, что во всех обществах, больших и малых, долг каждого его члена быть добрым, что добродетель следует поощрять, порок не одобрять, законы соблюдать, а правонарушителей наказывать». В книге нет ни одной строчки, которая противоречила бы этому положению, и я бросаю вызов своим врагам — опровергните то, что я сказал на стр. 213: «Если я показывал путь к мирскому величию, я всегда без колебания предпочитал ту дорогу, которая ведет к добродетели». Никто и никогда так не заботился о том, чтобы его не истолковали неправильно, как я. Обратите внимание на предыдущую страницу: «Когда я говорю, что общество нельзя возвысить к богатству и могуществу и поднять на вершину мирской славы без пороков, я, по-моему, тем самым не в большей степени представляю людей порочными, чем своим утверждением о том, что профессии, связанные с отправлением правосудия, никогда бы не привлекали такого большого числа людей и не поддерживались с таким блеском, если бы не существовало множества чрезмерных эгоистов и сутяг, изображаю их сварливыми или алчными». Предосторожность такого же рода я уже предпринял в конце предисловия, на примере очевидного зла, неотделимого от процветания Лондона. Доискиваться до истинных причин явлений не значит питать злой умысел, не означает это и стремление причинить вред. Можно писать о ядах и быть отличным врачом. На стр. 326 я говорю: «Никому не требуется охранять себя от благ, чтобы предотвратить беду, пужны руки». И далее: «Именно крайности тепла и холода, непостоянство и непригодность времен года, буйство и переменчивость ветров, огромная сила и коварство воды, ярость и непослушность

огня и упорство и бесплодность земли заставляют нас напрягать воображение в размышлении о том, как мы либо избежим несчастья, которое они могут принести, либо устраним вред, им причиняемый, и, применяя тысячи различных способов, обратим их различные силы себе на пользу». Я не вижу причины, почему тот, кто исследует занятия огромных масс людей, не может сказать все это и еще гораздо больше, и его не обвинят в том, что он недооценивает дары и щедроты неба и пренебрежительно о них отзывается, в то время как он здесь же показывает, что без дождя и солнца наш земной шар не был бы пригоден для обитания таких существ, как мы. Этот предмет весьма далек от темы моей книги, и я не стал бы спорить с человеком, который мне сказал бы, что его лучше было бы совсем не затрагивать. Однако же я всегда полагал, что он доставит удовольствие людям, обладающим сколько-нибудь заметным вкусом, и не потеряется легко среди других.

Я никогда не смог победить свое тщеславие так полно, как мне хотелось бы; и я слишком горд, чтобы совершать преступления; а что касается главной цели, замысла книги,— я имею в виду намерение, с которым она создавалась,— то я заявляю, что с полной откровенностью сказал об этом в предисловии, где вы найдете следующие слова: «Если вы спросите меня: почему я все это сделал? *Cui bono?* И что хорошего принесут эти взгляды? — искренне отвечу: за исключением того, что развлекут читателя, я полагаю, абсолютно ничего. Но если бы меня спросили, что естественно следовало бы ожидать от обнародования их, я бы ответил, что, во-первых, прочтя их, люди, которые постоянно придираются к другим, научатся смотреть на самих себя и, изучая свою собственную совесть, застыдятся бранить то, в чем они сами более или менее виноваты; и, во-вторых, те, кто так любит покой и удобства и пользуется всеми благами, являющимися следствием существования великого и процветающего государства, научатся более терпеливо переносить те неудобства, которые не может устранить ни одно правительство на земле, когда поймут невозможность наслаждаться сколько-нибудь значительной долей первых, не испытывая в равной мере последних».

Первое издание «Басни о пчелах», вышедшее в свет в 1714 году, не вызвало никакой критики и вообще не было замечено публикой; и единственной причиной того,

что так безжалостно обрушились на данное, второе издание, хотя в нем приняты меры предосторожности, отсутствовавшие в предыдущем, служит — по крайней мере я не могу придумать ничего другого — «Опыт о благотворительности и благотворительных школах», который был добавлен к тому, что было напечатано ранее. Должен признаться, что, по моему убеждению, в хорошо управляемой стране вся тяжелая и грязная работа должна быть уделом и участью бедняков и отвлекать их детей от полезного труда, пока им не исполнится четырнадцать-пятнадцать лет, — неправильный способ делать их пригодными к этой работе, когда они вырастут. В своем «Опыте» я привел несколько причин в обоснование своего мнения, и всех беспристрастных разумных людей я отсылаю к нему и заверяю их, что они не найдут в нем того чудовищного печения, о котором говорят. Какой я защитник расщепства и безправственности и какой враг всякому обучению молодежи в христианской вере, можно понять из тех стараний, которые я приложил, на протяжении более семи страниц подряд рассуждая об образовании. А затем еще раз, говоря о тех наставлениях, которые дети бедняков могут получить в церкви, я заявляю на стр. 276—277, что «я бы не допустил, чтобы самый жалкий обитатель прихода, который в состоянии самостоятельно передвигаться, по воскресеньям не присутствовал в церкви или каком-либо ином месте, где совершается богослужение». И далее у меня написано следующее: «Именно свободный день, самый полезный день из семи, особо выделен для служения богу и отправления религии, и на всех правителей возложена обязанность особенно тщательно заботиться об этом дне. Особенно бедняков и их детей нужно заставлять ходить в церковь в этот день, как утром, так и днем, потому что в остальные дни у них нет времени. Примерами и поучениями их следует поощрять и приучать к этому с самого их детства; преднамеренное пренебрежение к посещению церкви следует считать скандальным, и если откровенное принуждение к тому, на чем я настаиваю, может показаться слишком грубым и, возможно, практически неосуществимым, то по крайней мере необходимо строго запретить все развлечения, а бедняков не допускать ни к каким светским забавам, для них привлекательным, которые могут отвлечь их от богослужения». Если использованные мною доводы неубедительны, я желал бы, чтобы их

опровергли, и я признаю любезностью со стороны любого, если он убедит меня в моей ошибке, не прибегая к бранным выражениям, а показав мне, в чем я неправ. Но клевета, кажется, представляет собой кратчайший путь опровержения противника, если затронуто чье-то чувствительное место. На эти благотворительные школы собирают огромные суммы, и я слишком хорошо понимаю человеческую природу, чтобы вообразить, что те, кто делит эти деньги, терпеливо выслушают возражения против школ. Поэтому я предвидел то обращение, которому я должен быть подвергнут, и, приведя обычные лицемерные излияния в пользу благотворительных школ, я сказал своим читателям на стр. 243: «Таково общее мнение, и тот, кто хотя в малейшей степени выступает против него, является безжалостным, бессердечным и бесчеловечным, если не порочным, богохульным и безбожным негодяем». Поэтому нельзя считать, что для меня было большой неожиданностью, когда я увидел, что в этом необычайном письме лорду С. меня называли безправственным автором, опубликование моих принципов — открытым признанием предложения об искоренении христианской веры и всей добродетели, а то, что я сделал, — таким ужасным, таким возмутительным, таким безобразным, таким позорным и чудовищным преступлением, что оно требовало мщения небес. Это не больше, чем я всегда ожидал от врагов истины и честности, и я ничего не отвечаю рассерженному автору этого письма, который пытается навлечь на меня ярость общества. Мне жаль его, и я достаточно милосерден, чтобы считать, что его самого обманули, так как он доверился молве и слухам, распространяемым другими; ибо ни один человек в здравом уме не может вообразить, чтобы он прочел хотя бы четвертую часть книги и так написал о ней.

Я сожалею, если слова «Пороки частных лиц — блага для общества» как-то оскорбили человека, имеющего добрые намерения. Их тайный смысл вскоре раскрывается, как только их правильно поймут; но ни один искренний человек не поставит под сомнение их безвредность, прочтя последний параграф, где я прощаюсь с читателем и «в заключение повторяю тот кажущийся парадокс, суть которого излагается на титульном листе: пороки отдельных лиц при помощи умелого управления со стороны искусного политика могут быть превращены в блага для общества»¹⁶. Таковы последние слова книги, напечатан-

ные, как и все остальные, тем же крупным шрифтом. Но я отставляю в сторону все, что я сказал в свою защиту: и если во всей книге, называемой «Басня о пчелах» и представленной Большим жюри Мидлсекса королевским судьям, обнаружится хотя малейший намек на богохульство, или безбожие, или что-либо ведущее к безнравственности или развращению нравов, я хотел бы, чтобы это было напечатано; и если это будет сделано без ругательств, без личных выпадов, бросающих на меня тень, без натравливания на меня толпы — на такие вещи я никогда не намерен отвечать, — я не только отрекись, но также самым серьезным образом попрошу прощения у оскорбленного общества и (если будет сочтено, что паляч слишком хорош для выполнения такого дела) сам сожгу книгу в любое приемлемое время и любом приемлемом месте, которые сообразоволят назначить мои противники.

Автор «Басни о пчелах»

ПРИЛОЖЕНИЕ

УКАЗАТЕЛЬ *

А

- Александр Македонский*. Вознаграждение, которого он добивался. — 74. Доказательство этого из его собственных уст. — *Там же*. Еще одно свидетельство его брэнности. — 299
- Алое или пурпурное сукно*. Суматоха, которую пужно поднять в мире, чтобы изготовить его. — 318 до 320
- Америка*, во что обошлось ее завоевание. — 185
- Англичане* не жаждут величия *Спарты*. — 225
- Атеизм* имеет своих мучеников. — 200

Б

- Бедность* (добровольная) ни на кого не навлекает презрения. — 156. Пример, подтверждающий эту истину. — 157
- Бедняки* никогда бы не работали, если бы не нуждались. — 183, 184. Изобилие провизии зависит от дешевизны их труда. — 184, 259. Качества, необходимые для трудящихся бедняков. — *Там же* и 260. На что им не следует роптать. — 269. Не хватает большого числа бедняков. — 272, 285. Бедствия, возникающие из-за того, что ими плохо управляют. — 270, 271. Нельзя допускать, чтобы они по воскресеньям не ходили в церковь. — 277. Вред мелочного почтения, оказываемого беднякам. — 280
- Бережливость*, умеренность, определение ее. — 174. От чего всегда будет зависеть бережливость. — 175. Что сделало голландцев бережливыми. — 177. Рассуждение о бережливости. — *Там же*, до 181. Невозможность заставить людей быть бережливыми без необходимости. — 181. Умеренность спартанцев. — 207. Влияние ее на ремёсла. — *Там же*
- Бессмертие души* — учение более древнее, чем христианство. — 212. Почему оно повсюду воспринято. — *Там же*
- Блага*, приносящие вред. — 211
- Благотворительными школами* восхищаются до безумия. — 242. Что говорится в их пользу. — *Там же*. Не способны предотвратить кражи и грабежи. — 244. Причина нашей любви к этим школам. — 249. Описание рождения замысла и последующих шагов, которые предпринимаются для учреждения благотворительной школы. — 250 до 254. Радость, которую они приносят. — *Там же* и 255. Они являются нестоимым источником для болтовни. — *Там же* и 256. Чем они очаровывают толпу. — 255. Разные цели, которые преследуют сторонники различных партий, поддерживающие их. — 278, 279. На них затрачивается больше труда и красноречия, чем на выполнение любого другого долга. — *Там же*. Утешение, которое находят в любви

* Составлен Б. Мандевилем.

к ним порочные люди. — 257. Подлинные мотивы шума, поднимаемого вокруг них. — 257, 258. Аргументы против благотворительных школ, показывающие, что они наносят вред обществу. — 258 до 289. Постоянный источник пополнения их. — 271
Больницы, их необходимость. — 242. Предостережение против увеличения их числа. — Там же
Бороды, различные моды на них. — 294
Британия (Великая) пуждается в невежестве. — 272, 289

В

Ванини, мученик за атеизм. — 200
Вежливость требует лицемерия. — 89, 311
Вера, когда мы ее заслуживаем. — 156
Винные лавки, какими качествами надо обладать, чтобы содержать их. — 104
Винокур, что требуется, чтобы его возвеличить. — 105
Вождество, скрываемое от нас самих благодаря воспитанию. — 144
Воздух и пространство не являются объектами зрения. — 293
Возражения против необходимости гордости, ответ на них. — 130, 131, 132
Возроптавший — см. улей
Воображаемые вознаграждения за самоотречение. — 66
Вопрос, который причинил больше всего бедствий. — 296
Воскресенье — самый полезный день из семи. — 277. Для чего он выделен. — Там же
Воспитание (хорошее), определение его. — 93. Рассуждение о нем. — 93 до 96
Восхваление — награда, являющаяся целью всех героев. — 73
Врач (покойный), его характеристика. — 237. Мотивы его последней воли. — 238
Выгоды, которые получают от самых худших людей. — 100 до 107

Г

Герои, их великие цели. — 73. Их отличие от трусов вещественно. — 198
Гнев, определение. — 190. Подавление его страхом. — Там же и 194. Действие крепких спиртных напитков похоже на действие гнева. — 198
Голландцы бережливы не из принципа. — 177. Их бедствия под властью Филиппа II Испанского. — Там же и 178. Другие невыгоды их положения. — 178. В чем они отличаются от англичан. — 179. Их расточительность. — 180. Их политика поощрения сумасбродного поведения матросов. — 181
Голод и вождество, сильные побудительные мотивы, возбуждающие мужество у диких зверей. — 190. Влияние этих желаний на нас самих. — 192
Гордость. — 57. Какие животные более всего ее проявляют. — 68. Гордость разумных людей. — 95. Определение гордости. — 128. Оправдания гордых людей и разоблачение их лживости. — 129, 130, 131. Как она поощряется у военных. — 201, 202. Польза, которую мы получаем от гордости великих людей. — 205

Д

Дар (огромный) покойного врача подвергается рассмотрению. — 237 до 241

- Девственницы*, правила, как им себя вести. — 86
- Декарт*, опровержение его мнения. — 174
- Деньги*, главное применение их. — 184. Слишком большое количество их может разорить страну. — 185. Они не имеют самостоятельной внутренней ценности. — 272. Деньги, различными путями даваемые бедным, тратятся неправильно. — 286
- Дети*. Что делает их вежливыми. — 244. Чем все восторгаются. — 254. Труд — настоящий удел детей бедняков. — 269
- Добродетель*. Происхождение моральной добродетели. — 65. Определение добродетели. — 70. Ее источник — не религия. — 70, 71. Что возбуждало в древних людях героическую добродетель. — 71, 72. Как добродетель подружилась с пороком. — 100. Добродетели не может быть без самоотречения. — 154, 290. Где искать добродетели великих людей. — 160. Причина того, почему так мало людей обладают истинной добродетелью. — 206. Заключается в действии. — 297
- Довольство* — проклятье трудолюбия. — 62. Определение довольства. — 221, 222. Является сомнительной добродетелью. — Там же. Пример его. — Там же, 223. Довольство более противоположно трудолюбию, чем лень. — 224
- Дон Кихот* — последний в истории человек, придерживавшийся древнего кодекса чести. — 188
- Дух патриотизма* покинул народ. — 287. Признаки отсутствия его. — Там же и 288. Призыв вернуть его. — 288
- Духовенство*, священнослужители. Гордость, скрытая в них. — 135. Как они ценят жизненные удобства. — 154, 155. Их ложное оправдание. — 155. Что привлекает на них презрение. — 155, 156. То же самое, показываемое на примере. — 157. Когда священники бедны, они разоблачают себя в браке. — 158, 159
- Дузы* происходят не из-за ложных понятий о чести. — 203. Польза от них обществу. — 203, 204. Не следует запрещать этот обычай. — Там же. Как предотвращать их. — Там же

Ж

- Жалость*, рассуждение относительно ее. — 231. Не добродетель, и почему. — 75. Никто от нее не свободен. — 231. Определение ее. — 231. Сила жалости. — Там же. Жалость более заметна, чем любая притворная добродетель. — 232, 233
- Женщины* могут стать преступными из-за скромности. — 90. Скромные женщины содействуют интересам проституток. — 108. Их плохие качества полезны торговле и промышленности. — 208 до 211. Уловки замужних женщин. — 210
- Жены* чаще толкают мужей на опасные предприятия, чем любовницы. — 208
- Живопись*, рассуждение относительно ее и знатоки ее. — 292 до 293
- Жизнь*. Мы должны судить о людях на основании их жизни, а не на основании их слов. — 153

З

- Зависть*. — 137. Определение ее. — Там же. Различные признаки ее. — 138, 139. Зависть заметна у животных. — 139. Аргумент для доказательства того, что зависть коренится в нашей натуре. — 139, 140. Как проявляется зависть у художников. — 140. Зависть исправила больше плохих мужей, чем проповедь. —

141. Пример зависти. — 141. Никто от нее не свободен. — 142.
 Катон завидовал Цезарю. — 300
 Заключение комментариев — 226 до 229
 Законы (против роскоши) бесполезны для богатых королевств. — 229
 Заповеди, как сделать людей хорошими и добродетельными. — 175, 177, 213. Другие заповеди. Как возвеличить страну. — 175. Как заставить бедняков приносить пользу. — 184, 243 до 289. Как продавать больше, чем наши соседи. — 281, 284. Изложенные заповеди не наносят ущерба беднякам. — 284
 Защита некоторых мест в книге. — 211, 212, 213. Защита рекомендации невежества. — 264
 Зло, как моральное, так и физическое — прочная основа общества. — 329
 Знания не делают людей религиозными. — 243, 249, 277. Знания, выходящие за пределы работы бедняков, вредны для них. — 260, 261, 262
 Золотой век не пригоден для развития общества. — 63, 309

И

- Игроки, причина, почему они скрывают свой выигрыш в присутствии проигравших. — 97 до 99
 Испуг. Гордость при нем бесполезна. — 198. Влияние, которое он оказывает на нас. — Там же
 Исследование о природе общества. — 290 до 330
 Истинность наслаждений, обсуждение ее. — 150

К

- Кавалерист, почему ему хуже, чем пехотинцу. — 202
 Катон, его характеристика. — 299, 300
 Качества (пешавистные) женщины более полезны торговле и промышленности, чем их добродетели. — 211. Хорошие качества человека не делают его общительным. — 307. Какие качества являются самыми лучшими для общества. — 317
 Классические школы, как ими управлять. — 267
 Классы. Два класса, на которые делятся люди. — 67
 Клиенты, разные способы их завлечения. — 315
 Конституция, из чего она состоит. — 198
 Король, его счастье сравнивается со счастьем крестьянина. — 283, 284
 Кражи и грабежи, причины их в больших городах. — 244 до 248

Л

- Латынь, знание ее не является необходимым, чтобы правильно писать английские слова. — 267. Кому она вредна. — 268
 Лень, определение ее. — 219. Люди часто называют других ленивыми, потому что они сами таковы. — Там же. Рассказ о посылном, которого неправильно подозревали в лени. — 220 до 221
 Лесть, никто не защищен от нее. — 71. Разные хитрости ее. — 72, 73
 Лукреция. — 196. Мотив, исходя из которого она действовала. — 197. Ценила свою славу выше добродетели. — Там же
 Любовники (платонические) могут обнаружить источник своей страсти. — 146

- Любовница*, трудность расставания с нею, пока мы любим ее. — 147, 148
- Любовь* имеет два значения. — 143, 144. Различие между любовью и вожделением. — 144. Нет ревности без любви. — 147
- Люди* разделены на два класса. — 67. Не могут выносить истины, которые унижают. — 212, 213

М

- Манеры*, комедия манер. — 94. См. *воспитание*
- Матери* мало любят своих детей, когда они только что родились. — 92. Матери и сестры на Востоке выходят замуж за своих сыновей и братьев. — 295
- Милосердие*. Определение его. — 230. Под него часто подделываются наши аффекты. — 231, 234, 236. Похвалы, высказываемые всему, что имеет вид милосердия. — 236, 237. Злоупотребления милосердием. — Там же и 240, 241
- Многоженство* не противоречит природе. — 295
- Моралисты* — 66. Их хитрость с целью цивилизовать людей. — 66, 67, 87, 262
- Мораль*, введение ее для облегчения управления людьми. — 69
- Мораль* «Возроптавшего улья». — 63
- Море* — блага и бедствия, которые мы получаем от него. — 321 до 326
- Мореplавание*, блага и несчастья общества, вытекающие из него. — 321
- Мошенниками* становятся не из-за неумения читать и писать. — 248. Они чаще очень хитры, а не невежественны. — Там же
- Мужество* (природное) имеет своим источником гнев. — 193. Поддельное и притворное мужество. — 194. Природное мужество ни на что не годится во время войны. — 195. Хитрости для возбуждения мужества. — 195, 196, 197, 201, 202. Как гордость ошибочно принимается за мужество. — 196. Определение притворного мужества. — 197
- Музыкальные дома* в Амстердаме, описание. — 109, 110
- Мясо* животных, употребление его в пищу — жестокое проявление роскоши. — 168, 169, 170

Н

- Надежда*, определение ее. — 143. Нелепость слов «верная надежда». — Там же
- Напитки* (крепкие), их плохое влияние на бедняков. — 103
- Наслаждения* (истинные). — 148. Наслаждения чувственных людей. — 148. Стонков. — 150. Чем больше люди отличаются друг от друга по своему положению, тем менее они в состоянии судить о наслаждениях друг друга. — 283
- Невежество*, необходимая составная часть той смеси, какой является общество. — 116, 260. Причины для этого. — Там же и 260, 261. Наказания, которых должен опасаться автор за то, что он рекомендует невежество. — 262, 263. Великобритании оно нужно, чтобы быть счастливой. — 289
- Пищие*, их поведение. — 234, 235. Какого рода люди более всего выражают недовольство имп. — Там же
- Невинность* (состояние), описание его. — 309. Вред его для общества. — 310

Нола (Джордано Бруно из Нолы), умер за атеизм. — 200
Нравственные устои не всегда одни и те же. — 295

О

Обучение, замечания, касающиеся его. — 72, 77

Общество. При отсутствии власти нет существа, менее приспособленного к нему, чем человек. — 65, 310. Общество сравнивается с чашей пунша. — 116. Недостатки его должны исправляться законодательным органом. — 288. Природа общества. — 270, 290. Исследование любви человека к обществу. — 300 до 317

Общество (хорошее), компания. — 301. Любовь к нему не является причиной общительности человека. — 300. Одиночество, которое следует предпочитать обществу некоторых людей. — 303. Любовь к обществу — не добродетель. — 305. Причина, почему мы любим общество. — 305, 306

Общительный. Человек общителен не благодаря своим хорошим качествам. — 300 до 307. Что делает нас общительными. — 307

Обычай, сила его. — 167

Одежда, использование ее. — 131

Описание наслаждений чувственных людей. — 148 до 150, убийство вола. — 174

Оправдания (ложные) великих людей. — 160 до 162

Опыт о благотворительности и благотворительных школах. — 230

Остракизм. — 142. Определение его. — Там же

П

Перевозчики, их способ заманивания клиента. — 315

Пивоварение и *хлебопечение* — изобретения, относящиеся к роскоши. — 166

Поведение скромных женщин. — 86, невесты и жениха. — 89, недисциплинированных солдат. — 195

Политика, ее основание. — 69. То, что происходит из-за плохой политики, приписывается роскоши. — 121

Политики настраивают один наш аффект против другого и играют на этом. — 146, 195

Попечитель, очарование этого слова для низких людей. — 253. Попечители благотворительных школ. — Там же. Похвалы, возносимые им. — 255

Порок, определение его. — 70

Потребности жизненные, их многочисленность. — 118, 119, 258

Правителям не меньше повиноуются, если они презирают пышность и роскошь. — 162

Правление, возникновение его. — 310

Препятствия на пути к счастью, с которыми мы встречаемся. — 307

Признательность, которую следует выражать предкам. — 288

Приличия и *удобства*, разнообразие содержания этих слов. — 225

Притворство (лживое) великих людей в отношении наслаждения. — 163, 164

Притча. — 216 до 218

Причина того, почему мало людей понимает себя. — 64. Почему наши соседи теснят нас на зарубежных рынках. — 281, 282

Провизия, как обеспечить ее изобилие. — 184, 186, 259

Происхождение моральной добродетели. — 65, мужества и чести. — 188

Проститутки, потребность, имеющаяся в них. — 108, 109, 111

Pulchrum et honestum древних — химера. — 291 до 296
Пунш. Общество сравнивается с чашей пунша. — 116

Р

- Работа*, которую еще предстоит совершить в Англии. — 285, 286
Разговор между торговцем шелком и леди, его покупательницей. — 312 до 315
Расточительность. — 114. Польза ее для общества. — 114, 116, 228
Ревность, сложный составной аффект. — 143. Нет ревности без любви. — 147
Религиозные дома, рассмотрение их. — 153, 154
Религия не является причиной добродетели. — 70. Нелепость религии язычников. — 70, 71. Где ее менее всего. — 243, 277. За религию сходят вещи, чуждые ей. — 255
Ремесла. Рассуждения о разнообразных необходимых ремеслах и числе занятых в каждом. — 270 до 272
Реформація оказала меньше влияния на торговлю и промышленность, чем нижние юбки на фижмах. — 318
Рим (новый) обязан древнему Риму. — 288
Род. Сила природы нашего рода неизвестна. — 200. Любовь к нашему роду — пустой обман. — 300 до 306
Роскошь, определение ее. — 117. Обсуждение ее полезности. — 118. Роскошь, распространяемая законодательным путем. — 121. Правила, как предотвратить несчастья, которые, как опасаются, возникают из-за роскоши. — 121, 122. Доводы в пользу роскоши. — 124 до 126 и 208. В одном смысле все есть роскошь. — 165, 166. Примеры роскоши у бедняков. — 166
Россия нуждается в знаниях. — 289

С

- Самоотречение*, великолепный пример его. — 157
Самоубийство совершается только тогда, когда стремятся избежать чего-то, что хуже смерти. — 196
Священнослужители, чему мы обязаны большим числом их. — 265, 266
Сенека, его *Summum bonum*. — 152
Скромность, ее источник. — 82, 83. Имеет три различных принятых значения. — 86. Различие между мужчинами и женщинами в отношении скромности. — 88. Причина этого. — 87, 88. Огромная польза ее для цивилизованного общества. — 144
Скупость. — 112. Причина, почему ее все ненавидят. — 112, 113. Почему общество нуждается в ней. — Там же. Необходима так же, как расточительность. — 116, 228
Слава, в чем состоит жажда славы. — 73
Слуги (в доме), пехватка их, вызванная благотворительными школами, и несчастье, отсюда вытекающее. — 272, 273, 274. Их посягательства на хозяев. — 273 до 276
Слуги, недостатки, в которых они обычно виновны в Англии. — 272, 273, 274. Что их портит. — 275. Их общество. — Там же
Смерть — не всегда то, чего мы более всего боимся. — 196. Польза денег после смерти. — 240
Солдаты, их жалкое великолепие. — 201. Обращение с ними. — 202. Перемена, совершающаяся в людях, когда они становятся солдатами. — 254

- Соперничество*. Люди разделены на два класса для возбуждения соперничества. — 67. Соперничество школьников основано на добродетели. — 139, 140
- Сострадание*. Рассказ о ребенке, возбуждающий сострадание. — 231. См. жалость.
- Спартанцы*, их умеренность. — 224
- Стил* (сэр Ричард), его элегантная лесть в адрес человеческого рода. — 72
- Стихи* (все) — паши врагп. — 307
- Стоики*, их наслаждения. — 150. Их надменность и лицемерие. — 151
- Страны* могут быть разорены чрезмерным обилием денег. — 185. Великое искусство делать народы счастливыми. — 186. В чем состоит богатство всех стран. — 186, 272
- Страх* нельзя победить разумом. — 189. Определение страха. — Там же. Необходимость страха в обществе. — 194. Когда сильнее всего страх смерти. — 298
- Стыд*. Определение его. — 82. Что заставляет нас испытывать стыд за ошибки других. — 83. Признаки его. — 84. Полезность его, чтобы делать нас общительными. — 85 до 88

Т

- Теологический факультет* — самый необходимый. — 265
- Ткачи*, их дерзость. — 280
- Торговля*, что способствует ее развитию. — 320, 321
- Торговцы*, ни один из них не является абсолютно честным. — 80. Почему все прилагают такие усилия, чтобы скрыть себестоимость своих товаров. — 96
- Торговцы*, рассказ о двух, которые оба прибегли к хитрости. — 87
- Точки зрения* (разные), с которых можно рассматривать явления. — 320 до 330
- Трудности* не являются таковыми, если люди привычны к ним. — 284
- Трудолюбие* отличается от старания. — 223, 224

У

- Удобства жизненные* — разные, в зависимости от разного положения людей. — 118
- Улей*, «Возроптавший улей». — 52. Великолепная жизнь пчел. — 53. Их мошенничество. — 53 до 57. Их ропот. — 58. Юпитер делает их честными. — 58. Их обращение и последствия его для торговли и промышленности. — 58 до 62. Мораль. — 63
- Умеренность* (личная) правителей, обладающих реальной властью, не приводит к тому, что их не уважают. — 162
- Университеты*, их политика. — 240. Недостатки наших университетов в области права и медицины. — 264, 265. Какими должны быть университеты. — Там же и 266
- Ученики* благотворительных школ не имеют возможности приобрести хорошие манеры. — 243. Почему они приятны глазу. — 254
- Ученость*, способы содействовать ей и развивать ее. — 264 до 269
- Учителя* благотворительных школ. — 244. Число тех, кто хочет стать учителями и учительницами в них. — 262

Х

Холст, изобретение его — результат глубокой мысли. — 165

Ц

Цицерон, его характеристика. — 299

Церковь, посещение ее абсолютно необходимо для бедняков. — 277

Ч

Человек от природы любит похвалу и ненавидит презрение. — 66.

Способ, при помощи которого был сломлен дикарь в человеке. — 69. Диалог человека и льва. — 170. Человек по-настоящему не ценит свой род. — 171. Человек — робкое животное. — 193. Принужден всегда доставлять себе удовольствие. — 311.

Всегда по своей натуре одинаков. — 211, 212

Честность, влияние ее на торговлю. — 61, 206, 207, 214. Где ее более всего можно найти. — 243

Честь, истинное значение ее. — 81, 82. Фигуральный смысл ее. — 187. Правила чести — 187, 188. Как воспитывается принцип чести. — 195, 196. Кодекс чести. — 203. Новый кодекс чести. — Там же. Последний выполнять гораздо легче, чем первый. — Там же. Честь противоположна религии. — 205, 206. Большие уступки чести. — 206. Почему так много людей настоящей чести. — Там же

Чтение и письмо, почему они вредны для бедных. — 260, 261. Никогда нельзя учить их бесплатно. — 268, 269. Не необходимы для того, чтобы стать хорошими христианами. — 277, 278

Ш

Шефтсбери (лорд), его система прямо противоположна системе автора. — 290, опровергается его собственной характеристикой. — 296

Шерсть. Рассуждение о вывозе ее и материале, из нее изготовляемом. — 281

Шляпы, различные моды на них. — 294

Э

Эпикуризм, сила его. — 241

Эпикур, его высшее благо. — 148. Набожные христиане — самые большие эпикурейцы. — Там же. Оправдания и защита эпикурейцев. — 129, 150, 214, 215

Эфенди Магомет умер за атеизм. — 201

ПРИМЕЧАНИЯ
БИБЛИОГРАФИЯ
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ПРИМЕЧАНИЯ *

Настоящий перевод сделан с пятого английского издания «Басни о пчелах»: *The Fable of the Bees: or, Private Vices, Publick Benefits. With an Essay on Charity and Charity-Schools, and A Search into the Nature of Society. The Fifth Edition, vol. I. London, 1728.*

Предисловие

¹ *Монтень, Мишель де* (1533—1592) — французский просветитель, философ-скептик. В области этики Монтень придерживался эпикуризма и гедонизма. — 46.

² «Кому на пользу? В чьих интересах?» (лат.). — 47.

³ В 1723 г. «Басня о пчелах» (2-е изд.) была осуждена большим жюри графства Мидлсекс по обвинению в атеизме и безнравственности, после чего Мандевиль выступил с «Защитой» своей книги, публикуемой в настоящем издании. — 50.

Возроптавший улей, или Мошенники, ставшие честными

¹ В настоящем издании дается прозаический перевод этой басни, написанной Мандевилем стихами (ямбом). При этом учитывалось, что сам Мандевиль весьма самокритично оценивал свой поэтический опыт. «Я устаиваю эти немногие кое-как связанные между собой строчки названием «поэма», — писал он в предисловии, — не для того, чтобы читатель ожидал найти в них какую-либо поэзию, а просто потому, что они зарифмованы...» Прозаический перевод позволил вместе с тем более точно передать содержание басни «Возроптавший улей». — 52.

Исследование о происхождении моральной добродетели

¹ Эта фраза явно имела своей целью отвести от автора возможные обвинения в атеизме и подчеркнуть его лояльное отношение к религиям откровения, к которым, наряду с христианством, относятся также иудаизм. — 64.

² «Гораздо мужественнее тот, кто победил самого себя, нежели тот, кто преодолел даже самые сильные крепости» (лат.). Перевод латинских выражений, встречающихся в «Басне о пчелах», выполнен Н. С. Вольской. — 67.

³ *Стил (Steel), Ричард* (1672—1729) — английский писатель, автор многочисленных очерков и статей на темы морали. — 72.

⁴ *Лоренцо Медичи*, по прозвищу «Великолепный» (1448—1492) — правитель Флоренции. — 74.

⁵ *Гидасп* (ныне Джелам) — приток Инда; на левом берегу Гидаспа Александр Македонский в 326 г. до н. э. разбил войско индийского царя Пора. — 74.

* Составлены Б. В. Мееровским.

Комментарии

¹ *Солон* (ок. 638 — ок. 559 до н. э.) — афинский политический деятель и законодатель. — 78.

² Здесь *эпикурейцами* названы люди, склонные к чувственным удовольствиям, к наслаждениям. Мандевилль сознательно использует это вульгарное понимание эпикуреизма, которое получило широкое распространение под влиянием идейных противников древнегреческого материалиста и атеиста. — 79.

³ *Вест-Индия* — общее название островов Атлантического океана, расположенных между Северной и Южной Америкой. — 80.

⁴ *Барбадос* — остров в Вест-Индии, с 1605 г. являлся колонией Великобритании. Английские купцы вывозили оттуда тростниковый сахар и хлопок. — 81.

⁵ «Этот свет дал скромным девушкам. В нем робкий стыд убежище надеется иметь» (лат.). — 90.

⁶ *Хайгейт* — в XVIII в. одно из предместий Лондона. — 102.

⁷ *Цирцея* — в древнегреческом эпосе волшебница, которая обратила в свиней спутников Одиссея, дав им папиться из чаши волшебного зелья. — 105.

⁸ «Запах наживы вследствие пользы всячески сладостен» (лат.). — 107.

⁹ *Реформация* — социально-политическое движение в Западной Европе XVI—XVII вв., направленное против господства католической церкви и папства. В результате Реформации от католической церкви отделилось несколько протестантских церквей. — 107.

¹⁰ В Англии в результате Реформации возникла так называемая англиканская церковь. — 108.

¹¹ *Схизматиками* (от «схизма» — раскол, ересь) называли лиц, порвавших с господствующей церковью и примкнувших к какому-либо другому религиозному направлению. — 108.

¹² *Диссиденты* — лица, не исповедующие официальную (христианскую) религию. В данном случае — лица, не принадлежащие к господствующей, англиканской, церкви. — 108.

¹³ *Гугеноты* — французские протестанты, кальвинисты (XVI—XVII вв.), подвергавшиеся преследованиям со стороны правительства и католической церкви. — 108.

¹⁴ «Для очищения почек» (лат.). — 111.

¹⁵ *Бейль, Пьер* (1647—1706) — французский философ-скептик, автор «Исторического и критического словаря», в котором просветители XVIII в. черпали материал для критики религии. — 111.

¹⁶ *Катилина, Луций Сергий* (108—62 до н. э.) — политический деятель древнего Рима, руководитель заговора, направленного против сенатского режима, который существовал в Риме в период кризиса республики. — 114.

¹⁷ «Домогающийся чужого и расточающий свое» (лат.). Мандевилль цитирует здесь римского историка Саллюстия, автора работы «О заговоре Катилины». — 114.

¹⁸ «То есть»; «а именно» (лат.). — 114.

¹⁹ «Если мне позволят примеры и т. д.» (лат.). — 116.

²⁰ *Мохер* (mohair) — ангорская шерсть. — 119.

²¹ «В год» (лат.). — 119.

²² «Мое и твое» (лат.). — 122.

²³ «В качестве командира» (фр.). — 125.

²⁴ Речь идет о войнах Англии с Францией, в частности о так называемой войне за Испанское наследство (1701—1714). — 127.

²⁵ Имеются в виду военные действия в период войны за Испанское наследство. — 127.

²⁶ Мандевиль приводит цитату из своей басни «Возронтавший улей...». — 128.

²⁷ «Доспехи, снятые с неприятельского полководца»; «военная добыча» (лат.). — 131.

²⁸ «Сверх того» (лат.). — 133.

²⁹ Обычай в древней Греции, который состоял в изгнании отдельных граждан, опасных для государства, путем тайного голосования, производившегося посредством черепков. — 142.

³⁰ «Каждого влечет свое собственное наслаждение» (лат.). Выражение восходит к римскому поэту Вергилию. «Буколики», II, 65. — 149.

³¹ Стоици — философское направление в древней Греции и Риме, разрабатывавшее преимущественно проблемы морали. — 150.

³² Сенека, Луций Анней (ум. 65 г.) — римский философ-стоик, политический деятель и писатель. — 152.

³³ «Высшее благо» (лат.). Согласно учению стоицизма, высшим благом является добродетель, исполнение долга. — 152.

³⁴ «Чтобы утробе было хорошо» (лат.). — 154.

³⁵ «Необходимо, чтобы ничто не исходило из утробы» (лат.). — 154.

³⁶ Киники — одна из философских школ древней Греции; в центре внимания киников были морально-этические проблемы. — 156.

³⁷ Диоген Синопский (ок. 404—323 до н. э.) — греческий философ, ученик основателя школы киников Антисфена. Диоген отвергал все жизненные удобства и моральные ценности, по преданию, жил в бочке. — 156.

³⁸ Мандевиль имеет в виду римского политического деятеля Марка Порция Катона Младшего (95—46 до н. э.). — 162.

³⁹ Речь идет о шведском короле Карле XII (1682—1718). — 163.

⁴⁰ Мандевиль цитирует главное сочинение Монтеня «Опыты». — 163.

⁴¹ Имеется в виду произведение Бейля «Разные мысли, изложенные в письме к доктору Сорбонны по случаю кометы, появившейся в декабре 1680 года». — 164.

⁴² «Щелок» (лат.). — 166.

⁴³ Пифагор Самосский (вторая половина VI в. до н. э.) — древнегреческий философ, основатель религиозно-философской школы, получившей название по его имени. — 169.

⁴⁴ Пунические войны — войны между Римом и Карфагеном за гегемонию в западной части Средиземного моря (III—II вв. до н. э.). — 170.

⁴⁵ Эзоп (VI—V вв. до н. э.). Полулегендарный греческий баснописец, по преданию — фригийский раб. Эзопу приписывается авторство многочисленных басен сатирического и морально-назидательного характера. — 170.

⁴⁶ Левиафан — морское чудовище, по библейскому преданию (книга Иова), на свете нет ничего сильнее его. Английский философ-материалист Т. Гоббс назвал Левиафаном государство и озаглавил так же свое главное произведение. — 173.

⁴⁷ Мандевиль полемизирует здесь с точкой зрения Декарта, который отрицал наличие у животных психической деятельности. Будучи живыми автоматами, лишёнными души, животные, по Декарту, ничего не сознают и не переживают. — 174.

⁴⁸ *Филипп II* (1527—1598) — испанский король; возглавил католическую реакцию в Европе, проводил политику угнетения в подвластных Испании Нидерландах, что явилось одной из причин нидерландской буржуазной революции XVI в. — 177.

⁴⁹ *Темпл, Уильям* (1628—1699) — английский государственный деятель и писатель. — 180.

⁵⁰ *Ост-Индия* — общее историческое название Индостана, Индокитая и Индонезии, возникшее в XVI в. Торговля с Ост-Индией осуществлялась английскими, голландскими и французскими торговыми компаниями (ост-индские компании). — 181.

⁵¹ Это место из «Басни о пчелах» цитирует К. Маркс в первом томе «Капитала» (гл. XXIII. «Всеобщий закон капиталистического накопления»). См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 628. — 184.

⁵² Это место из «Басни о пчелах» также цитируется в «Капитале». См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 629. — 184.

⁵³ *Людовик XI* (1423—1483) — французский король (с 1461 г.). — 185.

⁵⁴ *Альфонс III* (838—910 или 912) — король Астурии, Леона и Галисии (с 866 г.). Вёл упорную борьбу с арабами (маврами), захватившими в VIII в. большую часть Пиренейского п-ова. — 185.

⁵⁵ *Фердинанд Арагонский* (1452—1516) — король Арагона и Кастилии. — 185.

⁵⁶ *Изабелла*, королева Кастилии (1450—1504), правила с 1474 г. Брак Изабеллы с Фердинандом привел к династической унии Арагона и Кастилии и объединению Испании. — 185.

⁵⁷ *Потоси* — город на юге Боливии. — 186.

⁵⁸ «Гнев есть кратковременное безумие» (лат.). Выражение восходит к римскому поэту Горацию. «Послания», 1, 2. — 195.

⁵⁹ Имеется в виду один из эпизодов истории древнего Рима: знатная римлянка *Лукреция*, обесчещенная сыном римского царя Тарквиния Гордого *Секстом Тарквинием*, покончила самоубийством. Гибель Лукреции послужила поводом к восстанию, завершившемуся изгнанием Тарквиния Гордого и установлением в Риме республики. — 197.

⁶⁰ *Ларошфуко, Франсуа де* (1613—1680) — французский писатель-моралист. В своих «Мемуарах» (1662) и особенно в «Максимах» (1665) подверг острой критике нравы дворянско-буржуазного общества, разоблачая господствовавшие в этом обществе тщеславие, лицемерие, зависть и другие нравственные пороки. — 199.

⁶¹ Мандевиль цитирует сочинение Ларошфуко «Максимы и моральные размышления» (максима № 220). В последнем русском издании «Максим» (М. — Л., 1959) это изречение переведено следующим образом: «Тщеславие, стыд, а главное, темперамент — вот что обычно лежит в основе мужской доблести и женской добродетели» (стр. 42). — 199.

⁶² Речь идет о произведении *Д. Бруно* «Изгнание торжествующего зверя» (1584), в котором подвергалось критике религиозное мировоззрение. — 200.

⁶³ *Ванини, Луччио* (1584—1619) — итальянский философ-пантеист, был казнен в Тулузе по обвинению в ереси и атеизме. Высказывания Мандевилля по адресу Бруно и Ванини были,

безусловно, продиктованы тактическими соображениями, так как отношение самого Мандевилля к религии и церкви было отрицательным, как это следует из многих мест «Басни». — 200.

⁶⁴ *Рочестер* — Джон Вилмот, граф Рочестер (1647—1680) — английский поэт, автор ряда сатирических произведений, любовных и застольных песен. — 204.

⁶⁵ *Ликург* — легендарный законодатель древней Спарты. — 207.

⁶⁶ *Плутарх* из Хероней (ок. 46—126) — древнегреческий историк и писатель-моралист. Мандевиль ссылается здесь (и в других местах своей «Басни») на сочинение Плутарха «Сравнительные жизнеописания», посвященное выдающимся деятелям древней Греции и Рима. — 207.

⁶⁷ *Эпаминонд* (ок. 418—362 до н. э.) — древнегреческий полководец и политический деятель. — 207.

⁶⁸ *Леотихид* — царь и полководец древней Спарты, одержал победу над персидским флотом у мыса Микале (479 г. до н. э.). — 207.

⁶⁹ *Коринф* — один из городов-государств древней Греции. — 207.

⁷⁰ «Неизвестное»; «неоткрытое» (лат.). — 212.

⁷¹ *Антони Эшли Купер*, граф *Шефтсбери* (1671—1713) — английский писатель и философ. Полемика с Шефтсбери по вопросу о природе человека и другим морально-этическим проблемам была в центре внимания Мандевилля. — 215.

⁷² *Драйден*, *Джон* (1631—1700) — английский поэт и драматург, теоретик классицизма. — 219.

⁷³ *Агис II* — царь и полководец древней Спарты, во время Пелопоннесской войны (431—404 до н. э.) командовал войсками Спарты и других греческих городов-государств, воевавших с Афинской морской державой. *Полемархи* — начальники крупных подразделений спартанского войска. — 225.

⁷⁴ *Эврот* — река в Спарте. — 225.

⁷⁵ Имеется в виду первое английское издание «Басни о пчелах» (1714). — 227.

Опыт о благотворительности и благотворительных школах

¹ «Власть пад зверьми» (лат.). — 253.

² Это место из «Басни о пчелах» цитирует К. Маркс в томе I «Капитала» (гл. XXIII). Приведя эту цитату, Маркс пишет: «Мандевиль, честный человек и ясная голова, еще не понимает того, что самый механизм процесса накопления с увеличением капитала увеличивает и массу «трудолюбивых бедняков», т. е. наемных рабочих, которые вынуждены превращать свою рабочую силу в возрастающую силу для увеличения стоимости возрастающего капитала и именно этим увековечивать свою зависимость от своего собственного продукта, персонифицированного в капиталисте» (см. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 629). — 260.

³ «Лечебное вещество» (лат.). — 264.

⁴ «Господин-слуга». Автор этой комедии не установлен. — 276.

⁵ «О вкусах не спорят» (лат.). — 283.

⁶ «За труды боги отдают все». — 285.

⁷ Титул барона *Веруламского* носил английский философ — материалист Ф. Бэкон (1561—1626). Мандевиль имеет в виду сочинение Бэкона «Опыты или наставления нравственные и политические», одна из глав которого носит название «О хитрости». — 287.

⁸ *Город святого Петра* — это название утвердилось за Римом после постройки собора св. Петра, ставшего главным храмом католической церкви. — 288.

⁹ МанDEVиль имеет в виду русского царя Петра I (1672—1725). — 289.

¹⁰ В данном случае МанDEVиль явно преувеличивает степень образованности своих соотечественников, поскольку в условиях существовавшей в XVIII в. в Англии системы образования большинство населения оставалось неграмотным или малограмотным. — 289.

Исследование о природе общества

¹ «Характеристики людей, нравов, мнений, времен» (1711) — это произведение Шефтсбери объединяло все написанные им ранее сочинения по проблемам этики и эстетики. — 290.

² «Прекрасное и честное» (лат.). В этих понятиях Шефтсбери выражал свой нравственно-эстетический идеал. — 290.

³ «Нравственно прекрасное» (гр.). — 291.

⁴ *Хэмптон-корт* (Hampton-Court) — один из лондонских королевских дворцов, был построен в начале XVI в. и являлся резиденцией Тюдоров. — 292.

⁵ МанDEVиль имеет в виду английского философа Д. Локка (1632—1704), который был учителем и воспитателем юного Шефтсбери. — 297.

⁶ Речь идет об Александре Македонском (356—323 до н. э.). — 299.

⁷ *Цицерон, Марк Туллий* (106—43 до н. э.) — римский оратор, политический деятель и писатель. МанDEVиль дает явно идеализированную характеристику Цицерона. — 299.

⁸ «О! Чтобы быть счастливым...» (лат.). — 299.

⁹ Речь идет о *Катоне Младшем*. См. прим. 38 к «Комментариям». Будучи одним из политических противников Юлия Цезаря и вождем республиканцев, Катон покончил жизнь самоубийством в 46 г. до н. э. после того, как Цезарь нанес окончательное поражение сторонникам республики. — 299.

¹⁰ МанDEVиль, очевидно, имеет в виду римского поэта *Горация Флакка* (65—8 до н. э.), которому принадлежат слова: «Ненавижу толпу невежд и держусь от нее вдалеке». — 301.

¹¹ *Бристоль* — портовый город на юго-западе Англии. — 306.

¹² *Собор св. Павла*, построенный в Лондоне в 1675—1710 гг., является главным храмом англиканской церкви. — 315.

¹³ *Елизавета Тюдор* (1553—1603) — английская королева (с 1558 г.), восстановила англиканскую церковь, упразднившую при правлении Марии Тюдор (правила в 1553—1558), преследовала католиков. — 318.

¹⁴ *Кошениль* — общее название нескольких видов насекомых, из которых добывают красную краску — кармин. — 319.

¹⁵ «До бесконечности» (лат.). — 325.

¹⁶ *Бриль* — портовый город в Голландии. — 329.

¹⁷ *Гарвич* (правильнее — Харидж) — портовый город на юго-востоке Англии. — 329.

¹⁸ *Ратисбон* — кельтское название немецкого города Регенсбурга (Бавария). С 1663 по 1806 г. Регенсбург был местом заседаний так называемого постоянного имперского сейма. — 329.

¹⁹ Это место из «Басни о пчелах» цитируется К. Марксом в четвертом томе «Капитала» («Теории прибавочной стоимости»). При этом Маркс пишет: «Уже Мандевиль в своей «Басне о пчелах» (1705) доказывал производительность всех возможных профессий и т. д., и у него уже видна общая тенденция всего этого рассуждения (далее следует цитата из «Басни о пчелах». — *Б. М.*)... Только Мандевиль был, разумеется, бесконечно смелее и честнее проникнутых филистерским духом апологетов буржуазного общества» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 26, ч. I, стр. 394—395). — 329.

Защита книги от клеветы, содержащейся в заявлении большого жюри Мидлсекса и бранном письме лорду С.

¹ *Арианская ересь* — христианско-богословское учение, выдвинутое александрийским священником Арием ок. 318 г. в противовес официальной церковной догме о богочеловеческой природе Иисуса Христа. На Никейском соборе (325 г.) арианство было осуждено как ересь. — 334.

² Ганноверская династия была установлена в Англии в 1714 г. после смерти королевы Анны Стюарт. Первым английским королем из Ганноверской династии стал Георг I (1660—1727). — 335.

³ Называя Мандевилля *Капилиной* (см. прим. 16 к «Комментариям») и *Катоном* автор «бранного письма» хотел оскорбить его и обвинить в злопамеренных целях. — 335.

⁴ Претендентом на английский престол в период царствования Георга I являлся сын Якова II Яков Эдуард, который при поддержке Франции, Испании и католической церкви предпринимал попытки реставрировать власть Стюартов. — 335.

⁵ Имеется в виду тиара — *тройная корона* папы римского, символизирующая его «тройную» власть: как «наместника Христа на земле», как католического первосвященника и как монарха папского государства (в настоящее время — Ватикана). — 336.

⁶ «Кто же так неразумен, чтобы не замечать, что этою волею [богов] столь великая держава была рождена, умножалась и удерживалась?» Цицерон. «Об ответах гаруспиков» (лат.). — 337.

⁷ «В присутствии нас» (лат.). — 338.

⁸ *Высокая и пызкая церковь* — два соперничавших течения внутри англиканской церкви. Странники высокой церкви стремились к максимальному сближению с католицизмом. — 342.

⁹ *Ормонд* — один из старинных и знатных дворянских родов Ирландии. В данном случае, очевидно, имеется в виду Джемс Батлер, герцог Ормонд, вице-король Ирландии. В 1715 г. он был обвинен в государственной измене, лишен титула и звания, поскольку Ормонды считались приверженцами Стюартов. — 342.

¹⁰ Бессмысленный набор слов, абракадабра. — 343.

¹¹ Автор письма цитирует в этом месте заключительную часть произведения Мандевилля «Исследование о природе общества». — 343.

¹² Началом Реформации в Англии, результатом которой явилось отделение англиканства от римско-католической церкви, считается 1534 г., когда король Генрих VIII провел через парламент «Акт о супремации», т. е. верховенстве. Этим актом английский король объявлялся «единственным высшим главой церкви на земле Англии». В годы правления Елизаветы (1558—1603) Реформация в Англии была, в основном, завершена. — 344.

¹³ *Фило-Британус* — буквально «любящий Британию». Подписываясь таким образом, автор «бранного письма» хотел подчеркнуть свою преданность английской короне и английской церкви. — 345.

¹⁴ Мандевиль приводит здесь цитату из своих «Комментариев» к басне «Возроптавший улей...» (см. комментарий 3). — 349.

¹⁵ «Прочь, толпа!» (лат.). — 350.

¹⁶ Мандевиль приводит здесь заключительную фразу из своего произведения «Исследование о природе общества». — 352.

БИБЛИОГРАФИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Б. МАНДЕВИЛЯ

«The Grumbling Hive: or, Knaves Turn'd Honest» (1705).

«The Virgin Unmask'd» (1709).

«A. Treatise of the Hypochondriack and Hysterick Passions» (1711).

«The Fable of the Bees: or Private Vices, Public Benefits» (1714).

«Free Thoughts on Religion, the Church, and National Happiness» (1720).

«A Modest Defence of Public Stews» (1724).

«An Inquiry into the Causes of the Frequent Executions at Tyburn» (1725).

«An Inquiry into the Origin of Honour, and the Usefulness of Christianity in War» (1732).

«A Letter to Dion (Berkeley), Occasion'd by his Book Call'd Alciphron» (1732).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Агис 225
Александр (Македонский) 74, 240
Альфонс III 185
Бейль, Пьер 111, 164
Бруно, Джордано 200
Бэкон, Фрэнсис (Веруламский) 287
Ванини, Лючио 200
Вильгельм III Оранский 285
Гомер 204
Гораций, Флакк 301
Декарт, Рене 174
Диоген (Синопский) 156
Драйден, Джон 219
Елизавета (Тюдор) 318
Изабелла (Кастильская) 185
Кальвин, Жан 107, 318
Катилина, Луций Сергий 114, 335
Катон (Младший) 162, 299, 300, 335
Колумб, Христофор 185
Ларошфуко, Франсуа 199
Леотихид 207
Ликург 207, 225
Лукреция 196
Людовик XI 185
Лютер, Мартин 107, 318
Магомет (эфенди) 201
Медичи, Лоренцо (Великолепный) 74
Монтень, Мишель 46, 163
Петр I (царь Московии) 289
Пифагор (Самосский) 169
Плутарх 207, 225
Рафаэль Санти 292
Рико, Поль 201
Рочестер, Джон Вилмот 204
Сааведра, Диего 185
Сенека, Луций Анней 152
Солон 78
Стил, Ричард 72
Тарквиний, Секст 197
Темплъ, Уильям 180, 184
Фердинанд (Арагонский) 185
Филипп II (Испанский) 177
Цезарь, Юлий 74, 300
Цицерон, Марк Туллий 299
Шефтсбери, Антонн Эшли Купер 215, 290, 291
Эзоп 170
Эпамивонд 207
Эпикур 148
Эразм (Роттердамский) 148

---

* Составлен Б. В. Мееровским.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Мееровский Б. В.</i> Бернард Мандевиль и его «Басня о пчелах»	5
Предисловие	45
Возроптавший улей, или Мошенники, ставшие честными	52
Исследование о происхождении моральной добродетели	64
Комментарии	77
Опыт о благотворительности и благотворительных школах	230
Исследование о природе общества	290
ЗАЩИТА КНИГИ ОТ КЛЕВЕТЫ, СОДЕРЖАЩЕЙСЯ В ЗАЯВЛЕНИИ БОЛЬШОГО ЖЮРИ МИДЛСЕКСА И БРАННОМ ПИСЬМЕ ЛОРДУ С.	331
Приложение	356
Примечания	367
Библиография произведений Б. Мандевля	374
Указатель имен	375

Мандевиль, Бернард

БАСНЯ О ПЧЕЛАХ

Редактор *Л. В. Литвинова*

Младший редактор *Л. И. Сальникова*

Оформление серии *В. В. Максина*

Художественный редактор *С. М. Полесицкая*

Технический редактор *В. Н. Корнилова*

Корректор *Ч. А. Скруль*

Сдано в набор 22 ноября 1973 г. Подписано в печать 22 марта 1974 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская, № 1. Усл. печатных листов
19,74. Учетно-издательских листов 21,02. Тираж 45 000 экз. Заказ
№ 1138. Цена 1 р. 57 к.

Издательство «Мысль».

117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1
«Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при
Государственном комитете Совета Министров СССР по делам изда-
тельства, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136,
Гатчинская ул., 26.

